10
Д 29
Дельбрюк Г.
Истор. военн.
иск-ва. т 7
1939

Г. Дельбрюк

ВОЕНИЗДАТ

Hans Delbrück

Geschichte der Kriegskunst

IM RAHMEN DER POLITISCHEN GESCHICHTE

SIEBENTER TEIL

NEUZEIT

(SCHLUSS)

VON EMIL DANIELS

VERLAG VON GEORG STILKE
BERLIN 1936

40
D29

Ганс Дельбрюк

История военного искусства

В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТОМ СЕДЬМОЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ОКОНЧАНИЕ)

В ИЗЛОЖЕНИИ Э. ДАНИЭЛЬСА

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА 1939

Ганс Дельбрюк

„ИСТОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА В РАМКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ“

ТОМ СЕДЬМОЙ

НОВОЕ ВРЕМЯ

(Окончание)

Перевод с немецкого

Седьмой том труда Дельбрюка написан его продолжателем Эмилем Даниэльсом. Настоящее издание включает первые две части тома, охватывающие события гражданской войны в Северной Америке в 1861—1865 гг.

В основном книга рассчитана на командный и начальствующий состав РККА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Б 81883

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Описание событий гражданской войны в Америке — 1861—1865 гг., занимающее первую и наиболее значительную часть VII тома «Истории военного искусства в рамках политической истории», принадлежит, как и предыдущие два тома (V и VI), перу немецкого буржуазного историка Эмиля Даниэльса — ученика и продолжателя Ганса Дельбрюка.

Издание русского перевода этой работы должно принести пользу нашему читателю, в особенности военному, проявляющему огромный интерес к военной истории. Фактическая сторона событий гражданской войны 1861—1865 гг., имевших, как указывали Маркс и Энгельс, всемирно-историческое значение и представлявших собой борьбу «двух социальных систем,— системы рабства и системы свободного труда» [1], скудно освещена в советской исторической литературе и пока еще вовсе не освещена в нашей военной литературе. Советские читатели знают гениальную оценку этих событий, сделанную Марксом и Энгельсом в ряде их статей и писем [2].

Они знают замечательный анализ стратегических планов и тактики военных действий, данный Энгельсом в его статьях и письмах. Маркс и Энгельс еще в начале гражданской войны выдвигали стратегический план для федеральной армии, которая должна была в силу обстоятельств осуществить этот план в 1864 г. в знаменитом походе Шермана. Вооруженные методом марксизма-ленинизма, знакомые с замечательными работами Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, советские читатели смогут в процессе самостоятельного углубленного изучения труда Даниэльса критически оценить и использовать для правильных выводов тот обширный фактический материал, который собран в этой книге. Выход в свет краткого курса «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», представляющего собой крупнейший вклад в теорию марксизма-ленинизма и дающего, в частности, замечательный анализ войн и военных событий, еще более облегчает эту задачу.

Работа Даниэльса имеет существенные недостатки, о чем не должен забывать наш читатель. Даниэльс уделяет мало внимания политическим событиям и их влиянию на военные события, отрывая тем самым войну от политики, продолжением которой она является. Он не поднимается — и не может подняться — до подлинных научных обобщений, а если и пытается это делать, то главным образом для

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 251.

[2] См. статьи в т. XII, ч. II и т. XIII, ч. I «Сочинений», переписку Маркса и Энгельса и другие их работы.

того, чтобы протаскивать свои весьма и весьма реакционные воззрения. Наконец, Даниэльс сравнительно мало уделяет места развитию военного искусства, перенося центр тяжести на простое описание хода военных действий — походов и сражений. Эти отрицательные стороны исторических работ Даниэльса в еще большей степени проявляются в его книге, посвященной гражданской войне в США в 1861—1865 гг.

Читатель прежде всего должен дать себе отчет об основном содержании событий 1861—1865 гг. Война Соединенных Штатов против отделившихся от них и поднявших мятеж Южных рабовладельческих штатов была войной справедливой, незахватнической. Именно так характеризовал ее Маркс и Энгельс в самый разгар развертывавшихся в Северной Америке событий. «...Война Южной конфедерации, — писал Маркс [1], — является в полном смысле слова захватнической войной за распространение и увековечение рабства»... «...Инициатива войны исходила не от Севера, а от Юга. Север обороняется» [2]. Маркс неоднократно подчеркивал, что «Все движение... покоилось и покоится на *вопросе о рабстве*» [3]. Война велась между рабовладельческим Югом, где господствовало экстенсивное хлопководческое хозяйство, основанное на труде рабов негров, и Севером, где господствовали технически и экономически передовая капиталистическая промышленность и фермерское хозяйство.

Маркс и Энгельс указывали, что, несмотря на нерешительность и колебания федерального буржуазно-демократического правительства, война с самого начала была прогрессивной, ибо она должна была в конце концов привести, и действительно привела, к уничтожению рабства в США, к созданию условий для более быстрого развития производительных сил в стране и к утверждению господства буржуазной демократии. Война ставила преграду завоевательной политике рабовладельцев, стремившихся насадить рабство во всей Центральной и части Южной Америки, обеспечить неограниченную эксплоатацию негров и свободный ввоз их из Африки. Но благодаря конституционному способу ведения войны в 1861—1862 гг. федеральным правительством, война приняла затяжной характер, несмотря на то, что на стороне Севера были материальные преимущества и народный энтузиазм. Маркс и Энгельс справедливо видели единственное спасение США в переходе к революционным действиям. Маркс считал это не только необходимым, но и неизбежным. «Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам...» [4],— писал Маркс в сентябре 1862 г.

Как предсказывал Маркс, федеральное правительство вынуждено было под давлением народных масс и обстоятельств перейти на рубеже 1862 и 1863 гг. от дипломатических методов ведения войны к революционным. Издание прокламации об освобождении негров, введение в действие закона о Гомседах (бесплатных земельных участках), усиление борьбы против предателей и шпионов, переход к системе всеобщей воинской повинности и особенно вооружение негров — были теми революционными средствами, которые обеспечили разгром мятежников и уничтожение рабовладельческой системы в США.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 250.
[2] Там же, стр. 235.
[3] Там же, стр. 243.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXIII, стр. 97.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что буржуазная демократия Соединенных Штатов является несравнимо более передовой, чем тот строй, который стремились установить мятежники в своем рабовладельческом государстве и который уже фактически существовал в Южных штатах. Этот строй Маркс называл господством неограниченной олигархии 300 тысяч рабовладельцев.

В работе Даниэльса мы не найдем правильной оценки основного содержания войны 1861—1865 гг. Даниэльс не дает никакой характеристики общей политической обстановки. Он не показывает, как война началась, какие события ей предшествовали, хотя это имеет первостепенное, принципиальное значение. Даниэльс не считает нужным даже упомянуть о знаменитом американском революционере-аболиционисте (противнике рабства) Джоне Брауне, о вторжении «разбойничьих банд Конфедерации»[1] в штат Кентуки, о не менее разбойничьем налете южан на форт Семтер 12 апреля 1861 г. и других весьма «красочных» событиях того периода. Эти события характеризуют подлую, кровавую агрессию конфедератов, тщетно пытавшихся решить дело сразу, авантюристическим ударом[2]. В изображении Даниэльса, который опускает весь период завязки войны, получается, будто южане в начале войны держались оборонительной тактики, а Север был нападающей стороной.

Даниэльс всячески смазывает различия в политическом строе, а следовательно и в военной организации (несмотря на отсутствие у обеих сторон регулярных армий) Северных и Южных штатов. По его мнению, везде господствовала демократия, и именно она подрывала дисциплину и боеспособность войск обоих противников. Даниэльс пытается изобразить население Южных штатов как какое-то единое целое с едиными устремлениями и не показывает острейших классовых противоречий, которые были не только между владельцами плантаций и неграми, но и между плантаторами и белыми бедняками. Даниэльс вовсе замалчивает многочисленные восстания негров, подрывавших тыл конфедератов, хотя известно, что революционная активность негров на Юге, так же как и участие свыше 180 тысяч негров в войсках федерации, оказали немалое влияние на исход войны в пользу восстановления Союза.

В очень многих местах книги Даниэльса сказывается определенное сочувствие его мятежникам; в частности, он чрезмерно восхваляет военные способности полководцев конфедерации, раздувает и прикрашивает их победы. Характерно, однако, что факты заставляют Даниэльса признать рост дезертирства в войсках южан и другие явления разложения вооруженных сил конфедерации. Реакционное лицо Даниэльса резко сказывается в его характеристике деятельности вождей республиканской партии Соединенных Штатов и особенно президента федерации Авраама Линкольна. Известно, что руководимый Марксом I Интернационал в двух своих обращениях — после переизбрания Линкольна президентом и после его убийства агентом рабовладельцев Бутсом — приветствовал Линкольна как «честного сына рабочего класса», на которого «пал жребий провести свою страну сквозь беспримерные бои за освобождение порабощенной расы»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 248.
[2] Там же, стр. 331.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 22.

Даниэльс не дает правильного освещения предательской политики сторонников партии «демократов» в Северных штатах, которых он упорно величает «пацифистами», хотя они играли наруку агрессивной захватнической политике южан. Маркс и Энгельс как раз особенно подчеркивали, что успех стал склоняться на сторону федерации после того, как Линкольн удалил лидера Северных «демократов» генерала Мак-Клеллана и провел решительную чистку армии от предательских элементов, таких, как Мейнар, Джоэс и им подобные. В этом отношении, как и во многих других, уроки американской гражданской войны 1861—1865 гг. чрезвычайно поучительны и сохраняют свою актуальность до наших дней!

Даниэльс упоминает, что в войсках северян сражалось много добровольцев-эмигрантов, главным образом ирландцев и немцев, но дает этому интереснейшему историческому факту совершенно превратное истолкование.

По Даниэльсу, выходит, что эмигранты шли в федеральную армию только потому, что не могли найти другой работы, или потому, что не владели английским языком (немцы). Мы же знаем, что в унионистских войсках добровольно проливали свою кровь за дело освобождения рабов многочисленные политические эмигранты, которые еще в Европе доказали свою ненависть ко всякому порабощению и эксплоатации человека человеком.

Даниэльс не может скрыть того факта, что английский рабочий класс был решительным противником рабства и конфедерации мятежников. Но он не показывает, что именно резко отрицательное отношение английского народа к рабовладельческой системе не позволило правительству Великобритании начать интервенцию против Соединенных Штатов.

Имеется еще много других искажений, ошибок и «неточностей» в изложении Даниэльса. Но критическое отношение к изучаемому материалу поможет читателям извлечь много полезного для себя из описываемых автором фактов, которые в большинстве случаев достаточно красноречиво говорят сами за себя.

Даниэльс отмечает немало интересного в новой тактике боевых действий, зарождавшейся в войне 1861—1865 гг. и во многом предвосхищавшей дальнейшую эволюцию военного искусства: рост действительности пехотного и артиллерийского огня; необходимость применения пехоты к местности и соответствующего изменения боевых порядков; исключительная важность маскировки (в частности, непригодность пестрых мундиров); огромное значение полевых укреплений и целых укрепленных позиций; значение совместных действий сухопутных войск с морским флотом и речными флотилиями; зарождение бронированного морского флота; значение железных дорог и телеграфа и т. д.

Гражданская война 1861—1865 гг. чрезвычайно наглядно показала значение экономического фактора и решающую роль привлечения к участию в войне широчайших народных масс. Книга Даниэльса,— часто против воли ее автора, — содержит материал для выяснения и этой стороны дела.

В заключительной главе книги Даниэльс, в сущности, обрывает свое изложение, не давая анализа политических и военных итогов войны. Правда, как и в заключительной главе VI тома, Даниэльс предостерегает «людей, стоящих у кормила власти», от недооценки уро-

ков истории. В VII томе он предостерегает от недооценки реальной и потенциальной мощи военных сил, «существующих где-либо на земном шаре», и, в частности, от недооценки мощи северо-американской демократии.

О революционизирующем значении гражданской войны 1861—1865 гг. писал Маркс в предисловии к I тому «Капитала»: «Подобно тому, как американская война XVIII столетия за независимость прозвучала набатным колоколом для европейской буржуазии, так по отношению к рабочему классу Европы ту же роль сыграла американская гражданская война XIX столетия» [1].

Вот почему Государственное военное издательство, несмотря на указанные недостатки работы Даниэльса, считает необходимым ознакомить советского военного читателя с богатым фактическим материалом о гражданской войне в Америке, собранным в данной книге.

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г.

НОВОЕ ВРЕМЯ

(ОКОНЧАНИЕ)

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1861—1865 гг.

Глава I

Развертывание армий на главном театре военных действий в Виргинии

Первое сражение при Буль-Рён (21 июля 1861 г.).—Бои в Западной Виргинии до конца 1861 г. и стратегия конфедератов в противоположность „войне на истощение“ унионистов

В ДВУХ ТОМАХ военной истории, которые я написал до настоящего времени[1], я говорил о действиях постоянных армий. Россия, Англия, Австрия, Франция, Пруссия посылали на поля сражений войсковые части, которые существовали, хотя бы в неразвернутом виде, еще в мирное время. К другому типу относились лишь levée en masse (поголовное ополчение) Гамбетты. В последующих главах будет изображена борьба двух больших армий, в мирное время совершенно не существовавших, почти все войсковые подразделения которых были созданы лишь с началом войны. Милиционные армии были всегда мощным двигателем истории. Без народного ополчения древних греков Европа была бы порабощена Азией и развитие европейской культуры стало бы невозможным. Милиционные армии римлян объединили Италию и создали основу Римского государства; милиция швейцарцев нанесла средневековому феодализму смертельный удар и дала толчок к развитию европейского военного дела.

[1] Т. е. тома V и VI общего труда Дельбрюка — Даниэльса.— *Ред.*

Милиционные армии американцев также запечатлели свои деяния на скрижалях истории. Их борьба с английской метрополией послужила введением к исторической эпохе революций.

В век изобретений в Европе повсеместно прекратилась наследственная крепостная зависимость. Но и тогда рабство еще не исчезло окончательно. Американская гражданская война и ее результаты помогли искоренению этого института. Во время этой войны милиционные армии сражались с удивительным бесстрашием. Из их недр вышли выдающиеся полководцы. Они создали новые тактические формы, которые могли бы быть с пользой применены уже в 1866 и 1870—1871 гг. и которые во время мировой войны вытеснили традиционные методы боя. Несмотря на это, нельзя серьезно говорить о равноценности милиционных армий постоянным войскам; каждая страница моего труда, я полагаю, послужит опровержением этого мнения.

Есть несколько немецких трудов, посвященных американской гражданской войне; литература на английском языке по этому вопросу, естественно, еще богаче. По заданию американского правительства была составлена огромная по объему и богатству содержания работа по первоисточникам. Вся эта литература, однако, принадлежит преимущественно перу военных, и хотя наряду с этим некоторые одаренные и заслуженные историки, главным образом американской национальности, дерзнули заняться этим предметом, — все же, думается мне, есть еще место для попытки дать очерк гражданской войны.

Когда началась война, генералы как Севера, так и Юга всю первую четверть года усиленно работали над созданием и обучением войсковых частей. Юг, где господствовала всего лишь одна партия, именно военная партия, готов был предоставить своему правительству время для организации сильной армии, занимаясь пока лишь обороной. Наоборот, демократических и республиканских политиков Севера охватило нетерпение, а пресса заявляла, что она хочет, наконец, видеть действия. В результате, президент Линкольн принужден был предписать генералам, возглавлявшим войска на границе Виргинии, взять на себя инициативу и вторгнуться в пределы враждебного штата. Этот штат прикрывался конфедератскими войсками, и, таким образом, к середине июля 1861 г. можно было ожидать боев на линии, простирающейся от Александрии до Паркерсбёрга. На этом обширном пространстве были расположены отдельными частями только 63 000 унионистов (северян) и 45 000 конфедератов (южан) [1].

Операции начались в Западной Виргинии, лежащей между горами Аллехени и р. Охайо. Этот штат, величиной приблизительно с Голландию и Бельгию, в 1870 г. обладал населением всего лишь в 335 000 человек против 9 млн. народонаселения, насчитывавшихся тогда в обеих упомянутых странах. В противоположность Виргинии, расположенной к востоку от Аллехенских гор и р. Охайо, Западная Виргиния сочувствовала унионистам. Явившийся с востока с 5-тысячным отрядом конфедератский генерал Гарнет, перейдя через Аллехенские горы, смог завербовать в свое войско всего-навсего трех рекрут. Население оказывало помощь его унионистскому противнику ген. Мак-Клеллану,

[1] Цифры неточны и должны лишь дать представление о положении. Их все же следует предпочесть обычно упоминаемым более высоким цифрам.

доставляя ему ценные сведения о местности. Мак-Клеллан располагал, к тому же, тройным численным превосходством над противником. Однако, он не доверял своим молодым войскам и вел войну с чрезмерной осторожностью, в результате чего победа ему далась нелегко. Наконец, к середине июля отряд Гарнета был все-таки уничтожен.

Сообщение об этом укрепило президента южных конфедеративных штатов Америки, Джефферсона Дэвиса, — военного по профессии, состоявшего одновременно и главнокомандующим вооруженными силами Юга, — в его отрицательном отношении к преждевременному наступлению. Создание благоприятных для Конфедерации условий плодотворного наступления требовало, по мнению Дэвиса, не только дальнейшего усиления вооружений Южных штатов. Президент считал, что к этому следует, прежде всего, добавить глубокое вторжение противника на территорию Конфедерации, для того чтобы вызвать ослабление унионистских вооруженных сил необходимостью охранять более длинные коммуникационные линии. Уравнение таким путем размеров вооруженных сил являлось, по мнению Дэвиса, необходимой предпосылкой победоносного наступления. Это было бы стратегическим приемом, аналогичным тому, который был применен русскими в 1812 г., — правда, без обширных пространств русского государства. Чтобы уравнять шансы, такие пространства, впрочем, и не понадобились бы. Хотя столица Конфедерации Ричмонд отстояла от границы Союза на расстоянии 150—160 *км*, но даже для прикрытия сообщений и на таком сравнительно небольшом протяжении унионисты были бы в течение долгого времени еще слишком слабы. Стратегические расчеты Джефферсона Дэвиса были, таким образом, спорны с военной точки зрения, политическая же власть президента все же была далеко недостаточной для того, чтобы убедить своих соотечественников в допустимости оставления без борьбы обширных областей. Считаясь с этим обстоятельством, Дэвис приспособил к нему свою стратегию. Его хорошо осведомленные шпионы в Вашингтоне сообщили ему в середине июля о том, что в ближайшее время противник намерен предпринять генеральное наступление. Вслед за этим президент приказал командующему главными силами Южных штатов генералу Борегару упорно защищать границу. Борегару было предложено использовать удобную позицию за линией потока Буль-Рён. Основываясь на этом, генерал решил построить укрепленный лагерь у железнодорожной станции Манассас. Это, однако, не так легко было осуществить с его недисциплинированной милицией. Белое население Южных штатов было своего рода массовой аристократией, со всеми привычками и предрассудками последней. Многие солдаты привезли с собой в лагерь чернокожих денщиков и большой багаж, и вся армия единодушно заявила, что она готова проходить военное обучение, но что рыть окопы — ниже ее достоинства. Такое пассивное сопротивление нельзя было сразу преодолеть, и земляные работы у Манассаса пришлось выполнить силами негров.

Кроме армии Борегара, конфедератам пришлось выставить на границе Виргинии еще и отдельный корпус. Применяя также невольничий труд, корпус этот при помощи кирки и лопаты укрепился у Винчестера в долине Шенандоа. Им командовал генерал Джозеф Джонстон. Винчестер находился в расстоянии около 100 *км* от ставки Борегара — Манассаса. Между обеими армиями возвышалась горная цепь Блу-Ридж, преодолевать которую можно было через различные

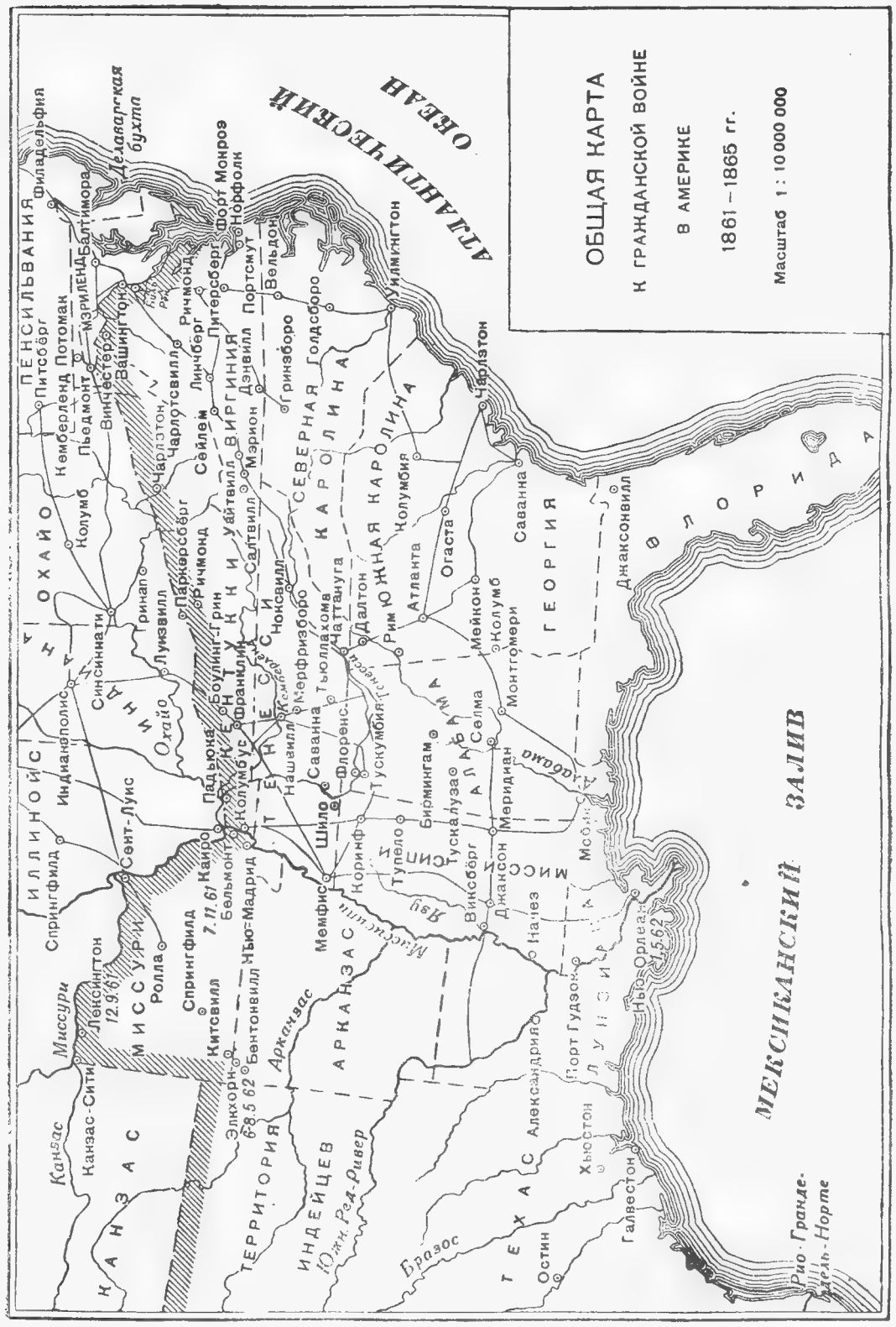

ОБЩАЯ КАРТА
К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
В АМЕРИКЕ
1861–1865 гг.
Масштаб 1 : 10 000 000
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
ПЕНСИЛЬВАНИЯ
ОХАЙО
ИЛЛИНОЙС
ИНДИАНА
МИССУРИ
КАНЗАС
ТЕРРИТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ
АРКАНЗАС
ТЕННЕССИ
МИССИСИПИ
АЛАБАМА
ДЖОРДЖИЯ
ЮЖНАЯ КАРОЛИНА
СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА
ВИРГИНИЯ
ТЕХАС
ЛУИЗИАНА
Филадельфия
Питсбёрг
Кемберленд Потомак
Пьедмонт
Балтимора
Делаварская бухта
Вашингтон
Мэриленд
Вирджиния
Винчестер
Форт Монроэ
Норфолк
Ричмонд
Питерсберг
Чарлстон
Чарлстонвилл
Сейлем
Линчберг
Дэнвилл
Портсмут
Вельдон
Гринзборо
Голдсборо
Уилмингтон
Колумбия
Чарлстон
Саванна
Колумб
Огаста
Атланта
Мейкон
Монтгомери
Джексонвилл
Колумбус
Цинциннати
Гринап
Луизвилл
Паркерсберг
Ричмонд
Уайтвилл
Салтвилл
Мэрион
Ноксвилл
Мерфризборо
Чаттануга
Далтон
Рим
Индианаполис
Спрингфилд
Сент-Луис
Колумб
Пьедмонт
Винчестер
Чарлстон
Сейлем
Линчберг
Дэнвилл
Портсмут
Вельдон
Гринзборо
Голдсборо
Уилмингтон
Колумбия
Чарлстон
Саванна
Огаста
Атланта
Мейкон
Колумб
Монтгомери
Джексонвилл
Миссури
Канзас-Сити
Ленсингтон
12.9.61
Ролла
Спрингфилд
7.11.61
Кайро
Бельмонт
Китсвилл
Элкхорн
68.5.62
Бентонвилл
Нью-Мадрид
Колумбус
Франклин
Бовлинг-Грин
Падьюка
Нашвилл
Саванна
Шило
Флоренс
Тускумбия
Тьюллахома
Мемфис
Коринф
Тупело
Бирмингам
Тускалуза
Селма
Мериден
Виксбёрг
Джексон
Мобил
Натчез
Порт Гудзон
Ньо-Орлеан
15.6.62
Александрия
Хьюстон
Галвестон
Остин
Бразос
Рио-Гранде
Ньель-Норте
Канзас
Миссури
Арканзас
Южн. Ред-Ривер
Теннесси
Мемфис
Огайо
Миссисипи

Схема 1.

перевалы и которая, вообще говоря, не являлась сколько-нибудь значительным препятствием для военных операций.

Главные силы унионистов, противостоявшие Борегару, возглавлялись ген. Мак-Доуэллом. У него было 35 000 чел. против 23 000 чел. Борегара. Получив 17 июля в Ричмонде от Борегара телеграмму о том, что его противник начал наступление на Буль-Рён, Дэвис вынужден был поразмыслить, не лучше ли, учитывая неблагоприятное соотношение сил, отвести назад Потомакскую армию (так назывались вооруженные силы Борегара), если только нет способов ее усилить. В качестве паллиатива президент дал Джонстону директиву присоединиться к Борегару, если он сочтет это целесообразным. Войска Джонстона, носившие название армии Шенандоа, насчитывали около 14 000 чел., а его противник ген. Паттерсон располагал равными силами [1]. Все же Паттерсон обладал чувствительным перевесом благодаря хорошему оснащению своих войск, в то время как армия Шенандоа терпела сильную нужду во всех видах боеприпасов. Юг, бедный как мелкими, так и крупными средствами производства, не мог снабдить армию Шенандоа даже достаточным количеством шанцевого инструмента, который был так необходим для быстрого завершения укрепления Винчестера. 5 000 чел. армии Джонстона были взяты из состава милиции, тех полицейских отрядов, которые существовали и существуют во всех штатах. Джонстон не мог снабдить свою милицию патронами, а только лишь порохом и свинцом, тем не менее он решился оставить против Паттерсона только ненадежные войска, а главные силы армии Шенандоа отвести через горную цепь Блу-Ридж к Буль-Рён.

Когда он вступил в соприкосновение с Борегаром, для того чтобы установить конкретные условия объединения, последний развил очень смелый, но весьма многообещающий план. Борегар предложил, чтобы армия Шенандоа не смыкалась непосредственно с Потомакской армией, но чтобы она, отойдя через перевал Манассас, описала полукруг, а затем двинулась по шоссе по направлению к Алди и далее к Фэрфекс-Инн. Таким образом, армии Шенандоа удалось бы зайти в тыл врагу, штаб-квартира которого должна была находиться в Сентревилле. Потомакская армия должна была спокойно дожидаться у Манассаса момента, когда она услышит орудийный гул сражения между армией Шенандоа и Мак-Доуэллом. После этого Потомакская армия выступит, унионисты окажутся между двух огней и будут уничтожены.

Борегар надеялся, что благодаря такому правильному разделению сил, 31 000 конфедератов против 35 000 унионистов выиграют кампанию, а может быть, решат судьбу войны. Для этого, конечно, требовалось не только правильное распределение сил, но и своевременное взаимодействие вооруженных сил конфедератов. План Борегара предоставлял Мак-Доуэллу внутреннюю операционную линию и подвергал 9 000 чел. армии Шенандоа в тылу главных сил унионистов риску величайших опасностей. Взаимодействие разобщенных частей армии — очень трудное дело. Орудийный гул не всегда слышен. Неблагоприятные случайности и ложные сообщения могут сыграть роковую роль. Если бы Борегар считал, что какие-либо причины препятствуют ему

[1] См. «The War of Rebellion», серия 1-я, том II, стр. 187. Доклад ген.-майора Паттерсона от 28 июля.

своевременно притти на помощь армии Шенандоа, то был бы уничтожен не Мак-Доуэлл, а Джонстон. Решать должен был Борегар, ибо старшинство в чине принадлежало ему и после объединения армий высшее командование перешло бы в его руки. Если бы вместо Джонстона армией командовал самый решительный из подчиненных ему генералов, Джексон, план Борегара был бы, вероятно, принят и выполнен. Год спустя, перед вторым сражением при Буль-Рён, Джексон действительно зашел в тыл унионистам и создал, таким образом, предпосылку для тяжелого поражения противника. Джонстон, однако, уступал по своим качествам Джексону. Он отклонил наступление с двух сторон и направил армию Шенандоа непосредственно на соединение с левым крылом Потомакской армии. Джонстон отверг предложения Борегара еще в одном пункте. Борегар, одаренный способностью самостоятельного мышления, хотел, чтобы армия Шенандоа была отправлена из Винчестера до Манассаса по железной дороге. Это была новая и, как показал ход американской и всеобщей военной истории, очень плодотворная мысль. Уже в 1859 г. обе воюющие стороны воспользовались железной дорогой, но лишь для стратегического сосредоточения и в качестве базы; при этом считали, что для передвижения войск в самом районе операций нельзя пользоваться железной дорогой. Такого мнения придерживался и Джонстон, 54-летний кадровый офицер, находившийся целиком под влиянием французских военных теорий; по его предписанию армия Шенандоа проделала свой фланговый марш вправо походным порядком. Армия конфедератов состояла из добровольцев, призванных после начала военных действий, в середине апреля, и, таким образом, находившихся под знаменами не более четверти года. Кадров, в которые вливались бы эти рекруты, не существовало. Вследствие этого 30-километровый поход был совершен армией Шенандоа со скоростью, которая, по мнению командования, равнялась черепашьей. Ночью войска, расположившиеся на отдых вблизи железнодорожной станции Пьедмонт, были настолько истощены, что на сторожевое охранение, поскольку оно вообще было выставлено, совершенно нельзя было полагаться. Поэтому Джексон, командовавший бригадой, бодрствовал всю ночь.

Наученный этим опытом Джонстон счел благоразумным последовать совету Борегара. Он приказал провести дальнейшее продвижение пехоты по железной дороге, предоставив только кавалерии и артиллерии двигаться походным порядком. Американские железные дороги того времени были, разумеется, весьма примитивны. В мирное время в военном министерстве и военной академии Вест-Пойнта, с европейской точки зрения, не существовало ничего похожего на изучение полевого железнодорожного дела, поэтому перевозка пехоты Джонстона протекала медленно. Расстояние не превышало 50 *км*, и переброска 8 000 человек продолжалась целых 2½ дня. Следует, однако, иметь в виду, что во время войны 1870 г. доставка из Руана в Амьен по железной дороге, — правда, на враждебной территории, — гораздо меньшего количества пехоты продолжалась не менее 4 дней. Таким образом, достижение армии Шенандоа, первое в этом роде в истории, все же является достойным внимания. При дальнейшем течении войны американские власти, в особенности Севера, добились крупных решающих достижений в новой области железнодорожно-политической деятельности[1].

[1] «The War of Rebellion», серия 1-я, т. II, стр. 317. Доклад от 4 августа 1861 г.

Одна из «пробок», замедлявшая продвижение пехоты Джонстона, была столь значительна, что 3 батальона принуждены были решиться на продолжение перехода походным порядком. Этот досадный эпизод, как это часто бывает с превратностями войны, был приписан предательству. Как для конфедератов, так и для унионистов выигрыш времени был чрезвычайно важен; для одних — чтобы не быть разбитыми порознь, для других — чтобы не допустить объединения противника. Но и в армии Мак-Доуэлла наступательное движение натолкнулось на большие внутренние затруднения. Она точно так же состояла из добровольцев, которых не представилось возможным влить в кадры и передать на выучку подготовленному инструкторскому персоналу. Мак-Доуэлл мог бы достичь Буль-Рёна и атаковать Потомакскую армию уже в тот день, когда армия Шенандоа была только посажена в вагоны у Пьедмонта, если бы только пехота унионистов была способна проделать переход в 20 *км;* но после 10 *км* у большей части солдат оказались больные ноги. «Люди, — заявил сам Мак-Доуэлл, — не привыкли к походу, их тела не подготовлены к такого рода работе и даже не были приспособлены к тяжести так называемой легкой походной выкладки [1].

Обоз, как и вообще вся армия, был кое-как импровизирован. Повозки, лошади, повозочные — все это не было слажено, вследствие чего колонны проявляли чрезвычайную неповоротливость. В результате, в лагере стал ощущаться недостаток продовольствия, и Мак-Доуэлл, считаясь с высокими требованиями своего состава в области питания, счел необходимым сперва устранить этот недостаток, прежде чем двинуть свои войска на противника. В ожидании доставки провианта было потрачено 24 драгоценных часа, в течение которых у противника армия Шенандоа по железной дороге подвозилась к Манассасу.

Во время этой задержки решительных действий произошел бой, который, будучи сам по себе незначительным, дал мыслящим офицерам армии унионистов возможность сделать немаловажные выводы. Одна унионистская дивизия получила от командующего приказ произвести разведку местности у Буль-Рёна. Она обнаружила за рекой на сильных позициях довольно значительные силы противника. К их числу принадлежало также несколько батарей, скрытых в глубине девственного леса и незамеченных унионистами. Эти силы были выстроены по схеме, которую Наполеон III, базируясь на своем опыте в кампании 1859 г., признавал классической, а именно — попеременно развернутым строем и сомкнутыми колоннами, лишь с небольшим количеством стрелков, рассыпанных в цепи [2]. Один из унионистских батальонов, построившийся в линию, попал под перекрестный огонь упомянутых скрытых батарей. При численном составе в 550 чел. он потерпел сравнительно незначительный урон в 34 чел., но и этого было достаточно, чтобы вызвать стремительное бегство. Учитывая явную неустойчивость своей пехоты, американские военные стали сомневаться в приемлемости сомкнутых построений для армий Нового Света. Такие построения изучались в Военной академии Вест-Пойнта, так как там господствовало влияние европейских образцов, несмотря на совершенно иной опыт прежних походов на своем собственном

[1] «The War of Rebellion», серия 1-я, т. II, стр. 317. Доклад от 4 августа 1861 г.
[2] См. т. V, стр. 404 (русск. пер., т. V, стр. 282).

континенте. Французская тактика считалась классической. Однако, бой у Блэкберн-Ферри 18 июля 1861 г. дал уже ясное указание на то, что практика войны пойдет не по пути, начертанному чуждой действительности теорией Вест-Пойнта.

Утром 31 июля, в воскресенье, армия унионистов подошла, наконец, к северному берегу Буль-Рёна [1], и Мак-Доуэлл поместил свою главную квартиру в группе домов, расположенных в девственном лесу и носивших название Сентревилл. Войска были удовлетворены обилием продовольствия, и унионистскому полководцу казалось, что ничто не сможет воспрепятствовать выполнению его плана сражения. Этот план состоял в охвате левого фланга противника. Все же в последний момент для унионистской армии создалась угроза потери неоценимого оперативного преимущества — инициативы. Джонстон и Борегар, объединение которых можно было считать завершенным, со своей стороны хотели атаковать противника на рассвете. Относительно направления наступления оба полководца держались разного мнения, — разногласие, в котором отражалось различие их характеров. Наиболее предприимчивым из них был Борегар. Он хотел использовать то обстоятельство, что к северу от Буль-Рёна находилось некоторое количество удобопроходимых дорог, и предложил, чтобы армия направила по каждой из четырех дорог по одной колонне. Таким образом, он рассчитывал правофланговой колонной достичь Фэрфекс-Инн в тылу у унионистов, на дороге в Александрию — порт на Потомаке, на который базировался Мак-Доуэлл.

В Америке следовало отнести Борегара к числу мыслителей, идущих своими собственными путями. Джонстон его не понимал. Он отклонил продвижение правого крыла до Фэрфекс-Инн и предложил, чтобы армия в сомкнутом боевом порядке продвигалась к Сентревиллу. Обход в лучшем случае превратился бы в охват, что являлось менее рискованным, но, с другой стороны, обещающим менее значительные результаты.

Штабные офицеры американской армии, вышедшие по большей части из милиции, — этой организации мирного времени для полицейских целей, отдельной для каждого штата,— были особенно неудовлетворительны. Неудивительно поэтому, что конфедератам пришлось сперва устранить у себя разного рода непорядки, прежде чем начать наступление на Сентревилл. На это потребовался срок, и полководцы тем временем с тревогой наблюдали за густыми облаками пыли, подымавшимися в северо-западном направлении. Не была ли это, чего доброго, армия Паттерсона, которая подходила следом за Потомакской армией? Это грозило бы конфедератам наихудшими последствиями, потому что в этом случае, располагая всего 30 000 с небольшим человек, они были бы с двух сторон атакованы почти 50 000 унионистов. Все же Джонстон и Борегар отбросили это опасение и к 11 час. создали себе другое представление о положении. Они правильно установили, что им придется иметь дело только с армией Мак-Доуэлла, но что последняя уже осуществляет охват их левого фланга. Отсюда и облака пыли!

Джонстон решил с этого момента отказаться от инициативы и приготовился только к обороне. Он приказал армии переменить фронт,

[1] См. схему 5, стр. 84.

чтобы принять удар противника. Левое крыло конфедератов заняло позицию, образовавшую изогнутую линию по отношению к правому крылу; он отказался при этом использовать Буль-Рён в качестве прикрытия и нашел себе на окружающей местности новый опорный пункт на возвышенностях у Юнгс-Бранча, притока Буль-Рёна. Действия штабных офицеров были неудовлетворительны и при выполнении этого маневра, в результате чего отдельные бригады достигли указанных им позиций с опозданием, и притом со значительными промежутками во времени.

Стояла палящая жара. Пехоте Мак-Доуэлла пришлось оставаться на ногах в течение 13 часов. Это было слишком много для необученных войск. О том, каков был дух этого неспаянного дисциплиной ополчения, показывает следующий эпизод. Один пенсильванский добровольческий батальон и одна Нью-йоркская милиционная батарея заявили, что их контракты истекли и что они должны быть отпущены. Командующий и находившийся в данный момент при армии военный министр уговаривали войска остаться под знаменами хотя бы один этот день, но как раз этот день не обещал им, повидимому, ничего хорошего, пожалуй еще меньше, чем день сражения под Блекберн-Ферри, где эти части получили боевое крещение, неблагоприятно повлиявшее на их моральное состояние[1]. У Буль-Рёна уже стал раздаваться грохот орудийных выстрелов, а они покинули фронт и отправились по домам. Они были уверены в своей безнаказанности; ее обеспечивала система двух политических партий и свободомыслие демократической оппозиции, противопоставленное республиканскому правительству, не располагавшему единством даже в своих собственных рядах.

Характерен следующий приказ командующего, рисующий военную незрелость армии: «Надлежит приложить все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать отставанию. Никто не должен оставлять рядов без специального разрешения». Настойчивые призывы главнокомандующего к ускорению движения и сохранению порядка соответствовали обстановке. Для унионистов каждые четверть часа все еще имели огромное значение. Мы ведь видели, как медленно проходило захождение фланга конфедератов. Однако, когда одна из унионистских дивизий подошла к броду, где она должна была перейти Буль-Рён, войска самовольно устроили привал, чтобы утолить жажду; вообще отсутствие маршевой дисциплины затянуло охват противника на целые часы. За день до сражения было роздано на три дня продовольствия; во время марша солдаты его побросали, чтобы облегчить себе движение. Есть, несомненно, доля правды в сообщении одного из батальонных командиров после сражения о том, что подход к месту сражения привел войска в состояние, совершенно непригодное для боя. Все же к этому заключению следует отнестись критически. Развертывание было проведено хоть и с огромной потерей времени, но все же в некотором порядке. Командованию конфедератов положение их армии, застигнутой во время перемены фронта, представлялось критическим. «Унионисты, — говорит Борегар, — создали действительно устрашающий боевой порядок в форме полумесяца... Леса и поля были заполнены массой пехоты и тщательно оберегаемой кавалерии. Это было поистине великолепное, хоть и страшное зрелище, когда с высот, на

[1] См. «Battles and Leaders» («Сражения и полководцы»), т. I, стр. 178.

которых находились его главные линии, противник двинул вперед целую тучу стрелков».

В своем изображении битвы при Каннах Полибий говорит о том, что боевой порядок карфагенян имел форму полумесяца. В расположении унионистов под Буль-Рёном Борегар усмотрел ту же фигуру.

«Следует очень остерегаться, — замечает Дельбрюк в своей истории военного искусства древнего периода[1], — слишком поддаваться очарованию такой картины, как это случилось с самим Полибием... При наступлении изогнутые линии образуются чрезвычайно легко, но это не формы тактического продвижения, а лишь их искажение...». Поверхностно обученная милиция Мак-Доуэлла, так же как недисциплинированные кельты и иберийцы Ганнибала, не могли держать направления. Когда они приблизились к противнику, беспорядок еще увеличился вследствие специфического характера американской местности. Виргиния представляла собой девственный лес с чрезвычайно густым подлеском; поляны были заняты не деревнями, а лишь отдельными фермами. Так, в сражении у Буль-Рёна шел бой за фермы некоего Догана, вдовы Генри и вольноотпущенного негра Робинсона. Вокруг немногих пашен, прилегавших к фермам, высился везде девственный лес. Тем самым характер местности резко отличался от условий европейского театра. В европейских условиях возникла теория Наполеона III, что батальоны следует располагать попеременно в развернутом и сомкнутом строю и что большое количество стрелков бесполезно. В резком противоречии с этими теориями в лесах у Буль-Рёна батальоны сами превращали свои развернутые и сомкнутые построения в стрелковые цепи. Бой европейской пехоты в сомкнутых построениях требовал участия артиллерийского огня, но применить этот род войск в девственном американском лесу было труднее, чем в Старом Свете, где местность носит относительно открытый характер. При Буль-Рёне в конце концов повторился в большем масштабе опыт, проделанный ранее при Блекбёрн-Ферри. В одной прусской памятной записке 1800 г. указывается, что «прусский пехотинец теряет в бою присутствие духа, когда видит, что лишен опоры сомкнутого строя, в то время как французский стрелок, лишенный привычной защиты своих изгородей, канав, ям и пр., решит, что ему ничего другого не останется делать, как удрать к этим закрытиям и искать их защиты... Каждому роду опасности соответствует особый род мужества. Голландец не может понять, как можно вверить свои кости необузданному нраву дикого коня, зато он совершенно спокойно плавает по бурным волнам океана...».

Американская милиция отличалась не меньшим мужеством, чем армия французской революции; цифры потерь, приводимые в этой книге, это докажут, потому что они ни в коем случае не могут быть отнесены только за счет того, что войска лишь постепенно приучались пользоваться прикрытиями, — они должны быть отнесены и за счет их героизма. Но американская пехота была менее спаяна, чем французская в 1800 г. Ее характеру соответствовал бой в рассыпном строю; это совершенно ясно выявилось в бою у Буль-Рёна. Вся пехота обеих сторон стремилась использовать, в целях прикрытия от неприятель-

[1] Ганс Дельбрюк, «История военного искусства в рамках политической истории», т. I.— *Ред.*

ских пуль, каждое, хотя бы самое незначительное, преимущество местности: складки местности, группы деревьев, редкие заборы у ферм и пр. Так сложилась форма боя, до тех пор небывалая в истории. В Америке этот метод укоренился со времен войны за независимость и Мексиканской войны, но только в результате применения его крупными массами пехоты, как это имело место в войне 1861—1865 гг., он получил свое истинное историческое значение.

Если центр тяжести пехотного боя и переместился от сомкнутых построений к отдельным бойцам, то все же оставалась необходимость подчинить общим тактическим задачам этот необозримый хаос отдельных схваток. Сражением надо было руководить, «и он указывал ужасной битве, где ей свирепствовать»; это, говоря словами Аддисона, попрежнему продолжало оставаться задачей полководца. В редких случаях наступающий сможет попытаться прорвать расположение противника, чаще всего он должен, смотря по обстоятельствам, добиваться обхода или охвата. У Буль-Рёна положение было следующее: оба крыла расположения конфедератов образовывали угол, и перед Мак-Доуэллом стояла лишь задача прорыва противника, потому что унионистский полководец считал вершину этого угла слабым местом в расположении противника. Пехота унионистов насчитывала 29 000 чел.; пехота конфедератов была несколько сильнее, но едва превышала 30 000 чел. При приблизительно равных силах прорывы фронта, при наличии благоприятных обстоятельств, вполне допустимы. В противоположность большинству других столкновений в этой войне, местность у Буль-Рёна, несмотря на лесную чащу, была все же достаточно свободна, для того чтобы позволить артиллерии оказать значительное воздействие на ход боя. Унионисты располагали 49 орудиями против 47 у противника, но важна была не эта ничтожная разница в количестве, а качественное превосходство артиллерии Северных штатов с ее нарезными орудиями против в большинстве случаев гладкостенных орудий Юга. Насколько это перетягивало чашу весов в пользу Мак-Доуэлла, читатель сможет судить, если вспомнит мое описание сражения и кампании 1866 г.

Согласно труду ярого сторонника милиции Карла Блейбтрей — «Народное ополчение в американской гражданской войне», у Мак-Доуэлла вообще не было никакой тактики, и он лишь слепо бросился вперед, чтобы не дать угаснуть боевому пылу своих новобранцев; вообще, по его мнению, сложное маневрирование с таким составом было невозможно. Блейбтрей признает здесь посредственное качество обученного наспех ополчения, но ген. Мак-Доуэлла он недооценивает. К сожалению, его войска не были обучены маневрированию. Одна бригада получила от своего командира дивизии приказ захватить одну из батарей, но последняя, по сообщению командира наступавшей пехоты, столь искусно передвигалась взад и вперед, что после 2 часов его подготовительных контрманевров он еще не смог приступить к штурму. Вряд ли нужно добавить, что батарея так и не была захвачена.

Бригада, которая должна была принести эту жертву уже при подходе к месту боя, попав под огонь одной из батарей конфедератов, была приведена в состояние непоправимого расстройства. Эти войска были не только неповоротливы, но и плохо спаяны. Другая бригада

той же унионистской дивизии попала в сферу огня третьей батареи конфедератов. В состав бригады входил один Нью-йоркский батальон, насчитывавший 550 винтовок. В результате этого обстрела он потерял 175 чел., треть своего состава, но лишь 34 пало в бою, остальные же 141 чел. пропали без вести. При этом в списке потерь батальона приводится только один пропавший без вести. Тем труднее было вернуть в батальон тех, которые без разрешения направились по домам. В Нью-Йорке пальцами указывали на трех дезертировавших офицеров.

«Их офицеры подавали пример,— говорится в официальной истории гражданской войны,— а солдаты торопились... следовать ему...». Таким образом, несмотря на свою техническую отсталость, артиллерия конфедератов сыграла у Буль-Рёна заметную роль. Оба других рода войск тоже проявили себя у них лучше, чем у противника. Пехота конфедератов показала свое искусство в стрелковом бою тем, что она незаметно приблизилась к двум унионистским батареям, двигаясь по заросшей кустарником ложбине. Она открыла из засады огонь по артиллеристам с расстояния пистолетного выстрела. Батареи были прикрыты одним Нью-йоркским батальоном, наряженным в фантастическую форму зуавов, ибо Америка даже с внешней стороны стремилась подражать французской военной системе, которая в ту пору считалась классической. Внезапный огонь из ложбины поражал наряду с батареями также и находившихся возле них зуавов; одновременно с этим их атаковали и 300 всадников полковника Стюарта. Попав под двойной удар, зуавы рассеялись, и орудия попали в руки конфедератов.

После боя у Буль-Рёна исчезли навсегда пестрые мундиры. Эти далеко видимые мишени не подходили к специфическим американским условиям боя. С этого времени унионисты носили синие мундиры, а конфедераты — серые. Введение формы, примененной затем во время мировой войны, за полстолетие до нее, особенно поражает нас, если принять во внимание примитивность вооружения американской пехоты. Даже Север с его богатыми материальными средствами не придавал значения вооружению армии единообразными винтовками. Тем более Юг, который не обладал военной промышленностью и порты которого были блокированы, должен был считать за счастье видеть в руках каждого бойца вообще какое-нибудь оружие, хотя бы охотничье ружье. Оживленный стрелковый бой можно было вести и пользуясь этим оружием. Способ ведения боя определялся, с одной стороны, неполноценностью войск в военном отношении, а с другой — пересеченностью местности, покрытой первобытными лесами, но не качеством вооружения.

В общем, унионистская пехота была вооружена нарезными, а пехота конфедератов — гладкоствольными ружьями, заряжающимися с дула. Человек, стрелявший из такого ружья лежа, каждый раз, когда он его вновь заряжал, принужден был переворачиваться; поэтому бой в лесной местности настоятельно требовал ружей, заряжающихся с казенной части. Американцы оставили эту потребность неудовлетворенной, по тем же причинам, по которым все руководящие военные инстанции того времени, за исключением прусских, отклонили это нововведение.

Между тем, в обстановке Нового Света оно заслуживало особенного внимания. Мы видели, как неторопливо двигались импровизи-

рованные обозы. Так называемое «шоссе» (turnpikes) представляли собой лишь слегка улучшенные и небрежно ремонтируемые вьючные тропы. Железная дорога там, где на нее опиралась армия, не обладала достаточно развитой системой эксплоатации, и движение по ней почти приостанавливалось вследствие чрезмерной перегрузки. Было ли целесообразным при таких условиях снабжения вооружать пехоту винтовками, заряжающимися с казны, стреляющими в три раза скорее, чем ружья, заряжающиеся с дула, и именно потому поглощающими втрое больше боеприпасов? Отсутствие огневой дисциплины у американских милиционных войск и так приводило к растрачиванию огромных количеств ценных боеприпасов. Эти опасения не исключали того, что отдельные части обеих сторон все же были вооружены винтовками, заряжающимися с казны. Юг принужден был брать то, что ему доставляли из Европы прорывавшиеся сквозь блокаду поставщики, а богатый денежными средствами Север обладал лишь немногими оружейными заводами, так что и он также не мог обойтись без подвоза из Старого Света. Таким образом, вооружение пехоты в обеих армиях оказалось чрезвычайно «разношерстным», и у конфедератов можно было видеть все виды огнестрельного оружия, начиная от винтовок, заряжающихся с казны, и кончая дробовиками.

Возвращаясь к сражению у Буль-Рёна, отметим, что оно имело три фазы. Первая — наступление правого крыла унионистов и левого крыла конфедератов к возвышенностям у Юнгс-Бранча и борьба за эти возвышенности. В этой фазе боя преимущество было на стороне унионистов, так как они захватили инициативу в свои руки и с большими силами подоспели к месту боя раньше, чем противник. Передовые части конфедератов упорно удерживали позицию, и две бригады южан понесли кровавые потери в 25% и 38%. После того как эти части отхлынули назад, их приняла бригада ген. Джексона, этого выдающегося полководца, батальоны которого так отлично дрались под его руководством, что отброшенные конфедераты прозвали своего спасителя «стон-уолл», т. е. «каменной стеной». С этим прозвищем этот генерал и вошел в историю.

Вторая фаза сражения началась после того, как унионисты утвердились на высоте к северу от Юнгс-Бранча и тогда уже предприняли попытку вытеснить противника с холмов к югу от этого потока. Ход этого боя нам уже известен. Мак-Доуэллу не удалось прорвать противника; последний захватил две батареи и рассеял один батальон. Тут уместно сказать несколько слов также и о деятельности кавалерии конфедератов. Это была иррегулярная конница, не обученная искусству конной атаки[1], хотя она и могла при случае помочь пехоте осилить неприятельскую пехоту,— например, батальон зуавов, уже расстроенный огнем. Если кавалерию конфедератов нельзя было сравнить с европейской тяжелой кавалерией, то тем пригоднее она была для разведки, в которой по нашу сторону океана этот род войск был не силен. В отчете Борегара говорится следующее о ген. Стюарте: «Благодаря умелой разведке на нашем левом фланге он освоился с топографическими особенностями местности и неприятельских позиций, которые имели исключительно важное значение при дальнейших и завершающих передвижениях на этом фланге.

[1] Сколько времени приходится тратить для обучения кавалерии карьеру и атаке, описано Дельбрюком в т. IV.

Это подводит нас вплотную к третьей фазе операций. В то время как Мак-Доуэллу не удалось прорвать расположение противника, Джонстон осуществил его охват. Его левый фланг у Юнгс-Бранча насчитывал 30 батальонов, а правый фланг Мак-Доуэлла — 27 батальонов. Боевой состав батальона на той и на другой стороне можно определить в 550 винтовок. Конфедераты были, таким образом, несколько сильнее унионистов. Благодаря этому Джонстон, как превосходный тактик, смог выделить 6 батальонов и бросить их на правый фланг Мак-Доуэлла по местности, которую предварительно разведали всадники Стюарта. По окончании войны выдающийся генерал Южных штатов Даниэль Хилл писал: «Американские войска не выдерживают атак с флангов и с тыла». Суждение это, пожалуй, слишком строго, так как милиционные войска и северных и южных штатов многому научились в течение войны, но в этом первом бою оно без всяких оговорок оказалось приложимым к унионистам; в особенности разрушительно действовал на дух унионистов продольный огонь двух батарей конфедератов. Страх распространился с правого фланга на левый, и все войска Мак-Доуэлла отошли на другой берег Буль-Рёна. Только один единственный регулярный батальон унионистских войск сохранил при этом порядок. Но и эту часть нельзя было считать отборной. Она потеряла всего около 15% своего состава, но из 83 человек только 30 приходилось на раненых и убитых, а 53 — на так называемых пропавших без вести. Все же главная масса этой части, после того как плевелы отделились от зерна, сохранила свой строй. Однако, по мнению Блейбтрея, вся армия состояла исключительно из полноценных элементов. Отважные бойцы милиции,— говорит он,— в сущности не потеряли присутствия духа, но лишь по собственному разумению, каждый в отдельности, уклонились от безнадежного боя.

В действительности бой ни в коей мере не был безнадежен для унионистов, так как командующий армией противника до самого момента своей победы находился в тяжелом психологическом состоянии. В кульминационный момент боя ему сообщили, что Паттерсон действительно приближается и угрожает Манассасу. Это оказалось ложным донесением; Паттерсон поздно узнал об отходе армии Шенандоа вправо, так как кавалерия Стюарта ловко замаскировала маневр Джонстона. Кроме того, обязательствам, подписанным солдатами Паттерсона, наступал вскоре срок, и это обескуражило последнего гораздо больше, чем Мак-Доуэлла. Но ложное донесение исходило от начальника штаба Джонстона и, судя по стратегическому положению, было правдоподобно. В этом случае Джонстону следовало бы только форсировать свое наступление. Если бы неприятель действительно находился непосредственно у него в тылу, то он одержал бы двойную победу, отрезав и этого противника. Конечно, он подвергался, вместе с тем, опасности гибели, но такой отважный риск соответствует внутренней природе войны и характеру великих полководцев. Так как Джонстон не принадлежал к их категории, то он пришел к половинчатому решению. Две бригады, которые совершали переход с правого фланга на левый, получили приказ повернуть обратно. Это не помешало победоносному исходу сражения, так как достаточное количество сил уже произвело это передвижение. Но упомянутые две бригады двигались то туда, то сюда и, в конце концов, не обнаружили у

Манассаса никакого противника. Нужнее всего они были именно у Юнгс-Бранча, чтобы нанести последний удар поколебленным силам врага при его отступлении, или же вместе с другими бригадами правого фланга конфедератов они могли бы переправиться на другой берег Буль-Рёна, для того чтобы атаковать левое крыло унионистов. Тут столкнулись бы тогда 15 батальонов конфедератов с 16 батальонами унионистов при большом моральном превосходстве атакующих, угрожавших путям отступления противника. На самом же деле только одна единственная бригада конфедератов в составе 3 батальонов перешла Буль-Рён. Какой эффект произвел бы удар большими силами, можно судить по тому впечатлению, которое произвело лишь это слабое наступление на левый фланг унионистов. Силы кавалерии, сопровождавшей эти 3 неприятельских батальона, определялись в Сентревилле в 2 000 всадников; в действительности же их было менее 100. Командиры левого крыла унионистов были счастливы, что их противник ограничился одной лишь артиллерийской дуэлью. Они считали себя едва в состоянии выполнить лежавшую на них задачу прикрытия тыла Мак-Доуэлла.

Джонстон сам лишил себя самых ценных плодов своей победы. Упадок духа у унионистов не был доведен до общей паники. Наряду с батальоном регулярных войск отступление армии унионистов прикрывала также и регулярная кавалерия. Она состояла из 500—600 всадников; Стюарт располагал таким же количеством, но он не мог осмелиться атаковать своими иррегулярными всадниками неприятельскую регулярную кавалерию. Таким образом, отряд постоянных войск в 600 чел. спас от уничтожения 29 000 чел. милиционных войск. Борегар руководствовался правильным инстинктом, когда в своем отчете о сражении говорил о «тщательно сберегаемой кавалерии унионистов, как об явлении, неприятно его поразившем». Тем не менее, конфедераты все же захватили всю артиллерию неприятельского правого крыла, насчитывавшего, если считать только действительно сражавшиеся части, 11 000 чел. пехоты. 5 000 их ружей, в большинстве нарезных, попало в руки победителя; половина из них была брошена нераненными солдатами.

В среднем потери пехоты унионистов убитыми и ранеными составляли 20%, считая только те бригады, которые приняли серьезное участие в сражении. По свидетельству Борегара, молодые войска Севера наступали «пылко и самоуверенно», а затем в достаточной степени мужественно вынесли свое 4—5-часовое боевое крещение. Это следует признать, несмотря даже на отмеченные выше мало отрадные явления. Армия потерпела поражение не столько из-за этих недочетов, сколько вследствие своей неповоротливости при подходе к месту боя и в самом бою,— препятствия, для преодоления которых Мак-Доуэлл не мог считаться подходящим человеком. Он все же победил бы, если бы обладал численным превосходством, а он мог его иметь. Но он растратил свои силы, оставив на путях своего отступления, у Александрии, целую дивизию. Эта предусмотрительность была тем более преувеличенной, что в день сражения и на следующий день в окрестности Александрии была двинута новая дивизия из Вашингтона. Установив, таким образом, предел дарования Мак-Доуэлла, мы не должны, с другой стороны, и недооценивать его способностей. В условиях морально подавляющей атмосферы он настолько взял себя в руки, что сумел принять самые ответственные решения. «В ближайшие несколько

дней,— писал он, вспоминая об истекающих обязательствах добровольцев,— в один день я потерял бы 10 000 лучше всего вооруженных, обученных, снабженных офицерским составом и дисциплинированных войск...» В то время как его товарищ Паттерсон дал себя совершенно парализовать этой перспективой и бездействовал, Мак-Доуэлл бросился на врага в последний момент перед распылением своей армии.

Унионисты после своего поражения отошли за полевые укрепления под Вашингтоном. Эти окопы находились всего лишь в двух нормальных дневных переходах от поля сражения и простирались вдоль южного берега Потомака от Александрии до столицы Союза. Выше Вашингтона еще не было никаких окопов. Джонстон и Борегар отстаивали теперь в Ричмонде план передвижения их объединенных сил в долину Шенандоа, для того чтобы с 35 000 чел. обрушиться на 14 000 чел. Паттерсона. После этого должна была быть уготована такая же судьба 150-тысячной армии Мак-Клеллана в Западной Виргинии. Это были бы операции широкого размаха; напомним, что этот театр военных действий вдоль границ Союза и Конфедерации охватывал пространство шириной свыше 450 *км*. Не довольствуясь этим, оба генерала собирались после уничтожения Паттерсона и Мак-Клеллана перейти Потомак и атаковать Вашингтон с севера, где еще не было никаких укреплений. Ибо, по мнению Джонстона и Борегара, только совокупность быстро одержанных успехов, увенчанных взятием Вашингтона, могла привести к выигрышу войны. Унионисты ориентировались на «War of Attrition» — войну на истощение. Для того чтобы вести войну, надо располагать военной промышленностью, на Юге же существовали лишь жалкие зачатки промышленности. Необходимые Югу готовые изделия он ввозил в мирное время из Северных штатов и Европы, уплачивая за них хлопком и табаком. Ввозилось оружие и боеприпасы, все предметы военно-медицинского снабжения, рельсы и подвижной состав железных дорог, сукно и кожа. Юг не покрывал из собственных источников даже свою потребность в соли, а прибегал при этом к помощи штатов, которые выступали теперь в качестве его противников. После начала военных действий ввоз из Северных штатов ограничился контрабандой, к которой присоединился товарообмен, допускавшийся в известной мере вашингтонским правительством, так как штаты Союза не могли обойтись без хлопка. В этом смягчении принципов стратегии измора Линкольн следовал примеру Наполеона I, который нарушил последовательность континентальной блокады системой лицензий. Достижение целей стратегии измора было тем самым несколько отдалено, но все же ввоз с неприятельской территории, конечно, не имел для Юга решающего значения. Из-за моря в Конфедерацию поступало гораздо больше товаров, чем по этим каналам, так как Союз не мог в начале совершенно пресечь этот товарооборот. Он обладал всего лишь 30—40 военными пароходами, в то время как берег, подлежавший блокаде, в 8 раз превосходил расстояние от Мемеля до Эмдена (около 1 100 *км*), предоставляя в распоряжение нарушителей блокады необозримое множество гаваней, бухт и разных прикрытий. Тем не менее, Джонстон и Борегар с полным основанием считали несомненным, что все эти отверстия рано или поздно будут закрыты. Союз обладал весьма значительным торговым флотом, а в эпоху деревянных судов достаточно было поверхностной реконструкции, чтобы создать из этого материала блокирующие эскадры. Более того, для строительства военных судов верфи Севера обладали почти

неограниченными возможностями, в то время как Юг именно в области судостроения был исключительно слаб.

Для стратегических соображений Джонстона и Борегара имел огромное значение тот факт, что Союз вооружался медленнее, чем Конфедерация. В Союзе продолжалась, как и прежде, борьба республиканцев с демократами. Власть находилась в руках у республиканцев, выдвинувших на президентское место Линкольна; к числу выдающихся демократов относился Мак-Клеллан, завоеватель Западной Виргинии, которая должна была впредь представлять собой самостоятельный штат в составе Союза. Обе партии явно враждовали между собой. В рядах как той, так и другой находились влиятельные лица, готовые любой ценой принудить отпавшие штаты вновь воссоединиться с Союзом, или пацифисты, которые питали отвращение к войне. Пацифисты склонялись к доктрине конфедератов, которая утверждала, что Союз создался не путем принуждения со стороны какой-либо центральной власти, а путем свободного объединения штатов, и что последним логически принадлежит право выйти из него, если они этого желают. Конечно, большинство пацифистов Севера придавали гораздо большее значение восстановлению благословенного мира, чем государственно-правовой доктрине, но все же идея партикуляризма была связана крепкими нитями с историей страны, и она оказалась тяжелым внутренним препятствием при вербовке в войска.

Это не заслоняло от взоров генералов Конфедерации того факта, что Союз насчитывал 22 млн. чел. народонаселения против 5½ млн. белых на Юге. Кроме того, в Союз притекал поток эмигрантов, главным образом ирландцев и немцев, которые охотно обращались в вербовочные бюро, так как первые были недостаточно культурны для сносно оплачиваемой работы, вторым же не позволяло найти работу незнание языка страны.

Следовало ожидать, что длительная война истощит людские резервы и прочие ресурсы конфедератов, в то время как Союз только тогда и использует их по-настоящему, т. е. что время работало за Север и против Юга. Было ли достаточно взятия конфедератами Вашингтона, чтобы положить конец войне? На этот вопрос как на Севере, так и на Юге постоянно отвечали в утвердительном смысле. Нельзя было утверждать, что «Вашингтон является сердцем страны», как Париж в 1792, 1814 и 1871 гг. был сердцем Франции. «Население,— говорится в одном описании столицы Союза, относящемся к 1875 гг.,— исчисляемое в 150 000 чел., из которых 50 000 негров, состоит главным образом из лавочников, владельцев гостиниц и меблированных комнат. Некоторое оживление возникает лишь во время сессий Конгресса... Торговля и промышленность совершенно незначительны».

Ни с духовной, ни с экономической точки зрения Вашингтон не являлся сердцем Союза, и если бы он попал в руки врагов, то не могло бы быть никаких препятствий для перевода правительства Союза в Филадельфию с ее 570 000 жителей [1] или в Нью-Йорк, который вместе со слившимся с ним Бруклином и другими городами уже насчитывал почти 2 млн. чел. [2]. Тем не менее, обладание Вашингтоном считалось моментом, решающим исход войны. 11 штатов выступило из

[1] По переписи 1860 г.
[2] По переписи 1870 г

Союза, 25 штатов продолжало в нем оставаться, считая Западную Виргинию уже отдельным штатом. Но в Западной Виргинии все-таки имелось много сторонников Юга, и если бы Вашингтон перешел в руки конфедератов, то правительство Западной Виргинии, образованное Мак-Клелланом после свержения сторонников Конфедерации, несомненно, пало бы. Жители Мэриленда, Делавэра, Кентукки и Миссури тоже ни в какой мере не могли считаться безоговорочно приверженцами Союза, хотя эти штаты воздержались от выхода из Союза. Повсеместно на всем протяжении их территории были расположены плантации, обрабатываемые при помощи рабов, и следовало ожидать, что с того момента, когда флаг мятежников стал бы развеваться над Капитолием [1], власть в этих штатах перешла бы в руки владельцев крупных плантаций.

При таком положении вещей Конфедерация насчитывала бы 16 штатов, а Союз—20 штатов, и пацифисты поставили бы вопрос: должны ли 20 штатов пытаться подчинить 16 штатов силой оружия, в то время как, согласно нашим традициям, мы являемся не союзным государством, а Союзом государств. Что большинство северян выскажется за мир, стало бы тем более вероятным, если учесть, как присоединение 5 штатов к Конфедерации отразилось бы на изменении соотношения военных сил. Число нежелавших состоять в Союзе возросло бы с 5,5 млн. белого населения до 8,3 млн. По статистическим данным, разработанным американскими военными властями в 1880 г., на штаты, пользовавшиеся трудом рабов, но оставшиеся верными Союзу, приходилось целых 12% общего количества лиц, находившихся под ружьем на стороне Союза. Наконец, последним по порядку, но не по назначению, является то обстоятельство, что Мэриленд и те районы Пенсильвании, на которые можно было, опираясь на Вашингтон, влиять в военном отношении, были главными центрами военной промышленности Северных штатов. Их переход в руки Юга обеспечивал его всем необходимым, для того чтобы устранить опасность результатов неприятельской стратегии измора. Действительно, доводы в пользу операционного плана Джонстона и Борегара были достаточно убедительны. Но как обстояло дело с силами для осуществления этих смелых проектов? Джонстон и Борегар располагали 36 000 чел., а Мак-Доуэлл, Паттерсон и Мак-Клеллан — 64 000. Генералам конфедератов не импонировало численное превосходство противников, поскольку они знали, что унионистским добровольцам, подписавшим обязательства на три месяца, война надоела, в то время как они сами могли рассчитывать на непреклонность духа своих солдат. На Юге ведь не существовало оппозиции, аналогичной демократам Севера, — оппозиции, которой прикрылись бы мятежники, если бы республиканское правительство решилось применить строгости. Но кроме указанных 64 000 человек, главное командование Союза имело в своем распоряжении и другие силы, прикрывавшие Вашингтон. Они были только что набраны, причем уже не на три месяца, а на более длительный период, большей частью на три года или даже до конца войны. Поэтому Джонстон и Борегар считали необходимым потребовать от президента Джефферсона Дэвиса доведения численности их армии до 60 000 чел. Однако, это было можно осуществить, лишь отозвав гарнизоны из прибрежных городов. Борегар привел президенту то сооб-

[1] Т. е. над столицей Северных штатов Вашингтоном. — *Ред.*

ражение, что унионисты в данный период не имеют достаточных сил, чтобы серьезно угрожать побережью Юга. Во всяком случае, враг, теряя Вашингтон, оставит все пункты, занимаемые им на территории Конфедерации. Кентукки и Миссури в этом случае выступят из Союза. Вашингтон решает исход войны, и ради него можно пойти даже на потерю Ричмонда. Не отход вглубь территории Конфедерации, а наступление на Вашингтон явится активной обороной.

Джефферсон Дэвис отнесся к этим планам отрицательно и с недоверием. Он не принадлежал к числу оригинальных умов и целиком находился во власти традиций и собственного случайного опыта. На оборотной стороне листа, содержавшего донесение Борегара о сражении на Буль-Рёне, он изложил свои соображения по поводу предложения генералов. Идея нанесения отдельного поражения каждому из трех унионистских полководцев основывается на произвольном предположении, что силы врага попрежнему будут разделены, в то время как собственные вооруженные силы в нужный момент будут всегда сосредоточены. Нельзя отклонять этот довод; возникает лишь вопрос: покоится ли на солидных предпосылках стратегический план, который более улыбался Джефферсону, а именно — заманить врага вглубь территории конфедератов и тем самым решительно его ослабить? Это мог доказать лишь опыт. Что же касается противодействия президента уводу сил с побережья, то оно было вполне понятным, если принять во внимание, что ружейные заводы Конфедерации не могли снабдить каждого вступающего на военную службу даже винтовкой. Морская торговля для отколовшихся штатов была действительно жизненно необходима. Однако, отвергая план кампаний Джонстона и Борегара, Джефферсон Дэвис брал на себя очень тяжелую ответственность. Взятие Вашингтона, являясь ударом в сердце Союза, сделало бы излишним ввоз военных припасов в Чарльстон и другие порты Конфедерации. По мнению Борегара, стратегия Дэвиса сводилась к длительной смертельной борьбе; выиграть войну таким путем было невозможно, так как президент никогда не осмеливался обнажить менее важные пункты, для того чтобы оказаться сильным в решающих пунктах. Война была проиграна только вследствие узости кругозора Дэвиса — таков окончательный вывод Борегара.

Борегар не упоминает о том чрезвычайно важном факте, что президент противился оставлению прибрежных городов не только по военным, но и по политическим соображениям. Хотя он и возглавлял авторитарное правительство, но оно было независимо только от партий, а не от воли народа. Население же Юга требовало, чтобы ни одна пядь земли не была сдана без энергичного сопротивления. Стратегические соображения, которые шли вразрез с такого рода действиями, не были бы признаны Конгрессом и избирателями Юга. Особенно сильно было биение политической жизни в портовом городе Чарлстоне. Он стоял во главе движения при отпадении Южных штатов от Союза, и перспектива быть отданными без борьбы в руки врага, который не замедлил бы свести с ним счеты, должна была привести пылких южан в бешенство.

Дэвис остерегался возбуждать эти страсти; политика испортила стратегию.

Итак, конфедераты упустили возможность использовать победу при Буль-Рёне. Они остались в своем укрепленном лагере у Манассаса, воздвигнутом для них неграми. Война в Виргинии прекратилась до

марта следующего (1862) года, когда конфедераты все еще проявляли бездеятельность, а стратегическая инициатива вновь была захвачена унионистами.

Глава II

Бои за обладание штатами Миссури, Кентукки и Тенесси (август 1861 г.— июнь 1862 г.)

Сражение у Шило (6—7 апреля 1862 г.)

В штатах Миссури и Кентукки унионисты и конфедераты располагали, примерно, одинаковыми силами.

Штат Миссури расположен к западу от Миссисипи. Он насчитывал в то время 1 200 000 чел., т. е. по 7 чел. на 1 *кв. км*. Приблизительно столько же жителей приходилось на 1 *кв. км* в древней Германии во времена сражения с Варом [1]. Таким образом, Миссури являлся в большей своей части пустыней. Для того чтобы показать это нагляднее, дадим еще сравнение: Португалия, площадь которой равна площади штата Миссури, насчитывает в настоящее время 63 чел. на 1 *кв. км*.

В юго-западной части штата Миссури первое столкновение имело место 10 августа 1861 г., т. е. через три недели после сражения при Буль-Рёне. Дело разыгралось у ручья Вилсон, близ Спрингфилда. Нападающей стороной были унионисты. Их было 5 000 чел. под командованием капитана регулярных войск Лайона. Лайон был сильной личностью. Он удерживал город Сент-Луис на стороне Союза и делал это не только потому, что город был один из крупнейших в штате Миссури, но также и из-за 60 000 винтовок в его арсенале. Для конфедератов они были бы неоценимы, облегчив вооружение безоружных ополчений.

Конфедераты у ручья Вилсон были несколько сильнее своих противников, а именно — насчитывали около 6 000 чел. Их предводитель Мак-Куллох мог бы, пожалуй, противопоставить атаке противника и 11 000 чел., но во всяком случае не был в состоянии собрать более 6 000 винтовок. Пестрота вооружения, от гладкоствольного охотничьего ружья до винтовок, заряжающихся с казны, в этой войсковой части проявлялась еще ярче, чем вообще у конфедератов. Накануне сражения солдаты приладили к своим мушкетам новые кремни. В патронах был еще больший недостаток, чем у милиционных войск в долине Шенандоа, так что приходилось самим отливать пули.

Таких недостатков в снабжении не было у войск богатого Севера; к тому же они обладали еще одним качественным преимуществом: у них было правильное соотношение пехоты и вспомогательных родов

[1] Дельбрюк и Шмоллер довольно единодушно указывают на эту цифру.

войск. Наоборот, пехота конфедератов состояла наполовину из всадников, обученных также и спешенному бою. Однако, такого рода обучение было лишь половинчатым; это являлось тем большим недостатком, что в американских милиционных частях вообще мало внимания обращалось на строевое обучение. Поэтому вполне понятно, что Мак-Куллох, несмотря на свое незначительное численное превосходство, предоставил Лайону наступательную инициативу.

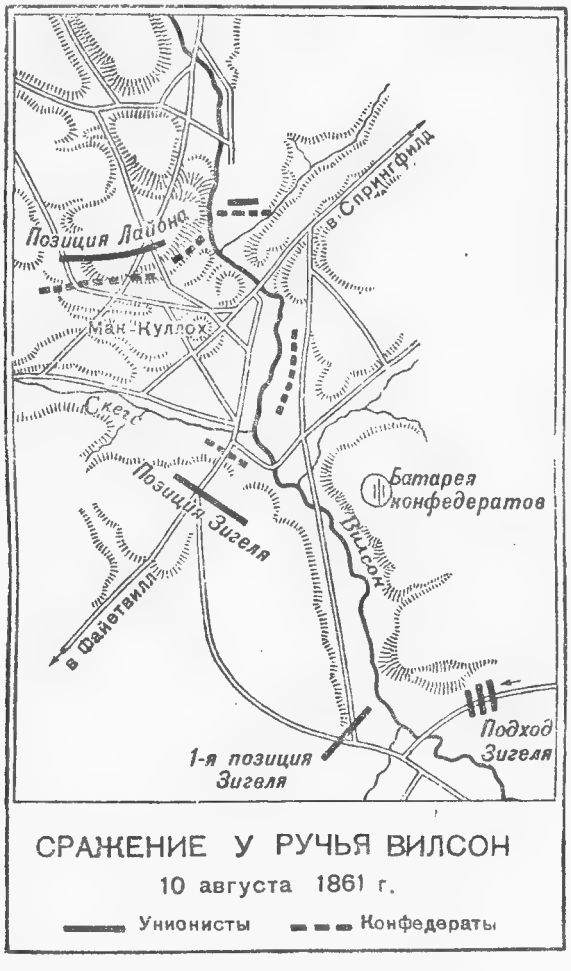


Схема 2.

Унионистский командующий имел среди подчиненных себе командиров некоего Франца Зигеля, который, в качестве бывшего лейтенанта Баденской армии, был в 1849 г. одним из командиров Баденской повстанческой армии, возглавлявшейся Мерославским. Когда разразилась междоусобная война, Зигель проживал в Сент-Луис в качестве учителя. Здесь он набрал немецкий легион из сторонников Севера, и этот легион провозгласил его своим полковником. Опираясь на Зигеля, Лайон разработал очень смелый план операции. Он разделил свое войско и приказал Зигелю с его 1 200 немцев обойти правое крыло неприятеля. С остальными 4 000 чел. Лайон собирался атаковать конфедератов с фронта.

Выполнение плана сначала протекало очень хорошо. Зигель выступил 9 августа вечером, и его колонна двигалась по извилистым боковым тропинкам сквозь девственный лес до самой полуночи. Ввиду крайне слабой населенности района кавалерия не давала фермерам и всем прочим сельским жителям возможности выходить из домов, а потому никто не имел возможности предупредить Мак-Куллоха о грозящей опасности. Несмотря на тяжелые условия местности, войска Зигеля прошли за 6 часов 24 *км* и расположились теперь поперек главного пути отступления неприятеля в ожидании атаки Лайона на неприятельский фронт. Главнокомандующий унионистов не мешкал. 10 августа, в 5 ч. 30 м., Зигель услыхал звук ружейной стрельбы. У миссурийских конфедератов служба передовых постов была налажена нисколько не лучше, чем в армии Шенандоа. Отряд Зигеля оставался сначала незамеченным, затем его приняли было за отряд собственной армии, пока случайный порыв ветра не развернул его знамена. В 8 час. утра пехота Зигеля вступила в рукопашный бой с противником. Этот последний, расположенный по обоим берегам ручья Вилсон, не мог, казалось, избежать уничтожения. План унионистов был выполнен; конфедераты атакованы с севера Лайоном, а с юга Зигелем. Последовал 3—4-часовой стрелковый бой в густом подлеске, в котором конфедератам пришлось тяжело. Но они ограничились обороной. Гораздо тяжелее была задача унионистов, которым приходилось играть роль нападавших, несмотря на то, что их войска были еще не обучены. Как у Буль-Рёна, точно так же и у ручья Вилсон отряд Зигеля, попав под фланговый обстрел одной батареи конфедератов, был охвачен паникой. Его артиллерия почти целиком попала в руки перешедшей в наступление неприятельской пехоты, и Зигелю не осталось ничего иного, как повернуться спиной к победе, казавшейся столь близкой, и очистить поле сражения. Примерно одновременно с неудачей атаки унионистов с юга приостановилась и их атака с севера. Причиной тому явилась смерть Лайона, который неосмотрительно рискнул своей жизнью, для того чтобы увлечь вперед нестойкие милиционные войска. Когда его заместитель узнал об отступлении Зигеля, он также приостановил бой и повел свои войска по направлению к Спрингфильду, куда пытался пробиться также и Зигель; однако, Зигелю удалось это лишь с половиной его отряда, ибо к чувствительным потерям, которые он понес во время атаки с юга, прибавились еще и те потери, которые ему пришлось понести во время отступления, когда его колонна попала в кавалерийскую засаду.

Победители не преследовали. Одно из сообщений конфедератов гласило: «Мы были рады, что неприятель ушел». В 11 ч. 30 м. утра победа конфедератов была уже решена, но они все еще настолько были в неведении относительно размера неудачи атаки противника с юга, что один из батальонов конфедератов оставался под ружьем весь день и следующую за ним ночь, чтобы быть готовым к отражению новой атаки Зигеля. Но даже и при лучшем знакомстве со случившимся приказ Мак-Куллоха о преследовании был бы очень рискованным. Благодаря тому, что у этих «добровольцев на три месяца» отсутствовала всякая огневая дисциплина, солдаты расстреляли все свои патроны. Потери победителей были столь же велики, как и у побежденных,—$^1/_6$ наличного состава. В связи с этим следует предположить, что и армия победителей испытала сильное потрясение, а моральный порядок тоже восстанавливается не сразу. Через несколько дней после

сражения одна бригада из Арканзаса разбрелась только потому, что истек срок, на который она была призвана. Быстрое утомление от войны, которое мы уже наблюдали среди унионистских милиционных войск у Буль-Рёна, не было уделом одних только унионистов. Но надо заметить, что ричмондское правительство не пользовалось среди солдат из Арканзаса таким же авторитетом, как вообще на Юге.

После сражения у ручья Вилсон конфедераты заняли всю западную часть штата Миссури вплоть до г. Лексингтона на р. Миссури, который унионисты обороняли упорно, но безуспешно. Из истории осады Лексингтона следует лишь отметить ужасное состояние лазарета этого города. Умиравшие от жажды пациенты лазарета пили воду, в которой купали раненых. Ничто не было подготовлено, ибо унионистское командование в мирное время не располагало сколько-нибудь серьезной военно-санитарной службой. Для ампутаций, которые в большинстве случаев производились без наркоза, врач имел в своем распоряжении только одну бритву. Лексингтон пал 12 сентября 1861 г. Декрет унионистского главнокомандующего Фремонта о конфискации всего имущества мятежников Миссури и об освобождении их рабов явился лишь бессильным жестом. Линкольн, который не хотел, чтобы провоцировали колебавшееся общественное мнение Миссури и Кентукки, немедленно отменил этот декрет, но послал туда войска, так что в начале октября Фремонт оказался во главе сильной полевой армии в 30 000 чел. Он снова повел наступление на Спрингфилд 5 дивизиями; каждая из них двигалась по особой дороге. Осенние дожди прошли, установилась прекрасная погода бабьего лета. Сено убрали, хлеба налились. Недостаток перевозочных средств устранялся при помощи реквизиций. Фремонт продвигался в западной и южной части штата Миссури, и конфедераты не были в состоянии оказывать ему сопротивление. Их полководец Прайс располагал лишь 18 000 чел., из которых отнюдь не все имели винтовки. Тем не менее, и он был трудно уязвим, так как занимал сильную позицию вблизи Спрингфилда. Расстояние от Спрингфилда до Сент-Луис — свыше 350 *км*. Фремонт должен был обеспечить себе обладание всей этой длинной линией, ибо он не мог полагаться на одни только реквизиции; его основной и незаменимой базой являлась дорога между этими двумя городами. В результате выделения сил для различных целей он располагал в Спрингфилде лишь 15 000 чел. Так как он хотел воспрепятствовать партизанской войне против шоссе и железной дороги (железная дорога Сент-Луис — Спрингфилд была уже наполовину готова), он проводил теперь политику, противоположную той, которую провозглашал раньше в упомянутом выше декрете. Он заключил с Прайсом соглашение, воспрещавшее обеим сторонам партизанскую войну; суды должны были свободно решать неполитические дела. Никто не должен был подвергаться аресту за политические убеждения.

Несмотря на это соглашение, унионистскому полководцу все же не удалось утвердиться в сердце штата Миссури. Вследствие угрозы ее базам армии пришлось отступить назад, к северной границе Миссури, до Роллы, конечного пункта железной дороги, ведшей от Сент-Луис в юго-восточную часть штата Миссури[1].

[1] «Battles and Leaders», т. I, стр. 278, ст. ген. Джона Фремонта — «Мое командование в Миссури».

Унионисты попытались в конце 1861 г. овладеть не только юго-западной, но также и юго-восточной частью штата Миссури. Границу штата образует здесь р. Миссисипи. На ней, близ Каиро, расположился унионистский генерал Улис Грант. После отсылки 3 000 чел. вниз по реке, для того чтобы обескуражить мятежников, очень активно поднимавших голову в этих округах, он располагал еще 3 500 чел. Задача посланных им войск была очень тяжелой, ибо по обеим сторонам реки, у Бельмонта на западном и у Колумбуса на восточном берегу, расположились конфедераты, отрезавшие этот отряд от Гранта. Но последний не оставался бездеятельным и произвел нападение на Бельмонт для облегчения положения выделенных им войск. На шести пароходах унионисты отправились из Каиро вниз по реке и высадились у Бельмонта на глазах у конфедератов, обладавших такими же силами, как и они. Высадка была облегчена двумя деревянными канонерками с 14 орудиями, которыми располагал Грант. Они очистили от стрелков-конфедератов лес и кукурузные поля близ места высадки и, таким образом, положили начало действиям унионистов на водных пространствах, которые стали принимать все более гигантские размеры и оказали очень большое влияние на исход войны.

Благодаря действию огня судовых орудий не только удалось высадиться, но с помощью этой артиллерии Грант сумел захватить штурмом также и лагерь генерала конфедератов Пиллоу. После этого успеха унионистские милиционные войска «распоясались» и начали грабить; или, как Грант деликатно выражается, «солдаты отложили винтовки и стали шарить по палаткам в поисках трофеев». Грант не нашел иного средства водворить вновь дисциплину в войска, кроме распоряжения поджечь корень зла — самый лагерь. Но в это время и на восточном берегу реки заметили, что лагерь на западном берегу уже не находится в руках своих, и подвергли оттуда унионистов сильному артиллерийскому обстрелу. Поэтому Гранту так и не удалось восстановить порядок в своих батальонах. Артиллерия в Колумбусе была более мощной, чем пушки канонерок. Последние не смогли поэтому воспрепятствовать переправе через реку подкреплений Пиллоу.

Бой начался в 11 час. утра, а с 12 час. стали постепенно вступать в бой подкрепления конфедератов, которые в конце концов создали Пиллоу двойное превосходство сил. Бой длился до захода солнца, и контрудар конфедератов поставил себе целью отрезать противника от его судов. Это почти удалось после появления на горизонте еще двух батальонов конфедератов, переправлявшихся из Колумбуса в Бельмонт. Это дало конфедератам новый прилив энергии, а унионисты были охвачены паникой. Офицеры и рядовые кричали: «Мы окружены». Тогда Грант своим личным влиянием спас положение. «Если мы сюда попали, то можем и выбраться отсюда», — крикнул он своим войскам. В конце концов ему удалось добиться восстановления кое-какого порядка и погрузить свой десант обратно на суда; правда, потери убитыми, ранеными и пленными достигли при этом 25%. Конфедераты захватили 1 000 винтовок при общей численности пехоты унионистов, едва достигавшей 2 500 чел. Таким образом, следует считать, что помимо 600 убитых, раненых и пленных еще 400 человек побросали винтовки, чтобы легче добраться до лодок.

После этого боя Грант, а со стороны противников ген. Полк повели переговоры об обмене пленными. В течение всей войны унионисты крайне неохотно соглашались на это, ибо располагали наиболь-

шим резервом рекрут. После переговоров состоялся совместный завтрак. Один из унионистских полковников провозгласил тост: «Георгу Вашингтону [1], отцу отечества!»

Хитро подмигнув, Польк добавил: «И первому мятежнику». Как и остальные генералы конфедератов, Польк считал, что наиболее действительной стратегией противника явится война на истощение. В этом и заключалась его задняя мысль, когда он стал уговаривать Гранта бережно вести войну на территории конфедератов. «Я высказал основные принципы,— писал он своей жене,— на основе которых следует вести войну, отвергая варварство, вандализм, грабежи и все подобное, и добился от него заверения, что он также будет пресекать такие явления».

Польк и Грант являются оба характерными типами офицеров американских ополчений. Первый служил в свое время офицером милиции мирного времени, вообще же он был епископом церкви и интересовался главным образом преподаванием в высших учебных заведениях. Грант состоял раньше в регулярной армии и участвовал в войне с Мексикой; однако, уже в чине капитана, вследствие пристрастия к спиртным напиткам, ему пришлось выйти в отставку, и когда раздался призыв к оружию, он находился в штате Иллинойс, работая где-то за прилавком.

Бой под Бельмонтом произошел 7 ноября 1861 г. Все военные операции, которые велись до конца этого года и должны были обеспечить северянам обладание штатом Миссури, привели лишь к неудачам.

В начале 1862 г. разгорелась также борьба за штат Кентукки. Размеры Кентукки, так же как и Миссури, можно сравнить с размерами Португалии, только штат Кентукки был более густо населен, чем Миссури, имея по 12 жителей на 1 *кв. км*. В январе в восточном Кентукки, на верхнем течении Кемберленда 8 слабых батальонов конфедератов вступили в соприкосновение с 13 более сильными батальонами противника. Кроме значительного численного перевеса, унионисты располагали также, в лице ген. Томаса, выдающимся командиром. Поэтому вполне понятно, что они перешли в наступление. Но они еще не успели сконцентрироваться, так как половодье задерживало подход 5 батальонов.

Таким образом, численность батальонов равнялась пока 8 : 8. Начальник конфедератов ген. Цолликофер решил воспользоваться тем, что неприятель разделен, и вырвать у него инициативу наступательных действий. Он стоял к северу от Кумберленда, который также сильно разлился. 4 000 конфедератов располагали бы, если бы им пришлось отступить через реку, лишь одним единственным пароходом и несколькими лодками. Поэтому наступательный удар действительно являлся наилучшим парированием опасности.

Столкновение произошло 18 января у Спрингсмилл. Конфедератская пехота то бросалась на землю, то вскакивала и бросалась в атаку; но этот искусный метод боя не понравился одному из унионистских полковников. Он выскочил на возвышение, за которым прятались его солдаты, и крикнул неприятелю: «Встаньте, собаки, и попробуйте подойти, если у вас хватит на то мужества...»

---

[1] Георг Вашингтон (1732—1799) — выдающийся американский государственный деятель, один из основателей США и их первый президент. — *Ред.*

Порыв нападающих был поколеблен смертью ген. Цолликофера. Однако, бой был решен не в их пользу лишь благодаря прибытию двух из тех батальонов, которые еще не присоединились к силам ген. Томаса. Свежие войска атаковали конфедератов во фланг, а мы знаем чувствительность поверхностно обученных американских войск к фланговым атакам. Особо отмечается, впрочем, и то, что унионистская бригада, решившая в этот день исход боя и состоявшая из одного охайского и одного миннезотского батальонов, была «великолепно» вымуштрована и дисциплинирована.

Ген. Томас преследовал разбитого противника с редкой энергией. Нападение на унионистов было произведено до их завтрака. Преследователи утоляли теперь свой голод кукурузным хлебом и салом из брошенных ранцев и подсумков неприятеля, впрочем, не без некоторой осторожности, ибо носились слухи, будто мятежники отравляли не только колодцы, но и съестные припасы.

Лагерь конфедератов был окружен окопами, однако находился на расстоянии целого дневного перехода от той мельницы, где произошел бой. На долгом пути до своих окопов значительная часть разбитого войска разбежалась, остальная же часть обстреливалась в лагере до наступления темноты. На следующее утро унионисты без боя заняли весь лагерь и всюду находили следы того, насколько побежденные потеряли голову. Адъютант ген. Томаса, заметив это, задал ему вопрос, почему он еще накануне вечером не предложил неприятелю сдаться. Генерал, характерной чертой которого была большая откровенность, смущенно ответил: «Чорт побери, я совсем позабыл об этом».

Бой у Спрингсмилл превратился в уничтожающее поражение конфедератов. Катастрофа достигла своего апогея на следующее утро, когда под огнем унионистской артиллерии беглецы пытались на пароме и лодках переправиться через Кемберленд. Правда, преследователи не были в состоянии совершенно воспрепятствовать переправе, но после переправы бегущие войска впали в полное расстройство. От нескольких сот кавалеристов в строю осталось лишь 24 всадника. «Офицеры и солдаты,— описывает состояние духа войск заместитель Цолликофера,— напуганные ложными слухами о передвижениях неприятеля, дезертировали самым позорным образом, крали лошадей и мулов и бежали без оглядки».

Не без основания называют американцы эту операцию сражением, несмотря на незначительное количество участвовавших в ней бойцов, ибо политическое значение событий 18 января 1862 г. было чрезвычайно велико. С этого времени ни выход из Союза, ни нейтралитет серьезно более уже не обсуждались обитателями Кентукки, земляками Линкольна.

В Миссури унионисты совершили еще третье наступление для покорения юго-западных районов штата и в середине февраля 1862 г. под командованием ген. Кертиса снова заняли Спрингфилд. 8 000 мятежных миссурийцев под командованием ген. Прайса отступали перед Кертисом до охотничьих угодий ирокезов, а унионисты следовали за противником до самой Элкхорн-Таверн. Напомним, что одно лишь расстояние Сент-Луис—Спрингфилд превышает 350 *км*. Теперь унионистам приходилось прикрывать, сверх того, еще и коммуникационные линии, длина которых достигала 100—120 *км*. Поэтому вполне понятно, что, несмотря на то, что главнокомандующий унионистов в Миссури

ген. Халлек располагал 30 000 чел., подчиненный ему Кертис имел в головной колонне лишь 10 500 чел. И этих 10 500 чел. было достаточно трудно снабжать продовольствием в девственном лесу. Каждая мельница,— рассказывает Зигель в своем описании похода,— являлась для унионистов важным военным объектом. Конфедератам было еще труднее наладить снабжение, после того как в марте их силы возросли до 15 000 чел. Их командующий ген. ван-Дорн должен был поэтому немедленно атаковать, несмотря на то, что противник занял очень сильную позицию на поросших лесом высотах и за водными преградами, сделав ее к тому же окончательно неприступной и с фронта и с левого фланга возведенными там полевыми укреплениями. Ван-Дорн решил ввиду этого обойти правый фланг унионистов и атаковать их с тыла, в то время как подчиненный ему ген. Мак-Куллох должен был произвести не столь дальний обход и ударить неприятелю во фланг. Кертис узнал про наступление конфедератов еще тогда, когда они находились в дневном переходе от него. Поэтому он имел бы время отступить. Но он решил принять бой с превосходящим его противником и повел его весьма энергично. Вместо того, чтобы ограничиться чистой обороной, он выслал свое незащищенное правое крыло навстречу колонне Мак-Куллоха.

Охватывающее и обходное движение конфедератов было выполнено в ночь с 6 на 7 марта 1862 г. Утром 7-го должны были приступить к атаке Мак-Куллох с своими 8 500 чел. и сам ван-Дорн с остальными 6 500 чел., в расчете на то, что обе колонны смогут поддерживать взаимную связь. Однако, ночной маневр оказался делом нелегким и был еще осложнен необученностью милиционных войск походным движениям. Нестойкость этого ополчения особенно ясно видна из примера, данного тремя «батальонами» ирокезов и криксов [1], принадлежавших к колонне Мак-Куллоха. Его войска совершенно потеряли связь с войсками ван-Дорна. Мак-Куллох подвергся атаке уже в 10 час. утра, в то время как ван-Дорн вступил в бой лишь в 2 часа дня. Зигель, который командовал войсками, направленными против Мак-Куллоха, был слишком слаб, чтобы одолеть его, но Мак-Куллох был убит, и отход влево его колонны настолько замедлился, что она лишь ночью восстановила связь с ван-Дорном. Колонна ван-Дорна состояла исключительно из миссурийцев; она сражалась более успешно, вытесняя неприятеля с позиций на позицию, и в своем наступлении в тыл Кертису оказалась уже в опасной близости к обозу унионистов. Но ему не удалось сломить до захода солнца сопротивление хладнокровного и стойкого Кертиса. 8 марта бой продолжался, и войска обеих сторон сражались с перевернутым фронтом.

Итак, оперативный план конфедератов все же наполовину удался; они обошли противника и крепко держались. Но в остальном план конфедератов потерпел неудачу. Колонне Мак-Куллоха не удалось утвердиться на фланге унионистов и смять неприятеля фланговым ударом. Заместитель Мак-Куллоха по командованию колонной был рад и тому, что ему удалось пробиться к ван-Дорну. Впрочем, это удалось лишь двум третям колонны, остаток же ее отхлынул назад на Бентонвилл. Таким образом, ван-Дорн располагал 8 марта уже всего

[1] Криксы или крики — племя индейцев, жившее на территории штата Тенесси. Восстание криков в 1814 г. кончилось почти поголовным истреблением этого племени, остатки которого были поселены на особой заповедной индейской территории в штате Оклахома.— *Ред.*

12 000 чел. против 10 500 чел. унионистов [1]. При этом последние, и после того как они повернули свой фронт, все еще опирались на весьма благоприятную местность: лес, ущелья и ручьи.

Ван-Дорн со своими войсками, утомленными в боях, уже не мог более думать о возобновлении попытки охвата в противоположном направлении; вообще 8 марта он уже больше не имел никакого плана. Правда, его фронтальные атаки, сначала было снова увенчавшиеся успехом, в конце концов все же не привели к прорыву, ибо местность позволяла унионистам в ряде пунктов сберечь свои силы и таким образом выравнять и так уже не слишком значительное численное неравенство. С 11 час. утра Кертис, к которому возвратились войска Зигеля, уже располагал достаточными силами для контратак; до нас дошло описание того, как «его пехота быстро вскакивала, бросалась вперед и, как только достигала новой позиции, снова ложилась». Такой метод наступательных действий вряд ли мог быть очень действительным. Дело в том, что при этом можно было лишь очень ограниченно пользоваться винтовками для стрельбы, ибо нельзя было лежа стрелять из ружей, заряжавшихся с дула, не переворачиваясь для того, чтобы заряжать.

Тем не менее, в результате уверенного образа действий унионистов, у ван-Дорна создалось впечатление, что опрокинуть противника ему не удастся. Он прервал бой и отступил в Китсвилл. Это селение находилось на телеграфной линии, ведшей к Спрингфилду и Ролла. Конфедераты стали, таким образом, опять поперек сообщений унионистов с базой. Однако, конфедераты не смогли здесь удержаться, ибо были отрезаны также и от собственных путей сообщений не менее, чем унионисты от своих. Ван-Дорн очистил Миссури и увел свои войска в Арканзас, на территорию индейцев. Теперь юго-запад и юг Миссури окончательно вернулись в лоно Союза. Хлопковые и табачные плантаторы отказались от своих мятежных поползновений. Вместе с тем, в Вашингтоне возникла надежда покорения восточной части штата Миссури, где также имелись массы рабов, определявшие политические настроения белых. Здесь командовал ген. Поп, располагавший 20 000 унионистов, которым противостояло всего лишь 13 000 конфедератов. За несколько дней до стычки у Элкхорн-Таверн Поп успел занять покинутые укрепления Колумбуса. Они были очень сильны, но полководец конфедератов Польк все же не счел возможным держаться в них со своими плохо вооруженными войсками. Колумбус находится в западном Тенесси, на границе Миссури. В западном Тенесси только что сдались Гранту на капитуляцию 15 000 конфедератов, защищавших форт Донельсон. Место этой катастрофы было отдалено от Колумбуса на 180 *км*. Итак, Польк очистил Колумбус, но решил оборонять другой укрепленный пункт — остров № 10. Этот остров находился на р. Миссисипи, вниз по течению от Колумбуса. примерно, на расстоянии 170 *км*. Еще дальше вниз по реке находился Нью-Мадрид — на западном берегу, т. е. в штате Миссури. Здесь расположился Поп, блокируя, вместе с тем, болотистый восточный берег. Теперь нужно было преградить защитникам острова также и водные пути сообщения; так началась борьба на воде, носившая еще не виданный в истории характер. Со времен Крымской войны техника зани-

[1] Потери 7 марта, отнюдь не являвшиеся чрезмерными, не были подсчитаны ни той, ни другой стороной.

малась разрешением проблемы броненосных кораблей. Инженеры Нового Света быстро нашли практическое разрешение этого вопроса. Как унионисты, так и конфедераты располагали на Миссисипи броненосными флотилиями; но изобретательный дух американцев опередил весь свет не только этим, а также и тем, что попутно они добились и другого военно-технического усовершенствования, введя вновь древне-греческий удар тараном. Это возвращение к далекому прошлому явилось результатом введения паровой тяги в военном флоте англичан и французов после 1840 г.[1]. Впрочем, паровую силу приме-

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА Р МИССИСИПИ

Схема 3.

няли пока только для крейсеров, но не для линейных кораблей. Два американца—коммодор Перри, тот самый, который содействовал вовлечению Японии в круговорот мировой истории, и его брат гражданский инженер Чарльз Перри — поняли, что пришел момент вернуться к тактике галер. Таран естественно отпал, когда на смену весельным кораблям появились парусные суда; теперь, казалось, таран снова приобретал большое будущее: паровая тяга делала корабли еще значительно более независимыми от ветра, чем некогда гребные суда.

Унионистский адмирал Фут имел 7 канонерок к северу от осажденного острова; с ними в середине марта вступили было в бой 5 конфедератских канонерок, но это оказалось только лихим жестом с их стороны. Артиллерийское вооружение этих канонерок не могло сравниться с артиллерией противника, и потому, еще до серьезного столкновения, они отошли к форту Пиллоу, другой крепости конфе-

[1] Ср. книгу Эмиля Даниэльса—«Английские государственные деятели», стр. 246. Берлин, 1925 г., изд. Георга Штильке.

дератов на Миссисипи, далеко к югу. После этого последовал почти 3-недельный обстрел острова № 10 унионистским флотом, не давший, однако, никаких результатов. Лишь голод мог смирить конфедератов. Однако, если Фут хотел обложить остров № 10 с воды, так же как и с суши, он должен был решиться провести свой флот мимо батарей крепости. Маневр удался: дважды во время ночной грозы с интервалами в трое суток 4 канонерки Фута проскользнули незаметно для батарей острова. Так как унионисты не знали, куда делась неприятельская флотилия, то на случай абордажа со стороны речных сил конфедератов были приготовлены кипяток и ручные гранаты; однако, канонерки мятежников остались у форта Пиллоу, и к 7 апреля унионисты, наконец, со всех сторон обложили остров № 10. Гарнизону крепости в составе 5 000 чел. ничего не оставалось, как сложить оружие. Этим ударом Миссури был оторван от Конфедерации, но еще не подчинен Союзу, так как партизанская война все еще продолжалась.

Однако, речная война преследовала более широкие цели, чем штат Миссури. Для штатов Среднего Запада, оставшихся верными Союзу, торговля по р. Миссисипи имела большое значение, так как она связывала с океаном эти области, в то время еще пограничные районы человеческой цивилизации. Это относилось, например, к штату Иллинойс, где до своего избрания в президенты жил Линкольн. Тем не менее, эта заинтересованность не была особенно жизненной, ибо внешняя торговля Среднего Запада легко дала себя отвлечь с юга на восток, т. е. с Мексиканского залива к Атлантическому океану. Тем важнее был штат Миссисипи для неприятеля. Из 11 штатов Конфедерации 8 находились к востоку и 3 к западу от Миссисипи. Если бы унионистам удалось добиться господства над рекой, Конфедерация была бы разрезана на две части. Три штата к западу от Миссисипи, Арканзас, Луизиана и Техас, располагали несметными стадами, от которых зависело снабжение военных сил конфедератов. Если бы конфедераты потеряли эти источники снабжения, то заменить их было бы нечем. Из этого видно значение для войны на истощение унионистской флотилии на Миссисипи.

После падения острова № 10 унионистская флотилия обратилась против форта Пиллоу, расположенного напротив Ошиола на миссурийском берегу реки (расстояние между фортом Пиллоу и Нью-Мадридом — 170 *км*). Сперва эта операция протекала неблагополучно для унионистов. Их новый командующий, командир эскадры Дэвис, заменивший заболевшего Фута, бросил якорь перед фортом Пиллоу, поставив корабли кормой вниз по течению, т. е. по направлению к противнику. Между тем, канонерки были почти не защищены со стороны кормы; почти вся броня находилась в носовой части. Конфедераты воспользовались неудачным расположением кораблей Дэвиса и напали на унионистскую флотилию. Они появились с 8 таранящими кораблями. Свои канонерки со слабой артиллерией они оставили дома, как бесполезные. Корабли с таранами протаранили 2 из 7 канонерок унионистов и привели их в тяжелое состояние. Между тем остальные суда Дэвиса повернули своими бронированными носами к нападающему. Правда, они не были снабжены таранами, как неприятельская флотилия, но зато сильно превосходили ее калибром своей артиллерии. Поэтому конфедераты прервали бой и тем самым отказались от последней возможности владычества над этой частью реки.

Через несколько недель к Дэвису подошла эскадра кораблей, снабженных таранами, снаряжение которых уже не имело никаких недостатков. Конфедераты сделали из этого сурового урока надлежащий вывод, взорвали форт Пиллоу и бросились со всей своей флотилией в атаку на Дэвиса, чтобы по крайней мере не дешево продать свою жизнь. 6 июля 1862 г. жители Мемфиса наблюдали со своих высоких прибрежных скал, как «корабли с таранами бросались друг на друга, подобно диким зверям в смертном бою». У конфедератов было 8 кораблей, а у унионистов только 7 кораблей с таранами, но Дэвис располагал, кроме того, еще и 7 канонерками, огню которых другая сторона ничего не могла противопоставить. В бою 14 кораблей против 8 кораблей более слабый противник был совершенно разгромлен. Корабли конфедератов, попав под обстрел и под удары таранов, а в одном случае даже взятые на абордаж, были частью захвачены, частью выбросились на мель, где также были либо захвачены, либо взорваны собственным экипажем.

Сражение длилось всего 70 мин., и конфедераты понесли потери убитыми и ранеными в количестве 150 чел., в то время как унионисты потеряли лишь 1 легко раненого. Из двух более крупных бронированных кораблей, построенных по распоряжению Конфедерации ее незадачливыми техниками в Мемфисе, один уже давно погиб вследствие дефекта в машине, а другой, будучи еще не закончен, был подожжен при приближении Дэвиса. Те немногие военные корабли конфедератов, которые еще плавали по Миссисипи, были также уничтожены собственными экипажами или захвачены противником. Собственными экипажами были уничтожены также два броненосца, построенные на верфях Нью-Орлеана. Конструктора и мастера действовали при этом настолько неумело, что один из этих кораблей вышел угловатым, как дом, ибо никак не удавалось сделать округлые части. Впрочем, он еще не был готов, когда в конце апреля 1862 г. под Нью-Орлеаном появилась унионистская океанская эскадра и напала на форты в устье Миссисипи. Описанный выше корабль был вслед за этим предан пламени. Другой корабль не смог маневрировать во время боя, потому что отказали в работе машины. В распоряжении унионистского адмирала Фаррагута имелись лишь деревянные корабли, и тем не менее он заставил замолчать форты. Впрочем, он располагал превосходившей противника артиллерией. Фаррагут создал себе под Нью-Орлеаном большую известность, ибо весь мир вспоминал еще атаки англо-французского флота на форты Севастополя. То нападение потерпело неудачу, несмотря на то, что 500 корабельных орудий выпустили 30 000 снарядов по 250 русским орудиям, ответившим лишь 16 000 снарядов.

1 мая 1862 г. Нью-Орлеан был занят унионистским десантом. Между этим городом и Сент-Луис расстояние — около 1 400 *км*. Теперь вся огромная река принадлежала бы унионистам, если бы не было все еще преград, а именно — Виксбёрга и порта Гудзон. Обе эти крепости, расположенные между Нью-Орлеаном и Мемфисом, могли быть взяты только гораздо более многочисленной армией, чем та, которую мог бы в то время выделить Союз для этого театра военных действий. Поэтому успешные операции у острова № 10, у Мемфиса и у Нью-Орлеана представляли собой лишь половину дела.

Средний Запад Союза попрежнему продолжал оставаться отрезанным от своих обычных сообщений с морем, а Техас, Луизиана и Арканзас сохранили через Виксбёрг контакт с главной массой конфедератов.

К району, на который распространялось командование генерала Халлека, принадлежал, наряду с Миссури и Кентукки, также и Теннесси, мятежный штат. По размеру он так же велик, как Северная Италия, но имел тогда лишь по 9 жителей на 1 *кв. км.* Халлеку подчинялся в Кентукки ген. Бьюэлл с 27 000 чел. К востоку от Миссисипи, у Каиро в Иллинойсе, также стояли 33 000 чел. под командованием ген. Гранта.

Против этих 60 000 унионистов у железнодорожной станции Боулинг-Грин в Кентукки расположился лагерем ген. Альберт Джонстон[1] с 30 000 чел. Таким образом, он занимал внутреннюю линию между обеими неприятельскими армиями и был сильнее каждой из них в отдельности или, по крайней мере, равен им. Однако, полководец, располагающий преимуществом действий по внутренней операционной линии, должен считаться и с отрицательными сторонами такого положения, заключающимися в том, что с двух сторон он окружен неприятелем. Джонстон был этим очень смущен и считал свое положение далеко не благоприятным. Более того, вся его энергия была полностью парализована тревогой, как бы не очутиться между двух огней — под ударами Бьюэлла и Гранта; и это, несмотря на то, что конфедераты располагали бы гораздо большим плацдармом для своих передвижений. Луизвилл отстоит от Каиро свыше чем на 400 *км.* Так как Джонстон бездействовал, Грант укрепился 6 февраля 1862 г. в слабо оборонявшемся форте Генри, который должен был бы, собственно говоря, не допускать прохода флота унионистов в р. Теннесси. Армия Теннесси, как назывались силы Гранта, отстояла теперь от Боулинг-Грина на такое же расстояние—160 *км* и угрожала левому флангу конфедератов. Войска Бьюэлла, составлявшие армию Охайо, находились в трех переходах от Джонстона. Один из военачальников Джонстона, Борегар, хотел бы использовать внутреннюю коммуникационную линию для атаки на Гранта, но Альберт Джонстон, повидимому, совершенно не был восприимчив к стратегическим концепциям. Для использования внутренних линий требуются войска, способные совершать большие переходы. Прошлым летом у Джозефа Джонстона таких войск еще не было, но Альберт Джонстон теперь ими располагал. Во время отступления, которое Джонстон предпочел наступлению, одна из его дивизий прошла, например, в один день 43 *км.* Но Джонстон был склонен расценивать боеспособность противника гораздо выше той, на которую он мог рассчитывать от собственной армии. Кроме того, точный расчет «времени и расстояния», которыми так восхищался Веллингтон у Наполеона, когда в 1814 г. тот действовал по внутренним операционным линиям, был Джонстону не под силу. 11 февраля 1862 года он поспешно очистил Боулинг-Грин, а затем и Нашвилл, тот самый город, который многие южане намечали сделать, вместо Ричмонда, столицей Конфедерации американских штатов. В Нашвилле находились многочисленные военные запасы, которые, учитывая недостаток Конфедерации в военном имуществе и ее производственную слабость, никоим образом нельзя было оставлять противнику. Но железные дороги Конфедерации, как уже указывалось

[1] Не смешивать с Джозефом Джонстоном, полководцем при Буль-Рён.

выше, были примитивны, а частные общества, которым они принадлежали, руководили службой движения отнюдь не с военной точностью. Для того чтобы прикрыть от Бьюэлла затянувшиеся перевозки в направлении на Стивенсон в штате Алабама, Джонстон занял с 17 000 чел. — половиной своей армии — позиции у Мерфризборо. Остальные 18 000 чел. он направил в форт Донельсон, близ форта Генри. Подобно тому как назначение последнего заключалось в преграждении неприятельскому флоту доступа в р. Теннесси, так и форт Донельсон предназначался для той же цели на р. Кемберленд. Опираясь на форт Донельсон, ген. Флойд должен был прикрывать от Гранта отход Джонстона и эвакуацию военных запасов. Повести всю армию навстречу Гранту Джонстон не решался. Теперь же, впав из чрезмерной осторожности в легкомыслие, он подставил лишь половину своей армии под удары Гранта.

Флойд окопался у форта Донельсон, ибо солдаты Конфедерации постепенно отучались относиться к рытью окопов, как к чему-то не подобающему их достоинству, и 13 февраля 1862 г. был атакован Грантом. Окопы, укрытые зарослями девственного леса, блестяще оправдали себя. Штурм унионистов был отбит, причем наступающие потеряли четверть своего наличного состава. Упадок духа их усилился еще и тем, что установившаяся во время похода от форта Генри к форту Донельсон весенняя погода внезапно сменилась сильнейшей снежной бурей. Не подчинившись приказаниям своих командиров, пехота оставила в форте Генри свои ранцы, шинели и одеяла, ибо походная дисциплина была у унионистов столь же недостаточна, как и в июле 1861 г., перед первым сражением у Буль-Рёна.

На следующий день, 14 февраля, Грант потерпел вторую чувствительную неудачу. Его броненосная флотилия атаковала днем береговые батареи форта Донельсон. Унионистский адмирал Фут располагал 4 канонерками; береговые батареи были снабжены 15 тяжелыми орудиями. Во время Крымской кампании плавучие батареи французов оказали большое содействие при взятии Кинбурна, не понеся никаких потерь. Тем более решительного успеха,— думали американцы,— добьются их лучше сконструированные канонерки. Фут рискнул приблизиться на дистанцию в 100 *м* к форту Донельсон, надеясь на свою броню. Но броня была пробита так же легко, «как молния пробивает кору деревьев». На одном из его кораблей были снесены головы 5 матросам. Одно плохо отлитое орудие взорвалось, что, впрочем, случалось и ранее, при обстреле острова № 10. Две канонерки понесло вниз по Кемберленду; течение швыряло их в разные стороны, точно деревянные колоды. Обе другие канонерки, также сильно потрепанные, последовали за ними. После полуторачасового боя все было кончено.

Таким образом, и на суше и на воде Флойд остался сперва победителем. После того как Джонстон успел тем временем эвакуировать в безопасные места все военные материалы, Флойд счел свою задачу у форта Донельсон законченной и решил снова соединиться с остальной частью армии конфедератов. Для этой цели ему со своими 18 000 чел. предстояло пробиться сквозь 21 000 унионистов, ибо такими силами располагал сейчас Грант после прибытия к нему еще одной дивизии, доставленной на судах по Кемберленду. В ночь на 15 февраля Флойд сконцентрировал свои силы против запиравшей его армии, не заметившей его маневра, ибо ее замерзшие, изголодав-

шиеся передовые посты не обращали никакого внимания на неприятеля.

В начале войны не только солдаты армии конфедератов гнушались окопными работами, но и добровольцы в войсках Союза научились признавать их необходимость лишь путем сурового опыта. Перед фортом Донельсон Грант не смог еще заставить свои недисциплинированные войска окапываться, и поэтому 15 февраля, когда эти войска подверглись атаке прорвавшихся конфедератов, унионисты в течение долгих часов находились в очень тяжелом положении. В конце концов, однако, прорыв осажденных не удался, так как осаждающие старались теперь спешно создать полевые укрепления. Из 30 батальонов Флойда ускользнули лишь те 4 батальона, для которых нашлись на Кемберленде перевозочные средства; остальные же 26 капитулировали. Один полк Техасской кавалерии избежал плена тем, что ценой чрезвычайных усилий пробрался вдоль топкого берега реки, по ледяной коре, в Нашвилл, а затем и дальше в Мерфризборо.

Во время этой кампании Грант проявил качества настоящего полководца, ставящего в случае необходимости все на карту. Будучи более слабым, он, однако, решается окружить корпус Флойда. Даже и получив подкрепления, Грант оставался гораздо слабее Флойда и Альберта Джонстона, вместе взятых, и ничуть не был обеспокоен тем, что этот последний наступал ему в тыл.

Джонстон пришел в отчаяние от той высокой цены, которую пришлось заплатить за спасение военных материалов, и проявил полную растерянность в отношении того, что́ ему предпринять в дальнейшем. Он склонялся к тому, чтобы очистить весь Средний и Западный Теннесси и со всеми своими войсками двинуться за военными материалами в Алабаму. Все же он дал убедить себя Борегару в необходимости защищать Коринф на границе штатов Теннесси и Миссисипи. Коринф был небольшим местечком — едва 1 500 жителей, но Борегар правильно понял, что это местечко является для противника первоклассным стратегическим объектом. Дело в том, что Коринф являлся узловым железнодорожным пунктом на театре военных действий, пространство которого в 5 раз превышало Францию. Армии Конфедерации могли сколько угодно уклоняться от развязки, как это сделал Джонстон своей попыткой отступить в Алабаму, но, отдав железнодорожные узловые пункты, они, в конце концов, не были бы в состоянии прокормиться.

Подобно своему однофамильцу Джозефу, Альберт Джонстон был трудно восприимчив к новым оперативным методам. Он отклонил предложение Борегара перебросить пехоту из Мерфризборо в Коринф по железной дороге и двинул туда свои войска походным порядком. Армия его была способна к быстрым переходам, но командующий проводил эту операцию лишь скрепя сердце. Поэтому поход на расстояние 270 *км* растянулся на целых 28 дней. В это время Борегар призывал губернаторов соседних штатов доставить ему пополнения взамен потерянной половины армии. И в самом деле, помимо 17 000 чел. Джонстона, удалось собрать у Коринфа еще 23 000 чел. новых пополнений. Правда, значительная часть этих пополнений состояла из людей, которые дали обязательство служить лишь 90 дней и подготовка, вооружение и дисциплина которых никуда не годилась. Даже относительный авторитет, которым пользовалось южное правитель-

ство, не мог совладать с этим поспешно собранным человеческим материалом.

Несмотря на это, Борегар настаивал на решительном сражении. Он рассчитывал отплатить за форт Донельсон и одолеть часть противника в тот момент, когда она окажется в отдалении от другой, т. е. поступить точно так же, как Грант. Армия Теннесси на пароходах прибыла вверх по течению в Саванну[1] — местечко, находившееся по соседству от Коринфа. 17 марта 1862 г., в тот день, когда Грант перенес свою главную квартиру в Саванну, армия Охайо только лишь вступила в Нашвилл. Ей оставалось пройти до Саванны 180 *км*. Бьюэллу потребовалось для этого 23 дня, причем он делал еще более медленные переходы, чем Джонстон. Но армии, которые к моменту возникновения войны не только пополняются мобилизацией, но вообще создаются наново, еще долго сохраняют неповоротливость, ибо на первых порах ощущают недостаток во всем. Это, в свою очередь, влияет на их командиров и вызывает в них, если только они не обладают особыми качествами, всевозможные опасения. Бьюэлл не располагал понтонным парком, поэтому ему пришлось потратить у Колумбии на р. Дук 10 дней, для того чтобы навести через разлившуюся реку мосты — один понтонный и один на козлах. Вскоре оба моста оказались излишними, так как вода в р. Дук быстро спала и ее можно было теперь легко перейти вброд.

Грант не страдал от излишних внутренних опасений. Не в его характере было бездеятельно сидеть в Саванне целых три недели, лишь по истечении которых он мог рассчитывать на соединение с армией Охайо. По ту сторону реки, со всех четырех сторон горизонта, поезда беспрестанно подвозили массы неприятельских войск к Коринфу. Очевидно, для того чтобы не дать противнику времени усилиться еще больше, надо было действовать быстро. Впрочем, атаковать Коринф, окруженный полевыми укреплениями, не было возможности до соединения армии Теннесси с армией Охайо, так как армия Теннесси насчитывала всего лишь 33 000 чел. против 40 000 конфедератов. Правда, Грант считал их гораздо более слабыми. То обстоятельство, что благодаря энергии Борегара противник больше чем сгладил катастрофу под фортом Донельсон, Гранту не было известно. По данным неточной разведки, на которую только и была способна его плохая и слабая кавалерия, он недооценивал противника и считал, что армия последнего отнюдь не многочисленнее его собственной; поэтому он думал, что его армия хотя и недостаточно сильна для наступательного сражения, но вполне пригодна для маневренной войны. Заняв вблизи Коринфа позицию такой же оборонительной силы, как и окопы конфедератов в этом пункте, он мог рассчитывать преградить те железные дороги, по которым неприятельской армии подвозилось продовольствие и все ей необходимое. Следовательно, можно было бы маневрированием отвлечь Джонстона от Коринфа.

Подобная позиция казалась ему особенно удобной у Питсбёрг-Лендинга, являвшегося портом Коринфа на Теннесси. Подчиненный ему командир дивизии Шерман столь же благоприятно оценивал эту позицию, как и он. «Великолепная равнина, — докладывал он своему шефу, — как бы созданная для разбивки лагеря и для строевого

[1] Маленький речной порт. Не смешивать с морским портом Саванной, столицей Георгии.

учения, и в то же время пункт чрезвычайно сильный в военном отношении... Местность, легко обороняемая небольшой воинской частью... Единственный недостаток заключается в том, что при нынешнем низком стоянии вод пристань слишком тесна для того огромного флота, который разгружается в данный момент».

Из этой последней фразы читатель усмотрит, что Грант уже перенес свою базу на западный берег в Тенесси. Армия Тенесси расположилась здесь лагерем впереди Питсбёрг-Лендинга у сколоченной на живую нитку деревянной церкви Шило,— так называлось поселение, достигшее лишь в 1920 г. 95 чел. Оно находилось в безлюдном девственном лесу. Питсбёрг-Лендинг, Саванна и все окрестные селения, как бы они ни назывались,— все они представляли собой не что иное, как блокгаузы и одиночные разбросанные хутора. Без своего флота 33 000 унионистов не смогли бы прожить здесь ни одного дня.

Однако, и конфедераты точно так же не могли бы ни одного дня прожить без железных дорог. Что они будут отрезаны от железных дорог если не до слияния армии Охайо с армией Тенесси, то, во всяком случае, после него, в этом Борегар тотчас же убедился, и его испуганному воображению стала вдобавок мерещиться картина сражения между 40 000 конфедератов и 60 000 унионистов после соединения армии Тенесси и Охайо. Борегар предусмотрел все это правильно. Он со всей убедительностью призывал Джонстона атаковать сейчас, когда они имели дело лишь с одной армией Тенесси. Перед лицом оборонительных возможностей, которыми располагала местность у Шило, Джонстон всячески противился этому, и с полным основанием. Отсутствие инициативы подсказало ему на этот раз правильный путь. Однако, в последний момент он все же уступил своему подчиненному, в умственном отношении превосходившему его, и притом в самый последний момент, ибо в Коринфе уже стало известно, что головные части армии Охайо приближаются к Шило. Оба эти пункта находятся лишь в одном переходе друг от друга; но так как конфедератам было отдано распоряжение построиться в 6 час. утра 3 апреля, то Борегар рассчитывал, что удастся атаковать неприятельскую армию 4 апреля, по возможности еще на рассвете. Но и этот одаренный полководец, так же как и остальные военачальники обеих армий, не мог себе представить, во что выльются на практике военные действия большими соединениями в условиях американской местности. Борегар тоже почерпнул свои знания и опыт из европейских книг, так как в его стране не существовало постоянной армии, производившей маневры в мирное время; поэтому он не раз обнаруживал недостатки, присущие чистым теоретикам. В пустынной местности можно было выступать в поход, лишь забирая с собой обильное продовольствие; этой задаче отвечали три сваренных рациона в ранце и два в обозе. Через девственный лес вели лишь узкие, размытые проливными дождями дороги. Это были трудные препятствия, которые привели к тому, что нападающий приблизился не 4-го, как он рассчитывал, а лишь в конце дня 5 апреля к лагерю Шило. Но и тогда не представлялось еще возможным начинать сражение. 90-дневные добровольцы выбросили вместе с ранцами также и свои рационы, а боевые обозы застряли в грязи. Атаковать в тот же день уже было нельзя, а так как вся задуманная операция была основана на выигрыше времени, то Борегар пришел к выводу, что атака уже нецелесообразна. Чего можно было ожидать, если 40 000 конфедератов ввяжутся в бой

с соединенными армиями Тенесси и Охайо, т. е. с 60 000 неприятельских войск? На этот тревожный вопрос Борегар ответил тем, что повернул руль в другую сторону и предложил Джонстону вместо нападения отступление. Столь резкую перемену точки зрения он подкрепил примером Веллингтона, пригодным для всех времен и народов. Веллингтон наступал на Сульта[1] с целью дать сражение, но потом в самом разгаре приготовлений к атаке вдруг повернул назад, так как обстановка у противника показалась ему иной, чем он ее себе представлял на расстоянии.

Это не произвело никакого впечатления на Джонстона, который не обладал гибким умом и настаивал на исполнении раз задуманного плана. Это он называл настойчивостью характера. Но он привел в пользу этого и еще один весьма существенный довод, а именно, что он не хотел совершать поворот перед фронтом врага. Подобная стратегия, по его мнению, гибельно отразилась бы на моральном состоянии армии. Борегар не придавал большого значения моральному состоянию солдат, с которыми ему приходилось иметь дело во время своих научных занятий. Мы увидим, что войска конфедератов всегда были готовы итти в наступление, но угрожали неповиновением, как только полководец намеревался уклониться от сражения, даже по основательным соображениям. Решение относительно выбора стратегии, которую следовало применить при Шило, было подсказано не Борегаром, не Джонстоном, а слепым напором войсковых масс. После того как они были приведены в движение против неприятеля, сила собственной динамики увлекла их в атаку. Атака произошла 6 апреля в 6 час. утра при благоприятных условиях, ибо застигла унионистов врасплох. Служба сторожевого охранения унионистов была так же плоха у Шило, как и у форта Донельсон; унионисты ничего не знали о приближении противника, несмотря на то, что этот последний находился еще накануне всего лишь в 3 *км* от их лагеря. Так подверглась внезапному нападению армия Гранта. Она снова не окопалась. Грант оправдывается тем, что считал гораздо более необходимым использовать время для военного обучения неподготовленных войск. Из пяти дивизий только три были кое-как приведены в надлежащий вид. Многие солдаты еще не умели заряжать свои винтовки. Все они были совершенно не обучены.

Эта картина состояния унионистской милиции верна, но, даже исходя из такого положения, можно было использовать по крайней мере две дивизии для укрепления лагеря. Сам Грант чувствует, что его доводы недостаточны для оправдания этого упущения. Он добавляет, что не следует быть слишком требовательным в отношении дисциплины. Необходимо отличать добровольцев военного времени от солдат-добровольцев, служивших еще в мирное время. Первые рискуют своей жизнью ради принципов и очень часто являются людьми, обладающими познаниями, имуществом, занимающими известное социальное положение, и отличаются также самостоятельностью характера; вторые служат большей частью лишь потому, что не смогли добиться лучшего в других профессиях.

Английский подполковник Гендерсон еще до мировой войны написал труд о Стонуолл-Джексоне, столь же обстоятельный, как и книга английского начальника генерального штаба Мориса о ген. Ли.

[1] Веллингтон — английский фельдмаршал, сражавшийся против Наполеона I. Сульт — один из маршалов Наполеона. — *Ред.*

В этих трудах проводится сравнение между английскими и германскими войсками. Смысл этих сравнений, которые приближаются к данной Грантом оценке моральных достоинств американских милиционных войск, можно передать следующим образом: оба английских военных авторитета не отрицают несовершенства американской дисциплины, однако предпочитают ее прусско-германской, так как в германском солдате много подневольного.

Как бы то ни было, благодаря специфическим американским чертам характера унионистских добровольцев военного времени конфедератам удалось захватить врасплох лагерь Гранта. Грант считает, что его армия не нуждалась в искусственных опорных пунктах, поскольку для обоих ее флангов имелись естественные опорные пункты. Слева, как и справа, армия могла упереться в трудно проходимые речки. Во всяком случае, это было вполне возможно; на фронте между обеими речками приходилось по 3 чел. на 1 *м*. На самом же деле Грант, на случай неожиданного неприятельского нападения на левом фланге, не позаботился о том, чтобы не был утерян контакт с прикрывающей местностью вдоль ручья Лик[1]; быть может, это случилось и потому, что вследствие падения с лошади Гранту трудно было двигаться. Благодаря этому конфедератам удалось оттеснить левый фланг унионистов, создав им угрозу охвата. Грант рассказывает, что, попав под первый обстрел, многие батальоны просто рассеялись, другие бежали, предводимые своими трусливыми командирами. Однако, нельзя без некоторых оговорок присоединиться к этой презрительной оценке главнокомандующим своих войск. 3 дивизии левого фланга унионистов потеряли треть наличного состава; они понесли потери, главным образом, убитыми и ранеными. Конфедераты лишь медленно добились захвата местности глубиной в 1½ *км*, и притом дорогой ценой. В 2 часа дня здесь погиб Джонстон, который, как и еще многие генералы после него, сражался в передних рядах, чтобы своим примером добиться от войск конфедератов проявления максимального презрения к смерти.

И на правом фланге унионистов целая бригада исчезла сейчас же, как только попала под обстрел; один лишь командир ее был еще виден на поле боя. Шерман, командовавший здесь, был слишком бдителен, чтобы дать застигнуть себя врасплох. Правда, ему тоже пришлось отойти назад, хотя бы для того, чтобы не потерять соприкосновения с другим крылом, но опасность охвата ему почти не угрожала. Болота ручьев Оуль и Снейк являлись надежными опорными пунктами. Конфедераты, которые ввели в бой свои последние силы, пытались ввести в дело и Техасскую кавалерию, но Шерман велел построиться углом; впрочем, всадники, не имевшие никакой кавалерийской выучки, оказались совершенно неспособными к атаке.

Кроме этой попытки на левом фланге конфедератов, обе стороны пользовались кавалерией лишь позади фронта, для того чтобы ловить беглецов и гнать их обратно в бой. По оценке Гранта, у унионистов было около 5 000 дезертиров, т. е. 15% пехоты, охваченных паникой и столпившихся на крутом берегу реки. На угрозу обстрела их с обеих канонерок, которыми Грант располагал на реке, они не обратили внимания. Борегар, принявший на себя после смерти Джон-

[1] Ср. собственную карту Гранта «Battles and Leaders», т. I, стр. 470.

стона главное командование над конфедератами, оценивал число своих дезертиров даже в 23% всей пехоты.

В прошлые столетия для полководца, захватившего с бою неприятельский лагерь, всегда было трудной задачей удержать свои войска от грабежа, до окончательного исхода боя. Плохое снаряжение армии в эпоху несовершенного денежного хозяйства много содействовало этому. Кроме того, мятежные Южные штаты были аграрной страной, бедной капиталами и промышленностью. В момент выхода из Союза у строевой пехоты Конфедерации нехватало даже винтовок на каждого человека, не было ни одной сабли для кавалерии. Ощущался чрезвычайный недостаток в обмундировании и других предметах снаряжения. Поэтому солдаты, захватившие лагерь левого крыла унионистов, бросились грабить его. Они искали сапог и прочих предметов первой необходимости, не выданных им их правительством; кроме того, они искали и продовольствия, ибо сами выбросили свои ранцы с рационами, а захваченный лагерь изобиловал такой изысканной едой и напитками, какие никогда не выдавались войскам конфедератов. Этим легко объясняется разложение значительной части милиционных войск конфедератов, не привыкших к строгому повиновению.

Борегар имел 76 батальонов, Грант лишь 64, но численный состав частей конфедератов был несколько слабее унионистских: 450 против 480 человек на батальон; поэтому против 34 000 винтовок конфедератов — у унионистов было 31 000 винтовок.

Кроме того, Грант располагал у блокгауза Крэмпс-Лендинг также и головной дивизией армии Охайо из 11 батальонов. Подход этой дивизии, о чем Грант распорядился, как только подвергся нападению, обещал ему превосходство сил: 36 000 винтовок против 33 000. Однако, не это было самым важным. Решающим должно было явиться неотступное движение вперед дивизии ген. Уоллоса именно по той дороге, на которую он ступил в 12 час. дня. Тогда он ударил бы по левому флангу противника, в самую середину грабящих шаек пехоты конфедератов. Началось все хорошо. Войска шли быстро. Около 3 ч. 30 м. дня один за другим примчались к ген. Уоллосу три адъютанта Гранта с требованием ускорить наступление. Уоллос находился во главе своей колонны, растянувшейся на 3 *км*, близ мельничного моста, перекинутого через крутые берега заболоченного ручья Оуль. Генерал уже ясно слышал ружейную перестрелку. Он находился ведь всего лишь в 1½ *км* от того пункта, где стояла лагерем армия Гранта и где она подверглась нападению. Но так как Уоллос не увидал там больше палаток дивизии Шермана, то он впал в грубую ошибку, решив, что, прежде чем ввязаться в бой, он должен сначала войти в тесный контакт с Шерманом. Поэтому он повернул назад и прошел довольно длинное расстояние, чтобы затем подойти по исключительно плохому проселку к новой позиции Шермана. Авангард его войск подошел туда лишь к 7 ч. 15 м. вечера, а солнце зашло в тот день уже в 6 ч. 30 м.

Во время дальнейшего изложения мы увидим, что американские генералы, в особенности у северян, были не на высоте задач тактики охвата. Если бы Уоллос понимал, как надо разрешать такие вопросы, Шило, по всей вероятности, превратился бы в большую победу Гранта. На самом же деле, он понес чувствительное поражение, во

всяком случае моральное. В материальном отношении бой остался нерешенным. Конфедератам так и не удалось оттеснить левый неприятельский фланг от Тенесси, ибо унионистов прикрывало глубокое ущелье, наполненное водой из разлившейся реки. Правда, значительное превосходство унионистской артиллерии было уничтожено, вследствие потери орудий в самом начале атаки, и Борегар рассчитывал извлечь из этого тем бо́льшую выгоду, что до сражения он внушал начальникам частей мысль собирать артиллерию в кулак: «12 орудий

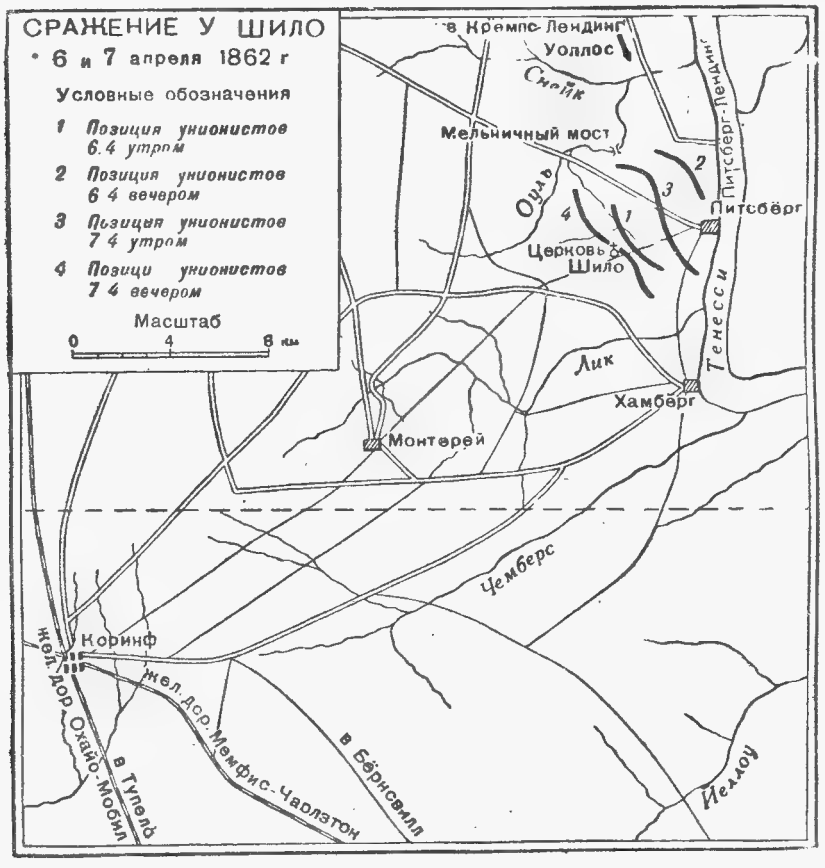


Схема 4.

в одном пункте»[1]. Но мысль применять артиллерию в сосредоточенном виде была отголоском походов Наполеона I, военное искусство которого усердно изучалось и конфедератами и унионистами.

При этом умы обеих сторон не забывали и про Веллингтона, Фридриха Великого и Юлия Цезаря, ибо по интеллигентности и образованности обе стороны не уступали друг другу. Однако, американский девственный лес требовал собственной тактики, примеров для которой нельзя было найти в изучении истории. Для этого требовались бы маневры или, по крайней мере, занятия на местности в мирное время, но об этом, конечно, нечего было и думать при регулярной армии в 16 000 чел., рассеянной на бесчисленных постах вдоль границы областей, населенных индейцами.

[1] Конфедераты имели 18 батарей, в среднем по 4 орудия.

Вокруг церкви Шило местность была волнистая, густо поросшая лесом и кустарником. Природа с незапамятных времен провела здесь лишь очень немногие просеки, как бы вырезав их на поверхности. Артиллерия была почти неприменима в густом девственном лесу, а французская тактика движения колоннами была еще менее применима. У Шило еще гораздо больше, чем при Буль-Рён, сомкнутые построения пехоты развертывались в стрелковые цепи. Это естественное изменение происходило одинаково у обеих сторон и не помогло конфедератам, после того как их наступление превратилось в простую фронтальную атаку, прорвать фронт противника. Пятая часть пехоты конфедератов уже полегла, и чем ближе подходили атакующие к р. Тенесси, тем действительнее их обстреливала гранатным огнем резервная артиллерия Гранта и канонерские лодки, приблизиться к которым не было никакой возможности. Борегар убедился в бесполезности дальнейших жертв и после последней отчаянной попытки охвата левого неприятельского крыла еще до захода солнца приказал начать отступление к захваченному лагерю.

Все 76 батальонов Борегара и 64 батальона Гранта были полностью введены в бой. У обеих сторон части настолько смешались, что почти совершенно потеряли свою боевую силу. Однако, эта картина смятения и расстройства, казалось, не поколебала дух унионистского главнокомандующего; он заявил Шерману, позицию которого на правом фланге он осматривал, чтобы тот приготовился перейти в наступление на следующее утро. Когда конфедераты пытались пробиться у форта Донельсон,— продолжал Грант,— обе стороны производили в конце боя впечатление побежденных. Победителем будет тот, кто продержится, несмотря ни на что, и захватит в свои руки наступательную инициативу. Он заявил, что Бьюэлл достиг уже берега Тенесси, против Питсбёрг-Лендинга, и занят сейчас переправой своих войск.

И в самом деле, в течение ночи прибыли, включая войска Уоллоса, 4 дивизии армии Охайо, в том числе 2 дивизии на судах из Саванны. Три пятых пехоты армии Охайо сосредоточились влево от армии Тенесси,— 30 свежих батальонов! 7 апреля в 10 час. утра вновь разгорелось сражение, причем никто не мог бы сказать, кто нападающий; одна из дивизий Бьюэлла понесла значительные потери. Однако, Грант, хотя Бьюэлл был старше его в чине и значился главнокомандующим, заставил его прекратить бой еще в первой половине дня. Как он утверждает, вызвано это было состраданием к переутомленной армии Охайо, которая в последние дни шла форсированными переходами по 30 *км* и более, чтобы своевременно достигнуть Саванны. Однако, мы увидим далее, что нет ни одного полководца с историческим именем, который так необдуманно растрачивал бы свои войска, если он считал это нужным, как Грант. Дело в том, что 7 апреля 1862 г. он не был в состоянии думать не о чем ином, как о сохранении армии. Армия избегла уничтожения тем, что она из последних сил уцепилась за водные преграды и болота, прикрывавшие фланги и тыл, после того как ее полководец дал себя застигнуть врасплох. Грант был расстроен, смущен, обескуражен и не сумел использовать блестящие шансы, предоставленные ему сравнительно свежими войсками Бьюэлла. 7-го числа он не проявил той чрезвычайной энергии, которую попытался проявить 6 апреля в своей беседе с Шерманом.

Не будем, однако, недооценивать его. Мы видели, как он пытался с меньшими силами, чем у неприятеля, взять штурмом форт Донельсон, только для того, чтобы не дать отступить корпусу Флойда. Мы рассмотрели также и плоды этого блестящего образца военного искусства: получив подкрепление, Грант захватил в плен 18 000 конфедератов, имея 21 000 чел. Жизненность его военного искусства показала себя снова и под Коринфом. Только для того чтобы не допустить изменения соотношения сил в неприятельском лагере, путем прибытия свежих подкреплений в ущерб делу унионистов, Грант не стал ждать прибытия армии Охайо и один пошел со своей армией Тенесси на Коринф. Подобная смелость у форта Донельсон оказалась уместной, но у Шило она представляется в менее благоприятном свете, ибо от Гранта ускользнуло то, что Джонстон и Борегар получили подкрепления и тем достигли численного превосходства над ним. Но ошибочные заключения в результате неразберихи противоречивых донесений встречаются и у крупнейших полководцев. Напомню хотя бы про ошибку Мольтке относительно местонахождения Луарской армии. Нельзя упрекать Гранта также и в том, что на второй день сражения он не нашел в себе внутренней силы повернуть копье в другую сторону и, в свою очередь, решительно напасть на конфедератов. У Мольтке после Кениггреца и у Блюменталя при Верте также не выдержали нервы, а поэтому обе эти победы оказались неиспользованными до конца в стратегическом отношении. «Ни при Альме, ни при Инкермане,— говорил я в своем описании сражения при Верте, — ни при Мадженте, ни при Сольферино, ни при Кениггреце и Шпихерне неприятель не преследовался, ибо после этих всех сражений, как и почти всегда в истории, победители испытывают почти такое же потрясение, как и побежденные». Между тем, 6 апреля 1862 г. не было победой унионистов, а было просто нерешенным сражением. Все 5 дивизий армии Тенесси были полностью введены в бой. Одна потеряла 20% убитыми и ранеными, три — по 25%, а одна — даже целых 30%. Поэтому генерал Бьюэлл совершенно прав, когда он следующим образом характеризует состояние армии Тенесси к вечеру 6 апреля 1862 г.: «Путы дисциплины недостаточно еще долго существовали или недостаточно туго были натянуты... в большей части армии они совершенно распустились...»

И у регулярных армий даже в рядах победителей обычно получается после сражения почти такая же картина. Мы вряд ли ошибемся, если будем считать, что замечания Бьюэлла относительно дисциплины в армии Тенесси содержат выпад против Гранта. Именно этот Бьюэлл был непосредственным главнокомандующим армии Охайо, помощью которой Грант должен был воспользоваться, если бы 7 апреля он продолжал бой в более широком стиле. Взаимная зависть генералов в унионистской армии была чуть ли не еще сильнее той, которую мы встречаем в истории регулярных армий Европы. Недоброжелательность Бьюэлла в отношении Гранта соответствовала такой же недоброжелательности Гранта к Бьюэллу. Если последний заявляет, что узы дисциплины в армии Тенесси недостаточно сильны, то второй берет реванш тем, что почти насмешливо замечает, что его решение прервать бой было вызвано состраданием к чрезмерным усилиям армии Охайо.

Эти внутренние раздоры генералов, повидимому, сильно повлияли на депрессию Гранта, под влиянием которой он вечером 7 апреля

ожидал на 8 апреля возобновления наступления Борегара; между тем, в действительности последний был только рад тому, что его оставили в покое. Он даже уже начал отступление на Коринф. Грант, однако, в ущерб самому себе настолько не разобрался в положении, что написал Халлеку в Сент-Луис о рискованности оставаться на левом берегу Тенесси без значительных подкреплений.

Между тем, Борегар отвел почти всю армию конфедератов в Коринф. Как 6-го, так и 7 апреля конфедераты подверглись непосредственной опасности тяжелого поражения и избегли его лишь благодаря ошибкам и слабостям руководства противника; теперь же исход боя хоть и не дал им победы, как в деле у Буль-Рёна, но зато принес новую славу их оружию. Благодаря внезапности нападения они захватили половину артиллерии Гранта. Получив возможность беспрепятственного отступления, они смогли забрать эту артиллерию с собой, оставив соответствующее число собственных орудий, так как, для того чтобы увести оба парка, им нехватало лошадей. Но обмен гладкостенных пушек на нарезные был достаточно выгоден для конфедератов, так же как и то, что они смогли нагрузить зарядные ящики батарей захваченными нарезными винтовками.

Через 4 дня после сражения в унионистскую армию прибыл из Сент-Луис ген. Халлек. И у него с Грантом не было согласия. Главнокомандующий предложил командующему армией Тенесси самым основательным образом реорганизовать свои силы; этим он дал ему понять, что ценит его не особенно высоко. «Ваша армия,— писал он,— не в состоянии противостоять нападению». Но конфедераты не могли и думать о таком нападении. Они, так же как и их противник, ввели в бой всех, до последнего человека, и потеряли убитыми и ранеными приблизительно 20% пехоты. Надежда Борегара справиться с одной неприятельской армией, до того как она соединится с другой, рассеялась, как дым. Борегар считал, что перед неприятелем, который превосходил его численностью на целую половину, он может лишь сохранять оборонительное положение и как можно дольше удерживать Коринф. Вырытые силами негров окопы ему удалось оборонять против Халлека в течение 7 недель, а потом отвести свою армию нетронутой в Тупело, в штате Миссисипи,— пункт, находившийся примерно в пяти переходах к югу от Коринфа и также являвшийся железнодорожным узлом. Таким образом, военные действия весной 1862 г. в средней полосе Конфедерации так и остались тактически нерешенными, но со стратегической точки зрения нанесли ущерб отколовшимся штатам. Их вооруженные силы располагали очень узкой базой: населенными островками бо́льших или меньших размеров в необъятном девственном лесу, в которых были скучены 9 млн. обитателей Юга. Каждая потеря населенных территорий чувствительно затрудняла снаряжение и содержание армий конфедератов. На этом северяне и строили свои надежды на победу, после того как исход сражений у Буль-Рёна и у церкви Шило усилил сомнение в том, будет ли эта война решена, подобно походам Наполеона, одними только сражениями. Унионисты, как мы уже видели, внедряли идею войны на истощение. Их противники должны были быть приведены в состояние невозможности восстанавливать израсходованные боевые средства. В особенности Гранту было ясно, что именно это и есть надлежащая стратегия. В центральном районе военных действий он систематически уничтожал все продовольствие и вообще все, что

так или иначе могло относиться к военным потребностям, если только не было возможности переправить их из областей, занятых конфедератами, на территорию, находившуюся во власти унионистов. Все продукты сельского хозяйства и промышленности рассматривались им, по его собственным словам, как контрабанда, точно так же, как оружие и боеприпасы. Тщетно противопоставляли конфедераты этой жесткой доктрине довод, что, согласно правилам международного права, нельзя лишать мирное население его имущества и средств производства. От тех уступок, которые генерал-епископ Польк будто бы с поднятым крестом вынудил у Гранта, практика войны выгадывала очень мало.

Глава III

Наступление на Ричмонд с моря летом 1862 г.

Бой броненосных кораблей (8 и 9 марта). — Сражение у Фэр-Окс и Севн-Пайнз (31 мая—1 июня).—Семидневное сражение (26 июня—2 июля)

В июле 1861 г. унионисты впервые повели наступление на Виргинию, окончившееся поражением при Буль-Рён. Мак-Доуэлл располагал здесь 35 000 чел.; к этому надо добавить 14 000 под командованием Паттерсона в долине Шенандоа; всего, таким образом, в Виргинии сражалось 49 000 унионистов. Прошло ¾ года, пока Мак-Клеллан, которому была поручена эта задача, организовал те 123 000 чел., которые должны были возобновить наступление на столицу Конфедерации. В марте 1862 г. под Александрией стояли 67 000 чел.[1], которыми командовал сам Мак-Клеллан. Они составляли, однако, лишь главные силы тех войск, которые должны были приступить к движению на Ричмонд. У Александрии стояла еще вторая армия силою в 31 000 чел. под командой Мак-Доуэлла, а в долине Шенандоа еще третья, которой командовал ген. Бенкс. Эта последняя насчитывала 25 000 чел. Всего, таким образом, для нанесения поражения конфедератским силам было собрано около 123 000 чел. в марте 1862 г. в Виргинии.

Действия Мак-Клеллана, Мак-Доуэлла и Бенкса были согласованы между собой. Военный министр Стэнтон сохранил за собой общее руководство военными действиями из Вашингтона при помощи телеграфа. Тем самым электрический телеграф вошел в военную историю.

[1] «Battles and Leaders», т. II, стр. 160, The Peninsular Campaign ген.-майора Джорджа Мак-Клеллана. Мак-Клеллан определяет силу своей армии на бумаге в 92 000 чел.; сюда включены все входившие в состав армии и получавшие денежное довольствие от правительства, значит также нестроевые и обозные; в число строевых он включал и откомандированных поваров, денщиков, ординарцев, а также уклонявшихся и уволенных в отпуск по различным причинам. После исключения всех этих категорий остается боевая численность в 67 000 чел.

План военных действий заключался в том, чтобы 67 000 чел. Мак-Клеллана были переправлены водным путем к устью Джеймса, на северном берегу которого десантный отряд занял форт Монро. Мак-Клеллан, инициатор плана кампании, считал Джеймс наилучшей базой для наступления на Ричмонд: таким образом, унионисты могли избежать западни, в которую надеялся заманить их Джефферсон Дэвис, а именно — растянутых коммуникационных линий, для прикрытия которых у них нехватало войск.

Если бы все шло так, как хотелось Мак-Клеллану, и транспортный флот перевез бы в устье Джеймса также и армию Мак-Доуэлла, он высадил бы у форта Монро не 67 000, а 98 000 чел., если бы Стэнтон считал, однако, что эти 31 000 чел. ему необходимы для прикрытия Вашингтона. Выше уже указывалось, что падение Ричмонда едва ли заставило бы южан положить оружие; но если бы неприятель вступил в Вашингтон и отсюда наложил бы руку на пенсильванскую военную промышленность, то тогда была бы перерезана главная артерия Севера. Между тем, Мак-Клеллан, выполняя задачу организации всех полевых армий Союза, привел вместе с тем в оборонительное состояние и Вашингтон. Весной 1862 г. вокруг Вашингтона был возведен пояс выдвинутых вперед фортов, между которыми были вырыты окопы для пехоты. Гарнизон города состоял из 30 000 чел.[1], в том числе 1 немецкой дивизии. Только путем правильной осады и массовой затраты различных материалов и средств можно было еще рассчитывать взять Вашингтон, а у конфедератов вообще не было никаких осадных парков.

Исходя из изложенного, Мак-Клеллан и считал, что для этого хватит 25 000 чел. Бенкса, стоявших в долине Шенандоа, против 20 000 чел. конфедератов, расположившихся там под командой Стонуолл-Джексона. Ведь и Харперс-Ферри, основной пункт для переправы через Потомак из долины Шенандоа в Мэриленд, прикрывался внушительным гарнизоном. Стэнтон выдвигал то возражение, что Джексон мог быть усилен путем откомандирования в его распоряжение войск из Ричмонда. Мак-Клеллан с этим не согласился, так как вместе с Мак-Доуэллом он располагал бы на одном полуострове Чезапик 98 000 чел., тогда как конфедераты выставили во всей Виргинии всего лишь 85 000 чел. Поэтому Мак-Клеллан и считал, что он всегда будет в состоянии удерживать неприятельские главные силы у Ричмонда или отправлять свои войска в долину Шенандоа, по мере отправки туда войск противника. Ведь в его распоряжении находился удобный водный путь через Вашингтон.

Стэнтон не разделял оптимизма Мак-Клеллана и склонил президента Линкольна на свою точку зрения. Линкольн находил, что сама личность Мак-Клеллана вызывает некоторые опасения, которые исключали возможность дать ему с собой на полуостров Чезапик еще и армию Мак-Доуэлла. Мак-Клеллан еще молодым инженерным офицером участвовал в мексиканском походе, а затем, как и многие другие, ушел в отставку, так как служба в небольшой регулярной армии

[1] Приведенная Мак-Клелланом цифра подтверждается также и в «Battles and Leaders», т. II, стр. 136, Ричарда Ирвина, подполковника и второго оберквартирмейстера. Как Мак-Клеллан, так и Ирвин приводят численность гарнизона в 42 000 чел.; но это — число едоков, которое соответствует действительной боевой силе лишь около 30 000 чел.

не сулила ему никаких перспектив. После этого он сделался политическим деятелем и председателем крупной железнодорожной компании. Как политический деятель он принадлежал к вождям демократической партии. Поэтому-то Линкольн и опасался того, что́ скажет республиканская партия, если в результате плана кампании Мак-Клеллана возникнет опасность для Вашингтона. Преданность демократов Союзу не внушала особого доверия республиканцам: до мятежа ведь весь Юг был сторонником демократической партии. Уже теперь республиканцы плохо отзывались о Мак-Клеллане, в то время как демократы плели авансом лавровые венки 35-летнему «молодому Наполеону». В одной из своих бесед с Мак-Клелланом Линкольн прямо заявил ему, что план кампании на полуострове Чезапик приписывался его предательским задним мыслям и что это очень некрасивая история. Мак-Клеллан ответил, что он решительно протестует против того прилагательного, которое пришпиливалось к его плану военных действий. Линкольн возразил, что он лишь передает ему то, что говорили другие, но спрашивается: в каком положении будет обстоять дело с безопасностью Вашингтона, если и армия Мак-Доуэлла также будет погружена на суда?

Мак-Клеллан собрал дивизионных командиров своей армии и добился одобрения ими своего плана; впрочем, таких одобрительных заключений полководцы всегда могут добиться от подчиненных им генералов, а потому голосование этих генералов лишь поверхностно успокоило президента. Совсем в его духе было решение Стэнтона о том, чтобы Мак-Клеллан попытал свое счастье на р. Джеймс с 67 000 чел., но с тем чтобы на Потомаке оставались полевые армии общей численностью в 56 000 чел.

Стратегические замыслы Мак-Клеллана этим не игнорировались, и с подобными изменениями они могли привести к большим успехам. Нужно было только, чтобы Мак-Доуэлл и Бенкс прикрывали Вашингтон, действуя наступательно, а не только оборонительно. Если бы 123 000 унионистов потеснили с трех сторон, а именно на Джеймсе, на Потомаке и на Раппаханоке, 85 000 конфедератов, то могли быть выиграны решающие сражения, тем более что уже во время военных действий к унионистам должны были подоспеть значительные подкрепления, конфедераты же могли бы ожидать очень немногого.

Беседа Линкольна с Мак-Клелланом имела место 8 марта 1862 г. В тот же день флот конфедератов, который северяне ни во что не ставили, произвел неожиданно мощную наступательную операцию. Он заставил Мак-Клеллана вторично изменить свой план, и недостатки этого изменения уже нельзя было сгладить.

На Миссисипи обе стороны сражались при помощи броненосных и таранящих кораблей, причем конфедераты потерпели поражение. Они пытались при помощи тех слабых средств, которыми располагали, создать себе броненосный флот и на море. На южном берегу Джеймса находится город Норфольк. Здесь Союз имел верфь, разрушенную в самом начале мятежа вместе со многими кораблями, для того чтобы все эти ценности не попали в руки конфедератов. Винтовой фрегат «Мерримак» в 3 500 *т* был подожжен и затем потоплен. Но конфедераты проявили и тут энергию и рассудительность. Они подняли потопленный корабль и решили превратить его в броненос-

ный фрегат. Единственными металлургическими заводами, которыми располагал Юг, являлись заводы Тредгара под Ричмондом; на них еще сохранился небольшой штат рабочих, опытных в литье и прокате. Заводы Тредгара удалось переоборудовать для военной промышленности; соответствующие заводы были созданы постепенно еще в шести других городах. В результате, Юг мог лить пушки, а также изготовлять броневые плиты.

Броня «Мерримака» была толщиной в 100 *мм* против 112 *мм* у французских плавучих батарей под Кинбурном.

Большинство судов на Миссисипи получило броню толщиной в 70 *мм*. Некоторые броненосцы обладали даже лишь 25-*мм* броней из олова. Они великолепно проявили себя в бою с противником, находящимся на берегу против полевых батарей и стрелков. Когда «Мерримак» был деревянным фрегатом, он имел 40 пушек. Теперь он получил лишь 10, но они были вращающимися — еще одно американское нововведение! Впрочем, корабль был настолько поврежден попытками его уничтожения, что не мог нести службы больше 6 часов подряд, без того чтобы не возникало необходимости в починках. Весной 1862 г. конфедераты не располагали еще другими мореходными броненосцами помимо «Мерримака»: у них не было ни готового броненосного корабля, ни такого, завершение постройки которого ожидалось бы в ближайшем будущем. Унионисты добились большего. В начале марта 1862 г. уже заканчивались постройкой два броненосных фрегата. Постройка броненосного корабля нового, малого типа — «Монитора» — продвинулась еще больше. В Вашингтоне, правда, догадывались, что конфедераты подняли «Мерримак» и пытаются переделать его в броненосец, но адмиралтейство Севера скептически относилось к этой затее. Вскоре узнали, что во время последнего крейсерского плавания «Мерримака» машины и котлы, правда, оказались не вполне удовлетворительными, но все же корабль продержался на воде. Тут уже в Вашингтоне забеспокоились: ведь приближался момент, когда транспортный флот с армией Мак-Клеллана выйдет в море. Надо было во-время убрать все, что могло так или иначе поставить под вопрос господство унионистов в водах устья Джеймса. Поэтому с величайшей поспешностью был приведен в готовность «Монитор». После этого его отвели на буксире из Нью-Йорка в форт Монро.

Если бы оборвался канат, «Монитору» угрожала бы в двух случаях гибель: прежде всего — при малейшем ветре, а во-вторых — вблизи каждой отмели, при неспокойной воде.

Между тем, у форта Монро стояли на якоре 5 унионистских фрегатов, насчитывавшие вместе 210 пушек, но без таранов и брони. Днем 8 марта внезапно появился из вод Норфолька «Мерримак» и протаранил один унионистский фрегат к северу от Хемптон-Родса. Получилась такая большая пробоина, что сквозь нее легко прошла бы лошадь с экипажем. Тем не менее, артиллерия фрегата продолжала стрельбу против «Мерримака» до тех пор, пока получивший пробоину фрегат не потонул с развевающимися вымпелами.

Другой фрегат укрылся от таранов противника на мелком месте, непроходимом для «Мерримака» из-за его глубокой осадки. Тогда произошел часовой артиллерийский бой, причем снаряды унионистов производили очень мало впечатления на броненосец и причинили его

экипажу лишь небольшие потери. Наоборот, экипаж фрегата уменьшился настолько, что пришлось поднять белый флаг. Командир «Мерримака» приказал экипажу фрегата сесть на лодки и грести к форту Монро, а добычу он зажег каленными ядрами.

«Мерримак» со своими 10 пушками отправил на дно морское уже целых 80 пушек и собирался подвергнуть той же участи и остальные 130. Но тем временем наступил отлив. Все три фрегата, на которых находились эти 130 пушек, сели на мель: «Мерримаку», в случае его дальнейшего продвижения вперед, угрожало то же самое. Его капитан не решился на это и вернулся к своей якорной стоянке. С лихорадочной быстротой приступили там к починке всего того, что было повреждено огнем противника, так как и здесь, как и на миссисипских пароходах, значительная и важная часть корабля не была покрыта броней. Когда по телеграфу было донесено в Вашингтон об этом сражении, немедленно был созван совет министров. Военный министр Стэнтон заявил, что «Мерримак» изменит весь характер войны, что он уничтожит одно за другим все унионистские военные суда и обложит контрибуцией все морские города. Он, мол, не сомневается, что в данный момент это чудовище находится уже на пути к Вашингтону. Приблизившись к окну, из которого можно было видеть Потомак на расстоянии многих миль, он продолжал: «И вполне правдоподобно, если даже в конце данного совещания одна из их гранат залетит к нам в Белый Дом»[1]. Остальные участники совета министров, включая и самого Линкольна, были в таком же настроении.

Все ощущали отчетливее, чем когда-либо, неустойчивость положения Союзного правительства в Вашингтоне. Повреждения «Мерримака» были исправлены в течение ночи; на следующее же утро он снова вышел в море, чтобы покончить с оставшимися тремя фрегатами. Однако, в это время прибыл «Монитор» и стал впереди деревянных судов. По сравнению с «Мерримаком» он казался карликом перед великаном. Его осадка была всего лишь в 3½ *м* против 7 *м* у броненосца конфедератов. Этот последний имел 10 орудий, а «Монитор» всего лишь 2 орудия, но, правда, в башне, которой не было у «Мерримака». Башня тоже была изобретением американцев. Она была вызвана появлением тарана. Для того чтобы избежать таранения, нашли более целесообразным не давать кораблю сражаться, как раньше, с бортов. Поэтому орудия были расположены во вращающихся башнях.

Главным преимуществом «Монитора» над «Мерримаком» была его лучшая конструкция. Правда, и «Монитор» был построен наспех, но это все же значило гораздо меньше, чем почти совсем невероятное прошлое «Мерримака», известное читателям.

«Мерримак» атаковал «Монитора». При своей осадке в 7 *м* он мог пользоваться лишь узким фарватером, в то время как «Монитор» мог ускользать во все стороны. Во время артиллерийского боя, длившегося 2 часа, почти каждый выстрел «Монитора» попадал в цель. Он стрелял каждые 7—8 минут, и, в результате, «Мерримак» потерял свою трубу. Это было еще терпимо для него, а так как «Монитор» вообще не пострадал, то из перестрелки ни для одной из сторон не вышло ничего путного. Поэтому командир «Мерримака» решил

[1] Резиденция президента и здание правительственных учреждений. — *Ред.*

попытаться действовать тараном. Но и эта «тактика» не сулила такого успеха, как накануне. Тогда «Мерримак» настиг севших на мель противников, являвшихся прекрасными мишенями для стрельбы и ударов тараном; теперь же «Монитор» вертелся, как волчок; а «Мерримаку» требовалось от 30 до 40 минут для каждого поворота. Его таран лишь слегка задевал быстро поворачивавшегося «Монитора», и вскоре конец тарана разбился в щепы. Таким образом, оказалось, что «Мерримак» не в состоянии одолеть противника ни своим тараном, ни своей артиллерией. Оставался абордажный крюк. Это было обоюдоострым оружием, таким же, впрочем, как и таран, ибо глубоко сидящий «Мерримак» уже дважды садился на мель во время своего маневрирования. Однако, эти опасения были устранены самим командиром «Монитора», который имел дерзость подплыть совсем близко к броненосцу конфедератов, чтобы его обстрелять. И этот маневр оказался бесцельным, так как снаряды пробивали лишь броню и застревали в деревянной обшивке. Оправдалось только доверие унионистского капитана к подвижности своего маленького корабля. Капитан конфедератов вызвал было абордажников, но «Монитор» уже отошел. Так маневрировали 6 часов подряд новейшие достижения техники, не добившись никакого решения. После этого «Монитор» отошел в мелкий фарватер у форта Монро и стал на якорь таким образом, что прикрывал собой три фрегата. «Мерримак» мог бы последовать за ним лишь при условии, если бы захотел рискнуть сесть на мель в третий раз перед подвижным врагом. Командир не решился подвергнуть этому переутомленный экипаж и поврежденный корабль, а потому повернул обратно в Норфольк.

Этот тактически не решенный бой оказался большой стратегической победой конфедератов. Унионистские генералы категорически заявили вашингтонскому правительству, что господство над устьем Джеймса утрачено. Необходимо добровольно делить его с противником, тем более что «Монитор» будет оставлен на своей якорной стоянке. Никто, мол, не может предугадать, чем кончится вторая схватка между двумя броненосцами. Если же будет сохранен «Монитор», то в руках унионистов сохранится, по крайней мере, господство над устьем Йорка.

Йорк омывал Виргинский полуостров с севера, Джеймс с юга. После того, что случилось 8—9 марта у форта Монро, уже нельзя было высадить сухопутные войска. Пришлось перенести базу Мак-Клеллана в Йорк-Таун у устья Йорка. В этих водах унионисты еще сохраняли свое господство: было исключено, чтобы, имея за своей спиной «Монитор» у форта Монро, «Мерримак» смог решиться доплыть до Йорка. Для этого у него был слишком поврежденный корпус. После сражения 9 марта «Мерримак» почти 4 недели находился в руках корабельных мастеров, но и после ремонта прошло еще много времени, пока он смог выйти в море. Он и не думал о том, чтобы беспокоить транспортный флот, который, согласно решению адмиралов, отвез армию Мак-Клеллана в Йорк-Таун. Наоборот, его командир все свое внимание обратил на устье Джеймса. Здесь 11 апреля разыгрался характерный бой. С юга в Хемптон-Родс проникли канонерки конфедератов; за ними шел «Мерримак», с севера им навстречу шли унионистские канонерки, а за ними «Монитор». Выход в море кораблей обеих сторон был вызван тем, что к форту Монро приближались 3 унионистских корабля с припасами. Конфедераты

собирались их захватить. Унионистский адмирал, командовавший морскими силами в этих водах, думал, что эти корабли достаточно опередили неприятельские военные корабли и успеют попасть под защиту орудий форта Монро. Когда эта надежда адмирала не оправдалась, он не ввел в бой своих канонерок, а стал спокойно наблюдать, как конфедераты захватывают корабли с припасами. Если бы канонерки вступили в бой между собой, они втянули бы в него также «Монитор» и «Мерримак». Между тем унионистские и конфедератские специалисты сходились на том, что было бы дерзостью меряться боевой силой обоих кораблей. Кроме того, повторение 9 марта могло привести к тому, что «Монитор» будет приведен в негодность, и было даже мыслимо, что в таком случае «Мерримак» доплывет до устья Йорка и там нанесет ужасные потери транспортному флоту. Ради предотвращения такой опасности унионистский адмирал в форте Монро был готов принести в жертву все три корабля с припасами.

«Мерримак» и «Монитор» произвели переворот в военном судостроении, имевший мировое значение. Деревянные, небронированные флоты стали казаться бесполезными.

Газета «Таймс» писала: «В то время как до этого... мы имели 149 первоклассных военных кораблей, теперь мы имеем лишь два... В настоящее время в английском флоте нет, кроме тех двух, ни одного корабля, введение которого в бой с маленьким «Монитором» не явилось бы безумием».

Повсеместно флоты не только перешли от деревянного корабля к броненосному, но произошла также перемена, которая снова наблюдается и в наше время: крупные линейные корабли с 80—120 орудий, с экипажами в 500—1 200 чел. были уменьшены. Были введены тараны и орудийные башни. Корабли выстраивались для боевых упражнений уже больше не в кильватерной колонне, а линией фронта, так что каждый прикрывал другого от ударов тараном. Однако, наряду с башенными кораблями были еще сохранены и броненосцы с бортовой артиллерией.

Если бы «Мерримак» не преградил р. Джеймс, то транспортный флот Мак-Клеллана поднялся бы вверх по реке до непосредственной близости с Ричмондом. Между местом высадки армии и неприятельской столицей не пришлось бы преодолевать особо значительных естественных препятствий. Тогда у ворот Ричмонда завязалось бы сражение между Мак-Клелланом, с его 79 000 чел.[1] и Джозефом Джонстоном, командовавшим конфедератами численностью около 67 000 чел. Какой бы оборот ни приняло сражение, решение кампании наступило бы, по всей вероятности, не здесь, а в Северной Виргинии, где 44 000 унионистов действовали против всего лишь 18 000 конфедератов, которых они могли бы легко раздавить.

Все это было теперь уничтожено событиями в Хемптон-Родсе. Они вынудили перенести высадку унионистской армии вместо устья Джеймса в устье Йорка. Переброска ее из Александрии продолжалась 37 дней — срок, всегда принимавшийся в расчет. Но теперь начались для Мак-Клеллана злоключения. Дозорная служба, которую нес «Мерримак» на правом фланге конфедератов, позволила Джонстону расположиться поперек полуострова Чезапик, возле Йорк-Тауна, в том

[1] Мак-Клеллан получил морским путем подкрепления в количестве 12 000 чел. Они были взяты из армии Мак-Доуэлла, в которой теперь осталось всего 19 000 чел.

месте, где полуостров наиболее узок. Полевые укрепления сделали эту и без того сильную позицию почти неприступной. Мак-Клеллан не считал себя достаточно сильным, чтобы разделить свое войско и с помощью флота обойти Джонстона[1]. Ему не оставалось ничего иного, как приступить к систематическим осадным операциям, чтобы заставить замолчать артиллерию конфедератов. Постройка батарей длилась 14 дней, но едва они были закончены, как 3 мая 1862 г. Джонстон окончательно очистил Йорк-Таунские позиции. Однако, этот выигрыш времени помог конфедератам воздвигнуть полевые укрепления вокруг Ричмонда до появления армии и флота противника у Вест-Пойнта. От Вест-Пойнта до Ричмонда около 95 *км*. Русло реки Йорк начинается у Вест-Пойнта путем слияния двух других рек, а именно Маттапони и Памэнки. На р. Памэнки у Уайт-Хауза Мак-Клеллан устроил интендантский склад, за постоянным пополнением которого должен был следить флот; реквизиции в этой пустынной местности не давали почти ничего. В Виргинии жило всего по 15 чел. на 1 *кв. км*. С помощью флота унионистская армия вплотную приблизилась к столице мятежников.

Теперь были спущены на воду несколько различных унионистских броненосцев, блокировавших Норфольк. Если бы «Мерримак» решился вступить с ними в бой, то он был бы ими окружен и оказался бы в безвыходном положении. Поэтому корабль этот был вторично подожжен и потоплен. Пехотная дивизия, стоявшая в Норфольке, очистила этот город и отошла к главным силам.

Таким образом, 11 мая р. Джеймс все-таки стала свободной для унионистов. Эскадра в 4 броненосца, в том числе и «Монитор», поплыла вверх по реке до Дрюрис-Блаффа, примерно в 12 *км* от Ричмонда.

Между тем, в главной квартире Мак-Клеллана все больше и больше обнаруживались затруднения, возникшие из того, что пришлось базировать кампанию не на Джеймс, а на Йорк. Ясное понимание этого обстоятельства унионистскими штабными офицерами не могло быть достигнуто в ближайшее время, ибо, подобно тому как в Союзе не существовало сколько-нибудь значительной регулярной армии, точно так же в мирное время совершенно не было картографического отдела, достойного этого названия, для составления карт генерального штаба. Местность вокруг р. Чикахомини, через которую надо было проходить от Уайт-Хауза до Ричмонда, была, с картографической точки зрения, белым пятном.

Разведка обнаружила, что местность у Чикахомини еще более благоприятна для неприятеля, чем того опасались. Река в нормальном состоянии имеет ширину в среднем 12 *м*, а оба берега ее покрыты густым лесом; за лесом — болота, обычно шириной свыше километра; лишь в немногих местах к реке подходит твердая почва, причем никогда это не бывает сразу на обоих берегах. Эту местность, и так почти непроходимую, буря и дожди сделали вовсе непроходимой. Все мосты были разрушены, часть р. Чикахомини непосредственно перед Ричмондом протекала среди высоких и крутых берегов. Эти берега позволяли конфедератам очень удачно расставить свои батареи и пре-

[1] Джонстон имел под Йорк-Тауном не 67 000, а всего лишь 60 000 чел., ибо одна дивизия охраняла Норфольк.

пятствовать восстановлению мостов; поэтому пришлось избрать для переправы более отдаленные пункты.

Маневрирование в этой местности, казалось, не обещало Мак-Клеллану победы, даже и при возможности противопоставить 67 000 конфедератов свои 79 000 чел. Но зачем цепляться за Йорк, когда теперь была снова открыта р. Джеймс? От Уайт-Хауза до Джеймса было всего два перехода. Армия была так расположена, что ее переключение на другую базу не представляло никаких затруднений. Оба берега р. Джеймс давали возможность вести военные действия. Мак-Клеллан говорит, что он предпочел бы южный берег. При помощи транспортного флота можно было легко подвозить подкрепления из Александрии. Мак-Клеллан все еще надеялся, что Вашингтон решится послать ему этим путем Мак-Доуэлла. Тогда в долине Шенандоа против 22 000 чел. Стонуолл-Джексона остался бы Бенкс с 25 000 чел. Пусть Джексон борется с Бенксом и обломает себе зубы о крепко защищенный Вашингтон. А в это время под Ричмондом 100 000 унионистов расправились бы с 67 000 конфедератов. Эти унионистские силы казались достаточными, для того чтобы охватить Джонстона с нескольких сторон.

Нет почти никаких сомнений, что это было бы правильной стратегией, если поход на полуостров Чезапик мог вообще считаться стратегией, которая привела бы унионистов к победе. В этом можно сомневаться с полным основанием: 123 000 чел. против 90 000 вряд ли было бы достаточно. Это и выявилось впоследствии, через 2 года, когда Грант захотел проделать то же самое, что проделал теперь Мак-Клеллан, действуя к югу от Джеймса. Численное соотношение боевых сил было для Гранта благоприятнее, чем для Мак-Клеллана. Тем не менее, он крепко застрял перед чрезвычайно сильной неприятельской позицией Питерсбёрг—Ричмонд. Потребовался поход еще одной унионистской армии, для того чтобы побороть конфедератов, которые не могли противопоставить ей ничего существенного.

Итак, операционные планы «молодого Наполеона» не были столь же зрелы, как планы старого. Следовало бы действовать иначе. Как именно, — нам теперь легче судить, чем тогда Мак-Клеллану. Он ставил себе, по крайней мере, позитивные цели, тогда как его правительство исходило из негативного стремления не потерять столицу. Не оперативный разум, а эта навязчивая идея руководила настроениями в Вашингтоне. Там никак не могли примириться с идеей, что Мак-Клеллан будет сражаться с перевернутым фронтом. Правительству Союза представлялась безрассудной смелостью добровольная уступка Джонстону позиции, которая была ближе к Вашингтону, чем главные силы унионистов. Исходя из этого, Стэнтон телеграфировал в Вест-Пойнт, что база Мак-Клеллана должна оставаться на прежнем месте; Мак-Доуэлл пойдет сухим путем к Уайт-Хаузу, который явится базой и для этой армии; правый же фланг армии должен стремиться войти в соприкосновение с Мак-Доуэллом.

Мак-Доуэлл стоял в это время у Фредериксбёрга, находившегося от Уайт-Хауза на расстоянии около 100 *км*. Несмотря на то, что сухопутный поход через пустынную Виргинию был затруднительнее, чем перевозка войск по воде, все же можно было надеяться, что все 19 000 чел. Мак-Доуэлла достигнут Уайт-Хауза и что Мак-Клеллан все-таки добьется армии численностью в 100 000 чел. Но теперь развернулось в долине Шенандоа все военное искусство энергичного, сме-

лого и изобретательного Стонуолл-Джексона. Недостаток воинского духа в собственных войсках доставлял Джексону столько же забот, сколько и противник. Его корпус заявил ему, что не будет носить ранцев, так как ранцы натирают спины до крови, и что солдатам достаточно и походных мешков. Свои шинели они тоже побросали, ибо то удобство, что шинели их согревали во время холода, казалось для них менее важным, чем то, что им приходилось таскать на себе дополнительную тяжесть в теплую погоду. Офицеры не обладали достаточным авторитетом, а большая часть из них и доброй волей, для того чтобы удерживать рядовой состав в повиновении. Они не смогли помешать солдатам, которым были розданы рационы на три дня, съесть их сразу, для того чтобы не таскать их на себе.

Джексон взял солдат в руки тем, что беспощадно стал удалять офицеров, избранных самими войсками, как только устанавливал, что избранники солдат не подходят для командования. Он проделал это, несмотря на то, что Конгресс и президент Конфедерации только что издали закон, решительно подтверждавший право рядового состава выбирать своих офицеров [1].

С меньшим успехом боролся он с неспособностью своих штабных офицеров. Впрочем, не буду заниматься тем, что происходило на этом второстепенном театре военных действий. Мы познакомимся еще с Джексоном на основных театрах войны. Одним словом, действия этого выдающегося полководца до того испугали правительство Союза, что оно отказалось от отправки Мак-Доуэлла в распоряжение Мак-Клеллана. Те 75 000 чел. полевых и гарнизонных войск, которые после этого решения оказались в распоряжении правительства для прикрытия Вашингтона, казались ему недостаточными, для того чтобы обеспечить его безопасность от 22 000 чел. Джексона. Линкольн намеренно оставил Мак-Клеллана в неведении относительно задачи Мак-Доуэлла; тем самым он помешал ему перенести свою базу и протелеграфировал Мак-Клеллану в Вест-Пойнт распоряжение: либо теперь же повести наступление на Ричмонд или вообще оставить все это дело и вернуться для обороны Вашингтона.

Мак-Клеллан говорит, что, ввиду того что его приковали к Йорку ложными обещаниями, ответственность за проигрыш кампании падает тем самым на правительство, так как непроходимая р. Чикахомини безнадежно парализовала наступление армии на Ричмонд. «Старый» Наполеон, вероятно, оставил бы в подобном случае надежду и упования на Мак-Доуэлла и самовольно перенес бы свою базу с Йорка на Джеймс. Но для этого молодой Наполеон еще недостаточно верил в

[1] Практическое осуществление этого закона было вообще ограничено. Как-то раз Джонстон обещал одной воинской части привилегию выбора собственных офицеров. В «Infantry Journal» («Пехотный журнал»), т. 34-й, 1929 г. (Вашингтон), майор Дональд Берджмен Сенджер опубликовал статью «Геттисбёргская кампания», в которой (стр. 464) он выдвигает тезис о том, что право выбора офицеров, предоставленное солдатам, в значительной степени является причиной неудачного для Юга исхода войны. Вряд ли это так.

По утверждению Джексона, военные, занимавшие высшие командные должности, также добились права участия в назначении офицеров. Это имело место как у южан, так и у северян. Реальная боевая обстановка предъявляла свои требования. Между обеими точками зрения образовалось на практике нечто вроде состояния равновесия, в некоторой степени удовлетворявшее требованиям военной действительности. Ниже я расскажу, как на четвертом году войны Джонстон признал за одной определенной воинской частью право выбора офицеров, но как привилегию, а отнюдь не как право.

свою звезду. Мак-Клеллан, отбросив все свои опасения, приступил к переправе через Чикахомини. Наведение мостов оказалось очень трудным делом, так как дождь лил ручьями и река вышла из берегов. Но едва лишь мосты были, наконец, построены, стала свирепствовать непогода, и притом с небывалой даже для этого района силой; в результате, мосты и деревянные гати к ним, которые вели через болота, пришли немедленно после их наведения в самое ужасное состояние. Те два корпуса, которые уже перешли через заболоченное озеро, оказались отрезанными от трех остальных.

В этот наиболее благоприятный для него момент Джонстон перешел в атаку, но не так, как этого хотел начальник штаба президента Дэвиса ген. Ли. Последний напрасно настаивал на том, чтобы наступление велось по северному берегу Чикахомини, для того чтобы выйти в тыл противнику. То обстоятельство, что этот последний мог в таком случае отрезать конфедератов от Ричмонда, не беспокоило Ли, и это было совершенно правильно; однако, это же обстоятельство вызывало в Джонстоне непреодолимую тревогу. Мы знаем, что Джонстон не был смелым стратегом, поэтому он назвал предложение Ли «дичайшим операционным планом в военной истории». Наступлением к югу от Чикахомини он рассчитывал загнать левый фланг противника в болота у реки, без угрозы какой-либо опасности его собственным сообщениям с Ричмондом. Так разгорелось 31 мая и 1 июня 1862 г. сражение у урочищ Фер-Окс и Севн-Пайнз («Красивые дубы» и «Семь сосен»).

Наступление конфедератов было направлено на оба корпуса, переправившиеся уже на южный берег Чикахомини. Позиция унионистов была отнюдь не плоха. Их правый фланг упирался в Чикахомини, а левый — в болото Уайт-Окс. Перед их фронтом находились полевые укрепления, рыть которые войска теперь уже соглашались, после того как Мак-Клеллан организовывал и муштровал их в течение десяти месяцев. Кроме того, непогода не только затрудняла передвижения его собственной армии, но служила помехой также и замыслам Джонстона. Наступающие по колени вязли в грязи в подлеске заболоченного девственного леса, и их наступление шло черепашьим шагом. Когда они, наконец, добрались до унионистских окопов, характер местности и скверная погода помешали необученным милиционным войскам совершить маневр. Они вынуждены были решиться на чисто фронтальную атаку, по открытому полю, под уничтожающим огнем противника. Многие из их батальонов понесли потери убитыми и ранеными в 30% и более. Стоявшие же против них унионистские батальоны потеряли, в среднем, лишь 22%, потому что они цеплялись за полевые укрепления.

Операционный план Джонстона заключался в том, чтобы разбить левый фланг унионистов, до того как к ним придет на помощь их правый фланг с другого берега реки. Казалось, что удача на стороне Джонстона, ибо разбушевавшаяся природа еще более усилила непроходимость Чикахомини. На самом же деле Джонстон сильно переоценил все свои расчеты на то, что неприятельская армия окажется разделенной на две разобщенные части. В конце дня, преодолев с чисто американской энергией исключительные трудности, переправился через реку еще один, третий, унионистский корпус. Теперь силы сторон сравнялись, так как каждая из них ввела в бой по 42 000 чел. Унионисты с величайшей энергией работали над исправлением старых

мостов и наведением новых, чтобы получить возможность перебросить еще большие силы на южный берег Чикахомини. Но 1 июня сражение замерло, ибо бури продолжали свирепствовать и разбушевавшаяся стихия совершенно парализовала передвижения войск. Сражение осталось нерешенным.

Лишь после того как операции замерли почти на целых 4 недели, погода переменилась и почва просохла настолько, что Мак-Клеллан решился возобновить поход на Ричмонд. Правительство послало ему тем временем одну дивизию, но и конфедераты получили подкрепления, компенсировавшие их потери. Их боевой состав попрежнему насчитывал 67 000 чел. против 75 000 Мак-Клеллана, и, таким образом, численное соотношение сил переместилось к некоторой невыгоде последнего. Мак-Клеллан располагал теперь к югу от Чикахомини 8 дивизиями. Три дивизии прикрывали на северном берегу реки сообщения с базой у Уайт-Хауза. Мак-Клеллану казалось, что те 17 000 винтовок, которые прикрывали его тыл, слишком слабы для этой задачи. Мы знаем еще из первого сражения у Буль-Рёна, как основательно производила разведку конница конфедератов. Под Ричмондом она значительно превосходила унионистскую и в численном отношении. Едва просохла почва в Виргинии, Стюарт уже совершил рейд вокруг унионистской армии. Большого расстройства он этим причинить не сумел, но в душу Мак-Клеллана это внесло некоторое смятение. Для того чтобы не зависеть больше от своих складов на Йорке, он отправил вверх по Джеймсу нагруженные припасами транспортные суда под охраной канонерок и приказал флотилии бросить якорь в окрестностях Гаррисон-Лендинг.

Весь май и июнь напрасно ждал он, чтобы Мак-Доуэлл и Бенкс предприняли что-либо для облегчения его положения. Последние безуспешные действия Мак-Доуэлла против Джексона имели место у Фронт-Рояла, в долине Шенандоа, на расстоянии, примерно, 230 км от Ричмонда. Эти бои происходили как раз в то время, когда Стюарт производил свой кавалерийский набег. Они протекали, как и вообще все военные действия унионистов на севере, неудачно, ибо ни Мак-Доуэлл, ни Бенкс не решались освободиться от опеки Стэнтона, который ради безопасности союзной столицы не позволял этим генералам отважиться на что-либо. Мак-Клеллан справедливо считает, что численное превосходство унионистов растрачивалось в Северной Виргинии вопреки элементарнейшим правилам военного искусства.

В Ричмонде возникла такая уверенность в том, что Мак-Доуэлл и Бенкс ничем ему не угрожают, что Джексону был дан приказ очистить долину Шенандоа и соединиться с главными силами. Трудно было себе представить более тяжелое решение для правительства в Ричмонде, чем то, которое было связано с очищением по стратегическим соображениям собственной территории. Дело в том, что население долины Шенандоа не так уж боялось нашествия войск противника; впрочем, для центра Виргинии оно уже стало совершившимся фактом. Было ясно, что тут прежде всего следовало изменить стратегическую обстановку: с началом хорошей погоды наступление Мак-Клеллана было неминуемо. Проявив твердость нервов и предоставив неприятеля на севере его собственной бездеятельности, можно было сосредоточить у Ричмонда 90 000 чел., для того чтобы об них разбилось наступление 75 000 унионистов. Однако, было сомнительно, осуществится ли это наступление, после того как Мак-Клеллан узнает о

приближении Джексона. Поэтому в Ричмонде было решено перейти в наступление самим. Это наступление должно было быть организовано иначе, чем то, которым руководил Джонстон 31 мая. Этот последний был тяжело ранен в сражении у Бьютифул-Окс, и главное командование перешло к ген. Ли. Ли решил, что большая часть его сил будет наступать к северу от Чикахомини, чтобы продвинуться между Мак-Клелланом и Уайт-Хаузом. Меньшая же часть его армии должна была занимать окопы перед Ричмондом.

Для того чтобы лично вступить в контакт с Ли, Джексон опередил свой подходивший корпус, сохранив в тайне цель своего путешествия. Джексон поступал в такие моменты так осторожно и хитро, что его биограф, английский подполковник Гендерсон, относит это к его наилучшим военным качествам. На этот раз, для того чтобы замести следы, он ехал частью по железной дороге, частью верхом. Строгий пуританин, он по воскресеньям не пользовался ни тем, ни другим способом передвижения и свято соблюдал праздник, несмотря на чрезвычайную срочность своего путешествия. Он всегда избегал сражаться по воскресеньям, если только это допускала военная обстановка. Как и многие другие генералы обеих сторон, Джексон начал свою карьеру с младшего офицера в Мексиканской войне, а после нее ушел в отставку. Когда вспыхнула гражданская война, Джексону исполнилось 38 лет. Он преподавал высшую математику в Лексингтоне в Виргинии, где существовала военная академия для одного этого штата.

Встретившись с Ли, Джексон указал, что его корпус может вступить в бой на заре 26 июня. В соответствии с этим Ли назначил на этот день общее наступление конфедератов. Накануне положение в общих чертах было следующее: конфедераты стояли у Олд-Таверн, в 7 *км* восточнее Ричмонда, упираясь левым флангом в Чикахомини, а правым — в болота, имея перед фронтом редуты и окопы. Столь же хорошо укрыты рекой, болотом и искусственными сооружениями были и унионисты. Размытые проселочные дороги, вившиеся сквозь густые заросли, вели от одной армии к другой. В тылу у армии конфедератов возвышались довольно сильные укрепления Ричмонда. Мак-Клеллан проявил большую самоуверенность, рассчитывая своими 75 000 чел. разбить на подобной местности 67 000 чел.; он еще по-старому оценивал численность противника, до тех пор пока не получил в конце дня 25 июня достоверные сведения о приближении Джексона и о том, что он уже совсем близко. Теперь уже Мак-Клеллан отрешился от своего оптимизма. Он отменил приказы войскам — атаковать 26 июня у Олд-Таверн. Он сам опасался теперь, что противник, став сильнее его самого, атакует его, и притом сразу на обоих флангах. Мак-Клеллан считал, что прежде всего необходимо во что бы то ни стало обеспечить свои фланги. Этого, однако, нельзя было достигнуть, базируясь на р. Йорк. Мог ли он отказаться от этой базы? Все еще время от времени поступали к нему неопределенные обещания Стэнтона, что он направит к Уайт-Хаузу Мак-Доуэлла сухим путем. У Мак-Клеллана создавалось теперь впечатление, что депеши Стэнтона рассчитаны на то, чтобы удержать армию полуострова Чезапик между противником и Вашингтоном для защиты этого города. Прибытие Мак-Доуэлла превратилось в мираж. Поэтому Мак-Клеллан решился освободиться от этого навождения и выполнить то, что он собирался сделать уже 5 недель тому назад, но не решился тогда из-за правительства, а именно — перенести свою базу с Йорка на Джеймс. Награ-

дой за это самовольное действие являлась обеспеченность его флангов, левого — р. Джеймс, а правого — р. Чикахомини. Отход армии влево, к Гаррисон-Лендингу, должен был начаться 26 июня. Таким образом, создалось положение, которое вновь учит, что даже крупнейшим полководцам очень часто приходится принимать свои решения как бы в темноте, наощупь. Ибо слишком часто сведения и донесения о том, что́ делается у противника, не дают ясной и правильной картины. В свое время Ли критиковал Джонстона, указывая, что если он одержит победу к югу от Чикахомини, то лишь отбросит унионистов к их собственной базе, вместо того чтобы отрезать их от нее. Теперь, атакуя к северу от Чикахомини, Ли, сам того не зная, впадал в ту же ошибку. Выиграв сражение, он бы погнал противника к Джеймсу, т. е. именно туда, куда тот как раз собирался перенести свою базу и где уже стояли на якоре его транспорты, нагруженные продовольствием.

Джексон, как это было им обещано, вступил в соприкосновение с унионистскими передовыми постами 22 июня 1862 г., через 2 часа после восхода солнца. К великому удивлению одного из командиров батарей, последнему в течение 10 минут пришлось обстреливать кустарник, в котором были обнаружены всего лишь несколько унионистов. Это, непонятное для его людей, распоряжение Джексона являлось сигналом, о котором он условился с Ли при встрече и который имел целью оповестить главные силы у Ричмонда о его вступлении в бой. Однако, сигнал этот к югу от Чикахомини не был услышан, что не удивительно, если учесть возбуждение и многообразие звуков начинавшегося большого сражения. Регулярные армии, располагающие дельными штабными офицерами, не прибегают к таким примитивным способам оповещения о взаимодействии отдельно наступающих корпусов. Позднее тоже не удалось организовать сколько-нибудь сносное взаимодействие сил наступавших с двух различных направлений на правый фланг унионистов. Из первого сражения при Буль-Рёне мы уже знаем, насколько неудовлетворительно работали американские штабные офицеры. Штабным офицерам конфедератов совершенно не удалось согласовать и вообще регулировать наступление своих 96 батальонов. Всюду стали господствовать беспорядок и задержки. Как у унионистов, в более ранний период этой кампании, так теперь у конфедератов недостаток карт генерального штаба ощущался самым чувствительным образом. Розданные дивизионным генералам карты никуда не годились. Один из них пишет: «Взять на себя задачу обороны города (Ричмонда), даже не попытавшись произвести топографическую разведку окрестной местности, это было новым принципом современного военного искусства!» Однако, этим импровизированным армиям приходилось довольствоваться тем, что имелось.

Три унионистских дивизии, расположенные к северу от Чикахомини, находились под командованием ген. Портера. Новым в истории военной техники явилось то, что этот генерал часами просиживал у телеграфного аппарата и получал из главной квартиры сообщения: сначала — о том, что противник к югу от реки как будто ослабил свои силы, а затем, что он массами переправляется через реку. Само собой понятно, что его сторожевые посты, атакованные корпусом Джексона, уже с своей стороны информировали его о наступлении этого последнего.

Корпус Портера составлял арьергард унионистской армии, отходившей к Джеймсу. Поэтому задача его была чисто оборонительного

характера, и Портер отлично справился с ней. Его войска залегли за заболоченной долиной ручья Бивер-Дэм, переправиться через который пехота конфедератов могла лишь по пояс в воде, а для артиллерии это болото вообще было проходимо лишь в двух местах. За этим ручьем, в густом кустарнике, были вырыты окопы, еще более замаскированные срубленными деревьями. Перед ручьем простиралось открытое поле; лишь немногие складки местности позволяли здесь наступающему укрываться от огня обороняющегося. Наступающий располагал 96 батальонами, а оборонявшийся — лишь 88. Поэтому для Портера было совершенно невозможно долго сопротивляться попыткам охвата. Однако, вследствие неповоротливости милиции конфедератов охваты не осуществились и превратились в фронтальные атаки, и притом в наименее благоприятном для них месте. Атаки эти были произведены дивизией ген. Даниэля Хилла, принадлежавшей к главным силам, и потерпели неудачу, с потерей 30% убитыми и ранеными. Один батальон из Георгии потерял 335 чел. при средней боевой численности батальонов конфедератов в 430 чел.[1].

Потери унионистов были незначительны, но Портер не мог бы долго удерживать свои позиции, так как корпус Джексона занимал гораздо более широкий, охватывавший их фронт. Кроме того, Портер имел лишь одну задачу — переправить свои войска без потерь через Чикахомини и нанести при этом как можно больше потерь своим преследователям. Поэтому 27 июня он занял вторую позицию, больше чем на милю (по прямой) к востоку от ручья Бивер-Дэм, в одном пункте, где еще можно было удобно прикрывать мосты через Чикахомини. Сражение это названо по находившейся вблизи мельнице доктора Гейнса (Гейнс-Милл). По просьбе Портера, Мак-Клеллан неоднократно присылал ему подкрепления, так что в конце концов он стал насчитывать 57 батальонов. Правда, 96 батальонов конфедератов попрежнему угрожали охватом его правого фланга. Этот фланг упирался в болото. Болота и кустарники находились и впереди его фронта. Снова были вырыты окопы и усилены засеками из деревьев и ветвей. Для прикрытий были использованы и другие пригодные для этого предметы, находившиеся под руками, в том числе, например, ранцы. Таким образом, возникли полевые укрепления, какие в то время мало ценились в армиях Старого Света из опасения, что от этого пострадает наступательный дух войск.

На левом фланге был расположен дивизион улан, который был в распоряжении Портера. Этот дивизион получил инструкцию задерживать и собирать всех дезертиров, но ни при каких обстоятельствах не покидать долины реки и не подниматься на высоты, где стояла пехота и артиллерия.

Местность перед позицией у Гейнс-Милл сильно отличалась от позиции у ручья Бивэр-Дэм. Там перед позициями унионистов находилось открытое поле, а у Гейнс-Милл — лес, перед правым флангом — даже густой лес. В этих лесах в 2 часа пополудни завязался бой. Генералы конфедератов руководили им так, как и следовало ожидать при их недостаточной тактической сноровке: после боя, длившегося до самого вечера, в чащу были втянуты не менее 73 из 96 батальонов конфедератов, которые и вели перестрелку с унионистами. Правда, Джексон имел уже за плечами несколько побед и был, кроме того,

[1] Боевая сила унионистских батальонов была, примерно, такая же.

человеком логической мысли, с твердыми познаниями в высшей математике, но взгляды его на тактику были затуманены французской теорией. Как это случилось в других условиях и с Борегаром у церкви Шило, Джексон не считался с духом американского солдата и игнорировал условия местности в Новом Свете. Джексон говорил, что, по его мнению, выбор между огнем стрелковой цепи и стрельбой залпами и решение вопроса о том, что́ окажется более действительным, зависят от обстоятельств; «но я того мнения,— добавлял он,—что наилучшей тактикой является беречь патроны, пока противник не подойдет совсем близко; после этого — убийственный залп в упор и удар в штыки!»

Тем самым Джексон рекомендовал своим войскам тактику, подобную той, которую применяли русские в Крымскую кампанию и австрийцы в 1866 г. Если бы в Соединенных штатах производили в мирное время военные учения по прусской системе, Джексон, наверное, понял бы всю опасность ударной тактики. Необходимость стрелковых цепей в американских условиях стала бы для него очевидной, и он научился бы методически вести лесные бои. В данный же момент он растрачивал свои силы в лесу без всякой системы. Из шести дивизий конфедератов лишь одна сохранила свободу для маневра, от целеустремленного проведения которого зависела победа, а именно — для охвата правого крыла унионистов.

Проведен он был, однако, отнюдь не целеустремленно, а неуверенно, наощупь, при наличии плохих карт местности. Тем временем обе стороны истекали кровью в лесах. Руководить лесными боями вообще трудно; у этих же ополченских частей с обеих сторон было утрачено всякое руководство. Правда, в конце концов из беспорядочного передвижения то взад, то вперед стал вырисовываться некоторый результат: нажим 73 батальонов наступающего угрожал одолеть 50 батальонов оборонявшегося [1].

Для облегчения их положения, несмотря на запрещение Портера, были брошены на высоты уланы. Они были регулярной воинской частью, но все же это недостаточно увеличивало их ценность для наступательной операции. Кавалерия требует особо тщательной выучки, которую регулярная армия этого государства предоставить не могла. Уланы попытались атаковать, но кони, не привыкшие к шуму сражения, повернули назад и помчались сквозь унионистские батареи. Артиллеристы решили, что их смял противник. Возник панический беспорядок, распространившийся и на пехоту.

Это расстройство в рядах унионистов произошло в 6 часов вечера, и в тот же момент правый фланг Портера был атакован той дивизией конфедератов, которая еще не была введена в лесной бой. В этом пункте лес был легко проходим и почва довольно суха, так что войскам, производившим охват, не пришлось преодолевать особых естественных препятствий. Маневру препятствовали лишь внутренние трения, присущие, как нам уже известно, этим войскам. Но здесь они проявились с особой силой, потому что действовавшая здесь дивизия была та, которой командовал Даниэль Хилл. Тяжелые потери предыдущего дня сдерживали ее порыв. Когда дивизия достигла болотистой местности, служившей прикрытием противнику, конфедераты

[1] Выше я указал, что Портер имел 57 батальонов, но последние 7 батальонов прибыли к нему лишь в конце сражения.

увидели против себя бригаду регулярных войск. Она развернулась стрелковыми цепями и усилила непроходимость болотистой местности срубленными деревьями. Вдали же конфедераты увидали те две бригады, которые Мак-Клеллан в последний момент послал на помощь своему подчиненному. Правда, Хилл мог противопоставить этим трем бригадам пять, но их ряды поредели и они были утомлены, в то время как противник был в полном составе и еще свеж. Поэтому захождение фланга дивизии Хилла застопорилось еще до того, как она смогла достигнуть сухой почвы. В особенности мешала передвижениям противника своим фланговым огнем унионистская артиллерия. Тут Даниэль Хилл испытал на собственных войсках свое замечание: «Американские войска не выдерживают атак во фланг и тыл». Из пяти бригад Хилла две застряли в болоте и вообще не добрались до противника. Командирам трех остальных бригад удалось, правда, увлечь вперед свои войска, но все трое были убиты; теперь кровавые потери всей дивизии возросли в два дня до 40%. Это уравновесило численную слабость унионистов по сравнению с конфедератами. Задача охвата так и осталась неразрешенной.

Тем не менее, угроза правому флангу значительно способствовала оттеснению унионистов на 2 *км* назад и тому, что в руки победителя попали тысячи пленных, а также пятая часть артиллерии унионистов. Литература утверждает даже, будто бы они прорвали центр унионистов. Но тут идет речь лишь о путанице в понятиях. Конфедераты не прорвались, а лишь ворвались в расположение унионистов[1], что было локализировано вышеупомянутыми 7 батальонами. После этого ночь положила конец сражению. Под ее покровом Портер перешел мосты, и 28 июня в 6 час. утра он уже не имел ни одного человека на северном берегу Чикахомини. Он немедленно направился дальше к Джеймсу. Оба сражения стоили ему почти одной пятой всей пехоты, не считая пленных. Но конфедераты потеряли нечто большее, чем он, а именно: наступление Ли на старую базу Мак-Клеллана позволило последнему беспрепятственно переключить свою армию на новую базу. Для того чтобы пройти от Йорка к Джеймсу, унионисты должны были произвести фланговый марш мимо позиций конфедератов у Ричмонда. Здесь Ли оставил 86 батальонов, когда с остальными 96-ю он повел наступление к северу от Чикахомини. Для того чтобы вновь воссоединить армию конфедератов, требовалось время, тем более что Ли сперва полагал, что своими победами у ручья Бивер-Дэм и у Гейнс-Милл он отрезал противника от его базы; лишь постепенно он пришел к выводу, что эта база уже не на Йорке. Пока Ли спешно снова концентрировал свои армии у Ричмонда, гигантский обоз унионистов проходил через Уайт-Окс-Мур. Среди этих обширных болот в его распоряжении имелась для этого лишь одна дорога, и ему пришлось использовать все свои боевые силы для прикрытия 3 500 повозок, запряженных 13 000 лошадей и мулов. 28 июня головная колонна обозов вступила в болотистый район. После безостановочного марша днем и ночью 30-го числа днем последняя повозка достигла р. Джеймс. В это время прикрывавшие обоз войска имели ряд горячих схваток с напиравшим противником. Последний сумел развернуть при этом довольно значительные силы. Однако, выигрыш

[1] По поводу этого различия — см. анализ сражения при Фонтенуа и Гехштедте, принадлежащий перу Карла Линнебаха в журнале «Wissen und Wehr», 1931 г., вып. 2, стр. 72 и 1930 г., вып. 8, стр. 468.

времени у унионистов был слишком велик, и Ли уже не успел бы бросить достаточно войск на фронт, чтобы заставить остановиться неприятельскую армию. После последнего ночного перехода утром 1 июля 1862 г. вся армия унионистов сказалась сконцентрированной на Джеймсе. Она расположилась лагерем к западу от Гаррисон-Лендинга близ Мэлверн-Хилла. Здесь собрались 143 батальона и 55 батарей. В течение дня появились перед Мэлверн-Хилл и все конфедераты; к концу дня в этом месте развернулись против унионистов 187 батальонов и 79 батарей конфедератов.

Армия Южных штатов, кроме епископа Полька, насчитывала в своих рядах еще много других лиц духовного звания. Одного из них, знакомого с местностью, Ли спросил о характере неприятельской позиции и получил ответ, что она неприступна. Даниэль Хилл, дивизия которого понесла такие страшные потери у ручья Бивер-Дэм и у Гейнс-Милла, также предупреждал о том, что не следует добиваться невозможного. Однако, Ли считал, что он уже стер грань между возможным и невозможным. Противник, казалось, был обращен в бегство, и число брошенных им ружей было неисчислимо. Из этого следовало заключить, что враг деморализован и Ли сможет опрокинуть унионистов в Джеймс. В таком случае нельзя было давать им отдохнуть ночью от перенесенных лишений и тревог, и Ли распорядился штурмовать высоты, на которых стоял противник, еще в тот же день 1 июля. В 5 час. 30 мин. дня дивизии конфедератов пошли в наступление: две — против центра унионистов, две — против их правого и одна — против левого фланга. Но получилось опять так же, как при Бивер-Дэме и Гейнс-Милле: из охватов ничего не вышло, и осталась лишь фронтальная атака. В этот бой были введены постепенно 67 батальонов. Судьбе было угодно, чтобы дивизия Хилла противостояла корпусу Портера. Дивизия Хилла опять потеряла 30% своего состава убитыми и ранеными; другими словами, в общей сложности 60% в «семидневном сражении», как были названы бои с 25 июня. У противника корпус Портера тоже уменьшился в этом сражении на 46%. Правда, в отношении корпуса Портера в это количество включаются и многочисленные пленные. Однако, и процент потерь этого войскового соединения убитыми и ранеными был тоже достаточно велик. Портер всю жизнь не мог забыть крики тех несчастных, которых подвергали ампутации у Мэлверн-Хилла — без наркоза, силами сплошь и рядом неопытных врачей, причем в лазарете нехватало ни хирургических инструментов, ни перевязочных материалов. Мы знакомы с этими ужасами еще по миссурийской кампании, со времени осады Лексингтона.

Артиллерия, в общем, не играла особенно большой роли во время американской гражданской войны, ибо в девственном лесу она с трудом могла проявить себя; однако, при обороне Мэлверн-Хилла местность ей благоприятствовала, и большинство ранений конфедератов были причинены ядрами. Нападавшие понесли вдвое больше потерь, чем оборонявшиеся, по крайней мере 23—25%, и тем не менее они не смогли продвинуться вперед, пока ночь не сковала руки ангелу смерти. На следующий день обоз унионистов продвинулся вдоль Джеймса до Гаррисон-Лендинга, где он обрел безопасность под защитой орудий флота, а боевые части войск проследовали за ним туда же под проливным дождем. Конфедераты, расстроенные неудачей 1 июля, уже больше не мешали их движению; по суждению

Даниэля Хилла, «сражение оказалось роковым для конфедератов, и все 14 бригад, участвовавших в штурме, были весьма деморализованы».

26 июня Ли совершил ошибку, приписав неприятельскому полководцу не те намерения, а 1 июля понес наказание за неправильный психологический расчет. Но всякое военное искусство — вещь нелегкая, и к этому полководцу, как и ко всем остальным великим военачальникам, применимы слова Гете: «Люблю того, кто к невозможному стремится». В семидневном сражении Америка получила своего первого выдающегося полководца. Уже одна ясность мысли и моральное мужество — редкие преимущества, а лишь благодаря им Ли не побоялся оголить долину Шенандоа и Северную Виргинию, для того чтобы сконцентрировать все свои силы в решающем пункте. К этому нужно еще добавить ту грозную решимость, с которой он преодолевает неподвижность своих ополченцев и пытается добиться фронтальной атакой того, чего он не в состоянии достичь фланговым маневром. Так добивается он с триумфом своей цели, не спотыкаясь о те ошибки, которые совершает. Мощность наносимых им ударов иллюстрируется следующими цифрами: унионисты ввели в дело в семидневном сражении около 64 000 чел. пехоты, из них 9 000 чел. были ранены; однако, конфедераты подобрали 35 000 ружей. Таким образом, из 64 000 пехотинцев Мак-Клеллана при отступлении от Йорка к Джеймсу 26 000 нераненых солдат побросали свои ружья[1].

Перед лицом морального разложения пехоты лишь слабым утешением явилось то, что обоз потерпел мало потерь и что артиллерия тоже оказалась довольно невредимой. Все же Мак-Клеллан гордился своим фланговым маршем; в самом деле, попав в его положение, многие генералы потеряли бы голову. И Мак-Клеллан не дешево продал армии Южных штатов увеличение ее престижа. Этому содействовала и неспособность этой армии производить фланговые атаки. Потери войск ген. Ли убитыми и ранеными в семидневном сражении оцениваются в 21% боевого состава. Это было терпимо лишь вследствие того, что конгресс в Ричмонде только что ввел всеобщую воинскую повинность. Армии Союза могли удобнее пополнять свои потери, хотя на Севере твердо придерживались вербовочной системы. В то время наблюдался значительный приток немецких и ирландских иммигрантов в Союз. Ирландцы легко поступали на военную службу, так как по профессии они были поденщиками и не могли рассчитывать на значительные заработки мирным трудом; немцы же, вследствие незнания местного языка, были оторваны от гражданского труда, и это заставляло их итти в вербовочные бюро. Поэтому настойчивые требования Мак-Клеллана пополнить его растаявшую армию были вполне осуществимы. Он настаивал также на своем требовании о присоединении к нему войск, действовавших или, вернее, бездействовавших в Северной Виргинии. Потомакская армия, как она официально называлась, стояла у Гаррисон-Лендинга всего лишь в одном переходе от Ричмонда при Олд-Таверн, расстояние составляло всего лишь 7 *км*, но, по мнению Мак-Келлана, эта потеря пространства не имела большого значения. Если бы ему послали Виргинскую армию (так назывались силы, расположенные на севере), он все еще надеялся, что разобьет своими 120 000 чел. 90 000 противной стороны, после того как та

[1] На самом деле соотношение еще более неблагоприятное, ибо из этого числа следует вычесть количество офицеров.

пополнит свои кадры, но ген. Халлек думал иначе. С 11 июля он был главнокомандующим Потомакской и Виргинской армиями, причем он должен был руководить обеими по телеграфу из Вашингтона. Халлек не мог примириться с мыслью, что Ли мог действовать по внутренним линиям между Потомакской и Виргинской армиями. Если противник показал свое умение сосредоточить все силы у Ричмонда, то почему,— спрашивал себя Халлек,— не мог он сделать то же самое в один прекрасный день и под Вашингтоном? Тогда он поразил бы Союз в его ахиллесову пяту.

В силу этих соображений Мак-Клеллану был послан приказ погрузить Потомакскую армию на суда и отправить в Северную Виргинию. Высадиться она должна была у Аквиа-Крик-Лендинга на Потомаке. Здесь Потомакская армия входила в соприкосновение с Виргинской армией, расположенной на Раппаханоке. Правда, после очищения района Джеймса результат кампании, длившейся 5½ месяцев, ограничивался тем, что в унионистских руках сохранялся лишь северо-восточный клочок Виргинии до Фредериксбёрга. Это было слабым вознаграждением за все усилия флота и армии, и вполне понятно, что Мак-Клеллан, как инициатор плана кампании, горячо протестовал против прекращения операции на Джеймсе. Ничто ему не помогло, и причиной тому было отнюдь не одно малодушие Халлека. В плане кампании Мак-Клеллана имелись две кардинальные ошибки. Он не считался ни с состоянием духа правительства, изменить который он не мог, ни с пределами его военных возможностей. При той организации вооруженных сил, какая была принята в Союзе, последний не мог выставить на фронт более 120 000 чел. В своей оправдательной записке Мак-Клеллан говорит: «...Лишь два года спустя оказалась она (Потомакская армия) под командованием своего последнего главнокомандующего (Гранта) снова, примерно, на том же пункте, на берегу Джеймса. Уже в 1862 г. было столь же очевидно, как и в 1865 г., что именно здесь находилась действительная оборонительная линия Вашингтона». Эта аргументация кажется блестящей, но отнюдь не выдерживает критики. В 1862 г. конфедераты были достаточно многочисленны, чтобы оставить один корпус для прикрытия Ричмонда, а с главными силами перейти в наступление на Вашингтон. Борегар собирался даже временно уступить Ричмонд. Мак-Клеллан справедливо утверждает, что противники никогда не смогли бы взять сильно укрепленный и снабженный достаточным гарнизоном город. Но генерал, который стремится преодолеть предрассудки своего правительства и самостоятельно принимать решения относительно ведения операций, должен предъявить для этого победы; Мак-Клеллан после скромных первоначальных успехов в Западной Виргинии уже не мог похвастаться победами. Пожалуй, он прав, когда говорит, что Грант весьма действительно прикрывал Вашингтон, оперируя на Джеймсе. Однако, я уже коснулся выше и слабой стороны этого довода. В 1865 г. Союз располагал лучшей военной организацией, позволявшей жертвовать в сражениях огромными массами бойцов, немедленно получая взамен пополнения. В последний момент к Гранту подоспела на помощь еще одна свежая армия, в то время как силы противника, не получавшего подкреплений, таяли. Однако, и с более значительными силами Гранту потребовался почти год для того, чтобы разбить Ли на его чрезвычайно сильной позиции на Джеймсе и Аппоматоксе. Что же тогда мог поделать Мак-Клеллан в 1862 г.? Ли имел тогда 90 000 чел., а унионисты располагали 120 000,

из которых всего лишь 75 000 находилось под командованием Мак-Клеллана.

Теперь возникает вопрос: какой же план кампании должен был рекомендовать Мак-Клеллан в Вашингтоне? Оставалось лишь наступать сухим путем из Александрии на Ричмонд. Это имело то преимущество, что все силы унионистов прикрывали тогда Вашингтон. Мак-Клеллану не приходилось в таком случае опасаться, что его собственное правительство будет мешать ему с тыла. Против такого плана говорило опасение, как бы генералы конфедератов не осуществили идею президента Дэвиса и не отошли бы далеко в глубь Виргинии. Расстояние от Александрии до Ричмонда—165 *км*, и унионистам пришлось бы выделить значительную часть своих сил для прикрытия тыловых путей сообщения. Однако, уступка без боя собственной территории всегда тяжело отражается на духе сражающихся народов, и мы уже видели, что в этом отношении южане не составляли исключения.

Мак-Клеллан и здесь мог бы одержать верх, если бы он был достаточно умен, чтобы уважить предрассудки своего правительства и отказаться от погрузки своей армии на суда. Но какой бы план кампании ни выбирали, во всяком случае было чрезвычайно трудно со 120 000 чел. так разбить 90 000, чтобы Юг признал себя побежденным. При существовавшей военной организации Союз был слишком слаб для выполнения своей задачи. Изменить военную систему пока не могли, и поэтому кампания на полуострове Чезапик создала ощущение безнадежности в умах руководящих деятелей; и полководец, и правительство поступили стратегически неправильно, и не было видно конца военных действий.

Глава IV

Бои в Северной Виргинии и Мэриленде

Второе сражение у Буль-Рён (29—30 августа 1862 г.). — Сражение у р. Антитэм (16 и 17 сентября 1862 г.). — Сражение у Фредериксбёрга (13 декабря 1862 г.)

Новый план кампании ген. Халлека заключался в соединении Потомакской и Виргинской армий за р. Раппаханок и в походе соединенными силами сухим путем на Ричмонд. Напомним, что транспортному флоту потребовалось 37 дней, чтобы перевезти Потомакскую армию из Александрии к форту Монро. Обратный путь к Аквиа-Крик-Лендингу потребовал приблизительно такого же времени. Столько же времени Ли располагал возможностью действовать по внутренним операционным линиям между двумя армиями. Виргинская армия сконцентрировалась при Сперривилле на восточном склоне хребта Блу-Ридж, откуда было всего лишь 165 *км* до Ричмонда. Кроме того, Центрально-Виргинская железная дорога и железная дорога Орандж — Александрия соединяли Ричмонд с верхним течением Раппаханока. Новый главнокомандующий Виргинской армией, ген. Поп, имел поэтому все

основания опасаться, что Ли набросится на него с превосходными силами и раздавит его, пока Потомакская армия будет еще плыть по морю.

Это и в самом деле являлось планом кампании Ли, причем его мысли шли еще дальше. После разгрома Виргинской армии он хотел уготовить ту же судьбу и Потомакской армии, и, наконец, третьим ударом в ту же кампанию должно было явиться наступление на Вашингтон. Располагая 90 000 чел. против 120 000, вряд ли можно было это осуществить. Но раз уже Конфедерация решилась на неравную борьбу, то иной план операций был бы немыслим для ее генералов. Все это было следствием того, что Джефферсон Дэвис не соединил тотчас же после первого сражения у Буль-Рёна все свои силы, для того чтобы покончить войну одним ударом: «Что ты в минуту упустил, того и в вечность не воротишь!».

После того как Ли убедился в том, что Потомакская армия покинула Виргинский полуостров, он приказал Даниэлю Хиллу остаться с 48 батальонами для прикрытия Ричмонда, а остальные 136 батальонов направил на верхнее течение р. Раппаханок. Поп опасался, что не сможет удержаться за преградой, образуемой этой рекой. Эта неуверенность заставила транспортный флот Потомакской армии произвести выгрузку не у Аквиа-Крик-Лендинга, а у Александрии. Но Поп не понес от этого никакого ущерба. Еще до того как Ли смог бы на него напасть, почти половина Потомакской армии присоединилась к нему за р. Раппаханок. 26 августа он располагал уже 156 батальонами против 136 батальонов конфедератов. Железная дорога Оранж — Александрия, известная в настоящее время под названием «Милленд Рейлуэй», оказалась для него столь же хорошей базой, как и для конфедератов. Прибытие остальной части Потомакской армии ожидалось в начале сентября. Поп рассчитывал тогда, получив командование над всей армией, разбить Ли. Свою уверенность в этом он обнародовал в обращении к войскам.

Конфедератам надо было торопиться, ибо чем дольше они медлили, тем сильнее становился Поп. Последний опирался не только на одну почти неприступную позицию; позади него находился еще ряд других позиций, которые легко было бы оборонять. Поэтому Ли решился на глубокий обход своего противника. Для этой цели он разделил свою армию на два корпуса: один под командованием Джексона, а другой — Лонгстрита. Каждый корпус насчитывал по 68 батальонов. Головным являлся корпус Джексона: он взял с собой 18 легких батарей [1]. Из обоза он взял с собой только патронные двуколки и несколько полевых госпиталей. Трехдневный паек продовольствия войска несли на себе, так как теперь дисциплина была в них внедрена настолько, что уже можно было доверить им их пайки. Но это было очень ограниченной базой, ибо местность, по которой должно было быть произведено обходное движение против Попа, была пустынна, на ней были разбросаны лишь небольшие поселения. Явится ли возможность для корпуса Джексона после 3-дневного марша вновь базироваться на магазины конфедератов,— это было еще неясно. Но позади неприятельского фронта находились унионистские магазины, и Джексон самоуверенно рассчитывал на то, что эти магазины станут его добычей.

[1] Батарея у конфедератов состояла из 5 орудий, унионистская батарея — из 5 или 6 орудий.

25 августа Джексон выступил через Салем, обходя правый фланг Попа, в то время как Лонгстрит остался пока еще в лагере. Итак, Ли отважился оставить 68 батальонов против 156 неприятельских. Лонгстрит прикрывал свою слабость демонстрациями, которые заставляли предполагать у него наступательные намерения. Впрочем, такое опасное напряжение длилось недолго, так как уже на следующий день корпус Лонгстрита выступил вслед за корпусом Джексона.

Поп понятия не имел о том, что происходило. Правда, на 156 000 пехотинцев он располагал свыше 6 000 всадников, но организация унионистской кавалерии была еще далеко не закончена, хотя война длилась уже свыше года. Этот род войск оказал столь малую помощь в разведке, что Поп в течение целых 3 дней ничего не знал о передвижениях противника на своем правом фланге. Между тем, двигаясь днем и ночью, корпус Джексона прошел за 60 час. 90 *км*. По пути он захватил несколько унионистских магазинов и очень кстати пополнил взятые с собой незначительные запасы, ибо все продовольствие, которое сосредоточивало унионистское интендантство, было высокого качества в соответствии с уровнем жизни северян. Наиболее богатая добыча досталась конфедератам в Манассасе, знакомом нам еще по первому сражению при Буль-Рёне. Манассас — станция на железной дороге Орандж — Александрия, и Джексон задел здесь жизненную артерию армии Попа. Как раз в этот момент по железной дороге подъезжала одна пехотная бригада армии Мак-Клеллана, направлявшаяся к р. Раппаханок. У железнодорожного моста через Буль-Рён стала одна дивизия Джексона с целью перехватить бригаду. Бригада эта спаслась лишь с величайшим трудом, потеряв убитым своего командира. Один из конфедератов доставил себе развлечение тем, что с телеграфа в Манассасе телеграфировал военному министерству в Вашингтоне. В своей телеграмме он упрекнул министерство в том, что попавшие в руки конфедератов лошади и мулы оказались чрезвычайно тощими и утомленными.

В Манассасе Джексон находился уже в непосредственном тылу Попа. А Лонгстрит двигался вслед за Джексоном; однако, не могло и быть речи о том, чтобы Ли соединил свою армию у Манассаса и дал тут сражение перевернутым фронтом. Он, в свою очередь, имел бы в своем тылу бо́льшую половину Потомакской армии и попал бы между двух огней: с одной стороны — Мак-Клеллан, с другой стороны — Поп, который, наконец, узнал, что происходило, и шел на Манассас. Какова была цель смелого маневра, осуществлявшегося Ли? Он хотел выманить Попа с позиций на Раппаханоке, на которых последний охотно дал бы сражение, и вовлечь его в бой в такой местности, которая подходила бы ему самому. Для этой цели не только корпусу Лонгстрита пришлось итти на соединение с корпусом Джексона, но и корпусу Джексона надлежало итти назад, навстречу Лонгстриту. В ночь с 27 на 28 августа Джексон очистил Манассас, после того как сжег и взорвал все, что его солдаты не смогли съесть или забрать с собой. Итти прямо на Салем, чтобы там соединиться с Лонгстритом, уже вряд ли было возможно. 68 батальонов Джексона наткнулись бы там, по крайней мере, на 74 батальона Попа и были бы задержаны последним до тех пор, пока не подоспели бы все унионисты. Поэтому Джексон отступил через Сентревилл, который, так же как и Манассас, известен нам уже с первого сражения у Буль-Рёна. Конечной целью марша Джексона была та равнина к западу от Буль-Рёна, где свыше

года тому назад было дано сражение, в котором Джексон получил свое гордое прозвище «Стонуолл». 28 августа 1862 г. он со всех сторон оказался окруженным противником. Когда он стал лагерем, как он говорил, «в двух шагах от первого поля сражения», у Манассаса, он подвергся нападению одновременно с фронта и с тыла. Это подоспели 136 батальонов Попа и широким полукольцом охватили корпус Джексона. Одна из унионистских дивизий стояла уже между Джексоном и Лонгстритом, которые все еще находились на расстоянии в 10 *км* друг от друга (по прямой).

Однако, положение конфедератов казалось опаснее, чем оно было на самом деле. Хотя Попу и не было еще 40 лет, но он был столь же мало похож на «молодого Наполеона», как и Мак-Клеллан. Он не умел внедрить в сознание своих генералов необходимость «marcher au canon» (итти на гул канонады). Оба дивизионных генерала, которые атаковали Джексона с фронта и с тыла, не получили поддержки ни от своих товарищей, ни от своего начальника. Поэтому войска их попали в очень тяжелое положение. Одна из их бригад потеряла в бою свыше трети своего боевого состава. Благодаря пассивности главных сил унионистов, выдвижение той дивизии, которая вклинилась между Джексоном и Лонгстритом, оказалось совершенно бессмысленным. Она должна была воспрепятствовать выходу 4 дивизий Лонгстрита из гор. Буль-Рёна. Это была тактика, стремившаяся быстро затянуть петлю на шее Джексона. В главе «Фермопилы» своей «Истории военного искусства» Ганс Дельбрюк говорит: «Через горы, в том числе и через гору Эта, ведут всегда... больше чем одна дорога. Защищать все дороги никогда не удается. Всегда враг найдет место... где он... прорвется... откуда он зайдет в тыл, через какое-нибудь, пусть даже самое бездорожное, ущелье».

Почти то же, что несколько тысячелетий назад в Фермопильском ущелье, произошло и в ущелье Торофер, в котором дивизия Риккета преграждала путь корпусу Лонгстрита. По ущелью Торофер течет стремительный горный поток. Ущелье это круто и узко: поэтому вполне было возможно преградить его. Но 29 августа ночью Лонгстрит направил одну дивизию по горной тропинке в обход этого дефиле. Кроме того, три бригады были направлены через ущелье Хопуэлл. Итак, Риккету ничего больше не оставалось, как отойти к главным силам унионистов, к. р. Буль-Рён. Маневр этот был совершен им с достаточной быстротой, вследствие чего ему не пришлось потерять даже и «300 спартанцев». Унионисты очистили ущелье Торофер. Рано утром 29 августа главные силы Лонгстрита прошли его в полной безопасности, соединились со своими фланговыми колоннами, после чего весь корпус пошел навстречу корпусу Джексона.

29 и 30 августа происходило второе сражение у Буль-Рёна. Оглянемся назад, чтобы уяснить себе, как Ли подготовил операцию, чтобы нанести удар в наиболее благоприятных условиях. Началось с того, что атаковать Попа с фронта было делом невозможным. Путем маневрирования Ли добился ухода Попа со своей позиции, рискнув для этого даже тем, что 25 августа половине его армии грозила опасность быть раздавленной всеми силами унионистов, а 28 августа та же опасность грозила его другой половине. Лишь 29 августа смогли соединиться обе части армии конфедератов, но только постепенно, в течение всего дня, а тем временем 68 батальонов Джексона оставались

под угрозой натиска 136 неприятельских. Таковы были опасности, грозившие полководцу конфедератов, но большой риск сулил и большую удачу. Уничтожение продовольственных складов в Манассасе поставило под угрозу снабжение унионистской армии. Вспомним посылку издевательской телеграммы по поводу унионистских лошадей и мулов. После этого Джексон основательнее разрушил телеграфные провода между Манассасом и Вашингтоном. Когда телеграф был опять восстановлен, Поп стал осаждать военное министерство требованиями, чтобы оно посылало продовольствие и фураж. Халлек передавал об этом дальше Мак-Клеллану в Александрию. Этот последний телеграфировал Попу, что участок железной дороги Александрия — Манассас не безопасен, а потому пусть Поп прикрывает своей кавалерией движение железнодорожных составов. Не было никакого сомнения в том, что железная дорога действительно находилась в опасности. Правда, всадники конфедератов насчитывали всего лишь 3 000 чел. против 6 000 у унионистов, но наличие такого командира, как Стюарт, и качественное превосходство кавалерии южан с лихвой уравновешивали численное превосходство северян. Кроме того, как жаловался Поп, лошади его находились уже в течение 10 дней в запряжках или под седлом и были совершенно истощены. Хотя расстояние между Александрией и Манассасом едва достигает 50 *км*, Поп все же опасался, что его армия будет испытывать недостаток в снабжении, еще до того как безопасность этой линии будет обеспечена. Всякая дисциплина покоится на регулярном снабжении. Но милиционные войска Попа начинали проявлять крутой нрав уже тогда, когда приостанавливался подвоз даже таких предметов питания и роскоши, без которых вполне можно было обойтись.

Поп нашел выход из положения, но это стоило ему многого. В Бристо находились продовольственные склады, и эта местность имела сносное сообщение с Аквиа-Крик-Лендингом. Он переключил базу унионистской армии на Бристо. Один взгляд на карту показывает, как неблагоприятно был расположен этот магазин. Чтобы прикрывать его, требовался целый корпус, и поэтому Поп мог появиться у Буль-Рёна, вместо 156, лишь со 130 батальонами, т. е. у него было не больше батальонов, чем мог иметь Ли, после того как последнему удалось бы во-время объединить свои силы. Кроме того, Бристо являлся лишь небольшим вспомогательным магазином. Это поставило Попа перед альтернативой — либо немедленно дать сражение, либо отойти до самой Александрии. Отступление без боя означало бы как с политической, так и с военной точки зрения, совершенно неоправданное бесчестие. Принятие боя, правда, давало Попу шансы на выигрыш, но Ли умел их свести на-нет! Ведь Поп был абсолютно прав, когда хотел держаться на неприступных позициях до тех пор, пока к нему не подойдут все войска Мак-Клеллана. Но и стратегия «выжидания» (hinhaltende Strategie) имеет свои опасности, ибо тогда, выражаясь словами Фридриха II, «гордая привилегия инициативы» переходит к противнику. Теперь Поп оказался вынужденным принять бой, значительно разбросав свои силы: 20 батальонов у Бристо, 136 у Буль-Рёна, на менее 78 у Александрии, где не были еще выгружены ни кавалерия, ни артиллерия, ни боеприпасы. Все, что военное искусство могло достигнуть путем маневра, все это было достигнуто Ли.

Тем не менее, ему пришлось вступить в бой все же с меньшими силами, чем Попу, а именно с 42 000 пехоты против 58 000 [1]. Причиной тому было сильно развившееся дезертирство. Правда, законом была введена всеобщая воинская повинность, но население Юга не привыкло к ней. В результате, среди офицеров и рядовых развилось массовое дезертирство, отчасти в виде самовольного ухода в отпуск, ходатайства о предоставлении которого присылались потом лишь в качестве пустой формальности. Однако, отказывать в таких отпусках не представлялось возможным вследствие демократической атмосферы, царившей в стране. В семидневном сражении боевой состав батальонов конфедератов насчитывал в среднем 430 ружей, теперь же он насчитывал их только 310 [2]. Напротив, унионистские части сохраняли 430 ружей на батальон. Большой размер дезертирства в войсках южан зависел в значительной степени от влияния блокады. Блокада приводила, например, к недостатку обуви, и те, кто отставал по дороге с больными ногами, часто уже не стремились обратно в строй. Зато те ополченцы, которые оставались в строю, невзирая на все лишения и искушения, производили впечатление отборных войск. Английский фельдмаршал Уолслей, который в чине полковника изучал гражданскую войну, находясь на стороне Южных штатов, наблюдал, как мимо него проходила дивизия Лонгстрита. Он рассказывает, что она представляла собой незабываемое зрелище. Оно было не сравнимо ни с чем, что он, Уолслей, когда-либо видел или представлял себе. Люди были плохо, чтобы не сказать жалко, одеты и еще хуже обуты. При этом Уолслею сказали, что те, у кого было наиболее плохое обмундирование, не участвовали в этом марше, так как стыдились маршировать в своих лохмотьях перед иностранцем. Конечно, это было лишь прикрашиванием тех потерь, которые понесли кадры благодаря дезертирству. Уолслею указали на многих очень состоятельных людей, шедших в строю и ничем не отличавшихся от всей массы; чтобы хоть чем-нибудь подчеркнуть, что они джентльмены, большинство из них продевало зубные щетки в петлицы своих мундиров. На всех их портупеях и патронных сумках красовались большие буквы U. S. (United States — Соединенные Штаты). Это свидетельствовало о том, что снаряжение было захвачено у противника. Они проходили хорошо и, несмотря на недостатки своего обмундирования, имели воинственный вид: «Я, как и все остальные зрители, находился под тем впечатлением, что передо мной не простые наемники, а граждане, борющиеся за дело, в которое они верят, страдать и умереть за которое они гордятся. Армия Южных штатов заинтересовала меня больше, чем какая-либо другая из виданных мною армий до и после этого» [3].

Из тех впечатлений, которые Уолслей получил от конфедератов, он сделал вывод, что правильно организованные и руководимые милиционные войска могут представлять собой большую военную ценность.

---

[1] Цифры эти оспариваются.

[2] Томас Ливермор («Численность и потери в гражданскую войну») считает, что батальон конфедератов (полк) имеет числящуюся на бумаге силу в 1 058 чел.

[3] Для представителя английских военных кругов даже армия Южных штатов представлялась весьма демократической по сравнению с тогдашними европейскими армиями. Однако, Уолслей, а вслед за ним и автор настоящей книги Даниэльс упорно обходят вопрос, за что же именно боролись Южные штаты, и не вскрывают сугубо-реакционных взглядов и действий американских помещиков-рабовладельцев. — *Ред.*

Исходя из этого, он и создал милиционную армию Канады. В его мемуарах, появившихся в 1903 г. [1], высказывается убеждение, что в случае войны, популярной в Канаде, Англия может рассчитывать на получение оттуда одной первоклассной дивизии. Прошло лишь небольшое количество лет, и ожидания Уолслея оказались значительно превзойденными, хотя бы с точки зрения численности.

Мы читаем у Уолслея: «Ли был самым дельным генералом и, как мне кажется, величайшим человеком, с которым я когда-либо разговаривал, а между тем, я имел удовольствие встречаться с Мольтке и с князем Бисмарком и имел... один раз даже очень длительную и чрезвычайно интересную беседу с последним. Прошло 40 лет со времени моей встречи с Ли, однако, его мужественная осанка и располагающее в свою пользу веселое радушие, ласковость его улыбки и достоинство его старомодной манеры обращения с людьми принадлежат к числу моих самых дорогих воспоминаний... Он выглядел как настоящий дворянин»... [2]

Конечно, и Ли и остальные генералы конфедератов делали все, что было в их силах, чтобы понравиться английскому полковнику. Ведь почти все, кто прорывал блокаду, появлялись из Англии и ее владений или же направлялись туда. Кроме того, конфедераты надеялись добиться вступления Англии в союз с ними против северян. Поэтому и Ли и Джексон, с которым Уолслей также имел длительную беседу, вели себя таким образом, чтобы приятно затронуть гуманистические, пацифистские и религиозные чувства Англии. Генералы конфедератов знали, что Уолслей был сторонником участия Англии, в союзе с ними, в войне против Северного союза и что он был достаточно умен, чтобы соответственно передать это публике в Великобритании. Ли тонко добивался благосклонности общественного мнения Англии, а Джексон уже не столь тонко. В конце беседы с этим последним Уолслей спросил его, что́ больше всего понравилось ему во время пребывания в Англии. В течение нескольких минут Джексон делал вид, будто он напряженно думает, а затем, взглянув вверх, сказал: «Семь стрельчатых окон собора в Йорке!»

Для Джексона это было максимумом лицемерия! Он был не только львом, но и лисицей.

Когда рано утром 29 августа 1862 г. Поп атаковал корпус Джексона, конфедераты стояли на правом берегу Буль-Рёна, как и в первом сражении, названном по имени этого ручья. Однако, тогда они стояли фронтом против Буль-Рёна, имея станцию Манассас в тылу у себя. Теперь же их левый фланг упирался в Буль-Рён и ручей Катарпен, который вливается в Буль-Рён. Станция Манассас находилась в руках Попа. Второе сражение при Буль-Рёне разыгралось несколько западнее той местности, на которой происходило первое. В том сражении дрались за фермы Робинсона, Догана и миссис Генри. 29 августа 1862 г. в этой пустыне наиболее важным участком поля были, по мнению Попа, участок ферм Хемптона Колл и Монро. Они были расположены на высотах, на которых левое крыло унионистов должно

[1] Эмиль Даниэльс, Мемуары фельдмаршала Уолслея и английская армия. «Прусский ежегодник», т. 116, вып. 3, стр. 530.

[2] Это безудержное восхваление полководца рабовладельческих штатов ярко показывает подлинные взгляды и симпатии Уолслея. Даниэльс ниже прямо говорит о том, что Уолслей был сторонником военного союза Англии с южными штатами против северян. — *Ред.*

было положить предел наступлению правого крыла конфедератов, которым командовал Лонгстрит. В то же время сам Поп во главе правого крыла своих войск собирался лично напасть превосходными силами на левое крыло противника, которым командовал Джексон, и прижать его к заболоченным ручьям.

План потерпел неудачу вследствие того, что ген. Портер, который командовал крайним левым флангом унионистов, счел себя слишком слабым, чтобы оттеснить Лонгстрита, как ему было поручено: у Портера было 10 000 чел., а Лонгстрит в тот день ввел в строй 17 000 чел. Портер малодушно решил, что эти силы слишком велики, для того чтобы он мог оспаривать у них упомянутые выше высоты. Поэтому он ограничился лишь наблюдением за развертыванием Лонгстрита справа от Джексона; впрочем, развертывался Лонгстрит неуверенно, так как сам настолько же боялся корпуса Портера, насколько Портер боялся корпуса Лонгстрита. Наконец, на 4-й день после того, как они разделились, все же произошло воссоединение обеих частей армии конфедератов. Это разделение сил осталось безнаказанным, и воссоединение было совершено перед фронтом противника. Из нападения Попа на Джексона тоже ничего не вышло, ибо Лонгстрит, не задерживаемый Попом, прикрывал фланг Джексона. Правый фланг унионистов произвел чисто фронтальную атаку на Джексона, который стойко уцепился за насыпи еще недостроенной железной дороги и удержал свои позиции.

Основная ошибка унионистского плана сражения бросается в глаза. Поп должен был атаковать не только на правом, но также и на левом фланге. Здесь Джексон не был прикрыт другими подходившими к нему силами конфедератов, но был прикрыт ручьями с крутыми берегами и густыми лесами. Трудности подобного же характера местности были победоносно преодолены в 1870 г., когда армия Блюменталя переправилась через р. Зауэр и атаковала маршала Мак-Магона у Верта. Но Поп знал, как плохо маневрировали его молодые войска, и сам не доверял своей способности провести их через все препятствия местности в сносном порядке и без потери воодушевления. Поэтому его численное превосходство так и осталось неиспользованным.

Утром 30 августа обе стороны привели в порядок свои перемещавшиеся части, и лишь в 2 часа дня вновь возобновилось сражение. Теперь в нем принял активное участие и корпус Портера. Вообще, как Поп, так и Ли ввели в бой все свои наличные силы: Поп 56 000 чел., а Ли 38 000 чел. Поп рассказывает, что голод и истощение якобы снизили боеспособность его войск. Но небольшая армия конфедератов двигалась форсированными маршами и, участвуя в боях, подверглась гораздо большим лишениям, чем унионистская. В противовес Попу, Ли очень гордился действиями своих офицеров и солдат; его не вполне удовлетворяло только руководство Лонгстрита на правом фланге. Ли ожидал, что в первый же день сражения он не только будет прикрывать левый фланг, но перейдет в наступление и разобьет корпус Портера. Лонгстрит был человеком методического образа мыслей, которому претило активное наступление до тех пор, пока он не будет располагать всеми своими силами, а между тем 30 августа у него нехватало еще одной из его 4 дивизий. Лишь после того как и эта дивизия прибыла к нему в самом конце дня, Лонгстрит развил всю ту энергию, на которую был способен. Эта дивизия, под командованием ген. Андерсона, была единственной свежей частью в обеих армиях. Все

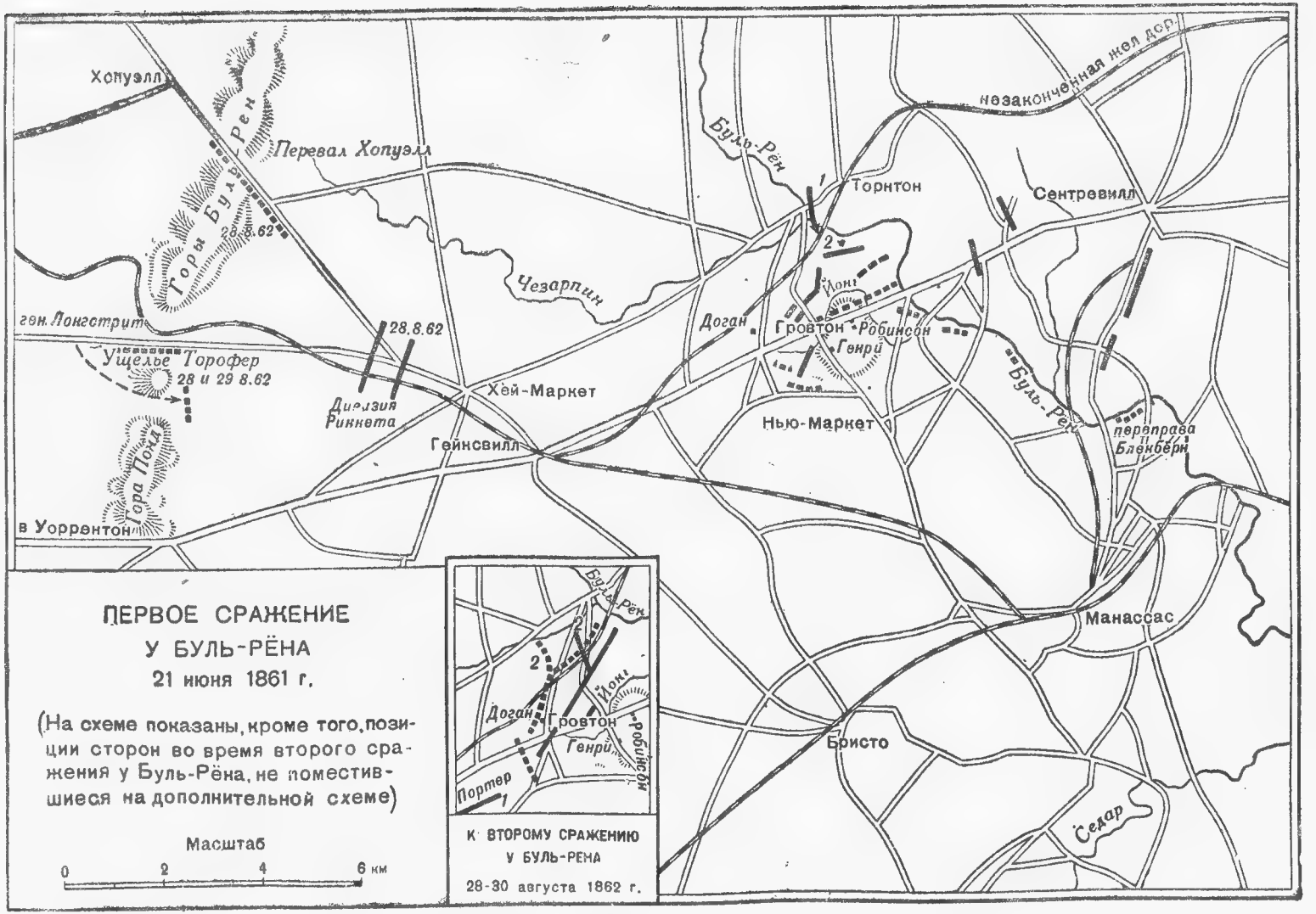

Хопуэлл
Горы Буль-Рен
Перевал Хопуэлл
Буль-Рён
незаконченная жел дор
Торнтон
Сентревилл
Чезарпик
ген. Лонгстрит
28.8.62
Ущелье Торофер
28 и 29 8.62
Дивизия Рикнета
Хей-Маркет
Доган
Гровтон
Робинсон
Генри
Буль-Рен
Нью-Маркет
переправа Блэкберн
Гейнсвилл
Гора Пони
в Уоррентон
Манассас
Бристо
Седар
ПЕРВОЕ СРАЖЕНИЕ
У БУЛЬ-РЁНА
21 июня 1861 г.
(На схеме показаны, кроме того, позиции сторон во время второго сражения у Буль-Рёна, не поместившиеся на дополнительной схеме)
Масштаб
0 2 4 6 км
Портер
К ВТОРОМУ СРАЖЕНИЮ
У БУЛЬ-РЕНА
28-30 августа 1862 г.

Схема 5.

остальные соединения были истощены боями и снова перемешались. Теперь Лонгстрит направил дивизию Андерсона для удара по левому флангу унионистов. У Попа было достаточно и даже более чем достаточно пехоты для парирования этого маневра, но мы припоминаем изречение Даниэля Хилла: «Американские войска не выдерживают фланговых и тыловых атак». Поп не являлся той личностью, которая силою своего руководства могла бы преодолеть недостатки организации. Судьба унионистов была поэтому та же, что и 21 июля 1861 г. Повторилось также и уничтожающее действие фланкирующего огня артиллерии конфедератов. Не только непосредственно атакованная часть унионистской армии была отброшена на целый километр, но и вообще вся она подалась назад и перешла обратно через Буль-Рён в беспорядке, производившем чуть ли не худшее впечатление, чем год назад. Конфедераты не преследовали, ибо истратили последнюю энергию людей и лошадей для достижения этой победы. Какие потери понес Ли — достоверно неизвестно. Американская литература, однако, единодушна в том, что те 20—25%, о которых говорят конфедераты, значительно ниже действительности.

Унионисты потеряли убитыми и ранеными сравнительно меньше, чем противник, но зато последний взял много пленных. Вместе с боевыми частями огромный обоз унионистской армии добрался без потерь до Вашингтона, форты которого находились в двух переходах от Буль-Рёна. На путях отступления зритель мог столкнуться с очень печальными картинами. За вычетом потерь в течение обоих дней сражения силы унионистов насчитывали еще около 55 000 чел., но из них, примерно, 20—30 000 чел. покинули свои части. Тем не менее, историческая критика не может оставить без внимания того факта, что Ли 30 августа 1862 г. не поступил так, как в свое время Гнейзенау при Бель-Альянсе [1], и не нанес смертельного удара разложившейся армии Попа. У конфедератов также сочилась кровь из бесчисленных ран, и они тем менее могли думать о преследовании, что уже с 29 августа, с первого дня сражения, один из корпусов Мак-Клеллана стал лагерем при Фэрфекс-Инн — на полпути между полем сражения и Александрией. Под Александрией находился Мак-Клеллан с двумя оставшимися корпусами Потомакской армии, передовые два корпуса которой принимали участие в сражении. Такое дробление сил оградило Попа от уничтожающих материальных последствий понесенного поражения, но являлось настолько чудовищным разбазариванием сил, что все потеряли доверие к верховному командованию. Гостиницы и бары Вашингтона кишели офицерами всех рангов, заявлявшими о своем нежелании вернуться в полки, так как война уже проиграна. В правительственных сферах царило опасение, что гибель угрожает чуть ли не самому Вашингтону. Все содержимое арсеналов в той мере, в какой оно превосходило потребности обороны города, было погружено на суда и отправлено в Нью-Йорк. Одна канонерка стояла под парами, для того чтобы увезти президента и власти штата.

С чисто объективной точки зрения, если откинуть чисто субъективные моменты, эти опасения были совершенно неосновательны. Вашингтон располагал гарнизоном в 30 000 человек и защищался 500 крепостными орудиями. На этот раз — не так, как во время

[1] Гнейзенау (1760—1831) — прусский военный деятель и полководец, успешно действовавший против Наполеона при Ватерлоо. — *Ред.*

первого сражения при Буль-Рёне, — он был опоясан со всех сторон линиями окопов. 40 000 чел. Потомакской армии не участвовали в сражении при Буль-Рёне и не были вовлечены в водоворот отступления. Кроме того, рассеявшиеся было полки постепенно вновь собирались сами собой, ибо офицеры требовали своего жалованья, а солдаты своих походных кухонь. Через 14 дней после сражения в Вашингтоне располагали вновь полевой армией в 86 000 чел. Разумеется, Ли тоже не остался бездеятельным перед лицом реорганизации противной стороны. Он подтянул к себе корпус Даниэля Хилла, поскольку противник был отброшен, вынужден к защите собственной столицы и уже не мог больше угрожать Ричмонду. Президент Дэвис энергично помогал Ли посылкой пополнений. Но дезертирство продолжалось, и поэтому удалось лишь возместить потери 29—30 августа. Той численности, которую она имела в семидневном сражении, армия больше уже не достигла. Вместо 90 000 чел. Ли переправил в начале сентября через Потомак лишь 70 000 чел.

Переправа состоялась у Шепердстоуна, а не у главной переправы Харперс-Ферри, укрепленной унионистами и занятой 10 000 чел. В чем заключался операционный план Ли? Он не мог и думать атаковать Вашингтон. У него было 70 000 чел., а противник, если мы присчитаем к гарнизону Вашингтона также и гарнизон Харперс-Ферри, имел 126 000 чел. Ли не располагал также и осадным парком, который он мог бы противопоставить 500 крепостным орудиям Вашингтона. Он не обладал флотом, для того чтобы преградить Потомак. Ему ничего не оставалось, как расположиться к северу от Вашингтона и протянуть руку единомышленникам южан в Балтиморе. В этом городе еще и поныне ¼ не белого населения. Исходя из этой цифры, мы можем себе представить, на чьей стороне была симпатия высших слоев населения этого города в 1862 г. Население Балтиморы восстало еще перед первым сражением у Буль-Рёна и чувствительно мешало перевозкам войск, прибывавших из Нью-Йорка. Мятежники все еще пользовались большими симпатиями в Балтиморе. Балтимора находится от Вашингтона на расстоянии менее 50 *км*. Переход Балтиморы в руки конфедератов сделал бы невозможной для унионистов войну на истощение. Балтимора была большим фабричным городом. Вблизи нее находились очень крупные Пенсильванские стальные заводы, черпавшие свое топливо из залежей каменного угля, занимавших почти половину всей Пенсильвании. По статистике 1870 г., почти половина горнозаводской продукции Соединенных штатов вырабатывалась в Пенсильвании. Этот штат, как и Мэриленд, больше даже, чем численное превосходство Союза, способствовал тому, что военная организация Севера получила превосходство над Югом. Балтимора и Пенсильвания предоставили бы конфедератам те экономические ресурсы, которых им нехватало. Кроме того, для флота северян явилось бы непосильной нагрузкой блокировать, помимо побережья уже отпавших штатов, еще и порт Балтимору.

Если бы Ли захотел утвердиться в Балтиморе и Пенсильвании, он должен был бы заставить унионистскую полевую армию очистить Вашингтон. Но и после этого он не смог бы атаковать этот город, однако он рассчитывал, что тогда в Вашингтоне ослабнет воля к сопротивлению и что это заменит недостающий конфедератам осадный парк. Унионистская полевая армия базировалась не только на

море, но и на железные дороги, ведущие в Балтимору, Филадельфию и Нью-Йорк[1].

Итак, Ли должен был перенести свои операции в район к северу от Вашингтона. Но для того чтобы обеспечить свою собственную базу, он хотел захватить сперва еще Харперс-Ферри. Для этой цели он разделил свою армию: 97 батальонов направил против Харперс-Ферри, а 87 расположил между Шарпсбёргом и Бунсборо, находящимся на горном хребте Саут-Маунтейнс.

Действительно, в Вашингтоне царило то состояние духа, которое было желательным союзником для Ли, если он хотел отвлечь оттуда путем маневрирования численно превосходившую его унионистскую полевую армию и захватить город, не имея осадного артиллерийского парка. Линкольн, Стэнтон и Халлек были в отчаянии; единственно, кто сохранил еще самообладание, это Мак-Клеллан. Он был так же спокоен, как и во время флангового марша на Виргинском полуострове. Но он ничего не мог сказать. Армия была вверена Попу, а Мак-Клеллан занимал лишь должность коменданта Вашингтона. У него, вероятно, отняли бы и эту должность, если бы он не принадлежал к главарям демократической партии. Однако, он сумел снова проявить себя в этот роковой момент американской истории. Внутренняя политика глубоко вмешалась тут в ход военных событий. Подоплека этого не выяснена, но мы знаем, что в унионистские руки попал приказ Ли Даниэлю Хиллу, из которого они узнали про разделение конфедератских сил. На этом основании Мак-Клеллан, повидимому, добился от Халлека, чтобы полевая армия защищала Вашингтон, и притом переходом в наступление. Передать выполнение этого плана Попу было бы морально невозможно. Но кто же должен был первым броситься в брешь? Мак-Клеллан сделал это и не побоялся применить некоторое насилие для получения этого ответственного поста. Вот что пишет он по этому поводу: «Позже меня обвиняли, будто я с преступными намерениями взял на себя главное командование, не имея на то права. В самом деле, я дал сражение при Саут-Маунтейнс (Южные горы) и при Антитэме с петлей на шее, ибо если бы Потомакская армия была разбита и я бы это пережил, то меня, без сомнения, предали бы суду по обвинению в присвоении военных полномочий, а при том настроении, при котором разжаловали ни в чем неповинного и высокозаслуженного генерала Ф.-Ж. Портера, меня бы, вероятно, приговорили к смерти. Я вполне сознавал опасность, которой я подвергался».

Мак-Клеллан вряд ли тут преувеличивает. Мы ведь знаем, что республиканцы были до крайности щепетильны в своей партийной политике, обвинив весною Мак-Клеллана в том, что он сажает армию на суда лишь для того, чтобы ее погубить. Следовательно, «молодой Наполеон» действительно обладал крепкими нервами. Его окрыляли надежды на победы в связи с тем, что, наконец, произошло то, к чему он так долго и напрасно стремился: объединение Потомакской армии с Виргинской под его командованием[2].

Мак-Клеллан направил свои 6 корпусов навстречу Ли тремя дорогами и сознательно отошел при этом от традиции. В своей оправда-

[1] Вашингтон — Филадельфия (208 *км*); Вашингтон — Нью-Йорк (429 *км*).

[2] Военный суд разжаловал Портера за невыполнение приказа оттеснить Лонгстрита. Лишь через много лет после окончания войны это решение было отменено вторым военным судом.

тельной записке он указывает, что он избрал три пути подхода к противнику ради быстроты и для облегчения концентрации в решающем пункте. Что касается второго мотива Мак-Клеллана, то следует все же заметить, что он намеревался снова соединить свои колонны перед неприятельским фронтом, а не использовать раздельное наступление для операции такого типа, как операция Мольтке под Кениггрецом.

Ли не думал, что унионисты встряхнутся настолько, что еще раз будут сражаться за Вашингтон. Вследствие этого две из его десяти дивизий, которые он выдвинул до Бунсборо, были застигнуты в этом пункте врасплох превосходными силами и отброшены с чувствительными потерями [1]. Ли поспешно стал концентрировать всю свою армию позади р. Антитэм. Войска, стоявшие перед Харперс-Ферри, смогли занять этот пункт еще раньше, и значительное количество захваченных военных материалов было отправлено в долину Шенандоа. Это было крайне ценным достижением для конфедератов, принимая во внимание особенность их положения, но в остальном операции привели до сих пор лишь к чувствительному ослаблению Ли перед предстоявшим сражением. Магазинная система снабжения конфедератов функционировала плохо, и войскам приходилось питаться зеленой кукурузой на полях. Это было нездоровым и недостаточным питанием; офицеры и солдаты разбредались на поиски чего-нибудь получше. Они покидали Мэриленд и возвращались через легко проходимый вброд Потомак в житницу долины Шенандоа. Выше уже указывалось, что в результате дезертирства, Ли переправился через Потомак всего лишь с 70 000 вместо 90 000 чел. В сражении же у ручья Антитэм он располагал всего лишь 52 000 чел.; остальные разбрелись по домам.

Мак-Клеллан мог атаковать с огромным превосходством сил: 87 000 чел. против 52 000 [2]. В своем плане сражения он избег основной ошибки Попа тем, что неприятель должен был быть охвачен не только с одного, но с обоих флангов. В то же время предполагался сильный удар также и против центра Ли. Он должен был начаться после удачных фланговых атак, или, по крайней мере, после того, как успех будет достигнут на одном из флангов. Итак, Мак-Клеллан рассчитывал на наступление с трех сторон и на введение в бой всех сил. до последнего человека.

Главное наступление повело правое крыло унионистов. Здесь были сосредоточены в один кулак три корпуса из шести. 16 сентября 1862 г., в 2 часа дня, корпус ген. Хукера переправился через ручей Антитэм, воспользовавшись для этого одним мостом и двумя переправами. Сперва навстречу трем дивизиям Хукера выступила лишь одна конфедератская. Все силы, которые захватили Харперс-Ферри, находились еще на походе. Так как по всему фронту сверкало неприятельское оружие, Ли пришел к выводу, что он располагает лишь одной дивизией Худа против корпуса Хукера, пытавшегося охватить фланг конфедератов. Это было совершенно неприемлемое соотношение сил, ибо ген. Худ имел лишь 2 000 винтовок, а ген. Хукер — 14 000. Однако, линия фронта Худа была продолжена кавалерией конфедератов под командой Стюарта. Она спешилась и сражалась в пешем строю, как

[1] Этот бой называется по имени горного хребта боем при Саут-Маунтейнс.
[2] Боевая сила унионистского батальона равнялась 370, а конфедератского — всего 210 ружьям.

три столетия назад драгуны. Этот род кавалерии не получил большого развития в Европе. Драгуны вскоре растворились среди прочей кавалерии. Иначе было во время американской гражданской войны. Чем хуже была обучена американская пехота, тем больше могли равняться с ней в огневом бою спешенные всадники.

Путем присоединения конницы силы крайнего левого фланга конфедератов возросли до 8 000 ружей, что было все еще слишком мало против 14 000 Хукера. Стюарт вместе с Худом образовал загнутую линию фронта и огнем своих конных батарей создал впечатление, будто его позиции тянутся до самого Потомака. Тем не менее, тот натиск, который пришлось выдержать в течение долгих часов дивизии Худа, был ужасен. Она потеряла в этом сражении 50% убитыми и ранеными.

Наконец, форсированным маршем подошли две дивизии от Харперс-Ферри, и равновесие сил в этом критическом пункте восстановилось. Таким образом, охват расположения конфедератов корпусом Хукера не удался. Но ночью, вслед за корпусом Хукера, переправился через Антитэм и корпус Мансфилда. На рассвете 17 сентября он стал развертываться, и притом бесконечно медленно, так как часть полков состояла из необученных новобранцев. Во время развертывания был убит командир корпуса, который прилагал все усилия к ускорению застопорившегося развертывания.

До того как оно закончилось, Хукер снова повел наступление. Так как его корпус уже не располагал превосходством сил, то его натиск превратился в чисто фронтальную атаку. Унионистам пришлось при этом очень плохо. Их потери убитыми и ранеными достигли 20%, а число пропавших без вести было еще более значительным. В 7 час. утра, когда корпус Мансфилда, наконец, приготовился к наступлению, пришлось вывести из линии огня корпус Хукера. Сам Хукер был ранен, основные силы его войск расположились у усадьбы фермера Поссенбергера.

Вступив в соприкосновение с противником, корпус Мансфилда сражался храбро и оставил на поле сражения свыше одной пятой своего состава. За ним переправился через Антитэм и 3-й корпус унионистов под командой ген. Сумнера; таким образом, были введены в бой все силы, предназначенные Мак-Клелланом для охвата неприятельского левого фланга. Но и у противника в сражении участвовала уже дивизия Даниэля Хилла из левого центрального участка и были введены в бой еще две дивизии, прибывшие из Харперс-Ферри. Как те две дивизии накануне, так и эти две прибыли из Харперс-Ферри в тот момент, когда необходимость в них была особенно велика; но все еще против 35 000 унионистов стояло лишь 25 000 конфедератов. Чтобы продержаться, конфедераты должны были напрячь все свои последние силы. От дивизии Даниэля Хилла потребовались, пожалуй, не меньшие жертвы, чем от дивизии Худа. Около 55% убитыми и ранеными, и это после того, как три месяца тому назад в семидневном сражении она потеряла 60%.

И как неоднороден был состав этих 25 000 чел. на левом фланге Ли! Прежде всего в их число вошли 6 000 спешенных всадников Стюарта. Правда, разница между спешенной кавалерией и пехотой на этом поле сражения была не так велика, как в Европе, но все же боевая сила спешенных всадников ниже боевой силы пехотных частей. Это

констатировали сами американцы, и неудивительно, ибо ни одна войсковая часть не может одновременно принадлежать к двум родам войск, без того чтобы не снизить свои качества с точки зрения обоих.

Боевая сила дивизии Худа была весьма понижена. Дело в том, что она была отведена из-за ее огромных потерь в резерв, но необходимость ни с чем не считается, и поэтому дивизии пришлось снова итти в огонь. Если бы унионисты смогли сделать то же самое с корпусом Хукера, они охватили бы левый фланг противника и выиграли бы сражение. Но корпус Хукера был слишком расстроен в моральном отношении. Будучи отведен в резерв, он не был в состоянии еще раз выйти на линию огня. Таким образом, правое крыло унионистов лишилось своего численного превосходства над левым крылом конфедератов и даже стало уступать ему в численности. Те две дивизии конфедератов, которые подходили от Харперс-Ферри, вошли в соприкосновение с корпусом Сумнера и нанесли ему удар во фланг. Унионисты не ожидали с этой стороны нападения, а для того чтобы его парировать, они не были достаточно обучены тактическим перегруппировкам. В результате, корпус Сумнера был отброшен к ферме Поссенбергер, потеряв 40% своего состава убитыми и ранеными; там же безуспешно пытались привести в порядок и вышедший из повиновения корпус Хукера. Унионисты пытались вклиниться между конфедератами и Потомаком, однако тщетно; они только втянулись в безнадежные и кровопролитные фронтальные атаки. Вместо того чтобы охватить противника, правый фланг унионистов теперь сам подвергся опасности охвата. Джексон, командовавший левым крылом конфедератов, предоставил в распоряжение Стюарта 4 000—5 000 чел. пехоты, для того чтобы оттеснить унионистов от Потомака. В 12 ч. 30 м. дня сражение в этом пункте замерло. Джексон рассчитывал услышать около 2 час. дня звуки выстрелов орудий Стюарта, после чего он собирался напасть на правое крыло Мак-Клеллана одновременно с фронта и с фланга.

Сам Мак-Клеллан находился на гребне высот позади унионистского боевого расположения. Отсюда ему был виден каждый пункт на протяжении тех 5 *км*, на которые растянулись его войска; сигнальная станция связывала его с командирами корпусов. Мак-Клеллан никоим образом не мог сомневаться в том, что для его левого фланга и центра наступила крайняя пора форсировать переправу через Антитэм. Правый унионистский фланг требовал срочной помощи. Мак-Клеллан имел в своем распоряжении еще 35 000 пехоты. Против них центр и правый фланг Ли состояли всего лишь из 18 000 чел. Таким образом, унионисты имели на этих участках поля сражения двойное превосходство сил. Кроме того, они были в полном сборе, а противник не был в сборе. Ему нехватало дивизии ген. Амброзиуса Хилла, который находился еще на походе от Харперс-Ферри. Таким образом, все призывало Мак-Клеллана к тому, чтобы полностью осуществить свой план сражения. Но он испугался Антитэма, так же как в свое время Поп—Буль-Рёна. До того как была сделана серьезная попытка переправы, на месте появилась последняя из вызванных из Харперс-Ферри дивизий, дивизия Амброзиуса Хилла. Как виртуоз военного искусства, Ли вторично не слишком рано и не слишком поздно соединил перед фронтом противника свои преднамеренно разделенные силы.

Отказавшись от наступления с трех сторон, Мак-Клеллан выпустил победу из своих рук. Для того чтобы избежать поражения, ему ничего иного не оставалось, как поддержать свой колебавшийся правый фланг. Для этого было бы достаточно его 6 000 всадников, если бы он использовал их, как Ли. Но у него не было генерала, подобного Стюарту, и вообще этот род войск у унионистов находился еще в состоянии формирования. Будь Мак-Клеллан действительно «молодым Наполеоном», он сумел бы тогда воодушевить и использовать свою кавалерию. Старый Наполеон достаточно часто совершал с незрелыми войсками великие подвиги.

Для того чтобы заткнуть брешь, которая угрожала возникнуть между его правым крылом и Потомаком, Мак-Клеллан направил через верхний Потомак один из тех 2½ пехотных корпусов, которые он имел в центре и на левом фланге. При его приближении Стюарт прекратил охват правого неприятельского крыла, и поэтому вскоре после 12 час. 30 мин. дня сражение окончательно закончилось. Даже если считать, что тот корпус, который на нижнем Антитэме производил слабые попытки форсировать переправу, был серьезно введен в бой, все-таки из 201 унионистского батальона 73 батальона вообще еще не сражались. Наоборот, Ли снова ввел в бой все, что имел, до последнего батальона и до последнего кавалерийского полка. Убитые и раненые составляли пятую часть его армии. «Было тяжело наблюдать, — рассказывает Лонгстрит в своем описании сражения, — как истерзана была армия Ли... Мы были в таком плохом состоянии, что к концу дня какие-нибудь 10 000 чел. свежих войск, ворвавшись в наше расположение, могли захватить всю армию Ли со всем, что она имела. Но Мак-Клеллан этого не знал и... боялся, что если отбросят Бёрнсайда (генерала, командовавшего корпусом на нижнем течении Антитэма, то Шарпсбёрг превратится в победу конфедератов»[1].

Между тем, вечером 17 сентября Мак-Клеллан имел больше чем 10 000 свежих войск: у него оставались нетронутыми еще 26 000 чел. пехоты и 6 000 всадников. Правда, те корпуса, которые сражались, понесли кровавые потери, превышавшие пятую часть их наличного состава, к чему еще нужно прибавить бесчисленное количество пропавших без вести, так что 3 из 6½ корпусов Мак-Клеллана были разбиты. Нервы же Мак-Клеллана были не настолько крепки, чтобы на него нисколько не повлияло впечатление от всего этого. Одним большим ударом он мог бы уничтожить Ли и окончить войну, но удовольствовался прикрытием и спасением Вашингтона, считая и это заслугой. Ли уже не мог больше думать о захвате этого города. Ведь боевой состав его батальонов насчитывал не свыше 170 ружей.

На следующий день после сражения обе армии оставались на своих позициях, не вступая в бой. Они были заняты лишь приведением в порядок своих частей. На следующую ночь Ли втихомолку очистил Мэриленд. Вскоре после восхода солнца его армия уже закончила переправу через Потомак. Эта переправа на обратном пути состоялась у Шепердстоуна, там же, где несколько недель назад, полные величайших надежд, они вступили в Мэриленд. Теперь конфедераты считали себя счастливыми уже потому, что благополучно выбрались оттуда. «Когда я верхом въехал в реку, — рассказывает один из штабных офицеров южан, — я проехал мимо генерала Ли, стоявшего

[1] По этой местности конфедераты называли данное сражение.

верхом на коне в самой реке и лично наблюдавшего за переправой обозов и артиллерии. Он спросил меня, что еще осталось позади. Оставались лишь повозки с моими ранеными и одна батарея... все поблизости, под руками, и я доложил ему об этом. Он был доволен».

Мак-Клеллан мало проявил себя как тактик, но как стратег он выиграл кампанию. А между тем, он дважды мог бы выиграть не только кампанию, но и войну; во-первых, путем более энергичного руководства сражением, а во-вторых, если бы он напал на конфедератов во время их отступления, вместо того чтобы дать им спокойно отойти через Потомак. Мак-Клеллан приводит в свое оправдание то обстоятельство, что нездоровая местность р. Чикахомини и катастрофа у Буль-Рёна сильно снизили численный состав его частей [1]. К этому прибавилось израсходование различных боеприпасов, расстройство обозов и интендантской службы. Контрнаступление против Ли с подобной армией было сопряжено с риском, и ответственность за это могла быть принята им на себя лишь потому, что иначе были бы потеряны Вашингтон и Балтимора. Наступление не было продолжено после сражения у Антитэма потому, что ни на один день нельзя было больше откладывать восстановление пришедшей в расстройство армии.

Эти самооправдания касаются лишь тех недостатков, которые были присущи его собственной армии, и игнорируют не менее опасное состояние слабости у противника, у которого из 90 000 чел. дезертировали почти 40 000 и нехватало всякого рода боевых средств в еще большей степени, чем бойцов. Но Мак-Клеллан спас Вашингтон и тем самым Союз; это было очевидно для всех и исключало, по крайней мере на ближайшие недели, всякую критику. Мак-Клеллан был не только победоносным полководцем, но и вождем оппозиции. Его заслуги поставили его в положение, которое, казалось, подрывало авторитет президента, а Линкольн опасался Мак-Клеллана в особенности потому, что тот был очень популярен в армии. Для того чтобы морально усилить себя перед своим соперником, принадлежащим к демократической партии, Линкольн через несколько дней после очищения неприятелем Мэриленда опубликовал прокламацию, объявлявшую свободными рабов в отложившихся от Союза штатах. Это выступление объясняли тем, что Линкольн рассчитывал побудить негров к восстанию. Однако, момент для этой цели вряд ли был выбран удачно. На Виргинской земле не было ни одного унионистского солдата. Виксбург конфедераты крепко держали в своих руках и собирались захватить обратно все то, что противник занял в Теннесси, даже намеревались отторгнуть от Союза Кентукки. Итак, следовало ожидать, что прокламация президента вряд ли окажет влияние на чернокожих, а вместо этого подхлестнет пыл ополченцев Юга и уменьшит в них охоту к дезертирству [2]. Если, несмотря на это, Линкольн все же обнародовал эту прокламацию, то причиной тому, наряду с внешнеполитическими соображениями, являлось его соперничество с Мак-Клелланом. Успех Мак-Клеллана окрылил честолюбие демократов. В противовес этому Линкольн призвал на помощь страсти,

[1] Средняя боевая численность батальона после сражения у Антитэма все еще достигала 300 винтовок, благодаря большому числу частей, вообще не сражавшихся.

[2] Карл Шурц, Жизненные воспоминания (Karl Schurz, Lebenserinnerungen), т. II, стр. 295.

охватывавшие аболиционистское[1] крыло республиканской партии и превращавшие его в дееспособный фактор американской внутренней политики.

Мак-Клеллан чувствовал, что прокламация по поводу негров метит в него. Он ответил приказом по армии, предостерегавшим войска от нанесения ущерба дисциплине горячими политическими спорами. Единственным действительным средством против политических ошибок, если таковые совершались, должно было являться волеизъявление народа на выборах. Он тщательно маскировал, таким образом, свою критику прокламации президента. Однако, это не помогло Мак-Клеллану: 5 ноября он был смещен президентом, который чувствовал теперь себя на гребне мощной идеологической волны. Письмо Линкольна на имя Мак-Клеллана объясняло это решение стратегическими колебаниями последнего после сражения у Антитэма.

Когда Ли узнал о смещении Мак-Клеллана, он с тонкой усмешкой сказал Лонгстриту: «Жаль! Мы так хорошо понимали друг друга. Боюсь, они будут менять их до тех пор, пока не найдут такого, которого я не смогу понимать».

Фамилия нового унионистского полководца была Бёрнсайд. 29 лет от роду он оставил военную карьеру и вернулся в гражданскую жизнь. Сперва он управлял ружейным заводом, а затем, как и Мак-Клеллан, получил высокую должность в железнодорожном деле. Гражданская война вернула 38-летнего Бёрнсайда к военной карьере, и в сражении у ручья Антитэм он командовал левым крылом. Линкольн ожидал от него, что, в противовес медлительной стратегии Мак-Клеллана, он схватит быка за рога. Сил для этого у него было достаточно. В ноябре 1862 г. соотношение сил было приблизительно еще таким же, как и в сентябре на ручье Антитэм,— 85 000 унионистов против 54 000 конфедератов. Повидимому, дезертирство приняло на той и на другой стороне чрезвычайные размеры, ибо боевая сила в обеих армиях составляла лишь 250 чел. на батальон. Унионисты были прекрасно снаряжены и опрятно одеты, конфедераты — в лохмотьях и грязны. 22 ноября вся Потомакская армия была собрана близ Фалмута на северном берегу Раппаханока, где войска при более чем обильном, отличном питании подвергались лишь умеренной муштре.

Фалмут был совсем незначительным пунктом. Напротив него, на южном берегу Раппаханока, находится город Фредериксбёрг. В нем также было тогда не свыше 4 000 жителей[2], но он имел большое значение в качестве предмостного укрепления на железной дороге Ричмонд, Александрия, Вашингтон. Таким образом, через Фредериксбёрг проходил прямой путь из столицы одной стороны в столицу другой. План Бёрнсайда заключался в том, чтобы переправиться вблизи Фредериксбёрга через Раппаханок и затем итти на Ричмонд. Ли должен был столкнуться с ним где-нибудь в пути.

Бёрнсайд хотел, собственно говоря, переправиться через Раппаханок у Порт-Рояла, в одном или двух переходах ниже Фредериксбёрга, но, как он сообщил одному из своих генералов, во время верховой прогулки он изменил свои диспозиции, так как, получив

[1] Аболиционистами в то время назывались те, кто настаивал на упразднении рабства.

[2] По переписи 1870 г.— 4 046 чел.

сообщение, что противник еще не сконцентрировал свои силы, он не хотел терять время на поход к Порт-Роялу, а стремился перейти через реку непосредственно у Фредериксбёрга.

Бёрнсайд был плохо информирован. Ли мог вполне положиться на разведчиков Стюарта, чтобы не совершать своей концентрации раньше времени. Когда унионисты появились у Фалмута, конфедераты уже давно стояли на другом берегу. Следовательно, если унионисты все еще хотели переправиться из Фалмута в Фредериксбёрг, они должны были произвести этот маневр перед фронтом всей неприятельской армии. Но выглядело это гораздо опаснее, чем было на самом деле. Стаффордские высоты близ Фалмута возвышались над позициями конфедератов, расположенными на южном берегу Раппаханока. Унионисты благодаря своей превосходной военной промышленности имели у Фалмута 420 хороших орудий, а конфедераты лишь 320, большей частью сомнительного качества. Поэтому переходу унионистов через реку, которая в этом месте неширока, вряд ли можно было успешно воспрепятствовать. Решения можно было ожидать лишь на южном берегу Раппаханока.

У Ли было достаточно времени, чтобы подготовиться к сражению. Армия Бёрнсайда, как мы видели, сосредоточилась 22 ноября, но только 7 декабря он получил остальную часть своих понтонных парков, без которых он не мог приступать к переправе через реку. Между тем, Ли был безостановочно занят рытьем и оборудованием окопов впереди выбранных им позиций. Он был полководцем, у которого призвание сочеталось с умом и характером. Его ум был гибок, восприимчив для опыта, полон изобретательности. После того как он на ручье Антитэм наблюдал нужду и потери, которые терпело его левое крыло, атакованное превосходными силами противника, он осознал значение полевых укреплений, которые господствовавшая тогда тактическая теория ценила еще очень мало. Несмотря на это последнее обстоятельство и вследствие особой чувствительности американских войск к фланговым атакам, полевые укрепления все же применялись в Новом Свете очень часто, как читатель мог уже убедиться из моего труда. Повидимому, Ли был все же первым генералом в обеих американских армиях, сознательно избавившимся от предубеждения, с которым относились в Европе к полевым укреплениям.

И у противника Ли возникла новая идея. Когда он принял свою армию, она состояла из 6 корпусов. Бёрнсайд решил улучшить организацию армии тем, что соединил по два корпуса в так называемые «большие дивизии». «Большая дивизия» должна была содействовать преодолению той неповоротливости, вследствие которой унионисты до сих пор проигрывали все сражения. Правительство ожидало от Бёрнсайда многого. Президент и ген. Халлек оказали ему честь посещением лагеря под Фалмутом.

Когда Ли укреплял позицию протяжением свыше 10 *км*, он считался с возможностью, что эти работы сейчас же по их окончании окажутся совершенно бесполезными. Ли решил просто очистить окопы, если неприятель перейдет реку у Порт-Рояла и будет угрожать отрезать его от Ричмонда. Вообще,— писал он в Ричмонд,— река Раппаханок так узка и извилиста, что она легко проходима вброд еще в ряде других мест вблизи Порт-Рояла. Мы знаем, что Бёрнсайд действительно имел намерение не атаковать Ли при Фредериксбёрге, а, маневрируя у Порта-Рояла, отвлечь его от Раппаханока. Было бы,

однако, ошибочным, предполагать, что Ли удовлетворился бы тем, чтобы, сложа руки, наблюдать за неприятельскими приготовлениями к прямой атаке только потому, что он мог надеяться в таком случае на свои полевые укрепления. Несмотря на свои укрепленные позиции, Ли чувствовал себя очень слабым. Он считал, что лучше не давать сражения на Раппаханоке, а просто отойти от реки Анна[1] и лишь там принять решительный бой, вынудив противника отвлечь часть своих войск для защиты коммуникационных линий. Однако, мы уже знаем из истории периода, предшествовавшего первому сражению у Буль-Рёна, что уступка без боя пограничных районов Виргинии, как бы она ни была желательна, по стратегическим соображениям, отнюдь не одобрялась в Ричмонде. К тому же местность вокруг Фредериксбёрга была исключительно плодородна. Отдавать ее противнику без сопротивления — это показалось бы бедствовавшим конфедератам вдвойне непонятным. Поэтому Ли подчинил военные соображения наставлениям главы государства и отсиживался за своими окопами в надежде, что он достигнет с Бёрнсайдом такого же хорошего взаимного понимания, как и с Мак-Клелланом.

Для моральной атмосферы этой гражданской войны характерен следующий случай. За два или три вечера до того, как унионисты перешли в наступление на северном берегу Раппаханока, возле железнодорожного моста играли оркестры. На другом берегу Раппаханока в Фредериксбёрге стояли конфедераты. Оркестры играли «The Star Spangled Banner», «Hail Columbia» («Усеянный звездами стяг» и «Да здравствует Колумбия») и другие национальные мотивы. Унионистские офицеры и солдаты пели в тон музыке, подпевали, а конфедераты молча слушали. После этого музыка заиграла уличную песенку, и теперь враждующие братья стали подпевать с веселым смехом по обеим сторонам реки.

Иногда гражданские войны велись с особой жестокостью, в этой же гражданской войне узы взаимной культуры, связывавшие борющиеся стороны, лишь ослабли, но не были разорваны.

Позиция Ли была рассчитана на занятие ее пехотой по 4 чел. на метр. Таким образом, боевой порядок ее был отнюдь не глубок. Левый фланг упирался в болотистую водоотводную канаву; других препятствий для осуществления противником нового охвата фланга тут не было. Правый фланг конфедератов вообще не имел никакой непосредственной опоры на местности. Только в некотором расстоянии от него протекала река Массапонакс. Будучи сама по себе незначительной, она своими болотистыми берегами все же создавала для наступающего те же затруднения, с какими Поп встретился у Буль-Рёна, а Мак-Клеллан у Антитэма. Тем не менее, Бёрнсайд решил охватить правый фланг неприятеля, атакуя вместе с тем на всем протяжении его фронта.

Сражение началось в 8 час. 30 мин. утра и закончилось лишь с наступлением темноты. Левый фланг унионистов атаковал низкую возвышенность, густо поросшую лесом, на которой стоял корпус Джексона. На правом фланге Джексона, выдвинутом уступом вперед, стояло некоторое количество пехоты под командой Даниэля Хилла и Стюарт с кавалерией. Этот последний открыл из своих 5 конных батарей фланговый огонь по одной унионистской дивизии и причинил ей

[1] Примерно, в двух переходах.

потери убитыми и ранеными в размере 37% ее наличного состава. В лесном бою с главными силами Джексона другая дивизия Бёрнсайда тоже потеряла 30% убитыми и ранеными; однако, все усилия вытеснить конфедератов с пологой возвышенности, на которой они засели в своих окопах, потерпели неудачу.

На правом фланге унионистов бой развернулся лишь к полудню. Здесь мы тоже обнаруживаем, что пехота конфедератов находилась за полевыми укреплениями. Они простирались в лесистой местности по горам и долинам. Перед ними находились никем не занятые глубокие ущелья; эти ущелья служили укрытием для наступавших унионистов, но, в общем и целом, нападающим приходилось разрешать чрезвычайно тяжелую задачу. Дело в том, что от высот, на которых занял позиции корпус Лонгстрита, до самого Раппаханока тянулась ровная, пологая местность.

Это предполье прошла одна из трех «больших дивизий» Бёрнсайда и шесть раз штурмовала холм Мэри, наиболее доступный для атаки, так как он был самым низким из холмов и наиболее близко расположен к Фредериксбёргу. Но конфедераты заняли эту позицию достаточно крупными силами и отразили натиск обоих неприятельских корпусов, потерявших здесь свыше 30% убитыми и ранеными. Когда же после этого бой распространился и на центр унионистов, все фронтальные атаки и тут перешли в бесцельную бойню, скосившую у одной из участвовавших в ней дивизий 44% ее боевого состава.

Вновь произошло то же, что и в обоих сражениях у Буль-Рёна и в сражении у Антитэма. Все четыре раза именно конфедератам удавалось ударить противнику во фланг. При этом в трех из этих сражений они были до того слабы, что дело их казалось безнадежным. Каждый раз неповоротливость масс и вождей была виной тому, что унионистам приходилось истекать кровью в фронтальных атаках. У Фредериксбёрга непреодолимым препятствием на местности оказалась р. Массапонакс. «Большая дивизия» левого унионистского крыла, естественно, не была в состоянии путем чисто фронтального движения, без переправы через Массапонакс, разделаться с тем уступом в расположении конфедератов, который образовывали Стюарт и часть дивизий Даниэля Хилла. Не помогло этой «большой дивизии» и то, что в ее составе было не менее 8 дивизий; против 4 000 всадников Стюарта действовали целых 12 000 унионистов.

14 и 15 декабря Бёрнсайд провел на южном берегу Раппаханока, где он приводил свою дезорганизованную армию снова в некоторый порядок. Подвергнуться нападению он не мог. Его обеспечивала от этого могучая резервная артиллерия, стоявшая на Стаффордских высотах на другом берегу реки. Впрочем, и часть армии конфедератов, обороняясь, понесла потери убитыми и ранеными, в среднем, до 25%. Число дезертиров также было немалое; поэтому и в этом лагере нуждались в некотором отдыхе, чтобы вновь обрести способность к бою. Даже когда ночью 16 декабря унионисты ушли назад за реку, Ли не вывел из этого заключения, что его численная слабость уравновесилась приростом в его пользу моральных факторов. Он попрежнему твердо держался того, что должен будет отступить к р. Анна, если Бёрнсайд попытается теперь применить маневренную стратегию и перейдет через Раппаханок у Порт-Рояла. Лишь когда унионистский главнокомандующий продолжал пребывать в бездеятельности, Ли понял, как велико было моральное значение его успеха. Поэтому

он отправился в Ричмонд и стал добиваться от правительства принятия самых крайних мер для усиления снабжения армии боевыми средствами, чтобы она могла немедленно перейти в наступление. Однако, правительство отклонило зимнюю кампанию в Виргинии, так как оно уже вело подобную кампанию в Тенесси. В Ричмонде утверждали, что чрезмерные усилия уже больше не нужны. Бумажный доллар стоит, мол, в Нью-Йорке всего лишь 50 центов, а через 30 или 40 дней Конфедерация будет признана иностранными державами в качестве самостоятельного государства. Тогда само собой последует и признание ее Вашингтоном.

Ли в это не верил, но он обладал столь же малой настойчивостью, как и Мольтке старший, и беспрекословно подчинился президенту Дэвису. Этот последний столь же неправильно оценивал международное положение, как в свое время после первого сражения при Буль-Рёне он оценил военное положение. Правда, в Европе происходили теперь события, которые, казалось, оправдывали оптимизм Джеффферсона Дэвиса. Английское правительство все время придерживалось самого благосклонного нейтралитета по отношению к американским повстанцам, а канцлер казначейства Гладстон произнес на одном банкете публичную речь, в которой заявил, что Союз еще не пригубил кубка мира и даже отталкивает его от своих губ, но весь мир знает, что выпить этот кубок ему придется. По заявлению Гладстона [1], Джефферсон Дэвис и другие руководящие лица Южных штатов создали армию и создают, повидимому, и флот, но они создали и нечто большее, чем и то и другое, — нацию.

Эта речь была во всем мире воспринята как показатель предстоящего признания английским правительством конфедеративных штатов Америки. Своей прокламацией, объявлявшей свободными рабов отпавших штатов, Линкольн рассчитывал помешать Сент-Джемскому кабинету [2] сделать это. Но ожидать многого от этого вряд ли было возможно. Правда, в Великобритании очень много лиц отрицательно относились к рабству, но политически они были организованы только в радикальной партии, насчитывавшей всего лишь около 60 членов из числа 658 депутатов палаты общин. Особенно отрицательно по отношению к рабству настроен был британский рабочий класс, считавший, что упразднение рабства в Северной Америке явится большим шагом вперед в деле международного освобождения пролетариата. Но чартизм [3] был уже мертв, а избирательное право в палату общин в значительной степени ограничено имущими классами; и рабочие могли проявлять себя лишь в рамках радикальной партии. Часть этой последней питала очень живые симпатии к конфедератам, ибо в Ричмонде царили фритредерские настроения [4], и в целях приманки для

[1] Гладстон (1809—1898) — английский государственный деятель. В своей позиции по отношению к Южным штатам Гладстон отражал интересы английской промышленной буржуазии, которая видела в развивающихся Северных штатах своего конкурента, а в Южных штатах, обладавших хлопком, своего союзника. — *Ред.*

[2] Сент-Джемский кабинет, т. е. кабинет министров Великобритании. — *Ред.*

[3] Чартизм — движение среди английских рабочих в 1836—1848 гг., имевшее целью добиться политических прав для рабочего класса. — *Ред.*

[4] Фритредерство — течение в экономической политике промышленной буржуазии, требующее осуществления свободы торговли и невмешательства государства в хозяйственную жизнь. Противоположность фритредерству — протекционизм. — *Ред.*

британских последователей Кобдена[1] в конфедератскую конституцию был введен принцип свободной торговли. Таким образом, радикальная оппозиция не была единодушна в американском вопросе. Одним словом, аристократические и плутократические слои английского общества еще крепко держали в руках кормило власти в государстве. Им ничего не стоило превратить графство Ланкашир в твердыню друзей рабства. Среди прядильщиков и ткачей Ланкашира царила горькая нужда, ибо унионистская блокада портов конфедератов прекратила подвоз хлопка в Ливерпуль. Министерству Пальмерстона приходилось везти хлопковые грузы из портов конфедератов под охраной английских судов через те районы, где унионистская блокада не была действительной.

При наличии в Великобритании таких настроений, не только в Ричмонде, но и в Вашингтоне серьезно считались с тем, что Великобритания признает Конфедерацию и что другие европейские державы почувствуют искушение последовать примеру величайшей морской державы. Государственные деятели Союза решили избрать на этот случай такой путь, который далеко отвлек бы их от той цели, к которой они до сих пор стремились, но который также обещал великие достижения. Они собирались в этом случае признать Конфедерацию, объявить Великобритании войну, бросить свои мобилизованные армии на Канаду и там, на Севере, получить территориальные возмещения за отпавшие Южные штаты. На первых порах английское правительство было бы здесь беззащитным. Правда, в ожидании возможных осложнений с Союзом, военный министр Англии добился спешной отправки 10 000 чел. в Канаду. Но, как спрашивал Гладстон, была ли возможность, при тогдашней организации английской армии, отправить немедленно через океан 20 000 человек[2].

Напряженные отношения Лондона с Вашингтоном могли открыть Ричмонду путь к свободе. Но это была только одна сторона дипломатического положения, на которой сконцентрировал все свое внимание президент Дэвис. Другой же стороны он не заметил. Лорд Пальмерстон хотел разделения Северной Америки, так как тем самым увеличилась бы безопасность английских владений в Новом Свете. Но еще важнее, чем безопасность этих стран, была для него безопасность самих британских островов. Этим последним угрожали притязания Наполеона III на Бельгию. Косвенным образом безопасности английских морских путей в Индию угрожала также рейнская и итальянская политика Наполеона III. Наконец, 45 000 французов, которые уже находились в Мексике, должны были, во имя латинской идеи, заложить фундамент нового американского колониального государства Франции. Краеугольным камнем политики Пальмерстона оставалась попрежнему забота о независимости Бельгии. Почти столь же живо интересовал его и Шлезвиг-Гольштинский вопрос. Помешать Пруссии аннексировать Шлезвиг-Гольштинию казалось ему стоящим войны. Между тем, осенью 1862 г. возникла дипломатическая ситуация, которая легко могла привести к соединению воедино проблемы Бельгии и проблемы герцогств на Эльбе. В Берлине Бисмарк взял в свои руки

[1] Кобден (1804—1865) — известный английский экономист, выступивший с обоснованием теории свободной торговли. Свободная торговля стала основным пунктом в программе английской либеральной партии (тогда партии промышленников и городской интеллигенции). — *Ред.*

[2] Эмиль Даниэльс, Английские государственные деятели, стр. 286.

ведение всех дел, и Наполеон пытался заключить с ним союз на основе взаимных территориальных приобретений и взаимного усиления влияния Франции и Пруссии. Во всяком случае, новый прусский премьер-министр не скрывал, что он собирается разрешить германский вопрос, а это не могло случиться без того, чтобы и французское честолюбие не проявило свою активность. Уже Наполеон интриговал в Польше, и там с минуты на минуту ожидалась революция. На политическом горизонте Европы начинали вырисовываться комбинации, контуры которых были еще бесформенны и расплывчаты, но которые не могли ускользнуть от проницательности Пальмерстона. В то время, когда в Америке происходило сражение под Фредериксбёргом, Пальмерстон знал уже только одно: нельзя давать себе связывать руки в Новом Свете, пока в Старом Свете приходится считаться с возможностями политического переворота, размеры которого нельзя было предвидеть.

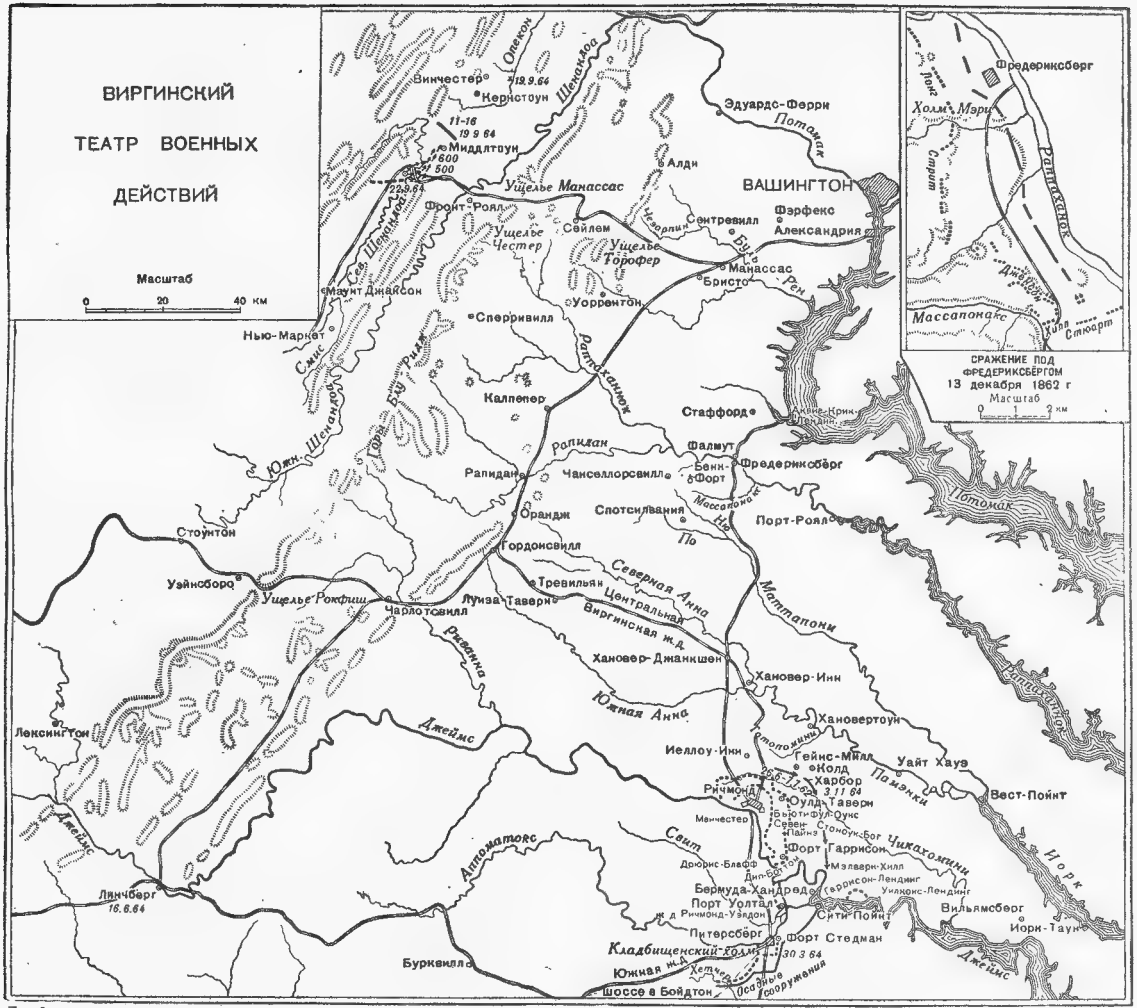
Таким образом, надежда Джефферсона Дэвиса на вмешательство Великобритании испарилась, как дым, в особенности в результате бесед между королем Вильгельмом и Бисмарком в Бабельсбёргском парке [1]. Глубокие причины развития мировой политики оставались скрытыми от Дэвиса, он не понял, что та бездеятельность, к которой он принудил Ли после Фредериксбёрга, явилась столь же крупной стратегической ошибкой, как и его отказ в первый год войны поддержать после боя у Буль-Рёна наступление Джозефа Джонстона на Вашингтон. Твердая уверенность в том, что Южные штаты будут вскоре признаны правительством Линкольна, усилилась у Дэвиса еще и в результате новой неудачи, которую потерпела Потомакская армия под руководством Бёрнсайда. Понуждаемый Вашингтоном что-либо предпринять, Бёрнсайд выступил 20 и 21 января 1863 г. вверх по Раппаханоку, чтобы обойти левое крыло Ли. Удача не сопровождала этот маневр. Холод, дожди и бури причинили тяжкие лишения армии. Эта операция, вошедшая в американскую военную историю под названием «грязевого похода», оказалась слишком обременительной для морального состояния войск. Полководец, который 13 сентября не проявил достаточно внутренней силы, для того чтобы увлечь свою армию через ничтожный Массапонакс, через 5 недель после деморализующего поражения имел еще меньше права требовать от армии переправы через Раппаханок и Рапидан, так как, наученный горьким опытом, он не мог сомневаться, что по ту сторону этих крупных водных преград Стюарт и Ли не дадут себя застигнуть врасплох, а подкараулят его самого. В результате он отказался от дальнейшего наступления и заставил утомленную армию произвести вторичный «грязевой поход» назад в Фалмут.

Среди генералов многие высказывали мнение, что, собственно говоря, плохая погода принесла счастье, потому что без нее Бёрнсайд переправился бы через реки и когда дело дошло бы до сражения между деморализованными унионистами и опьяненными победой конфедератами, Союзу безусловно был бы нанесен уничтожающий удар. Во всяком случае, после «грязевого похода» было столь же основа-

[1] Свидание в Бабельсбёргском парке между Бисмарком и королем прусским Вильгельмом I состоялось 26 мая 1862 г., после чего Бисмарк выехал в Париж, куда он был назначен посланником. Бисмарк получил от короля инструкции всемерно содействовать изоляции Франции от Англии. — *Ред.*

тельно покончено с субординацией офицеров, как и с дисциплиной солдат. Среди генералов дело дошло до открытого бунта. Ниже я расскажу, как за несколько месяцев до сражения при Фредериксбёрге взбунтовалась под Луизвиллом унионистская армия, вследствие того, что правительство захотело заменить посредственного полководца Бьюэлла отличным генералом Томасом. Генералы в Луизвилле крепко стояли за своего полководца, в то время как генералы в Фалмуте хотели свергнуть своего. Бёрнсайд пытался восстановить порядок тем, что, не дожидаясь согласия президента, сместил 3 командиров бригад (из 51), 3 командиров дивизий (из 18), 1 командира корпуса (из 6), 2 командиров «больших дивизий» (из 3), Линкольн не санкционировал этого сурового мероприятия, а, наоборот, сместил Бёрнсайда. Перед лицом волнений в Потомакской армии у президента создалось впечатление, что почва самой конституции колеблется под его ногами. Потомакская армия бурно требовала возвращения Мак-Клеллана. Он пользовался среди войск популярностью, так как под его руководством они доходили до самых ворот Ричмонда. Он проделал под Ричмондом фланговый марш мимо самого грозного Ли, и этот марш восхваляли демократические газеты; между тем, каждый офицер, каждый солдат в этой армии ежедневно читал газеты, до сознания редакторов которых редко доходила мысль, что ни формой, ни содержанием своих статей они морально не вправе ставить под удар дисциплину армий. Расхваливание кампании Мак-Клеллана на полуострове Чезапик с стратегической точки зрения было мало справедливо; оно преследовало главным образом цель дискредитирования в народе и в армии политики республиканского правительства в области персональных назначений на руководящие посты в армии. Никто, однако, не мог бы возражать утверждениям демократической прессы, что Мак-Клеллан спас Вашингтон под Антитэмом и нанес Ли стратегическое поражение. Неудивительно, что Линкольну предъявлялись требования, чтобы он в третий раз передал «молодому Наполеону» командование Потомакской армией. Но президент упорно сопротивлялся на том основании, что в таком случае военная диктатура стала бы совершившимся фактом.

Кто же должен был тогда принять командование? Стэнтон выставил кандидатуру ген. Мида. Мид командовал под Фредериксбёргом той дивизией, которая попала под фланговый огонь конных батарей Стюарта. Он сумел сохранить порядок в своей дивизии, несмотря на то, что она потеряла в бою 37% своего состава. Однако, не военный министр получил окончательное право голоса в вопросе назначения главнокомандующего, а министр финансов. За спиной этого члена кабинета, по фамилии Чейз, скрывались крупные капиталисты, втихомолку работавшие над тем, чтобы в 1864 г. республиканцы не выставляли вновь кандидатуру Линкольна в президенты, а вместо него выдвинули бы их ставленника, занимавшего в данный момент пост министра финансов. Поэтому Чейз вступил в сношения с ген. Хукером, тем самым, который в битве при Антитэме командовал правым флангом, при Фредериксбёрге «большой дивизией» центра, а после «грязевого похода» возглавил мятеж против Бёрнсайда. Хукер обещал, что если он победит, он бросит на весы весь свой авторитет для выставления кандидатуры Чейза в президенты. Вряд ли можно


ВИРГИНСКИЙ
ТЕАТР ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ
Масштаб
0 20 40 км
Винчестер
Кернстоун
Мидлтаун
Ущелье Манассас
Ущелье Честер
Ущелье Торофер
Ущелье Рокфиш
Ущелье Стонтон
Ущелье Шенандоа
Ущелье Потомак
Ущелье Рапидан
Ущелье Ричмонд
Ущелье Ричмонд-Уэлдон
Ущелье Питерсберг
Ущелье Кладбищенский холм
Ущелье Южная ж.д.
Ущелье Хетчер
Ущелье Осадные сооружения
Ущелье Дельбрюк
Ущелье Бойдтон
Ущелье Буркевилл
Ущелье Линчберг
Ущелье Лексингтон
Ущелье Уэйнсборо
Ущелье Стоунтон
Ущелье Нью-Маркет
Ущелье Маунт Джаксон
Ущелье Сперривилл
Ущелье Калпепер
Ущелье Стаффорд
Ущелье Фалмут
Ущелье Фредериксберг
Ущелье Чанселлорсвилл
Ущелье Спотсильвания
Ущелье Порт-Ройал
Ущелье Оранж
Ущелье Гордонсвилл
Ущелье Тревильян
Ущелье Луиза Таверн
Ущелье Шарлотсвилл
Ущелье Ханновер-Джанкшен
Ущелье Ханновер-Инн
Ущелье Ханновертаун
Ущелье Иеллоу-Инн
Ущелье Гейнс-Милл
Ущелье Колд Харбор
Ущелье Уайт Хауз
Ущелье Вест-Пойнт
Ущелье Уолд Тавern
Ущелье Фрейзерс Фарм
Ущелье Севен Пайнс
Ущелье Мальверн-Хилл
Ущелье Харрисон-Лендинг
Ущелье Уилкокс-Лендинг
Ущелье Форт Гаррисон
Ущелье Дрюрис-Блафф
Ущелье Бермуда-Хандред
Ущелье Порт Уолтал
Ущелье Сити Пойнт
Ущелье Вильямсберг
Ущелье Форт Стедман
Ущелье Иорк-Таун
Ущелье Массапонакс
Ущелье Стюарт
Ущелье Фредериксберг
Ущелье Холм Мэри
Ущелье Старт
Ущелье Рапаханок
Ущелье Джеймс
Ущелье Иорк
Ущелье Чикахомини
Ущелье Пямунки
Ущелье Мактапони
Ущелье Потомак
Ущелье Рапаханок
Ущелье Ривенна
Ущелье Южная Анна
Ущелье Северная Анна
Ущелье Центральная Виргинская ж.д.
Ущелье Ашланд
Ущелье Ричмонд
Ущелье Фредериксберг
Ущелье Вашингтон
Ущелье Эдуардс-Ферри
Ущелье Александрия
Ущелье Фэрфекс
Ущелье Сентревил
Ущелье Манассас
Ущелье Бристо
Ущелье Сейлем
Ущелье Фронт-Ройал
Ущелье Шарлотсвилл
Ущелье Аппоматокс
Ущелье Линчберг
Ущелье Бурквилл
Ущелье Дрюрис-Блафф
Ущелье Форт Гаррисон
Ущелье Бермуда-Хандред
Ущелье Порт Уолтал
Ущелье Питерсберг
Ущелье Форт Стедман
Ущелье Вильямсберг
Ущелье Иорк-Таун
Ущелье Сити Пойнт
Ущелье Кладбищенский холм
Ущелье Южная ж.д.
Ущелье Шоссе в Бойдтон
Ущелье Осадные сооружения
Ущелье Дельбрюк

тел
сол
ска
взб
тог
вод
кре
му
тем
бри
(из
они
сай
дал
ног
лан
ру
под
мар
цер
ния
сод
дис
ост
лив
в н
сти
одн
что
гич
тре
ком
лял
бы

вил
той
Ст
то,
ми
гла
бин
мол
вля
выд
ми
ром
фла
«гр
ща

выставления кандидатуры Чейза в президенты. Вряд ли можно

было бы сомневаться, что на республиканском конвенте[1] решающее слово по вопросу о кандидате в президенты, который должен быть выставлен партией, будет принадлежать победоносному полководцу[2].

Приказ Бёрнсайда о смещении Хукера гласил следующее: «Генерал Джозеф Хукер, генерал-майор добровольцев и бригадный генерал армии Соединенных штатов, подверг несправедливой и неуместной критике действия своих начальников и властей. Общим тоном своих разговоров он вселил сомнения в дух офицеров, присоединившихся к нему, он всегда презрительно выражался об остальных офицерах. Поэтому он освобождается от службы Соединенным штатам, как человек, не подходящий для занятия важной должности во время кризиса, подобно нынешнему, когда от каждого боевого солдата требуется столько терпения, снисходительности, доверия, осторожности, такта и патриотизма!»

Очевидно и Линкольн одобрил эту характеристику. Он считал ген. Хукера политиком, и притом весьма опасным. Но Линкольн был вождем своей партии и поэтому должен был следовать за ней. По крайней мере в деле Хукера он считал, что не может действовать иначе. В других случаях он добивался, чтобы права его, как президента, не умалялись. Линкольн не скрывал от Хукера, что из политических военных соображений он неохотно назначил его, и для соблюдения своего достоинства написал ему письмо следующего содержания: «Из источника, которому я доверяю, я слыхал о том, что вы недавно заявляли, будто армия и флот требуют диктатора. Конечно, не вследствие этого, а невзирая на это, передал я вам верховное командование. Лишь генералы, одерживающие победы, могут присваивать себе права диктаторов. Я требую теперь от вас военного успеха и готов рискнуть диктатурой... Тот дух, который внушен при вашем участии, — дух критики и недоверия к главнокомандующему — теперь обратится против вас. Я окажу вам посильную помощь для его подавления. Даже Наполеон, если бы он еще жил, не мог бы сделать ничего хорошего с армией, в которой господствовал бы такой дух».

По поводу той оперативной бездеятельности, которую правительство в Ричмонде навязало Ли, можно было высказать ту точку зрения, что и победа конфедератов под Фредериксбёргом не изменила бы сколько-нибудь существенно численное соотношение сторон. Поэтому и наступательные действия, которых требовал бы Ли, также привели бы к тупику. Правда, уже полтора года до сражения при Фредериксбёрге Джонстон и Борегар докладывали президенту о том, что путем увода гарнизонов из приморских городов можно было бы почти удвоить силы полевых армий в Виргинии, и Ли шел теперь по тому же пути. Но Дэвис попрежнему полагал, что необходимо принять во внимание и протесты тех районов, которые были бы в таком случае очищены. Возможно, он принял во внимание также и следующее обстоятельство: усиление таким путем полевой армии грозило настолько увеличить дезертирство, что из этого не получилось бы никакого сколько-нибудь заметного прироста действительной числен-

---

[1] Республиканский конвент — съезд республиканской партии с целью наметить кандидата в президенты США. — *Ред.*

[2] См. «Battles and Leaders», т. III, стр. 239, статья Чарльза Бенжамена «Hookers appointment and Removal», — хорошо осведомленного автора, занимавшего ответственные и доверительные должности в главной квартире Потомакской армии и в военном министерстве.

ности армии. Но даже если бы такое увеличение было достигнуто, если бы вновь назначенному полководцу Хукеру с его 85 000 чел. было бы противопоставлено одинаковое число конфедератов, добились ли бы тогда южане уничтожающей победы в бою и захвата неприятельской столицы? Мы задаем этот вопрос, разумеется, не для того, чтобы на него ответить, а для того, чтобы осветить со всех сторон положение. Ли никоим образом не получил бы такого превосходства сил, которое обеспечило бы ему решающий успех: он не добился бы его даже, если бы Дэвис, поняв его положение, направил к нему все, до последнего человека, взяв людей отовсюду, где только было возможно. Но конфедераты знали скромные размеры своих сил уже тогда, когда они решили выйти из Союза. Тем серьезнее должны были они принимать в расчет все, чтобы сконцентрировать в решающем пункте и в наиболее благоприятный момент как можно большее количество своих сил. Ли принял бой на Раппаханоке неохотно и лишь из политических соображений. Бой оказался удачным, и командование противника было дискредитировано тягчайшим образом как под Фредериксбёргом, так и во время «грязевого похода». В Фламуте высоко полыхало пламя мятежа. Однако, в такой благоприятный момент Дэвис снова сплоховал перед Ли, как в предыдущем году перед Джонстоном и Борегаром.

Глава V

Наступление конфедератов на Охайо

Сражение у Перривилла (8 октября 1862 г.). — Сражение на р. Стон (31 декабря 1862 г.—2 января 1863 г.)

Весной и летом 1862 г., примерно в то время, когда Мак-Клеллан предпринял свой поход на полуостров Чезапик, унионисты утвердились в Западном Тенесси, добились господства на Миссисипи вплоть до Виксбёрга и изгнали армию конфедератов под начальством Борегара из штата Тенесси [1]. После этого унионисты разделили свои силы. Тенессийская армия переправилась через Миссисипи, и Грант безуспешно пытался покорить штат Арканзас. Армия Охайо, под командованием Бьюэлла, расположилась в конце июня близ Флоренса в южной части штата Тенесси. Бьюэлл наблюдал отсюда за армией конфедератов, командование которой было теперь отнято у Борегара. Президент Дэвис считал его политически неподходящим и после неуспешных операций в Тенесси решил осуществить здесь новую попытку с другим полководцем. Его выбор пал на ген. Брекстона Брагга. Конфедераты расположились лагерем у Тупело, в штате Миссисипи, примерно в пяти переходах к юго-западу от Флоренса. Они насчитывали 28 000 чел. против 31 000 чел. армии Охайо.

[1] См. главы II и III.

Бьюэлл имел бы 45 000 чел., если бы не дезертирство в виде «самовольных отпусков» под разными предлогами. «Если они уже уходили, то было трудно заполучить их обратно»,— так отзывается Бьюэлл об этих людях. Они получали то же вознаграждение, что и их товарищи, оставшиеся в строю. Это вредило и без того шаткой дисциплине. К ношению ранцев войска, правда, постепенно приучились. Но теперь Бьюэлл обнаружил обратную крайность: «Если какой-нибудь отряд выступал в поход, каждый солдат чересчур заботился о том, чем будет наполнен его ранец». Из тех отношений, которые как офицеры, так и рядовые поддерживали с прессой, слишком ясно вырисовывались сомнительные настроения, царившие в армии. Младшие офицеры избирались солдатами. Большей частью они выходили из рядов милиции, которую отдельные штаты содержали в мирное время для полицейских целей. Если бы представить себе несуществующей милицию штатов, то немыслимо было бы представить себе армию обеих сторон и вообще всю войну. Наряду с маленькой регулярной армией, оставшейся в своей главной массе верной Союзу, милиция являлась тем источником, из которого должны были черпать свои кадры и Союз и Конфедерация. Эти кадры были, однако, отнюдь несолидны. Бьюэлл обвиняет значительную часть офицерства в нерадивом отношении к службе, в особенности в тылу. Но и на фронте они слишком часто оказывались не на высоте. Они намеренно давали себя захватывать в плен и с готовностью давали честное слово никогда больше не служить в этой войне, если их отпустят.

После того как армия конфедератов была изгнана из Западного Тенесси, в Вашингтоне стали торопить, чтобы Бьюэлл вторгся также и в восточную часть штата Тенесси. Население этого штата было столь же предано Союзу, как и в Западной Виргинии. Верховное командование [1] намеревалось избрать железную дорогу Мемфис, Чарлзтон в качестве базы для армии Охайо. Эта дорога вела через Флоренс в Чаттанугу — город, имевший в 1870 г. лишь 6 000 жителей, но в военном отношении являвшийся важнейшим пунктом в Восточном Тенесси. Бьюэлл совершенно справедливо считал эту базу негодной [2]. Правда, армия конфедератов была вытеснена из Тенесси, но все еще стояла на границе штата. Население было отнюдь не покорено, и повсюду действовали партизаны, даже вокруг Шило и Коринфа, где Борегар потерпел свои неудачи. А в районах между Флоренсом и Чаттанугой приходилось даже считаться с ожесточенной партизанской войной, при наличии перед фронтом регулярной неприятельской армии, немногим уступавшей по численности армии унионистов. Расстояние Мемфис, Чаттануга равняется приблизительно 500 *км*. Для прикрытия этой железной дороги не имелось достаточного количества этапных войск.

Были еще два пути сообщения, по которым унионисты могли получать снабжение. Один из них был водным путем. Можно было отправлять из Луизвилла на Охайо пароходы и заставлять их сворачивать у Падьюка на р. Тенесси, на которой расположены и Флоренс и Чаттануга. Однако, речь могла тут итти лишь о маленьких пароходах; поэтому этот путь сообщения имел лишь второстепенное значение.

[1] Во главе его стал в июле 1862 г. вместо Стэнтона — Халлек.

[2] «Battles and Leaders», III, 31. «East Tennessee and The Campaign of Perryville» by general Don Carlos Buell.

Совсем иначе обстояло дело с железной дорогой от Луизвилла до Нашвилла, которую армия Охайо отвоевала весной у Альберта Джонстона. Эта железная дорога вела через Нашвилл вплоть до среднего течения р. Тенесси между Флоренсом и Чаттанугой. Она была даже двухколейной, причем одна из колей упиралась в р. Тенесси у Декатура, а другая — у Стивенсона. Расстояние между Луизвиллом и Стивенсоном было такое же, как расстояние от Мемфиса до Стивенсона; но у унионистов имелись в Нашвилле и на других станциях Северо-Южной железной дороги значительные гарнизоны, а потому Бьюэлл решил базироваться именно на эту линию. Она требовала коренного ремонта, который и был доведен до конца, несмотря на партизанские военные действия неприятеля. 13 июля, т. е. в то время, когда Мак-Клеллан, ничего не добившись, очистил Виргинский полуостров, один поездной состав доставил продовольствие в Стивенсон. Бьюэлл дошел уже до этого пункта, и ему оставалось совершить всего лишь два или три перехода до Чаттануги. Брагг тоже повел туда свои войска, пехоту — по железной дороге, артиллерию и кавалерию — походным порядком. Но 13 июля уже наступило, а пехота конфедератов все еще не была сконцентрирована у Чаттануги. Таким образом, Бьюэллу надо было только протянуть руку, чтобы овладеть этим важным пунктом. Но он заколебался, и вполне понятно, хоть это и оказалось ошибкой. Когда Бьюэлл утверждает, что для двух- и трехдневных переходов у него нехватало обозных средств, приходится ему верить, так как его описание кампании и приведенные им фактические данные, в общем, весьма достоверны. Повидимому, верно было также и то, что реквизиции в этой чрезвычайно редко населенной стране давали слишком мало фуража. Правда, операция с самого начала была рассчитана на систему магазинного снабжения. Но едва Бьюэлл пустил железные дороги в эксплоатацию, как они снова были повреждены во многих местах неприятельскими партизанами. Изобретательная американская военная техника стала искать средств для отражения тактики партизанских набегов, и унионисты, к великому изумлению своих противников, стали пускать бронированные поезда.

Конфедераты раздобыли в Тенесси двух кавалерийских полковников, которые выдерживали сравнение со Стюартом: Фореста и Джона Моргана. Они сделали небезопасным движение по железной дороге до Луизвилла и совершали, таким образом, набеги по всему Кентукки, ибо Луизвилл расположен на северной границе штата. Мы знаем, что в Кентукки имелось много сторонников Конфедерации; в особенности Морган действовал, не стесняясь расстояниями, и ободрял их ожидания: скоро, мол, настанет час освобождения.

После того как Бьюэлл пропустил возможность разбить, между 13 и 30 июля, армию Брагга по частям, он вскоре был принужден, вместо наступления, ограничиваться обороной. Для этого достаточно было ведения боевых действий методами малой войны. Лишь на железнодорожном участке Нашвилл, Стивенсон удалось, наконец, добиться безопасности. Наоборот, между Нашвиллом и Луизвиллом постоянно разрушались и повреждались мосты и туннели, — плохие вести, еще более уменьшавшие и без того малую веру Бьюэлла в собственные войска. Господство над участком пути протяжением около 300 *км* на целых 20 дней совершенно ускользнуло от унионистов. Между тем, Луизвилл был главным складом провианта Бьюэлла, и ему пришлось перевести свои войска на половинное довольствие. При

таких условиях нечего было и думать о нападении на Брагга. Быть может, следовало даже очистить местность вокруг Нашвилла, для того чтобы высвободить силы для прикрытия железной дороги, проходившей через Кентукки.

Наступление унионистов в глубь восточной части штата Тенесси преследовало не только одну цель — занятие Чаттануги. Ноксвилл, крупнейший город восточной части Тенесси, с населением, едва достигавшим тогда 9 000 чел., также являлся объектом наступления. В середине апреля 1862 г., т. е. вскоре после сражения при Шило, ген. Джордж Морган [1] занял с 7 000 чел. пехоты и соответствующими подразделениями вспомогательных родов войск Кемберлендский перевал, — «ворота в сердце Конфедерации», как говорили в Ричмонде. С величайшим беспокойством наблюдали в Ричмонде за тем, как Джордж Морган собирал там 4 000 винтовок с надлежащим количеством боеприпасов, для того чтобы вооружать оставшихся верными Союзу жителей Восточного Тенесси. У перевала, в дикой местности были заложены магазины, рассчитанные на питание 20 000 чел. в течение полугода. 400 фургонов привезли продовольствие в пустынную восточную часть Тенесси из богатых «темнозеленых» степей Кентукки. Немногие люди, жившие в Восточном Тенесси, были воинственным народом. Им нехватало только офицеров. С севера прибыли инструктора, для того чтобы готовить офицеров.

Кемберлендский перевал находится от Стивенсона на расстоянии около 370 *км*. Поэтому Бьюэлл и Джордж Морган не могли оказывать друг другу непосредственную поддержку. Тем не менее, само собой понятно, что Морган лишь в том случае смог бы перейти в наступление, если бы Бьюэлл сделал то же самое и если бы боевые силы на Кемберлендском перевале получили подкрепление со стороны Кентукки. В начале августа против дивизии Моргана стояло не менее 22 000 конфедератов под командованием ген. Кирби Смита. Этот последний расставил свои войска к северу и к югу от Кемберлендского перевала и рассчитывал голодом принудить дивизию Моргана к капитуляции. Но Морган был снабжен продовольствием на многие недели, хотя магазин и не достиг первоначально проектировавшихся размеров. Наоборот, местность к северу от Кемберлендских гор была настолько не возделана, что конфедераты могли там снабжаться лишь очень короткое время, и было очевидно, что операция против Моргана вскоре будет прекращена.

Отказавшись от этого, конфедераты никоим образом не могли ограничиться пассивной обороной. Снабжение их армии было поставлено еще хуже, чем у унионистов. Унионисты имели бы все в изобилии, если бы только это все можно было им доставить. А конфедераты голодали и ходили в лохмотьях из-за недостатка рабочих рук в их стране. Войска Брагга и Смита работали бы на пользу противника и его стратегии истощения, если бы они стали топтаться на месте и поели бы все, что им доставляли Восточный Тенесси и местность, лежащая позади. Война должна была питать войну. Конфедераты должны были двигаться вперед в богатый Кентукки.

Когда в конце августа оба полководца конфедератов пришли к этому решению, Брагг располагал у Чаттануги свыше 32 000 чел. 15 000 чел. дезертировали по более или менее прозрачным основа-

[1] Кавалерийского полковника конфедератов звали Джон Морган.

ниям[1]. Бьюэлл имел у Стивенсона 40 000 чел.; дезертировало у него 22 000 чел. Таким образом, и силы Брагга и силы Бьюэлла были ослаблены на ⅓ благодаря «отпускникам». Силы, находившиеся на фронте в Восточном Тенесси, довольно равномерно распределялись между сторонами: унионисты насчитывали несколько меньше 50 000 чел., а конфедераты 54 000 чел.

Оперативный план конфедератских полководцев заключался в том, чтобы итти на Луизвилл и соединиться там, причем Смит должен был оставить одну дивизию против Моргана. Стратегическим объектом конфедератов был Луизвилл, а не неприятельская армия. Если бы унионисты потеряли Луизвилл, они лишились бы тогда своей базы вместе со всем штатом Кентукки; Брагг и Смит были уверены, что в результате того беспорядка, который возник бы от этого, унионисты не смогли бы быстро воссоздать боеспособную армию. За это время партия рабовладельцев получила бы перевес во всем Кентукки и можно было бы включить весь штат в Конфедерацию. Правда, выигранное конфедератами сражение еще сильнее повлияло бы на общественное мнение Кентукки, чем изгнание унионистской армии из этого штата путем маневрирования. Но Брагг не стремился, как Ли, итти на риск для решающего успеха. Его решения основывались на приблизительно равной численности обеих сторон. Каков бы ни был исход его наступления на Бьюэлла,— говорит Брагг,— его войско оказалось бы искалеченным. Припомним, что без корпуса Смита армия Брагга насчитывала 32 000 чел. против 40 000 Бьюэлла. Поэтому вполне понятна точка зрения Брагга, несомненно очень дельного генерала.

Брагг шел через Уолден-Ридж, «горы, отделяющие восточную часть Тенесси от средней», мимо Спрингс-Милла, т. е. мимо поля сражения, в котором, в январе этого же года, конфедераты потеряли Кентукки. Армия тащила с собой многочисленный обоз. На заготовки на месте нельзя было полагаться, так как часть населения в Восточном Тенесси была настроена враждебно, а районы Кентукки к югу от Луизвилла были сплошь враждебны южанам.

Когда Бьюэлл узнал про наступление противника на его базу, он, несмотря на превосходство своих сил, ни минуты не подумал о том, чтобы, с своей стороны, отрезать конфедератов от Чаттануги. Его энергия была парализована тем, что в ближайшем унионистском магазине, в Мерфризборо, оставалось всего лишь на десять дней продовольствия. Бьюэлл считал, что ему ничего не оставалось делать, как отвести возможно скорее армию от Стивенсона к Луизвиллу, чтобы хотя этот пункт, где находились его главные склады, не попал в неприятельские руки. Правда, вследствие этого отступления уступались противнику вся средняя часть Тенесси и Кентукки. Но с точки зрения Бьюэлла это было второочередной заботой. Все его внимание, как и внимание полководцев противной стороны, было обращено только на Луизвилл. Туда он послал ген. Нельсона, чтобы вытребовать из соседних штатов, к северу от Охайо, милицию и, таким образом, собрать новые силы для защиты этого важнейшего пункта. Они были необходимы для заслона против Кирби Смита, находившегося у Кем-

[1] «The War of the Rebellion», серия 16-я, т. 2, стр. 784. «Abstract from Field Return of the Army of the Mississippi commanded by general Braxton Bragg», 27 августа 1862 г.

берлендского перевала, т. е. значительно ближе от Луизвилла, чем Бьюэлл, находившийся у Стивенсона. После того как разбежались все элементы, неохотно служившие в армии, оставшаяся часть конфедератов состояла только из отборных солдат, подобных тем, которые были показаны Уолслею. Кирби Смит сообщает, что противника они настигли после трех суток безостановочного форсированного марша по почти безводной местности, причем шли босиком по каменистым дорогам, питаясь исключительно кукурузой и говядиной без соли.

Его 12 000 конфедератов прошли расстояние в 160 *км*. Противник, которого 30 августа настигли конфедераты, состоял из 6 500 чел. милиции из штатов, расположенных к северу от Охайо. Ген. Нельсон решился выдвинуться с ними до Ричмонда, несмотря на то, что его люди прошли лишь 10—25-дневную боевую подготовку. Едва половина конфедератов смогла принять участие в бою. Они попытались охватить сильные позиции унионистов с обоих флангов. Атаку пришлось повести с фронта, по открытой местности; затянувшись на целые 8 часов, она потребовала немалых жертв. Один батальон потерял не меньше четверти своего боевого состава. В общем, конфедераты потеряли 8% своих бойцов. Милиция Нельсона потеряла 13%. Итак, необученные рекруты дрались совсем не так плохо, подтверждая то, чему учит опыт военной истории, а именно — что и посредственные войска при обороне хороших позиций проявляют большую стойкость. Дело окончилось, правда, для унионистов катастрофой, притом почти в тот же самый день, как и второе сражение при Буль-Рёне. Милиционные войска Нельсона дали себя окружить, и 4 400 чел. попали в плен нераненными [1].

Обе батареи унионистов были захвачены. Нельсон собрал остатки своего отряда и занял с ним вторую укрепленную позицию. Здесь он надеялся продержаться до темноты, но после трех неприятельских залпов его людей охватила паника, и они исчезли, оставив его одного со своим штабом.

Брагг только еще начинал свою экспедицию, когда, 30 августа, Кирби Смит одержал победу под Ричмондом. Я уже отмечал, что Чаттануга находится от Луизвилла на расстоянии 500 *км*, поэтому Брагг не мог дойти до Луизвилла ранее начала октября. Наоборот, Смит вполне мог достигнуть этого города в первой половине сентября. Однако, он наткнулся бы здесь на новые милиционные войска, собранные Нельсоном, гораздо более многочисленные, чем его корпус. Он ограничился поэтому тем, что занял 2 сентября Лексингтон, центральный пункт дружественного мятежникам так называемого «густозеленого» района. Оттуда он обратился с прокламацией к жителям Кентукки, предлагая им отложиться от Союза. То же самое сделал Брагг и из Глазго, куда он добрался 13 сентября. Однако, победы Смита не было достаточно, чтобы укрепить решимость колеблющихся элементов Кентукки перейти на сторону мятежников. Лишь один небольшой отряд инсургентов из окрестностей Лексингтона присоединился к Смиту. Почти столь же скудно, как и помощь людьми, притекала к конфедератам и хозяйственная помощь из ресурсов Кентукки. Смит хотел «эту богатую страну, переполненную столь необходимыми для них запасами», заставить служить военным действиям

[1] «The War of Rebellion», серия 1-я, т. 16, ч. 1-я, 909. «Return of casualties in the Union Forces».

конфедератов; с этой целью он создал большой запас южнее Лексингтона, у Кемп-Дик-Робинзона. Он намеревался соединиться здесь с Браггом для совместного наступления на Луизвилл. Генералы конфедератов надеялись (насколько вообще возможно заранее рассчитать ход кампании), что они овладеют Луизвиллом не путем сражения, а искусным маневром. Маневренная война влекла за собой необходимость в течение некоторого, возможно даже продолжительного, времени не терять тесного соприкосновения с неприятельской армией. В течение этого времени возможность рассылки многочисленных реквизиционных команд была исключена. Маневренная война тесно связана с магазинной системой складов снабжения. Поэтому магазин у Кемп-Дик-Робинзона был действительно крайне необходим. Однако, поставщики из Кентукки не хотели принимать неустойчивых бумажных денег южан в тех количествах, в которых выдавал их Смит. Дело в том, что конфедераты нуждались не только в продовольствии, но запасались также и всяким другим военным снаряжением, в особенности оружием и обмундированием. Свободные от колебаний торговцы Севера привозили им товары через Охайо. Таким образом, южанам пришлось настолько израсходовать свои скудные денежные средства, что для магазина у Кемп-Дик-Робинзона им хватило денег на покупку продовольствия для войск Смита и Брагга, взятых вместе, в количестве, не превышавшем два рациона.

Стараясь пополнить такой скудный запас, Смит подумал также и о том, как бы подвезти сюда запасы с основных территорий Конфедерации, провозя их через Кемберлендский перевал. 14 сентября перевал этот был освобожден. Ген. Джордж Морган израсходовал все свои продовольственные запасы и ушел на север. Он проделал это с поспешностью, подобной бегству, ибо имел за спиной дивизию конфедератов, которая наблюдала за ним у Кемберлендского перевала, а впереди себя — корпус Смита и партизанского вождя конфедератов Хемпфри Маршалла с 2 000 вооруженных; последний не считал себя в подчинении ни у Смита, ни у Брагга. Он прибыл из Западной Виргинии, где произошел временный поворот в настроениях в пользу Конфедерации. Все эти три войсковых соединения гнались за дивизией Моргана и хотя ее не догнали, но принудили унионистского генерала далеко отойти от того места, где могло бы быть достигнуто решение оружием. В результате того, что Морган двинулся вместо Луизвилла на Гринап, на р. Охайо, он потерял дивизию хороших войск.

Путь Бьюэлла от Стивенсона до Луизвилла через Нашвилл был несколько длиннее, чем путь Брагга через Глазго туда же. Поэтому и получилось, что 17 сентября Брагг оказался между Бьюэллом и Луизвиллом. Унионистский гарнизон соседнего Мерфондвилла, насчитывавший 4 000 чел., сдался ему почти без сопротивления. Конфедераты стали на высотах близ Кейв-Сити и преграждали унионистам прямой путь на Луизвилл. Бьюэлл взвесил, должен ли он силою очистить себе дорогу. Грант послал ему с Миссисипи две пехотные дивизии, и он имел теперь около 50 000 чел., а Брагг 32 000 [1]. Но Бьюэлл не решался строить свои расчеты на благоприятном для него соотношении сил. Он относился с подозрением к своему превосходству сил, так как предполагал, что Кирби Смит мог соединиться с Браггом.

[1] Убыль на походе, весьма значительная для обеих сторон, здесь не исключена из этого количества.

Правда, и тогда конфедераты оставались бы слабее Бьюэлла: 44 000 против 50 000. Но если бы все же Бьюэлл проиграл сражение,— так излагает он свою оценку положения,— то последствия были бы ужасны, ибо унионистская армия оказалась бы отрезанной от своей базы и в обозе не оставалось бы больше никакого продовольствия. Провиант же, взятый из Нашвилла, был уже израсходован.

Слабым местом этой аргументации является то, что Бьюэлл должен был быть лучше информирован о местонахождении неприятельских сил. Брагг и Смит, объединения которых перед собой так опасался Бьюэлл, находились: первый у Кейв-Сити, второй у Лексингтона, на расстоянии не менее 8 переходов друг от друга. Единственным слабым оправданием Бьюэлла является в данном случае лишь низкое качество его кавалерии. Во всяком случае, он упустил ценную возможность уничтожить Брагга. Последний проявил исключительное мужество, пробыв в течение целых 3—4 дней без движения перед превосходившим его противником. Когда последний обошел правый фланг конфедератов, чтобы вновь восстановить свою связь с Луизвиллом, Брагг стал обдумывать, не следует ли попытаться ударить унионистам во фланг во время их движения. Ему казалось, что, несмотря на недостаточность его сил, подобный маневр имел бы шансы на успех. Но он отказался от этого плана. По его словам, войска имели лишь по 3 рациона, население было настроено враждебно, и поэтому поражение означало бы уничтожение.

Для того чтобы оценить, в какой мере основательны были эти соображения, надо иметь в виду, что в случае поражения конфедератам пришлось бы отступать на Лексингтон. В этом пункте Кирби Смит мог бы достать им продовольствие. Но между Кейв-Сити и Лексингтоном на протяжении почти 180 *км* снабжение, а тем самым и существование армии, натолкнулось бы на затруднения. Брагг, которому нехватало жилки гениальности, поступил поэтому субъективно правильно, когда он не стал искать сражения и продолжал свой путь на Луизвилл. 27 сентября он достиг Бардстоуна. Отсюда до Луизвилла ему оставалось пройти 50 *км*. Его пехота вся была с израненными ногами и истощена до крайности. Унионисты, арьергард которых достиг 29 сентября Луизвилла, находились в таком же состоянии. Обе армии потеряли в походе целую треть своего наличного состава. Правда, следует отметить, что конфедераты и унионисты прошли расстояние, равное 500 *км*.

Браг приказал Смиту послать ему продовольствие в Бардстоун, а самому двигаться по направлению к Шелбивилл. Этот пункт еще ближе от Луизвилла, чем Бардстоун; таким образом, операции против Луизвилла могли уже начаться. Однако, по словам Брагга, Смит не прибыл туда, так как был занят преследованием дивизии Моргана, и этой побочной задачей дал себя отвлечь от основного стратегического объекта конфедератов. Это, мол, и явилось причиной того, что Бьюэлл сумел еще во-время достигнуть Луизвилла и спасти город.

Это утверждение весьма сомнительно, у ген. Нельсона в Луизвилле было свыше 20 000 чел. Это были милиционные войска, не лучше тех, которые были уничтожены при Ричмонде, но, как и те, способные к упорной обороне. Ни в коем случае нельзя было бы взять Луизвилл без известной потери времени. Между тем, авангард Бьюэлла прибыл уже 27 сентября в Луизвилл, а в следующие дни стали прибывать все бо́льшие части унионистской армии; Брагг же, как мы уже видели,

достиг Бардстоуна лишь 27 сентября. Итак, вполне ясно: в ходе состязания обеих армий в беге, с конечной целью достигнуть Луизвилла, конфедератам представился один лишь крупный шанс: Брагг своими 32 000 чел. должен был атаковать у Кейв-Сити 50 000 чел. Бьюэлла; в случае же неудачи — отступить на корпус Смита и источники снабжения в Лексингтоне. Но для этого требовался второй Ли. Если бы Ли убедился в том, что его мысль взять Луизвилл путем маневра неосуществима, он отбросил бы, быть может, стратегию маневрирования и завязал бы сражение даже с более слабыми, чем у противника, силами.

Армия Бьюэлла вступила теперь в соприкосновение с милиционными войсками Нельсона. Из штатов к северу от Охайо, из Иллинойса, Индианы и Охайо, прибыли батальоны, состоявшие исключительно из необученных рекрут, с офицерами не намного более опытными, чем солдаты. Бьюэлл соединил эти негодные для полевого боя части в одну дивизию, которая под командованием ген. Дюмона должна была образовать гарнизон Луизвилла. Батальоны милиционных войск, стоявшие на более высокой степени военной выучки, были соединены в другую дивизию, полевую; затем почти ко всем бригадам армии Охайо Бьюэлл придал по одному батальону милиции. Охотнее всего он вообще расформировал бы эти милиционные батальоны и влил бы их людей в растаявшие батальоны армии Охайо. Но унионистские генералы в течение всей войны тщетно добивались согласия правительства на вливание молодых пополнений в старые кадры. Из соображений, понятных с человеческой точки зрения, но абсолютно неприемлемых с точки зрения военной, молодые войска Союза,— впрочем, то же самое наблюдалось и у конфедератов,— стремились оставаться вместе, а такого человека, как Карно, который сумел устранить во время Французской революции подобные сопротивления, в американской армии не нашлось.

От пополнения милиционными войсками дисциплина в армии Охайо отнюдь не улучшилась. По этому поводу следует привести слова капуцина в «Лагере Валленштейна» [1]: «Но как хвалить нам слуг, когда все огорчения идут сверху». Среди офицерского корпуса и даже среди генералов револьверы слишком часто выхватывались из кобур. Между Нельсоном и одним из генералов милиции возникла ссора: обе стороны надавали друг другу пощечин, причем наибольшее количество пришлось, повидимому, на долю генерала милиции. Когда после этого Нельсон разыскал Бьюэлла в одной из гостиниц Луизвилла, на лестнице к нему вышел навстречу побитый генерал милиции и убил его выстрелом из револьвера. Халлек не передал это дело военному суду, а перенес его в гражданский. Этому последнему легче было дать понять, что убийца не должен быть осужден. Дело в том, что убийца был любимцем губернатора Индианы, игравшего большую роль в республиканской партии. Действительно, процесс удалось замять, и даже более того: поскольку Бьюэлл принял сторону Нельсона, Вашингтон воспользовался случаем, чтобы сместить этого среднего по своим способностям полководца и назначить на его место ген. Томаса, победи-

[1] «Лагерь Валленштейна» — пьеса Шиллера. Валленштейн (1583—1634) — один из полководцев Европы во время Тридцатилетней войны.— *Ред.*

теля у Спрингс-Милл. Однако, из чувства корпоративной солидарности Томас отказался принять означенную должность, и не нашлось другого генерала, который изъявил бы готовность занять ее. Поэтому правительство спасовало перед Бьюэллом в Кентукки, как перед Хукером в Виргинии, и Бьюэлл, как и тот, остался на своем посту. Эти события не способствовали ни увеличению авторитета правительства, ни укреплению субординации в офицерском корпусе. Пусть читатель, впрочем, не подумает, будто факты самого грубого самосуда случались только в милиционных формированиях. Мы с ними столкнемся еще и среди генералов унионистской полевой армии. Они имели место как на Севере, так и на Юге, и притом, главным образом, среди офицеров и солдат более молодых западных штатов. Кто знаком с воспоминаниями полковника Хауза [1], тот знает, как еще долгое время после войны был распространен среди народных масс в Техасе обычай разрешать спор поединком без секундантов и врача. Армии не могли быть цивилизованнее гражданского населения.

Сколько бы недостатков морального и технического характера ни имела армия Бьюэлла, но численное соотношение сил переместилось значительно в ее пользу. При отходе обеих армий из Стивенсона и Чаттануги Бьюэлл располагал 49 000 чел., а Брагг и Смит — 54 000. Теперь у Бьюэлла имелось 60 000 чел., а все три конфедератских военачальника, вместе взятые, имели не свыше 35 000. Боевую силу унионистского батальона все еще следовало определять в 460 чел., в то время как у конфедератов она растаяла до 280 чел. Пусть будет мне разрешено вновь вернуться здесь к вопросу о дезертирстве у конфедератов, ибо случайно имеются статистические данные, рисующие наглядную картину влияния этого зла на армию Брагга в данный период времени. После потерь во время похода дивизия Читэма насчитывала еще 4 700 солдат и 600 офицеров. Огромное количество офицеров объясняется тем, что, помимо солдат, имевшихся налицо, в дивизии числилось еще 4 300 так называемых «отпускников». Дивизия Уисерса, так же как и дивизия Читэма, имела в строю 4 700 чел. при 6 300 «отпускников» [2]. В этой войне обеим сторонам все время приходилось иметь дело с явным и скрытым дезертирством, от которого ряды войск часто редели гораздо сильнее, чем от весьма кровопролитных боев и тягот походов.

Итак, у Луизвилла перевес был на стороне унионистов. Моральная необходимость перехода в наступление была для них тем больше, что Смит оперировал своими авангардами также к северу от реки Охайо в направлении на Синсиннати. При неустойчивости воли к войне в Союзе это могло оказать вредное влияние на настроения в штате Охайо. Поэтому 1 октября Бьюэлл пошел прямо на врага, оказавшись между Браггом у Бардстоуна и Смитом у Франкфорта. Франкфорт — столица Кентукки, и Смит водворил здесь с большой помпой нового мятежного губернатора штата. Это, правда, не дало ему сколько-ни-

[1] Полковник Хауз — ближайший советник президента (США) Вильсона во время первой мировой империалистической войны и, в особенности, во время Версальского мирного конгресса. Хауз издал четырехтомный сборник мемуаров и документов, освещающих эпоху этой войны. — *Ред.*

[2] «The War of the Rebellion» для дивизии Читэма: серия 1-я, т. 16-й, часть 2-я, стр. 900. «Извлечения из боевого донесения правого крыла Миссисипской армии за 3 октября 1862 г.». Для дивизии Уисерса: серия 1-я, т. 16-й, часть 2-я, стр. 644, «Официальные отчеты унионистской и конфедератской армий».

будь значительного притока добровольцев и продовольствия. Бьюэлл справедливо замечает, что для этого «южане должны были бы выиграть сражение».

Бардстоун и Франкфорт отдалены друг от друга почти на 100 *км*. Значит, Бьюэлл располагал достаточно широким простором для маневрирования между обеими частями неприятельской армии. Девять дивизий его полевой армии наступали по четырем дорогам. Его план заключался в том, что 8 дивизий атакуют Брагга у Бардстоуна, а девятая, под командованием ген. Силла, будет тем временем сковывать Смита близ Франкфорта. Чтобы никакие силы, будь то самые скромные, не остались неиспользованными, Бьюэлл распорядился, чтобы за дивизией Силла из Луизвилла выступила и дивизия Дюмона, но только как резерв, следующий на значительном расстоянии позади исключительно для целей демонстрации. Генералы конфедератов ошибочно заключили из этого, что неприятель направит свою главную атаку на Смита, а потому Брагг подкрепил его одной дивизией. Таким образом, у Франкфорта в качестве правого крыла стояло 17 000 чел.[1], а в качестве левого крыла у Бардстоуна — 16 000.

Чрезвычайно знаменательно, как плохо осведомлены были полководцы конфедератов о распределении сил противника. На этот раз кавалерия конфедератов совершенно не выполнила своей задачи. Корпус Смита был особенно слаб в отношении кавалерии и, кроме того, выделил еще конные части в сторону Синсиннати. Эскадроны же Брагга должны были прикрывать длинные пути сообщения левого крыла конфедератов со складами в Лексингтоне, а также производить реквизиции для пополнения невероятно быстро пустевших складов.

Брагг находился во Франкфорте на празднествах. Его заместителем в Бардстоуне был ген. Польк. Справедливо гордясь своей пехотой, превосходившей унионистов храбростью и подвижностью, Брагг думал, что может пренебречь двойным численным превосходством противника и наброситься на него с двух сторон, как это проделал Мольтке с австрийцами при Кениггреце[2]. Брагг писал Польку: «Бьюэлл наступает на Франкфорт, имея Смита перед своим фронтом и нашу храбрую армию на фланге: я считаю положение безнадежным для Бьюэлла, если он окажется настолько безрассудным, чтобы выступить вперед. Приведите в движение все ваши свободные силы через Блумфилд и ударьте ему во фланг и тыл. Если мы сумеем сочетать наши движения, он безусловно погиб»[3]. В этом же духе Брагг писал и Смиту, чтобы тот шел на помощь Польку, который, в свою очередь, идет на помощь ему. «Все наши силы должны быть введены в бой одновременно». Брагг послал эту депешу из Лексингтона. Смит находился попрежнему во Франкфорте. Таким образом, оба имели перед собой левый фланг Бьюэлла, состоявший лишь из дивизий Силла и бутафорской дивизии Дюмона. Однако, 8 унионистских дивизий медленно, но безостановочно приближались к Польку у Бардстоуна. Польк правильно оценил, что против его 13 000 винтовок наступают 48 000 чел. неприятельской пехоты, а потому не решился повести свой кор-

[1] Без отряда Хемфри-Маршалла, который попрежнему действовал за свой собственный страх и риск и на чаше весов не имел никакого значения.

[2] При Кениггреце произошло решающее сражение в австро-прусской войне 1866 г. — *Ред.*

[3] «The War of the Rebellion», серия 1-я, т. 16-й, часть 2-я, стр. 897. «Письмо Брагга Польку из Франкфорта, 2 октября 1862 г.».

пус, как ему было приказано, через Блумфилд, навстречу корпусу Смита, чтобы соединить таким образом силы конфедератов на поле сражения, перед фронтом и на фланге противника. Наоборот, он думал, что соединение флангов конфедератов может быть осуществлено лишь тогда, когда оба отступят на некоторое расстояние. В качестве пункта для их соединения он избрал Кемп-Дик-Робинзон — сильную позицию между р. Кентукки и одним из ее притоков. Польк созвал военный совет, который, как все военные советы в таких случаях, высказался за отступление. Когда Брагг отправлялся из Бардстоуна к Смиту, он сам рекомендовал Польку это отступательное движение на тот случай, если его корпус будут теснить численно превосходящие его силы. Теперь же донесение об отступлении Полка вызвало в нем сильнейшие опасения. Дело в том, что в Лексингтоне он находился под впечатлением, что опасность угрожает не Польку, а Смиту. Тем не менее, он одобрил отступление корпуса Полка при том условии, что тот отойдет не до Кемп-Дик-Робинзона, а лишь до Харродсбёрга. Так как Польк оказался бы тут гораздо ближе к своей базе в Лексингтоне, чем у Бардстоуна, то такая перемена позиции казалась бы, может быть, даже выигрышной. Смит мог бы тем временем сосредоточиться близ Франкфорта и затем атаковать. «Подбодряйте сердца людей, — писал Брагг Польку,— уверяя их, что это не отступление, а сосредоточение сил для боя. Мы можем и должны их разбить».

Итак, Брагг крепко цеплялся за идею Мольтке — соединить на самом поле сражения разделенные части своей армии. Но от Харродсбёрга до Франкфорта — целых два дневных перехода. Поэтому сочетать операции обоих корпусов конфедератов было труднее, чем это представлял себе Брагг, к тому же Смит ошибочно предполагал, что перед ним находятся главные силы унионистов, а потому в нем было столь же мало решимости атаковать, как и в Польке. Правда, Смит предавался мечте о смелом наступлении на Бьюэлла, силы которого, по мнению Смита, еще были отделены друг от друга многими дневными переходами. Он рассчитывал прорвать врага, центр которого он предполагал у Тейлорсвилла из Лоуренсбёрга, и одновременно охватить оба его фланга. Но представление о противнике, которого легко будет одолеть вследствие распыленности его сил, оказалось быстро вытесненным в воображении Смита впечатлением, будто сверхъестественно крупные массы унионистов угрожают правому флангу конфедератов. Смит решил отвести свой корпус от Лоуренсбёрга в Версаль и таким образом поставить между собой и противником барьер в виде р. Кентукки. Мы видим, что маневр дивизии Силла, ведшей перестрелку с корпусом Смита, блестяще оправдал себя. С 2 октября конфедератам было известно, что Бьюэлл выступил из Луизвилла. До 8 октября, несмотря на то, что их полководец намеревался вести их вперед, они только и делали, что топтались на месте или же отступали, бесцельно поедая свой провиант, восполнить который им стоило стольких трудов.

Брагг находился теперь в Харродсбёрге, т. е. уже не на правом, а на левом фланге. Тем не менее, он создал себе такое же ложное представление, как и Смит, будто корпус его попал в затруднительное положение, и приказал корпусу Полка также двигаться на Версаль. Поддавшись влиянию Смита, Брагг отказался от своих намерений и счел защиту складов в Лексингтоне от наступления унионистов важнейшей задачей армии конфедератов. Таким представилось ему положение

вещей рано утром 7 октября 1862 г., к вечеру он уже стал на другую точку зрения. Он получил такие же сведения о распыленности войск Бьюэлла, какие получил и Смит. Последний уже разочаровался в них, но Брагг все еще предполагал, будто 30 000 унионистов стоят у Франкфорта, 15 000 у Перривилла и еще 15 000 у Лебанона, находящегося в большом дневном переходе к западу от Перривилла. Таким образом, если исходить из представления Брагга о расположении в данный момент частей армии Охайо, то наиболее слабыми пунктами являлись Лебанон и Перривилл.

Передовые части унионистов, наступавшие на Полька, вступили с ним в соприкосновение у Перривилла. Сам Польк находился в этом пункте. Основываясь на его донесении, Брагг счел необходимым существенно изменить приказ, данный им своему левому крылу, о том, чтобы оно подтянулось к правому. Он послал в Перривилл приказ, чтобы Польк немедленно атаковал и разбил противника, а после этого двинулся на поддержку — на Версаль. Сам Брагг приготовился ехать в Версаль, ибо он все еще не сомневался, что вся тяжесть событий падет на его правый фланг. То преимущество, которого Польк должен был добиться боем у Перривилла и к которому Брагг так стремился, казалось ему все же чем-то второстепенным. Лишь в ночь на 8 октября узнал Брагг о действительном положении вещей: что Смит позволил удерживать себя незначительными неприятельскими силами и что под Перривиллом находится не одиночный корпус унионистов, а главные силы Бьюэлла.

Бьюэлл подготовил сражение самым удачным образом. Его силы, за исключением дивизии Силла, были сконцентрированы, в то время как у противника между его правым и левым флангами зиял пробел в целых два дневных перехода. Таково было положение на самом деле, но Бьюэлл оценивал его несколько иначе. Его разведчики оказались столь же на высоте, как и кавалерия противника, и Бьюэлл очень опасался, не натолкнулся ли он у Перривилла на всю армию Брагга. Даже в этом случае столкновение обещало бы унионистам многое, так как они имели бы 53 000 чел. против всего лишь 30 000 конфедератов. На самом же деле против унионистов стояли лишь 16 000 чел. Полька. Так как Польк сознавал слабость своих сил, то он решил не выполнять приказа о наступлении, отданного ему Браггом на основании неверных предпосылок. Польк хотел, как он говорит, вести оборонительно-наступательный бой, т. е. затянуть его до тех пор, пока не подойдет корпус Смита. Ибо если конфедераты вообще рассчитывали на победоносный исход сражения, то предварительным условием для этого являлось соединение их обоих флангов.

Таким образом, с утра 8 октября между корпусом Полька, стоявшим к западу от Перривилла, и унионистами произошло лишь легкое столкновение. Из трех корпусов Бьюэлла, двигавшихся на Перривилл, сперва вступил в соприкосновение с противником лишь один корпус, которым командовал ген. Джильберт. Два других корпуса находились еще далеко позади. Унионисты прошли по местности чрезвычайно бедной, и конфедераты попытались не допустить истомившиеся от жажды войска Джильберта к черпанию воды из ручья Доктор. Однако, конфедераты были оттеснены: в 12 час. 30 мин. дня к унионистам подошел еще корпус Мак-Кука и занял позиции слева от корпуса Джильберта. В 2 часа дня подошел также корпус Томаса и занял свое место в боевом порядке справа от корпуса Джильберта.

Одновременно с корпусом Томаса у конфедератов появился и сам Брагг, который, когда положение окончательно выяснилось, прервал свою поездку к Смиту и поспешил из Харродсбёрга в Перривилл. После сражения Брагг резко порицал Полька за его неповиновение. Польк якобы допустил постепенное утроение силы неприятеля перед самым фронтом, вместо того чтобы согласно приказу атаковать его с раннего утра и разбить корпус Джильберта. Против этого следует возразить, что нанести поражение корпусу — это обычно не такое быстрое дело. Отряд Нельсона у Ричмонда состоял из совершенно сырых войск; однако, войскам Смита пришлось потратить почти целый день, прежде чем им удалось окончательно его победить. Точно так же и армия Охайо в том виде, какой она приняла недавно в Луизвилле, была переполнена неопытными и недисциплинированными офицерами и солдатами. При наступлении на Перривилл штабные офицеры Бьюэлла не выполнили даже тех скромных требований, которые обыкновенно предъявлялись в американских армиях этой категории военных. Благодаря этому приказы Бьюэлла о выступлении были переданы генералам Мак-Куку и Томасу с чрезмерным опозданием. Независимо от этого Томас повел свой корпус не прямым путем на Перривилл, а заставил его сделать большое обходное движение, для того чтобы таким недопустимым способом раздобыть воды для страдавших от жажды войск, той самой воды, которую корпус Джильберта с боем вырвал у противника.

Бьюэлл хотел, чтобы в 7 часов утра его три корпуса были готовы броситься на неприятеля. Но на месте оказался лишь корпус Джильберта, а корпуса Мак-Кука и Томаса подошли, как мы уже видели, лишь в 12 час. 30 мин. и 2 часа. Разве это не говорит о том, что Польк на самом деле совершил тяжкое упущение, не ударив ранним утром по унионистскому центру?

Казалось, ему в самом деле открывались здесь блестящие перспективы, он должен был выиграть тем большие пространства, чем медленнее подходили к противной стороне корпуса Мак-Кука и Томаса. Однако, чем дальше бы он продвигался, тем вернее его охватывали бы тогда с трех сторон все три корпуса Бьюэлла. Польк на месте лучше ориентировался в положении, чем Брагг, находившийся в Харродсбёрге вдали от выстрелов, и Польк принял, таким образом, совершенно основательную ответственность за невыполнение приказа главнокомандующего о наступлении. Наоборот, со стороны Брагга было бесцельным и опасным шагом давать правому крылу своих войск немедленно по прибытии на поле сражения приказ об атаке. Здесь стояла дивизия Читэма. Она бросилась с 5 000 чел. на корпус Мак-Кука, обе дивизии которого насчитывали 12 000 ружей. Одна дивизия, которая почти сплошь состояла из вновь сформированных частей, превратилась под ударом неприятеля в тактический нуль, впрочем, не без сопротивления, ибо ее потери на поле сражения достигли почти 20%. Вторая же дивизия остановила и заставила отхлынуть волну конфедератов. Она понесла при этом потери убитыми и ранеными в размере 27% своего состава, однако продолжала составлять единое целое. Дивизия Читэма понесла страшные потери в безнадежном бою с превосходившими ее силами. Ее потери убитыми и ранеными достигли 35%, а у одной бригады даже почти 50%.

Брагг располагал в центре и на левом фланге еще двумя дивизиями, а Бьюэлл в центре и на правом фланге еще восемью. Части

конфедератов в центре и на левом фланге приняли лишь небольшое участие в этом бою. Поэтому делу конфедератов нисколько не помогло то, что храбрая дивизия Читэма отбросила корпус Мак-Кука на 1,5 *км*. Очевидно, под впечатлением ужасных кровавых потерь, ценой которых приходилось отвоевывать это пространство, Брагг понял, что его атака была необдуманной. И с унионистской стороны центр вступил в бой лишь постольку, поскольку необходимо было не допустить до активного выступления центр и левое крыло противника. Корпус Томаса на правом фланге унионистов вообще не был введен в бой.

Характерным для этих милиционных войск является следующий случай. Джильберт захотел, чтобы одна из его бригад перешла в наступление, однако обнаружил, «что она даже еще не развернулась и вообще настолько мало освоилась с тактикой, что не была в состоянии исполнять быстро и толково простейшие маневры». Треть армии состояла из таких же сырых рекрут. Зато у унионистов имелось подавляющее численное превосходство: 53 000 против 16 000. Тем не менее Бьюэлл потерял решимость продолжать наступление. Неустрашимость, с какой дивизия Читэма бросилась в атаку, доконала его. Он уверял теперь, что и корпус Смита тоже находится перед ним. В своем описании сражения он сделал следующее наивное замечание: «В армии не было ни одного сколько-нибудь дальновидного человека, который сомневался бы в том, что перед нашим фронтом находится вся конфедератская армия». Бьюэлл забывает только объяснить читателю, что даже соединенная конфедератская армия насчитывала бы только 33 000 чел. против 53 000 унионистов, сосредоточенных у Перривилла. Бьюэллу пришла в голову странная мысль, будто он действовал бы «опрометчиво», если бы стал искать решения, не подтянув к себе еще и 7 000 чел. Силла. Поэтому-то 8 сентября в 6 час. 30 мин. вечера он прервал сражение при Перривилле. После того как обе армии постояли друг против друга в бездействии до самого 11 октября, к нему подошла дивизия Силла; однако, уже накануне к Браггу подоспел корпус Смита. Брагг вызвал его к себе на помощь после сражения, ибо теперь он опасался натиска масс, вес которых он сначала игнорировал.

Смит, вероятно, сознавал, что он поступает против оперативных замыслов Брагга, когда он повел правый фланг конфедератов непосредственно на соединение с левым, вместо того чтобы наступать в тыл Бьюэллу. Учитывая неподвижность унионистских масс, следует думать, что такой маневр, быть может, превратил бы сражение у Перривилла, не давшее решительного исхода, в победу оружия конфедератов и предвосхитил бы Кениггрец. Но Смит не чувствовал себя способным на движение столь широкого масштаба, так как за 8 бездеятельных дней он израсходовал все свои съестные припасы.

После соединения корпуса Смита с корпусом Полка превосходство сил Бьюэлла все еще оставалось огромным. У него было 60 000 чел. против 32 000 чел. Однако, Бьюэлл не был человеком, умевшим правильно использовать свои силы. Как под Стивенсоном, так и под Кейв-Сити и Перривиллом он потерял мужество после сражения вследствие качественных недостатков своей армии. Мы знаем, что он не был единственным унионистским генералом, энергия которого была парализована теневыми сторонами милиционной системы. Энергия Попа у Буль-Рёна и Мак-Клеллана у р. Антитэм выдохлась вследствие тех же причин.

Если бы речь шла только о том, чтобы прикрывать Кентукки, Бьюэлл мог быть удовлетворен. Отход корпуса Смита от Лоуренсбёрга отдал во власть унионистов продовольственные запасы конфедератов в Лексингтоне. Базой Брагга сделался теперь Кемберлендский перевал. От Брайентсвилла, куда отошла армия конфедератов, перевал этот отстоял почти на 180 *км*. Окрестности Брайентсвилла отличались изобилием, но из-за близости неприятеля небольшая армия Брагга не могла рассылать сильных реквизиционных команд для устройства новых интендантских складов и заменить, таким образом, склад, потерянный в Лексингтоне. Поэтому конфедератам оставалось только отступать. Не тревожимые противником, они отошли к Кемберлендскому перевалу. Поход длился 6 дней. Ежедневно они проходили по 27 *км* (по прямой). «Истощенные, голодные, оборванные», как говорится об этом в описании Брагга, прошли они затем через Кемберлендский перевал,— маневр, потребовавший еще 7 дней. Уже при описании наступлений корпуса Смита от Кемберлендского перевала в Кентукки была отмечена выносливость в походах плохо снабженной армии конфедератов. Милиционные войска имеют чрезвычайно различную ценность, а подвижность этой армии, вследствие отпадения балласта, каким являлись так называемые «отпускные», естественно, значительно от этого выиграла. Тем не менее, конфедератам не удалось все же оторвать Кентукки от Союза. Брагг не обладал достаточно твердой рукой, чтобы управлять своими подчиненными, командовавшими обоими фланговыми отрядами его армии, как парной запряжкой.

Непосредственным поводом к нашествию в Кентукки явилось, впрочем, не политическое решение перетянуть этот штат на сторону Конфедерации[1], а военная необходимость вести наступательную оборону Восточного Тенесси, войну питать войной. Это Браггу удалось. Армия не напрасно больше месяца простояла в Лексингтоне и вела товарообмен с торговцами из штатов Союза. В этом отношении Брагг следующим образом подводит итог результатам своего похода: «17 000 ружей, несколько сот повозок с запряжками, пополнение хорошим конским составом, взамен загнанного; прожил два месяца за счет неприятельской территории, не пользуясь своими магазинами; освободил собственную территорию, необходимую для снабжения военных сил конфедератов...»

К освобожденной собственной территории принадлежал также и район Мерфризборо, вырванный весной Альбертом Джонстоном у армии Охайо. После наступления конфедератов на Кентукки этот район остался в их руках. Зато армия Охайо снова утвердилась в Нашвилле. Теперь ею командовал ген. Розкранс, после того как Бьюэлл был все-таки, в конце концов, отозван за вялое руководство военными действиями. Розкранс целых 8 недель снаряжал экспедицию против Мерфризборо и перешел после этого в наступление на Брагга с 43 000 чел. Таким образом, его армия была уже значительно меньше, чем под Луизвиллом. Это объясняется тем, что милиционные формирования штатов Иллинойса, Охайо и Индианы снова разошлись по домам, после того как помогли выбить конфедератов из Охайо. Ибо, хотя милиционные формирования штатов и поставляли человеческий материал для союзной армии, однако всегда сохраняли при этом свой

[1] Автор, конечно, неправ: политические соображения, тесно переплетавшиеся с оперативными, безусловно, играли роль при этом.— *Ред.*

первоначальный характер полицейских войск, предназначенных, собственно говоря, для мирной обстановки, а не для войны. Благодаря этому боевая сила унионистских батальонов сократилась с 460 винтовок в октябре до 300 в декабре. Наоборот, батальоны Брагга сохранили свой боевой состав в 280 чел. Его армия состояла из 38 000 чел., так что Розкранс все еще обладал известным численным перевесом.

От Нашвилла до Мерфризборо расстояние 50 *км*. Силы унионистов, как и под Перривиллом, снова были разделены на три корпуса. Они шли по трем шоссе[1] и, кроме того, пользовались и проселочными дорогами. В то время как в Европе можно было обсуждать вопрос, следует ли войскам наступать широким или узким фронтом, — в Америке, при недостаточной походной технике войск, наиболее целесообразным порядком походного движения, естественно, являлось движение широким фронтом. Иначе армия вообще не сдвинулась бы с места. При движении походными колоннами на широком фронте опасаться неожиданного нападения со стороны сконцентрированного противника в Америке можно было меньше, чем в Европе, ибо в Новом Свете обе сражавшиеся армии были очень мало подвижны. Поэтому с походным движением американских армий широким фронтом дело обстояло так же, как и с развертыванием американской пехоты в стрелковые цепи: это зависело совсем не от того, что американский пехотинец самостоятельнее европейского, а вынуждалось против воли американцев самим характером местности в их стране. Итак, унионисты наступали из Нашвилла на Мерфризборо. Брагг ожидал Розкранса в нескольких километрах к западу от Мерфризборо, не собираясь вследствие этого ограничиваться пассивной обороной. Оба полководца стремились к бою, и притом к наступательному. Пока же обе армии расположились к западу от р. Стон. Брагг здесь окопался. Окопы Ли под Фредериксбёргом нашли последователей. Чем дольше длилась война, тем больше убеждались американские генералы, и в первую очередь южане, в пользе полевых укреплений. И в этом отношении американские методы ведения военных действий отклонялись от европейского. Генералы Старого Света базировались на принципе, что следует, по возможности, избегать окопов. Ибо,— говорили они,—войска, движимые инстинктом самосохранения, цепляются за прикрытие и с трудом дают себя увлечь из него в наступление. Американские военные, конечно, испытали и это, но в их глазах оно не было решающим. Решающей была беспомощность их войск перед атаками во фланг и в тыл. Учитывая эти опасности, они и устраивали для армии искусственные опорные пункты на местности, чтобы по возможности уберечь ее от необходимости производить сложные эволюции под неприятельским огнем.

Окопавшись с главными силами своей армии, Брагг направил половину своей кавалерии в тыл неприятельского лагеря. Всадники конфедератов, в количестве 3 000 чел., провели в тылу у унионистов 48 часов и сожгли обозы одного из трех унионистских корпусов. Но что важнее всего, они прервали железнодорожное сообщение между унионистской армией и Нашвиллом и создали этим серьезные затруднения для унионистов в снабжении продовольствием. Успехи кавалерии Брагга были облегчены тем, что она была значительно сильнее кава-

[1] Американские шоссе в то время были еще крайне примитивны и совершенно несравнимы с тогдашними европейскими шоссейными дорогами.

лерии противника; кроме того, это зависело также и от кавалерийского полковника Уиллера, четвертого чрезвычайно энергичного и активного командира этого рода войск (после Стюарта, Форреста и Джона Моргана).

Розкранс имел тем меньше оснований откладывать свою атаку, что его голодавшие войска роптали. Мы знаем уже из истории операций, предшествовавших сражению у Перривилла, что в этом сражении наступление начали конфедераты, хотя к нему стремились и унионисты. Последние оказались только медлительнее первых. Тот полководец, который активными действиями вырывает у противника инициативу, тем самым уже достигает большего преимущества над ним. Возможно, для него было бы разумнее отказаться от этого преимущества и избрать оборонительно-наступательную форму боя; однако, свойство позиции, занятой конфедератами на р. Стон, не позволяло принять такое решение. Поэтому, как я уже отмечал, Брагг не собирался дожидаться наступления неприятеля. Таким образом, 31 декабря 1862 г. столкнулись два наступления. Каждый из обоих полководцев намеревался охватить правый фланг другого. При этом левый фланг Брагга и правый Розкранса были ближе друг к другу, чем правый фланг Брагга и левый Розкранса. Розкранс имел бы, таким образом, основание окопаться на своем правом фланге. Так как Розкранс упустил принять такую меру предосторожности, он и подвергся нападению еще до того, как его собственные войска начали свое движение; он должен был быть подготовлен к этому, зная медлительность унионистских войск. Его правый фланг оказался поставленным перед задачей — при полном отсутствии на местности естественных или искусственных опорных пунктов отразить обходный маневр более подвижной конфедератской пехоты. Это привело к его разгрому, несмотря на то, что унионистская армия была более сильной. Корпус Мак-Кука был отброшен на целых 5—6 *км*, потеряв 50% наличного состава. Он понес чувствительные потери орудиями и бойцами, попавшими нераненными в неприятельские руки; возникло столь же критическое положение, как некогда у ген. Кертиса под Элкхорн-Таверн. Охватывающее движение конфедератов достигло тыла центральной позиции унионистов; стоявший там корпус Томаса потерял свои парки с боеприпасами. «Тыл боевого порядка,— рассказывает генерал Криттенден, командир корпуса на левом унионистском крыле,— постоянно являет собой жалкое зрелище целой орды уклоняющихся от боя людей, которые, побывав в грозном пламени сражения, к собственному же отвращению, обнаруживают, что храбрость не свойственна их характеру. Но картина целых полков... бегущих в панике... наблюдалась в Кемберлендской армии только здесь».

Эта картина столь же ярка, как и то описание, которым Грант изображает нам неустойчивость унионистской милиции под Шило. Но я уже тогда упоминал, что должны быть приняты во внимание не только отрицательные стороны этих добровольческих ополчений, но отмечены также и их достижения. При р. Стон потери корпуса Мак-Кука убитыми и ранеными превысили треть наличного состава, и, несмотря на это, потребовалось время с 6 до 11 час. утра, пока удалось выбить правое крыло унионистов с его позиции. Но и тогда оно еще представляло собой сплоченную силу и расположилось уступом справа от другого унионистского крыла. Фронт Розкранса был изогнут, как полузакрытый перочинный нож,— так наглядно описы-

вает положение один офицер из штаба Брагга. У победителей нехватало больше сил прорвать этот фронт. Они представляли собой такие же импровизированные части, как и у противной стороны, и страдали теми же недостатками в отношении подготовки и организации. Вследствие плохой огневой дисциплины они расстреляли в длительном бою все свои патроны. В техническом отношении еще на меньшей высоте, чем пехота, был обоз, не сумевший подвезти новых боеприпасов.

Так наступил трехчасовой перерыв в сражении, во время которого Розкранс сумел вновь собрать свое расстроенное правое крыло. Вследствие поражения правого крыла наступление левого унионистского крыла не развернулось. Вряд ли такова была бы тактика сколько-нибудь крупного полководца; такой полководец, несомненно, немедленным наступлением войск, силы которых были еще свежи, оказал бы непосредственную помощь тем своим частям, которых теснил противник. Вместо этого дивизии, которым надлежало охватить Брагга, были направлены вправо, чтобы поддержать разбитые части войск. Брагг совершил ошибку тем, что допустил это, оставив свой правый фланг в бездействии. Таким образом, оба полководца действовали в том же духе, как и Джозеф Джонстон у Буль-Рёна.

На сгибе «перочинного ножа» находились высоты, покрытые густым кедровым лесом. Здесь Розкранс сосредоточил артиллерийскую группу в 50 орудий. Вообще в этой войне артиллерия действовала сравнительно мало, но в сражении при р. Стон дело обстояло иначе. Местность благоприятствовала ей, а Розкранс обладал в этом роде войск значительным превосходством сил. Позиция была явно неприступна для фронтальной атаки; однако, железная воля Брагга погнала конфедератов вперед, после того как транспортные колонны подвезли им, наконец, новые боеприпасы. Начиная от левого крыла конфедератов, сражение распространилось после 4 час. пополудни по всему фронту обеих армий, ибо острый глаз Брагга заметил, что противник ослабил свой северный фланг для восстановления южного. Но после того, как обходный маневр конфедератов привел лишь к относительному успеху, бой превратился в чисто фронтальное сражение, как и многие другие операции в течение этой войны, инициаторы которых первоначально планировали глубокомысленные обходные маневры. Чисто фронтальное сражение обычно ставит нападающему почти неразрешимые задачи, угрожая ему в то же время тягчайшими потерями. И на р. Стон все атаки конфедератов были отбиты, несмотря на то, что они велись с величайшим боевым воодушевлением и на поле сражения полегло 28% людского состава всей армии.

Вечером после первого дня сражения под Шило Грант сказал Шерману, что победит тот, кто дольше выдержит. У р. Стон за ужасной бойней последовал морозный канун Нового года. Конфедераты страдали, пожалуй, не так уж сильно, как обычно бывало при их скудном обмундировании, ибо в Лексингтоне они получили роскошное, по их примитивным понятиям, обмундирование. Тем не менее, войска были раздражены тем, что Брагг телеграфировал в ночь перед Новым годом в Ричмонд: «Бог даровал нам счастливый Новый год». Так мог бы говорить лишь победоносный полководец. Между тем, сражение осталось нерешенным, а кровавая баня настолько разрядила и деморализовала ряды войск, что казалось весьма сомнительным, сможет ли армия в таком состоянии долго прикрывать Мер-

фризборо. То, что унионисты не сразу поняли, насколько истощились силы противника, это, пожалуй, объяснимо. Розкранс боялся внезапного нападения в ночь под Новый год и запретил разводить бивачные огни. Однако, такое жесткое мероприятие не могло быть проведено в жизнь при столь слабой дисциплине в американских войсках. Во всяком случае Криттенден не рассчитывал на возможность выполнения этого приказа его корпусом, а потому не передавал дальше приказа Розкранса. Настроение армии было особенно плохим потому, что вследствие набега конницы Уиллера она не только мерзла, но и голодала. Если сам Криттенден и решился есть конское мясо, то его избалованных подчиненных никак не удалось к этому принудить.

1 января 1863 г. Розкранс наверстал упущенное и возвел на своем правом фланге полевые укрепления. Вместе с тем он выдвинул на левом фланге одну дивизию через р. Стон к востоку. Брагг почувствовал в этом угрозу своему правому флангу. 2 января он приказал единственной свежей дивизии, которой еще располагал, «коротким ударом» отбросить противника за реку. Между тем, Гебен говорит о подобной же операции, которую Фогель фон-Фалькенштейн в 1866 г. приказал ему провести против баварцев: «Абсолютно неправильная мера! Коротких ударов на войне не существует. Если нападаешь, то нужно вести нападение до конца, чтобы добиться результатов. Отступление после произведенной атаки — всегда дело плохое. Для чего было приносить жертвы?» [1].

А жертвы были огромны, несмотря на то, что Брагг намеренно распорядился атаковать лишь в 4 часа пополудни, когда до сумерек оставалось мало времени. Сперва конфедераты победоносно прорвались через р. Стон, но Розкранс снова массировал артиллерию, с которой артиллерия конфедератов тягаться не смогла. В одну минуту унионистские батареи произвели 100 выстрелов со своих господствовавших над местностью позиций. Брагг совсем не намеревался подставлять свою пехоту под такой огонь, но командиры его четырех бригад не были в состоянии умерить храбрость своих недисциплинированных частей и остановить их у поставленных им целей. Отступление сопровождалось еще бо́льшими потерями, чем сама атака. Что пощадили ядра, то губили падавшие ветви деревьев. Снова потери убитыми и ранеными достигли 28%. Они были понесены в течение всего лишь одного часа, после чего унионисты вновь заняли свою позицию к востоку от р. Стон.

Брагг еще и 3 января оставался стоять перед унионистским фронтом. Он надеялся, что неприятель не вынесет лишений, причиненных ему действиями кавалерии конфедератов. Это ожидание оказалось обманчивым. Под прикрытием одной пехотной бригады прибыла провиантская колонна, привезшая унионистам достаточно продуктов для утоления их голода. Правда, все еще не было возможности раздать войскам мясо. Розкранс до того боялся их недовольства, что заставил ту же самую бригаду еще раз отправиться в Нашвилл, чтобы доставить еще более обильные припасы. Ему было нелегко расставаться на целых четыре дня с этой пехотой, ибо он все еще опасался наступательных вожделений сурового Брагга. Привело ли бы новое сражение к тому, что унионисты вступили бы в Мерфризборо, или им

[1] Эмиль Даниэльс, Генерал фон-Гебен (Emil Daniels, General von Göben) «Прусский ежегодник», т. 93, стр. 451.

пришлось бы отступить к Нашвиллу, — это представлялось ему вопросом судьбы, ибо и его армия потеряла у р. Стон целых 25% убитыми и ранеными.

Однако, он сохранил свои позиции в сражении, даже несколько выдвинул их вперед на левом фланге. В общем, моральное состояние его армии было все-таки лучше, чем войск Брагга. Кавалерия Уиллера сообщила Браггу о прибытии к унионистам съестных припасов, и он не замечал ни в неприятельском лагере, ни в своем собственном ничего такого, что могло бы создать в нем уверенность в возможности удержать Мерфризборо. В ночь на 4 января он отступил, очистил Мерфризборо и расположился в двух переходах южнее, у Тьюллахомы в Южном Тенесси. Здесь он прикрывал также и восточную часть Тенесси — «ворота в сердце Конфедерации». Розкранс удовлетворился занятием Мерфризборо; он чувствовал себя слишком слабым, чтобы продолжать операции в направлении на Чаттанугу. «Хотя мы оказались победителями, — заявляет Криттенден, имея в виду огромные потери унионистов, — мы на 6 месяцев попали в лазарет».

«Тем не менее, это было триумфом, — пишет он дальше. — Этот триумф показал, что если рассчитывать на длительный период, то победят полный кошелек и полновесные батальоны, а того и другого найдется у нас вволю». И в самом деле, в конце концов, все же удалось подвезти к унионистской армии необходимые съестные припасы, что́ при суровости зимы в этой местности было вдвойне важно для американских войск. Наоборот, конфедераты были вознаграждены за те потоки крови, которые они пролили в бурных атаках, лишь жалкой кукурузной кашей и крохотными кусочками сушеного мяса. Пушки, недостаточные по количеству, с трудом выпускавшиеся их импровизированными орудийными заводами, мало содействовали борьбе против высококачественной продукции пенсильванской тяжелой промышленности. Таким образом, в конце 1862 г. пришлось примириться с утратой большей части штата Тенесси. В апреле этого года Альберт Джонстон потерял в сражении у церкви Шило западную часть Тенесси, в октябре — декабре сражения при Перривилле и на р. Стон уготовили ту же судьбу Среднему Тенесси. Все три сражения были необдуманными или плохо проведенными наступательными операциями. Тактически они остались нерешенными, но армия конфедератов в Тенесси чувствовала очень отчетливо, что с стратегической точки зрения она шла от поражения к поражению. Политическое поражение шло рука об руку с военным. Западная Виргиния долго колебалась между Союзом и мятежниками; в день сражения на р. Стон эта область окончательно оторвалась от Виргинии и вступила как самостоятельный штат в Союз. Это было немалым успехом для северян. Здесь, в Западной Виргинии, проживало все-таки 316 000 белых против 750 000 в мятежном штате Виргинии. Все это привело в начале 1863 г. к столь же тяжелому возмущению в Тенессийской армии конфедератов, какое в то же время вспыхнуло и у унионистов в их Потомакской армии. Предводительствуемый генералами Польком и Харденом офицерский корпус в своем большинстве заявил, что потерял доверие к Браггу и отказывается ему повиноваться. Брагг и в самом деле не был полководцем. Кроме того, он преследовал Полька несправедливой ненавистью. Он считал его виновным за то, что не удалось охватить врага с двух сторон под Луизвиллом. На самом же деле ответственность за это падала, по крайней мере, столько же на руко-

водителя другого фланга, т. е. на ген. Кирби Смита, и вообще делом полководца было прежде всего обеспечить единое руководство целому. Брагг в Тьюллахоме велел арестовать Полька. Однако, власти в Ричмонде распорядились его выпустить. После этого, по поручению Дэвиса, ген. Джозеф Джонстон отправился в Тьюллахому, для того чтобы расследовать обвинения армии против своего полководца. Джонстон не мог решиться на отставку Брагга, все же дельного генерала. Как победитель в первом сражении у Буль-Рёна, Джонстон располагал достаточным авторитетом, чтобы водворить в армии повиновение Браггу. Она отказалась от своего требования сместить его.

Сравнение возмущения в Тьюллахоме с соответствующими событиями в Фальмуте и Луизвилле позволяет установить следующие характерные различия между ними. Генералы конфедератов возмутились только из военных соображений, а унионистские генералы отчасти и из политических соображений. Генералы конфедератов смирились, в конце концов, а унионистские осуществили свою волю. Это вызывалось характером Конституций Юга и Севера, которые на бумаге выглядели почти одинаково, а на практике отнюдь не были идентичны. На Севере существовали две партии, отчаянно боровшиеся между собой во время войны, на Юге существовала лишь одна, и она была гораздо более сплоченной, чем республиканская партия на Севере. В Конфедерации не было ни министра финансов Чейза, ни губернатора Индианы, которые совали бы свой нос в дела армии. В этом, если я не ошибаюсь, основная причина качественного превосходства милиционных войск конфедератов над унионистскими милиционными войсками.

Как я уже отмечал, когда рассказывал об убийстве Нельсона другим унионистским генералом, субординация у офицеров и дисциплина у рядовых бойцов взаимно обусловливают друг друга. Дисциплина на всех иерархических ступенях армии является единой моральной системой. Если в американских милиционных армиях к офицерам приходилось подходить иначе, чем в постоянных армиях Европы, то то же самое относилось и к солдату. В лагере под Тьюллахомой строжайше запрещалось самовольно пользоваться винтовками. Это было абсолютно необходимо, ибо без этого бесчисленные споры между солдатами разрешались бы огнестрельным оружием: тогда еще в ряде американских штатов самозащита при помощи оружия являлась народным обычаем. Точно так же в армии южан, страдавшей от недостатка всех видов боевых средств, абсолютно не допускалось использование боеприпасов для каких-нибудь частных целей. Несмотря на это, один солдат стрелял в курицу, раздразнившую его аппетит, и убил нечаянно вместо нее своего товарища. Начальники преступника были единодушны в том, что в интересах службы с ним нужно поступить без всякой пощады и милосердия. Однако, суд прекратил дело по обвинению в тяжком нарушении дисциплины, за что он охотнее всего осудил бы этого солдата. Он обвинил его лишь за убийство — преступление, которое и в мирное время наказывается гражданскими судами очень строго. Практический эффект был один и тот же: виновника расстреляли. В армии унионистов число военных, казненных за убийство, достигло, в конце концов, нескольких тысяч.

«Политика — это судьба!» Этому приговору Наполеона должны подчиняться как экономика, так и военное дело. Правда, необходимо, чтобы военные проектировали идеальную армию, но, с другой

стороны, они обязаны уметь смиряться и стремиться к достижению победы теми средствами, которые им дает в руки политика. Милиционные войска периода американской гражданской войны далеко уступают идеалу той армии, которую представляли себе в Европе на основе 250-летнего опыта. Мы, однако, уже видели, что граждан-

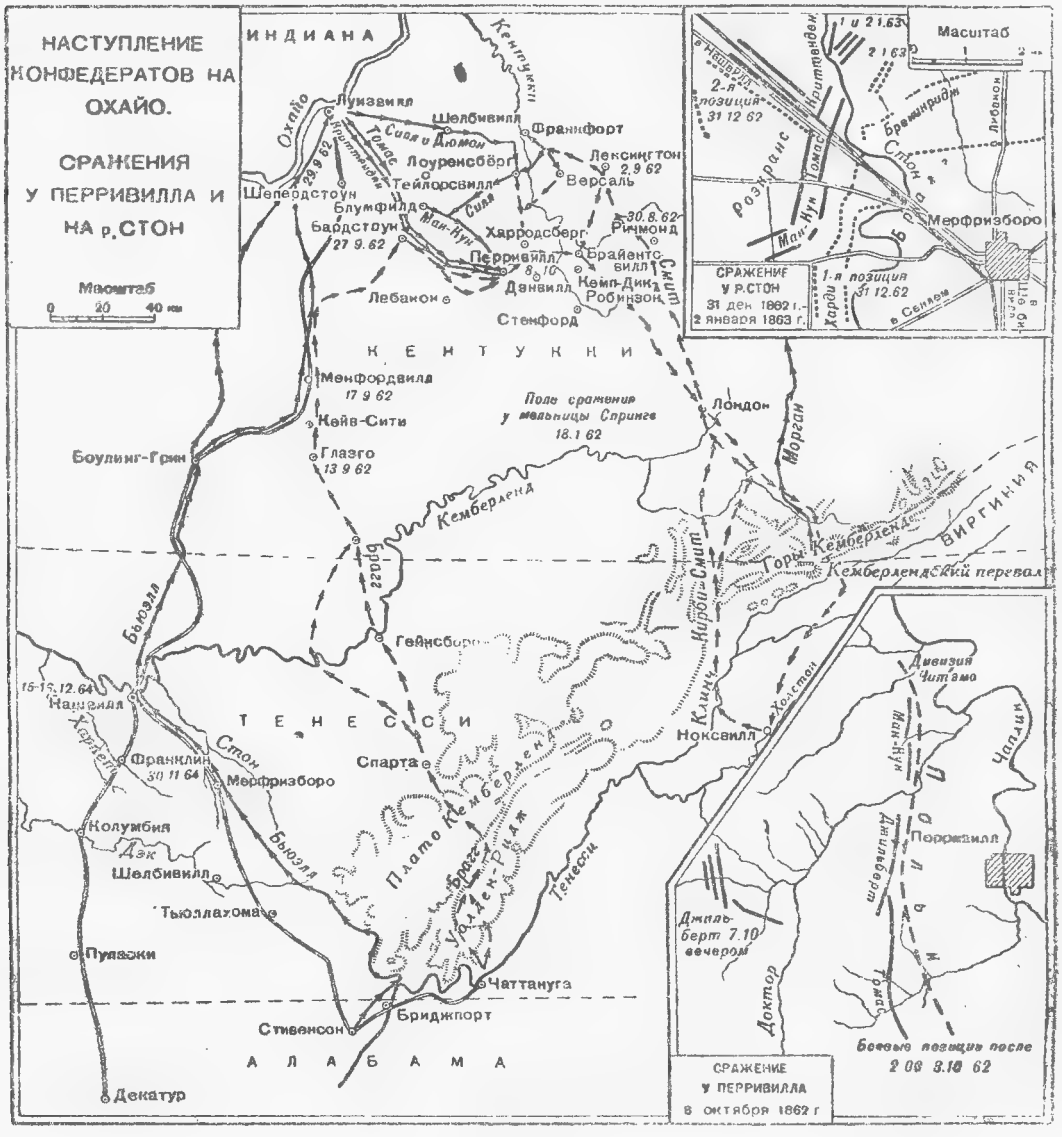


Схема 7.

ская война способствовала дальнейшему усовершенствованию военного дела, которое европейские армии, во вред себе, сначала оставили без внимания, но впоследствии переняли все без исключения. Мы будем наблюдать еще дальнейшие тактические успехи, достигнутые во время гражданской войны, которые Европа переняла лишь во время мировой войны. Речь идет при этом о таких изменениях, которые совершенно изменили облик войны.

Каковы же были носители этих тактических эволюций, каковы были американские войска? Вследствие своей малоценности в спе-

циально военном отношении, они терпят огромные потери и ценой тяжких жертв все-таки не могут разрешать трудные задачи. Этому много способствует и то, что дисциплина в европейском смысле этого слова не могла быть внедрена в неспаянные народные ополчения, но дух общественности развил другой вид дисциплины. Эта дисциплина — не военного характера; однако, будучи перенесена в армию, она все же создает ту моральную атмосферу, при наличии которой вновь и вновь с готовностью уплачивается обильная кровавая дань. Благодаря этому в руках вождей американских милиционных армий оказался хотя и несколько непривычный по форме и неправильно выкованный, но все же острый меч.

Глава VI

Южане на вершине своих побед; начало крушения

Сражения под Чанселлорсвиллом (2 и 3 мая 1863 г.) и под Геттисбёргом (1—3 июля 1863 г.)

Конфедерация вела войну при помощи всеобщей воинской повинности, ослабляемой дезертирством. Дезертирство принимало всевозможные формы и оттенки. Прежде всего, угодливые власти допускали многочисленные исключения. Последние часто обосновывались незаменимостью просителя для хозяйственной жизни страны. Действительно, на Юге хозяйство было еще настолько незрело, что в многочисленных случаях в самих интересах войны нельзя было найти лучшего применения для многих рук и голов, чем занимая их изысканием новых источников экономического развития страны. Вскоре, однако, стало очевидным, что многие из освобожденных от военной службы получили свои свидетельства о незаменимости лишь потому, что они предпочитали мирные профессии военной службе. Другие оставались дома, так как якобы необходимо было сторожить невольников. Наконец, имелись всякого рода местные формирования: милиция, ополчение, резервы из наиболее старых и молодых возрастов и различные части самых разнообразных наименований, занимавшиеся игрой в солдаты, но не представлявшие никакой военной ценности. Свою основную жизненную силу они черпали из уклонявшихся от службы в армии, которые поступали в эти части, чтобы таким образом избежать настоящей военной службы.

Второе сражение при Буль-Рёне, сражение у Антитэма, Перривилла, Фредериксбёрга и сражение на р. Стон Юг вел уже при наличии всеобщей воинской повинности; Север же все еще пользовался системой добровольцев, вербуемых на 3 года. Те из этих добровольцев, которые, познакомившись с жестокой действительностью военной службы, уже более не питали к ней никаких симпатий, дезертировали под раз-

нообразнейшими предлогами. Все же из сельских местностей и мелких городов притекали под знамена значительные массы также и ценного человеческого материала. Они оставались верны этим знаменам и, как мы видели, ручьями проливали за них свою кровь. Богатые офицеры милиции отдельных штатов открывали вербовочные бюро и, наподобие маленьких Валленштейнов, вербовали от своего имени полки, которые,—скажем попутно,—являлись частями, представлявшими собою, по нашим понятиям, лишь батальоны [1]. Вашингтонское правительство назначало этих богатых людей полковниками набранных ими полков, не заботясь особенно об их квалификации. Конечно, они не имели почти никакого представления о руководстве войсковой частью. Те из этих командиров, которые оказывались в течение продолжительного времени неподходящими, выбывали сами собою в процессе войны.

Особенно высоко ценились в унионистской армии прирожденные земледельцы из Канады, перешедшие границу, а также многие иммигранты из Германии. К концу 1862 г. в вашингтонском военном министерстве пришли к выводу, что добровольческая система в том виде, в каком она применялась до того времени, не в состоянии больше пополнять необходимые для ведения войны кадры. Насколько невелик был боевой состав батальонов, мы уже видели. Со времени сражения при Фредериксбёрге появляются наряду с добровольцами так называемые «получатели премий», настоящие наемники, вербовка которых была таким же делом, как всякое другое. Однако, уже с момента похода Мак-Клеллана на Виргинский полуостров можно было предвидеть, что только такими средствами нельзя будет обеспечить формирование достаточно сильных полевых армий, так что Север в марте 1863 г. также решился на введение воинской повинности. Тем не менее, система набора в армию, действовавшая на Севере, все еще сильно отличалась от системы, введенной на Юге. На Севере воинская повинность существовала только для неженатых, и, кроме того, от нее можно было откупиться. Неженатая молодежь более бедных классов должна была привлекаться, когда предложение услуг со стороны добровольцев и наемных солдат оказывалось недостаточным, для пополнения старых частей и формирования новых. Премии наемным солдатам все возрастали, ибо гигантское расширение военной промышленности гнало вверх заработки работников мирных профессий. Однако, штаты и общины собирали необходимые деньги, потому что обязательная воинская повинность была очень непопулярна, и повсюду больше всего боялись повышения правительством контингентов набора. Так как и само правительство весьма неохотно прибегало к этой мере, оно отдавало особое предпочтение набору иммигрантов в портовых городах, не особенно интересуясь вопросом о том, обладают ли уже эти люди правами американских граждан и должны ли они, следовательно, привлекаться также и к выполнению гражданских обязанностей. Это был такой же жестокий прием, как так называемая вербовка в прусскую армию в XVIII столетии или наем в английский флот [2]. Однако, заинтересованные круги населения Нью-

[1] Поэтому в моем изложении речь идет только о батальонах и никогда о полках. Батальоном называли как на Севере, так и на Юге очень слабый полк.

[2] Вербовка в прусскую армию и в английский флот производилась в XVIII столетии специальными вербовщиками путем спаивания, обмана и шантажирования физически годных для этого молодых людей. — *Ред.*

Йорка, Бостона и Филадельфии с успехом сопротивлялись этим незаконным действиям, не соответствовавшим уже больше духу времени. Вряд ли можно допустить, чтобы в какой-либо момент в порядке набора поставлялось больше 16—17% рекрут[1]. Основная польза от набора состояла в порождавшемся им стимуле платить для избежания его деньги, шедшие на вербовку наемных солдат.

Явлением, характеризующим незрелость американских административных органов, были так называемые ловцы вербовочных премий. Бродяги, карманные воры и взломщики вербовались в армию, получали причитавшиеся им премии, затем при первом удобном случае дезертировали, меняли имя, перебирались в другой штат, снова вербовались, вновь получали премию, опять дезертировали и продолжали заниматься этим доходным делом, пока их не хватали. Глава военной жандармерии сообщал в одном из своих докладов, что некий человек, присужденный по какому-то другому делу к 4 годам тюрьмы, признался, что он получил вербовочную премию 32 раза. При таком составе армий становятся понятными те тысячи казней за убийства, которые в них имели место.

В войсках Конфедерации всеобщая воинская повинность существовала не только в качестве средства для заполнения пробелов,— она была там основой организации армии. Правда, весьма часто, как мы видели,— лишь на бумаге. Как на Севере основное бремя наборов ложилось на тех, кто не был в состоянии купить себе заместителя, так и на Юге оно падало на социальный слой «белых бедняков». Поэтому этот институт был и здесь непопулярен. Военнообязанные не спешили являться на призыв, так что в апреле 1863 г. на р. Джеймс пришлось производить набор рекрут с помощью кавалерии. Военный дух был здесь так же слаб, как в 1866 г. в Рейнской провинции в Пруссии, где запасных, после того как была объявлена мобилизация, также приходилось приводить при помощи кавалерии.

Этих именно кавалеристов нехватало Ли у Раппаханока, где армии все еще стояли друг против друга под Фредериксбёргом и Фалмутом. К тому же ему недоставало еще целой трети его пехоты, которая под командой Лонгстрита была отправлена на Виргинский полуостров. Дело в том, что унионистскому главнокомандующему, ген. Халлеку, посчастливилось внушить враждебному президенту Дэвису, будто Ричмонд может быть снова атакован со стороны моря. Действительно, конфедератам нужно было считаться с этой опасностью, так как унионисты, после погрузки на пароходы Потомакской армии, удерживали в своих руках форт Монро и Норфолк. Однако, Ли был в достаточной степени стратегом, чтобы догадаться, что накопление унионистских боевых сил, имевшее место весной 1863 г. в устье р. Джеймс, представляло собою лишь диверсию, для того чтобы оттянуть силы от Хукера. Я сравнивал характер Ли с характером Мольтке старшего: Ли имел обыкновение в тех случаях, когда его деловые аргументы не имели успеха, уступать главе государства. Когда Дэвис отобрал у него корпус Лонгстрита, он молчаливо стал думать над тем, как ему с оставшимися у него 45 000 чел. не только организовать сопротивление 90 000 солдат Хукера, но и разбить их наголову.

13 декабря 1862 г. произошло сражение при Фредериксбёрге; 13 апреля 1863 г. операции возобновились. Таким образом, армии стояли

[1] Джеймс Форд Родс, История Соединенных штатов (James Ford Rhodes, History of the United States), т. IV, стр. 429.

одна против другой ровно 4 месяца, и за это время не произошло ничего, кроме того, что и Хукер и Ли работали над укреплением своих частей, сильно пострадавших как в моральном, так и в материальном отношении. Как и в мирное время, между Фредериксбёргом и Фалмутом курсировали лодки; пассажиры их, однако, носили на одной стороне серую форму, на другой голубую; передовые посты конфедератов меняли табак, основной продукт Виргинии, на соль и с особенной жадностью — на кофе, так как недостаток этого возбуждающего нервы питательного средства особенно болезненно воспринимался плохо питавшимися южанами.

Хукер собирался следующим образом использовать диверсию, которую унионистский флот предпринял против южан: хорошо вооруженный корпус в составе 7 000 всадников должен был обойти левый фланг Ли, перейдя Раппаханок и Рапидан в направлении на Гордонсвилл. Эта местность была удобна в качестве исходного пункта для разрушения железных дорог внутри Виргинии. Кавалерийский корпус унионистов должен был проделать эту работу с максимальной основательностью, чтобы сделать невозможным существование армии конфедератов, в случае, если бы ей пришлось базироваться на железных дорогах Виргинии. Пока что Ли еще не зависел от этих дорог; его части жили за счет подвоза по железной дороге, соединявшей Фредериксбёрг непосредственно с Ричмондом. Хукер, однако, надеялся маневрированием добиться того, чтобы конфедераты ушли от Фредериксбёрга. Его предшественник Бёрнсайд собирался с этой же целью перейти Раппаханок сначала ниже, а затем выше Фалмута. Хукер же решился перейти Раппаханок выше этого города, затем перейти Рапидан и таким образом вынудить Ли очистить Фредериксбёрг. Для Хукера было важно заставить Ли отступить в южном направлении, а не в западном, чтобы затем укрепиться у Гордонсвилла, ибо эти районы представляли для конфедератов ценность благодаря своему плодородию, так что не совсем легко было бы быстро вытеснить их оттуда. Потому-то Хукер и отправил основную массу своей конницы с заданием — сделать базирование на железных дорогах внутри Виргинии невозможным для неприятельской армии. Впрочем, вряд ли основным намерением Хукера было добиться путем маневрирования, чтобы конфедераты отошли от Фредериксбёрга, так же как в свое время Брагг своим маневром вынудил армию Охайо отойти от Луизвилла; наоборот, для Хукера этот маневр был лишь средством к цели. Он явно надеялся на то, что таким образом он заставит своего противника принять сражение в местности, благоприятной для унионистов.

В апреле 1863 г. унионистская конница приступила к осуществлению своего обходного движения. Она имела инструкции нападать на неприятельскую конницу, где бы она ее ни встретила. На превосходящие его численностью кавалерийские массы противника унионистский генерал Стонмен не мог натолкнуться, ибо Ли имел всего лишь немногим больше 6 000 всадников, часть которых он должен был оставить при армии. Но Стонмен вообще не попал на южный берег Раппаханока, так как ливни сделали реку непроходимой. Только после 14 дней ожидания кавалерийский корпус оказался в состоянии переправиться через Раппаханок в Рапидан. Тем временем южане давно уже были информированы об этом предприятии и усилили этапные части внутри Виргинии.

Вследствие непогоды Хукер не мог не задержать — тоже на 14 дней — и отход Потомакской армии вправо. Наконец, 27 апреля начался переход через обе реки. Переправа состоялась при помощи понтонных мостов и вброд. Главное место переправы находилось на расстоянии двух переходов от левого крыла Ли. Вся операция, которой Хукер гордился в такой же мере, как Мак-Клеллан своим фланговым маршем, продолжалась для его пяти корпусов 4 дня и завершилась сосредоточением всех этих боевых сил около Чанселлорсвилла. Это было владение одного священника. Местность же была не заселена, как и большинство полей сражений в этой войне.

Кроме пяти корпусов, с которыми Хукер обошел конфедератов, у него имелись еще два. Этим корпусам под командованием ген. Сэджвика он поручил переправиться через Раппаханок не выше Фредериксбёрга, а ниже этого города. Таким образом, унионисты разделились на две армии: одну — под командованием Хукера, в составе 184 батальонов, и вторую — под командованием Сэджвика, в составе 84 батальонов. Между ними находился Ли, имея Сэджвика впереди себя, Хукера же—в тылу. Приведем свидетельство из лагеря ген. Сэджвика, указывающее, что вечером 30 апреля 84 батальона этого генерала «развернулись на широкой равнине, на которой левая укрупненная дивизия Франклина сражалась в предыдущем сражении». В то же самое время Хукер в своей главной квартире в Чанселлорсвилле выпустил приказ по армии, в котором говорил: «Операции последних трех дней принесли уверенность в том, что наш противник либо должен бесславно бежать, либо выйти из своих окопов нам навстречу, чтобы сразиться на избранной нами для этого местности, где его ожидает верная гибель».

Ли был в курсе передвижений унионистской армии. Для этого было достаточно уже одних сообщений гражданского населения, ибо он вел войну в своей собственной стране. Впрочем, у него было и превосходство в отношении кавалерии: 5 000 всадников против 3 000. В то время как Хукер чрезвычайно обессилил себя в отношении этого рода войск отправкой корпуса Стонмена, контрмероприятие Ли состояло лишь в отправке одной единственной слабой кавалерийской бригады. В остальном он смело доверил охрану внутренних виргинских железных дорог этапным частям.

Бесспорной истиной в приказе Хукера по армии было утверждение, что Ли не может остаться в полевых укреплениях, которые он с такой старательностью воздвиг до и после сражения под Фредериксбёргом. Иначе он оказался бы под ударом с двух направлений, подобно Бенедеку под Кениггрецом. Ли должен был либо отступить к р. Анна, — решение, перед которым он уже стоял как до, так и после сражения при Фредериксбёрге,— или же он должен был сражаться с противником, вдвое превосходившим его своей численностью. Второе решение представляло известные преимущества, поскольку унионисты действовали раздельно и предоставили конфедератам внутренние операционные линии. Армия Сэджвика имела 84 батальона, армия Ли — 130[1]. Джексон советовал Ли броситься с превосходными силами на Сэджвика, в то время как корпус конфедератов будет удерживать

[1] Боевой состав как унионистского батальона, так и батальона конфедератов — около 290 чел. Из этого видно, что дезертирство всякий раз сводило нанет все усилия правительства укомплектовать воинские части.

армию Хукера. Ли не мог одобрить это предложение. Он не мог помешать переправе Сэджвика через Раппаханок, хотя упорное сопротивление стрелков из сторожевого охранения конфедератов и затянуло этот маневр. После этого Сэджвик окопался. Он расположился под защитой установленной на Стаффордских высотах унионистской артиллерии, прикрывавшей переправу его обоих корпусов через Раппаханок и сыгравшей уже столь значительную роль до и после сражения под Фредериксбёргом. Превосходство Хукера в отношении батарей было еще больше, чем в отношении батальонов: он имел 404 превосходных орудия против 170 посредственных орудий в лагере Ли и мог с высот к северу от Раппаханока развивать подавляющий гранатный огонь по подступам на южном берегу реки. В этом и заключались возражения Ли против предложения Джексона.

Если бы конфедераты вместо армии Сэджвика атаковали армию Хукера, они не должны были бы особенно опасаться превосходства унионистской артиллерии, так как здесь можно было предполагать, что решающий бой произойдет в местности, сильно поросшей лесом. В соответствии с этим Ли решил, что против Сэджвика должны остаться лишь 24 батальона, с остальными же 106 батальонами он двинулся против армии Хукера, состоявшей из 184 батальонов.

Так же как Брагг при Луизвилле, Хукер хотел нанести удар противнику с двух направлений и с этой целью разделил свои войска. Я упомянул уже при изложении подготовки к сражению под Перривиллом, что это представляло собою маневр, примененный Мольтке под Кениггрецом. Международная военная критика после 1866 г. весьма единодушно отвергла план Мольтке, примененный в этом походе, и сам Мольтке никогда не отрицал, что наступление с двух направлений связано с исключительно большим риском. Хукер хотел принять этот риск на себя, и это доказывает, что он не был простой посредственностью. Он не хотел, однако, принять риск в таком масштабе, чтобы один унионистский фронт находился у Чанселлорсвилла, а другой — южнее Фредериксбёрга. Расстояние между этими двумя пунктами составляло от одного до двух дневных переходов. Это расстояние было меньше, нежели расстояние между двумя флангами Брагга при Перривилле, но все же оно представлялось Хукеру несколько больше приемлемого расстояния. Поэтому, после того как с 27 до 30 апреля Хукер двигался в направлении на запад, 1 мая он решил двинуться обратно на восток, однако лишь в течение, примерно, 3 часов, — до церкви Тейбернакль и Бенк-Форта на р. Раппаханок. Между этими двумя пунктами находилась открытая местность, в то время как дальше до Фредериксбёрга снова простирался дремучий лес. Когда на этой открытой равнине Хукер столкнулся с конфедератами, он надеялся, что находится достаточно близко от армии Сэджвика, чтобы совместно с нею взять Ли в клещи. На открытой местности его превосходство должно было проявиться в полной мере. Хукер видел перед собою линию между церковью Тейбернакль и Бенк-Фортом, когда в своем приказе по армии он заявил, что избрал местность, на которой противник должен драться, если он вообще осмелится принять бой, и что в этой местности он будет уничтожен.

Ли повезло: почти немедленно после того как приказ по армии унионистов достиг частей, для которых он был предназначен, — он попал в руки конфедератов. Изощренный в библейских текстах Джексон комментировал этот факт ссылкой на обращение Ахава к Бернха-

даду: «Не тот должен ликовать, кто надевает доспехи, а тот, кто их снимает». Джексон имел основание для хорошего настроения: уже с утра 1 мая стоял он со своими войсками на той именно равнине, которую Хукер предназначал для себя — между церковью Тейбернакль и Бенк-Фортом. Имея с собой главные силы войск, направленных Ли против армии Хукера, Джексон отбросил головные части последнего, когда они приблизились к позициям, которые должны были образовать исходное положение для унионистского наступления с двух направлений. Если бы у Хукера было столько же решимости, сколько ума, он двинул бы свои основные силы в оживленный бой, который уже образовал огневую линию на протяжении 2—3 *км*. Иметь возможность со 184 батальонами атаковать 106 батальонов на открытой местности — это был случай, который, пожалуй, вряд ли мог повториться. Но Хукер чувствовал себя обескураженным тем, что противник предупредил его в занятии местности, которой он твердо рассчитывал достигнуть со своей армией раньше, чем тот успеет это сделать. Он забыл, что очертания, которые принимает широко задуманная операция при ее осуществлении, определяются обычно не только волей ее инициатора, но также и действиями его противника и другими непредвиденными факторами. Иначе ведь было бы очень легко выиграть такое сражение, как при Кениггреце. Под влиянием замешательства, вызванного не поддающимся воздействию ходом событий, Хукер отчаялся в возможности установить контакт с Сэджвиком, — возможности, которую он до этого, находясь в приподнятом настроении безудержного планирования, считал осуществимой. Начать сражение только со 184 батальонами, после того как правительство предоставило ему еще 84 батальона, — на это Хукер не мог решиться, подобно Куропаткину в 1904 г. в войне против японцев. Он предпочел лучше вообще отказаться от наступления с двух направлений и приказал Сэджвику прислать ему один из имевшихся у того двух корпусов, после того как этот корпус вернется на северный берег Раппаханока. Сэджвик должен был остаться на южном берегу со своим корпусом, чтобы там демонстрировать и прикрывать железную дорогу Фредериксбёрг, Потомак, по которой Потомакская армия получала свое снабжение. Таким образом, у Чанселлорсвилла сосредоточились 223 батальона. Ли располагал на линии от церкви Тейбернакль до Бенк-Форта лишь 106 батальонами, так как 24 он оставил в старых окопах около Фредериксбёрга.

Раньше чем один корпус расформированной уже армии Сэджвика достиг Чанселлорсвилла, наступило 2 мая. Тем временем Ли придал своей позиции между церковью Тейбернакль на западе и фредериксбёргскими окопами на востоке очертания, предвосхищавшие тактические приемы, имевшие всемирно-историческое значение. Ли является отцом легких полевых укреплений нового времени. Он приказал ген. Эрли, расположившемуся против корпуса Сэджвика, скорейшим образом наглухо преградить все имевшиеся выходы из леса. На всех участках, благоприятствовавших обороне, были устроены окопы. Их можно было обшить лесом, который для этой цели не приходилось пилить, так как он лежал кругом в неисчислимых количествах. Опираясь на эти укрепления, 24 батальона ген. Эрли располагали, по убеждению Ли, достаточной силой, чтобы в течение продолжительного времени сковывать 45 батальонов Сэджвика. Ли отдавал свои распоряжения о наступлении в состоянии полной умственной свободы. Он не ощущал

беспокойства из-за того, что у него в тылу находился неприятельский корпус, против которого он мог выставить лишь вдвое более слабые силы. Его не тревожило также и то обстоятельство, что ему надо было наступать против вдвое превосходившего его численностью неприятеля. Насколько безнадежным казалось его предприятие, свидетельствует следующее заявление Хукера: «Моя позиция при Чанселлорсвилле была настолько хороша, насколько вообще возможно найти такую позицию в этой однообразной местности. Заняв ее, я рассчитывал, что в моих руках находятся 80% шансов на победу».

Стратегические условия редко бывают настолько безнадежны, чтобы они не давали полководцу известных шансов на успех. Хукер говорит об однообразном характере местности под Чанселлорсвиллом. Он имел при этом в виду то, что, хотя он и мог опереться своим левым крылом на Раппаханок, однако его правое крыло не находило никакой точки опоры на местности и повисало в воздухе. Конфедераты в обоих сражениях у Буль-Рёна и под Фредериксбёргом занимали позиции, которые были столь же «однообразны», а может быть, еще «однообразнее», нежели позиции Хукера, и тем не менее они победили; Розкранс у р. Стон тоже занял такую же «однообразную» местность и все же, в конце концов, нанес поражение Браггу. Как бы то ни было, правый фланг Хукера был его слабым местом. Охватить его здесь — это и было идеей сражения, которую проводил Ли. Конфедераты выдвинулись до линии, которая проходила от Кетринс-Фернейса до ручья Мотт. Против них от Доудэлс-Инна до Раппаханока был расположен лагерь унионистов.

После того как Хукер отказался от наступления с двух направлений, он вообще хотел уже не наступать, а держаться оборонительно-наступательной тактики. Он занимал позицию, которая казалась ему, в общем и целом, очень сильной; поэтому действительно ничего нельзя было возразить против того, что он предоставил инициативу нападения неприятелю. Он отдал своим шести командирам корпусов приказ соорудить окопы, лично объехал на рассвете 2 мая всю линию фронта, исправил ее в некоторых пунктах и предписал максимальную бдительность. По возвращении Хукера в главную квартиру ему было доложено, что целый корпус конфедератов передвигается вдоль его фронта «со всеми своими обозами». «Ли находится в полном отступлении на Гордонсвилл, — сказал Хукер одному из своих командиров корпусов, — и я отправил Сиклса (командир одного из корпусов) захватить его артиллерию». Совершенно в таком же смысле Хукер телеграфировал и в Фалмут Сэджвику.

К немногим шансам Ли относилось превосходство его конницы над унионистской, вызванное промахом Хукера. «Деятельная неутомимая конница Стюарта, — утверждает один из унионистских корпусных командиров, — покрыла густой завесой все движения неприятеля. Так как унионистскую кавалерию держали вдали от лесов, расположенных к югу от Доудэлс-Инна, у корпуса Сиклса создалось ошибочное впечатление, что передвижение конфедератов означает отступление к внутренним железным дорогам Виргинии и верховьям р. Анна. В действительности же они заходили унионистам во фланг. Этой операцией руководил Джексон. Он располагал 70 из 106 батальонов Ли и передвигался скрытыми лесными дорогами, знакомыми только местным уроженцам. Маневр, осуществляемый левым крылом конфедератов, отнял целый день, однако правое крыло под командой Ли не остава-

лось тем временем в бездействии, как правый фланг Брагга в сражении при р. Стон. 36 батальонов Ли перешли в яростное наступление и приковали к себе 117 неприятельских батальонов, включая и корпус Сиклса, который должен был столь легко овладеть артиллерией конфедератов. Как укоризненно замечает Хукер, ген. Сиклс дал себя задержать встретившемуся на его пути болоту и небольшой речке. Но местность впереди фронта Хукера была вообще неудобна; именно поэтому он и считал свою позицию настолько выгодной, что надеялся иметь в своих руках 80% шансов на победу. Безлюдные окрестности Чанселлорсвилла назывались «Уилдернесс», т. е. глухая местность, и этим именем иногда называют сражение, которое мною здесь описывается. Однако, в большинстве случаев его называют именем одиноко расположенной фермы —Чанселлорсвилл. Дремучий лес кругом нее состоял главным образом из небольших жалких дубов, которые сплетались с кустарником в густую, зачастую непроходимую чащу. Всадник,— заявляет Хукер,— с трудом мог пробраться через нее, пехотинец же не был в состоянии взять ружье на плечо, а должен был держать его в руке. Правда, местность была не везде одинаково сильно пересечена, и как с севера на юг, так и с востока на запад через лес были проложены дороги и тропинки. Таким образом, между правым крылом Ли и тремя корпусами противника смогли развернуться тяжелые бои, продолжавшиеся весь день.

Только к вечеру левый фланг конфедератов приблизился в своем фланговом движении к Доудэлс-Инну. Так как служба сторожевого охранения унионистов мало улучшилась со времен сражения при Шилс, батальоны Джексона и на этот раз остались незамеченными. «Служба дозоров, служба рекогносцировки и разведки оказались негодными»,— замечает ген. Хоуард, командир корпуса, составлявшего крайний правый фланг унионистской армии. В соответствии со своим пристрастием к ударной тактике Джексон заставил свои 19 000 чел. построиться таким же образом, как русские строились в Крымскую войну или австрийцы в 1866 г. Конфедераты стояли колонной в 10 шеренг глубиной; каждая шеренга шириной в 1 900 чел. При этом рассчитывали на залпы только первых двух шеренг; после этого вся масса солдат должна была устремиться вперед бегом под огнем противника и, как было принято говорить, победить штыком [1]. С трудом продвигалась колонна конфедератов: «Как облако пыли, которое гонит впереди себя приближавшаяся гроза, сказывалось ее первое живое воздействие на массу перепуганных кроликов, белок, перепелок и прочей дичи, которая пыталась спастись в соседних прогалинах. Из-за непроходимости девственного леса колонна местами сбивалась в густую массу людей. Голове колонны потребовалось три четверти часа, чтобы достигнуть сторожевого охранения унионистов».

Давно устарелая ударная тактика еще раз имела в этой дикой местности решающий успех, отчасти потому, что противник был застигнут врасплох, отчасти же — по одной особенной причине. Вызванная нападением паника могла и не стать роковой для расположенного

[1] Дельбрюк, История военного искусства, т. IV: «До настоящего штыкового боя дело почти никогда не доходило; в момент, когда наступающая часть действительно приближалась, защитники уже прекращали сопротивление. Надо же внушить этим парням, — писал однажды Фридрих, — что их собственная выгода состоит в том, чтобы добраться вплотную до противника, и король им ручается, что враг их не тронет».

здесь унионистского корпуса Хоуарда, если бы последний мог укрыться за полевыми укреплениями. Но полевых укреплений при Доудэлс-Инне устроено не было, ибо Хукер здесь еще раз набросал картину предстоящих событий, не приняв в соображение всех возможных шагов своего противника. Хукер считал бесспорным, что после отражения натиска конфедератов он сам перейдет в контрнаступление своим правым крылом. Повидимому, по этим соображениям он не придавал никакого значения оборонительным мероприятиям на этом участке. С рассветом он объехал верхом всю свою позицию и проверил окопы. То обстоятельство, что на участке корпуса Хоуарда никаких окопов устроено не было, встретило с его стороны молчаливое одобрение. Когда затем, после его возвращения в штаб-квартиру, Хукеру было доложено, что неприятель двигается вдоль правого унионистского фланга, он, якобы, дополнительно приказал корпусу Хоуарда построить полевые укрепления против нападения с запада. Депеша, отправленная по этому поводу, существует: она помечена 9 час. 30 мин. Напечатан также и письменный ответ ген. Хоуарда, данный в 10 час. 30 мин. Этот ответ гласит, что меры защиты, необходимые на случай нападения с запада, приняты.

Тот факт, что оба эти документа существуют, еще ничего не доказывает недоверчивым критикам относительно их содержания; они могли быть подделаны значительно позже 2 мая 1863 г. для оправдания Хукера. Битва при Доудэлс-Инне протекала таким образом, что целые унионистские батальоны были просто сметены фланговым огнем неприятельской колонны, другие оказались под огнем с тыла и только с трудом могли повернуть свой фронт; короче говоря, наряду с отсутствием маневренной способности частей, налицо несомненная недостаточность мер, принятых командованием перед боем. Почти само собою понятно, что как Хукер, так и Хоуард испытывали настоятельную потребность свалить с себя ответственность за несооружение окопов. Обе упомянутые депеши достигают этой личной цели; однако, по существу остается в силе тот факт, что на наиболее угрожаемом участке унионистской позиции не были устроены окопы и что вследствие этого корпус Хоуарда был отброшен назад на 3 *км* с потерей 27% личного состава и с полной утратой боеспособности на все время сражения. Вина за это должна была лежать на каком-либо из генералов, и если исключить Хукера и Хоуарда, то ответственным за это остается только командир дивизии, расположенной на крайнем правом фланге армии. Это был Карл Шурц, участвовавший в Баденском восстании 1849 г., но никогда не служивший офицером. В корпусе Хоуарда, состоявшем в большинстве из немцев, он командовал дивизией. В своих мемуарах он при помощи весьма убедительных доказательств отвергает подозрения, выдвинутые против него, как против иностранца, в особенно большом числе[1]. Тем не менее, независимо от того, следует ли приписать пренебрежительное отношение к оборонительным сооружениям ему, или же эту ошибку совершили те два генерала, — во всяком случае мы должны констатировать, что на стороне унионистов необходимость сооружения полевых укреплений вообще не была еще полностью усвоена. Ведь и Розкранс почти был

[1] Работа Клода Мура Инесса, Карл Шурц (Claude Moore Iness, Carl Schurz), изд. в Нью-Йорке, вряд ли способствует в какой-либо мере выяснению фактического положения.

разбит в сражении у р. Стон из-за того, что один из его флангов повис беззащитным в воздухе. Да и на стороне конфедератов разве один только Ли имел на это дело достаточно ясный взгляд и, наряду с тактической проницательностью, обладал умением уделять внимание служебным деталям, чтобы до конца проводить практически в жизнь то, что он теоретически признавал правильным.

Хотя конфедератам и удалось расправиться с корпусом Хоуарда, они не достигли 2 мая особенно крупных результатов, ибо у Хукера имелось достаточно войск, чтобы в тех местах, где его боевой порядок оказался охваченным, пойти на образование уступа. Колонна Джексона давно уже распалась на стрелковые цепи. Огонь унионистской артиллерии, направляемый с этой уступообразной позиции прямо в горящий лес, деморализовал конфедератов. Треть личного состава левого крыла конфедератов была убита или ранена в этом сражении; в дивизии Даниэля Хилла, уже ранее оставившей на полях сражений свыше 100% своего наличного состава, считая в том числе ее пополнения, потери превысили треть. Джексон пытался собрать свои физически и морально расшатанные отряды и был при этом смертельно ранен своими же стрелками.

Для того чтобы правильно оценить действие атаки, необходимо принять во внимание не только моменты объективного порядка, но и учесть также значение субъективных моментов. Неожиданность, которую конфедераты приготовили ему на его правом фланге, подействовала на Хукера ошеломляюще. После того как он пришел в себя, он все еще не был в состоянии разобраться в действительном положении дел настолько, чтобы дать правильные распоряжения. У Чанселлорсвилла стояли друг против друга 223 унионистских батальона и 106 батальонов конфедератов [1]. Ли ввел уже в дело последнего солдата и последнюю пушку, в то время как Хукер располагал для продолжения сражения на следующий день еще 94 нетронутыми батальонами. Таким образом, немногого нехватало для образования второй армии, которая была бы по численности равна армии конфедератов. Ее свежесть десятикратно окупила бы недостаток нескольких батальонов. На участке, где левый фланг Ли прорвал корпус Хоуарда и где следовало ожидать 3 мая окончательного решения, была относительно открытая местность. Если бы здесь на рассвете Хукер предпринял наступление, положение Ли оказалось бы очень стесненным и тогда вряд ли можно было бы признать неправильной уверенность Хукера в том, что своей оборонительно-наступательной тактикой он обеспечивает себе 80% шансов на победу. Историку относительно легко это признать, поскольку он в состоянии знакомиться и пользоваться источниками обеих сторон и выносить свой приговор в спокойствии. Для полководца это труднее, так как он не знает, что делается у противника; в собственных частях, переживших тяжелые испытания, господствует после боевого дня такое замешательство, что даже острый глаз не легко в нем разберется; решения приходится принимать быстро, на основе не очень достоверных фактов и цифр, под давлением забот, с нервами, напряженными до последнего предела. Среди такого многообразия моментов, способных ввести в заблуждение, Хукер уже не был в состоянии найти ясную линию поведения. Несмотря на наличие

[1] Не считая боевых частей обеих сторон, сосредоточенных под Фредериксбёргом.

у него нетронутых частей, он, очевидно, отчаялся в возможности предпринять наступательный контрудар, ибо вечером 2 мая приказал соорудить оборонительные позиции, правое крыло которых проходило всего лишь в 800 *м* западнее Чанселлорсвилла. Он считался, таким образом, с возможностью отступления своей армии. В течение ночи и утра следующего дня должны были быть построены три линии окопов. Оборонительная позиция должна была загнуть оба фланга и опереться своим правым флангом в Рапидан, на небольшом расстоянии от того места, где он впадает в Раппаханок, а своим левым флангом — в эту последнюю реку.

Хукер не знал уже больше, что он делает. Одновременно с сигналом о сдаче он приказывал трубить в фанфары к наступлению. Он телеграфировал Сэнджвику, предлагая ему атаковать конфедератов у Фредериксбёрга и двигаться на Чанселлорсвилл; тогда Ли, взятый между двух огней, должен будет погибнуть. Таким образом, Хукер в своем замешательстве вернулся вновь к мысли о наступлении с двух направлений, от которой он отказался без всяких оснований. Тем временем, однако, он лишил ген. Сэджвика одного из его двух корпусов, и этот корпус расположился сейчас около Чанселлорсвилла, где его не собирались использовать для наступления, а вместе с другими частями предполагали оттянуть на оборонительные позиции.

Депеша, адресованная Сэджвику, была отправлена 2 мая в 9 час. вечера и прибыла в 11 час. на место назначения. Сэджвик, очень энергичный солдат, немедленно двинул свой корпус, отправившись в ночной марш через дремучий лес. Естественно, что это движение происходило медленно, однако с рассветом войска увидели Фредериксбёрг. В 11 час. утра был взят штурмом холм Мэрие, у которого унионисты потерпели такое ужасное поражение в декабре предыдущего года. Ген. Эрли был слишком слаб, чтобы удерживать свою позицию дольше четверти часа, однако унионистам пришлось переправляться через канал непосредственно под неприятельским огнем, и они понесли жестокие потери, достигшие у некоторых батальонов 35—40% их состава. К моменту, когда ген. Эрли очищал Фредериксбёргские позиции, его части совершенно не пострадали в моральном отношении, так что они вполне были в состоянии соблюдать тактические указания, предписанные им Ли. Как бы то ни было, примерно с 1 часа пополудни, Ли все же находился под давлением наступательного движения Сэнджвика, ибо в это время конфедераты сочли необходимым оттянуть свои части от Бенк-Форта. Если рассматривать положение объективно, следует признать, что оно становилось все более благоприятным для унионистов; однако, как оценивал его Хукер? Здраво рассуждая, он мог ожидать корпус Сэнджвика лишь к вечеру, но уже с раннего утра он стал нетерпелив, не слыша в восточном направлении звуков артиллерийской канонады, и у него создалось впечатление, что он оставлен на произвол судьбы. Ли же, несмотря на свою слабость, опять не побоялся отдать приказ об энергичном наступлении по всей линии от Доудэлс-Инна до ручья Мотт-Брук. Озабоченный Хукер прислонился к колонне портика, украшавшего, как это вообще принято было в помещичьих усадьбах Виргинии, дом владельца Чанселлорсвилла. Тут в него попало пушечное ядро, и он упал. Рядом с ним стоял Коуч, тот из командиров корпусов, который по старшинству имел право на верховное командование, в случае если с главнокомандующим что-нибудь случится. Он признает, что пришел тогда

в ужас при мысли, что ему придется сейчас руководить потерпевшей поражение армией. Ибо и для Коуча казалось очевидным, что уже сейчас, в 9 час. 15 мин. утра, Хукер считал игру проигранной. Сам он, правда, еще не получил приказа об отступлении; однако уже некоторое время до этого он видел, как передвигались в обратном направлении полевые значки штаб-квартир двух других корпусов. После того как Хукер, потерпевший лишь контузию, пришел в себя, был отведен назад и корпус Коуча. Вообще между 10 и 12 час. утра унионистские части занимали подготовленные для них оборонительные позиции, над которыми еще лихорадочно работали лопатами и топорами. Генералы Хукера были рады, что их не теснил противник. Они приписывали это исключительно тому, что леса, очищаемые их войсками, частью стояли в огне. Многих раненых, которых унионисты оставили в лесах, застигла ужасная смерть в пламени.

Вместо того чтобы скрываться за своими окопами, Хукеру следовало уяснить себе, что его тактика должна определяться только следующей альтернативой: выделил ли Ли какие-либо части против Сэджвика или нет? В последнем случае следовало ударить по войскам Ли, чтобы связать его силы и сделать его беззащитным, когда Сэджвик ударит ему в тыл. В первом случае надо было тем более ударить по войскам Ли, потому что Хукер был обязан ослабить нажим на Сэджвика. Тот факт, что Хукер не выполнил этого своего долга, привел корпус Сэджвика в опасное состояние и причинил ему тяжелые потери. Ибо в ночь со 2 на 3 мая Ли окопался, так же, как и его противник, и направил на следующий день большую часть своего правого крыла к ген. Эрли. Основная масса армии конфедератов свелась в результате этого смелого решения к 86 батальонам против 223 батальонов Хукера, но зато Эрли имел в своем распоряжении у церкви Салем 44 батальона против 45 батальонов Сэджвика. Благодаря несравненному военному искусству Ли он был в этом месте так же силен, как и его противник, хотя его армия и была вдвое слабее.

Сэджвик ничего не знал о подкреплениях, которые были стянуты к Эрли, и рассчитывал, что ему удастся захватить окопы, которые Эрли, согласно полученным инструкциям, построил около церкви Салем, с такой же легкостью, как и холм Мэрие. Когда же после короткого боя Сэджвик убедился, что он вгрызается в гранит, и остановил наступление, четверть его корпуса уже лежала на поле сражения. Этой ценой было куплено лишь то, что Бенк-Форт был крепко захвачен в унионистские руки. Здесь Сэджвик навел понтонный мост через Раппаханок и оказался, таким образом, на более близком расстоянии от основной части унионистской армии, с которой он все время поддерживал телеграфную связь. Такими скудными результатами закончился второй день сражения, в который долго подготовлявшаяся Хукером операция должна была бы, по его замыслу, увенчаться уничтожающим наступательным ударом. Ли теперь уже ничего не боялся со стороны Хукера и считал, что с ним можно позволить себе все, что угодно. В ночь на 4 мая он передвинул к Эрли остаток своего правого крыла и остался против 223 батальонов Хукера всего лишь с 70 батальонами, причем с наступлением дня он со все возрастающей тщательностью улучшал свои окопы. У церкви Салем Эрли имел 4 мая 60 батальонов против всего лишь 45 батальонов Сэджвика. Пожалуй, если бы Ли командовал на этом участке, он атаковал бы Сэджвика. Так как Сэджвик окопался, Эрли не осмелился атаковать его и сделал

то же самое, что и его противник. Вся эта глухая местность была изрыта окопами. Эрли мог каждую минуту перейти в наступление, и Сэджвик направил в Чанселлорсвилл настойчивый призыв о помощи. Тогда Хукер, как он заявляет, попытался путем многочисленных демонстраций вызвать противника на выступление, но Ли не принял вызова. Этого и нельзя было ждать. Уже четвертая часть армии конфедератов полегла на поле сражения. С 70 столь сильно пострадавшими батальонами Ли не мог уже предпринять никаких активных действий, тем более что унионисты прикрылись тремя рядами окопов и двумя реками. «Si duo faciunt idem non est idem» (если двое делают одно и то же, это не одно и то же). Пассивность Ли привела конфедератов к победе, пассивность Хукера привела к растрате тех 80% шансов на победу, которые он по праву себе приписывал. Сэджвик получил ответ, что Хукер ничего не в состоянии для него сделать и что его корпус может расположиться так, чтобы между ним и неприятелем лежала р. Раппаханок. Это и было осуществлено в ночь с 4 на 5 мая. После полудня 5 мая прошли сильные ливни, и вода в Раппаханоке поднялась настолько, что мостам стала угрожать опасность. Тем не менее, в ночь на 6 мая основная масса армии Хукера смогла переправиться через реку вслед за корпусом Сэджвика. Примерно через 14 дней после своего выступления разбитая армия снова расположилась около Фалмута.

Хукер впоследствии высказался исчерпывающим образом относительно причин своего поражения. Это, однако, было сделано много лет спустя после описанных выше событий, и может возникнуть вопрос, не отразилось ли время на способности Хукера судить об этих вопросах и не обесценило ли оно его высказывания. Сами по себе подобные, основанные на критическом отношении к источникам, сомнения, методически, пожалуй, обоснованы; однако, показания, которые Хукер дает о своем командовании армией, совпадают с общеизвестными фактами и объясняют их. Хукера спрашивали, почему 3 и 4 мая он не наступал, несмотря на то, что у него было еще столько свежих частей, в то время как войска расположенного непосредственно против него неприятеля все более таяли вследствие отправки частей к церкви Салем. На этот вопрос Хукер ответил следующее: «Очевидно, правильно было бы поступить именно таким образом. Однако, мы находились в этой непроходимой лесной чаще. Противник быстро укреплял все дороги и выходы из леса и выдвигал массами свою артиллерию, господствовавшую над всеми подступами; таким образом, с уменьшившимся количеством войск Ли мог легко удерживать свои позиции тем, что он оцепил меня, и для меня представлялось совершенно невозможным маневрировать моими частями».

Вследствие того что Потомакская армия не умела маневрировать и этот ее дефект находился во взаимодействии с недостаточными способностями ее полководцев, были позорно проиграны три больших сражения. Правда, в войсках Хукера, так же как и его предшественников, не было недостатка в храбрости: около 17% боевого состава частей, попавших под огонь, были убиты или ранены, всего 8 000 чел.; однако, эти части насчитывали 46 000 чел. пехоты, конфедераты же захватили не 8 000, а 31 000 ранцев! Таким образом, отход армии Хукера происходил в обстановке такого же беспорядка, как год назад во время флангового марша армии Мак-Клеллана. Недисциплинированности рядового состава вполне соответствовало и неповиновение

высших чинов. Моральное разложение армии достигло таких пределов, что военный министр счел более правильным распустить 58 батальонов из общего числа 268 батальонов Хукера, чем послать их еще раз против неприятеля. В руководящих кругах Потомакской армии, где точнейшим образом разбирались в ошибках командования и недостатках организации, принцип авторитета командования расценивался тоже весьма низко, и Фалмут был свидетелем второго возмущения генералов. Под предводительством Коуча они заявили правительству, что Хукер должен уйти, так как он потерял доверие армии; последняя желает, чтобы верховное командование было возложено на Коуча или на Мида. Коуч был настолько мало приемлем для Вашингтона, что не только не могло быть речи о предоставлении ему верховного командования, но он потерял и тот командный пост, который занимал до того. Мид командовал корпусом, который под Чанселлорсвиллом не был введен в бой, и правительство было готово дать ему это назначение; один лишь президент из страха перед мощными покровителями Хукера, имевшимися в составе кабинета, медлил с резким смещением его с должности. Хукеру делали намеки, чтобы он сам подал в отставку; однако, он игнорировал эти намеки, ибо жил уверенностью, что ему скоро удастся победоносным сражением восстановить свою воинскую честь. Дело в том, что Ли готовился к вторичному вторжению в Мэриленд и Пенсильванию, и Хукер предполагал, что оно закончится не более удачно, нежели первое вторжение у ручья Антитэм. Во всяком случае, конфедераты собрали сейчас армию не на много бо́льшую, нежели осенью 1862 г. Через 4 недели после встречи у Чанселлорсвилла армия Ли насчитывала 69 000 солдат и 6 000 офицеров,— соотношение, свидетельствовавшее о продолжавшемся сильнейшем дезертирстве.

Ли в свою очередь имел намерение двинуться в Мэриленд из долины Шенандоа, и таким образом от Фредериксбёрга и Фалмута операции передвинулись на запад. В связи с этим 9 июня под Кюльпепером дело дошло до боя, о котором встречается много упоминаний в германской и американской военной литературе, несмотря на его безрезультатность. Здесь встретилось 8 000 унионистских всадников с 9 000 конфедератов. В одном из унионистских источников можно прочитать, что до этого конница обеих сторон сражалась всегда «as dismounted dragoons» (как спешившиеся драгуны) и что при Кюльпепере впервые происходили атаки в конном строю. Если, однако, изучить отчеты о Кюльпепере более подробно, то никаких атак не обнаруживается, а создается впечатление, что и в этом столкновении конница сражалась не в конном строю, а при помощи огнестрельного оружия; частью стрельба велась с лошадей, главным же образом,— после того, как всадники предварительно спешивались. При Кюльпепере как унионистская конница, так и конница конфедератов, повидимому, были совершенно лишены целеустремленного руководства. «Валы скачущих верхом людей», выражаясь словами Гете, распылялись, и не было среди них силы, способной нанести удар.

Между 22 и 25 июня конфедераты перешли Потомак около Шепердстауна и Уильямспорта, т. е. в том же месте, что и год назад. 25 июня Хукер также переправился обратно через реку в районе Эдуардс-Ферри; он расположился, таким образом, между противником

и Вашингтоном. Мы помним, что прошлой осенью армия Ли испытала колоссальное дезертирство, вызванное тем обстоятельством, что снабжение войск базировалось главным образом на магазинной системе, а подвоз из долины Шенандоа прекратился. Теперь, когда хлеба стояли спелые в полях, можно было жить за счет местных ресурсов, если только армия расположится на значительном участке. Поэтому авангард армии силой в 22 000 чел. под командованием ген. Юэлла дошел до Йорка в Пенсильвании, главные же силы — до Чемберсбёрга, удаленного от Йорка приблизительно на 95 *км*. Армия конфедератов растянулась вдоль этой длинной линии и пока что находила для себя пропитание. Только главные силы конницы оперировали в другом месте. Стюарт получил задание кружить с 5 000 чел. конницы вокруг армии Хукера, т. е. повторить маневр, который он с таким значительным психологическим эффектом осуществил против Мак-Клеллана. Однако, основная цель выделения конницы была на этот раз другая; также и отправка еще 2 000 всадников в противоположном направлении, в Кемберленд, отнюдь не имела целью разрушение железнодорожных мостов и пр., чем мотивировался этот рейд. Если Ли оставил непосредственно при себе лишь 4 000 всадников против 13 000 конницы Хукера, отослав 7 000 чел. далеко от себя для выполнения операций второстепенного значения, то эти меры (нашедшие слабое признание у историков) он принял под давлением обстоятельств. В сосредоточенном состоянии эти большие массы конницы нельзя было бы снабжать продовольствием из скудных запасов Ли.

Из распоряжений Ли у Хукера создалось впечатление, что боевые силы конфедератов находятся в разбросанном состоянии, и он думал, что наступил благоприятный момент отомстить за Чанселлорсвилл. Его собственные силы были сосредоточены между Фредериксбёргом и Харперс-Ферри. Он собирался направить четыре корпуса из семи имевшихся у него на Уильямспорт в тыл Ли. Такое же назначение получил и гарнизон Харперс-Ферри, занятого такими же силами унионистов, как и перед сражением у ручья Антитэм. Остальная часть унионистской армии предназначалась Хукером для того, чтобы атаковать противника фронтально, если он захочет повернуть к Уильямспорту. Если бы желание Хукера перейти в наступление было действительно вполне искренне, он осуществил бы этот многообещающий, но требующий смелости план операции, не испрашивая предварительно одобрения Халлека. В этом одобрении ему было отказано по тем же соображениям, которые заставили Халлека в предыдущем году отвергнуть стратегические планы Мак-Клеллана на Виргинском полуострове. Вашингтон хотел, чтобы при всех условиях между этим городом и противником находились главные силы унионистов. Три корпуса из семи не удовлетворяли Халлека. После отклонения своего проекта Хукер, наконец, сделал одолжение правительству, подав прошение об отставке, — правда с мотивировкой, звучавшей почти бунтарски: «ввиду того, что ему не разрешают маневрировать со своей армией перед неприятелем». Осуществлять с этой армией смелые маневры было довольно трудно, и Хукер под Чанселлорсвиллом доказал, что он не тот человек, который сумеет устранить трудности, лежавшие в неповоротливости унионистской милиции. Сумеет ли сделать это Мид за 10 месяцев, шестой главнокомандующий, поставленный во главе Потомакской армии перед лицом неприятеля?

Со временем сражения под Фредериксбёргом, где Ли нанес Бёрнсайду ужасное поражение, не понеся сам серьезных потерь, оборонительно-наступательный метод прославлялся как у унионистов, так и у конфедератов в качестве идеала военной тактики. Новый унионистский главнокомандующий, как и Мак-Клеллан у ручья Антитэм, тоже не желал спасать столицу путем прямого наступления, а имел в виду занять оборонительные позиции позади ручья Пайп, предоставив противнику наступать на них. Форсированным маршем повел он свою армию из-под Фредериксбёрга к верховьям р. Пайп, — выполнив таким образом пожелание Халлека, чтобы армия постоянно находилась между Вашингтоном и неприятелем. Были возведены полевые укрепления; повидимому, однако, к Миду поступили сведения, которые склонили его к принятию точки зрения Хукера, что войска противника безнадежно раздроблены и что необходимо нанести им удар. Он отказался поэтому от оборонительно-наступательной тактики и приказал своим командирам корпусов перейти р. Пайп в направлении на Геттисбёрг.

Надежда Мида добиться, таким образом, сражения раньше, чем Ли сможет сосредоточить свои силы, была не обоснована. Стюарт вновь блестяще провел свой рейд вокруг неприятельской армии и полностью информировал Ли относительно передвижений унионистов, так что Ли был в состоянии концентрировать свои боевые силы перед неприятельским фронтом не слишком поздно, но и не слишком рано. Пунктом сосредоточения армии был тот самый городок Геттисбёрг, к которому утром 1 июля подошли головные части унионистской армии. Только 2 000 всадников конфедератов, которые были двинуты на Кемберленд, еще не достигли района Геттисбёрга. Это был недостаток, имевший гораздо меньший вес, нежели то обстоятельство, что преднамеренно «распыленную» армию можно было хорошо снабжать продовольствием. В результате этого количество конфедератов, которые дезертировали в районе к северу от Потомака, было очень незначительно. Под Геттисбёргом Ли располагал армией в 70 000 чел. Мид имел 93 000 солдат; это было для конфедератов гораздо более благоприятное соотношение сил, нежели то, к которому они привыкли.

Авангард унионистов в 18 000 чел. пехоты неожиданно наткнулся на армию конфедератов, насчитывавшую в непосредственной близости от этого пункта 25 000 ружей. Так развернулся встречный бой под Геттисбёргом, явившийся кульминационной точкой всей войны. Оба корпуса, входившие в состав авангарда унионистской армии, сражались в течение многих часов с превосходными силами противника, не получая подкрепления. Их командующий пал в бою, и они были отброшены на горную цепь к югу от Геттисбёрга. Там они смогли удержаться, так как Ли прекратил бой, чтобы стянуть все свои силы для решающего удара. Его дивизии, находившиеся еще позади, стремились ночным маршем прибыть из района между Геттисбёргом и Чемберсбёргом к полю сражения. Точно так же на другой стороне спешно направлялись сюда же колонны унионистов с южного берега р. Пайп. В полночь прибыл на фронт и сам Мид. Его манила победа. Он располагал 72 000 чел. пехоты против 55 000[1], 13 000 конницы — против

[1] Не принимая в расчет очень крупных потерь обеих сторон за первый день боя.

9 000, 370 орудий — против 290. При таком положении вещей следовало полагать, что на 2 июля он даст указания охватить противника с обоих флангов. Вместо этого он предпринял лишь оборонительные меры, ибо все его моральное мужество уже выдохлось. Подобно Хукеру, он думал лишь о своих собственных шахматных ходах, не наблюдая за действиями Ли, который ведь тоже участвовал в игре. Мид переправился через р. Пайп, потому что внушил себе уверенность, что ему обязательно удастся застигнуть противника врасплох, до того как тот сосредоточит свои силы. Однако, 1 июля его самого постигла участь, которую он готовил своему противнику. Подобные случаи, и даже худшие, происходили с величайшими полководцами, Наполеон при Маренго также не успел сосредоточить свои силы и из-за этого чуть не проиграл сражения. Сущность военного искусства состоит в смелости, которая должна регулироваться разумом, но никогда не должна им подавляться. Если же речь идет о проявлении смелости в неясной обстановке, то неизбежно и возникновение кризисов. Не было еще такого полководца, хотя бы самого выдающегося, который неоднократно не оказывался бы в критическом положении. Задача в том и состоит, чтобы выдержать этот кризис. Наполеон выдержал тяжелый кризис, создавшийся при Маренго; Хукер и Мид начинали нервничать уже в тот момент, когда их наступательный марш ставил их в критическое положение, которое хотя и возникало неожиданно, однако ни в коем случае не могло считаться очень угрожающим. Оба впали в состояние замешательства и неуверенности и предоставляли противнику оперативную инициативу, имевшую огромную ценность, в то время как сами они замыкались в пассивной обороне.

Еще в то время как конфедераты находились под Фредериксбёргом, Лонгстрит представил на утверждение Ли следующие основные принципы, которые последний одобрил: «Стратегическое наступление, тактическая оборона... Единственная имеющаяся у нас надежда состоит в применении военного искусства, превосходящего искусство противника... Победа сама по себе, без осязательных результатов ее, была бы роскошью, которой мы себе не можем позволить. Наша численность ниже численности боевых сил унионистов, и наши источники пополнения своих сил ограничены, в то время как у них они не ограничены... Настоятельно необходимо, чтобы теперь решал талант генералов, а не мускул против мускула. Нашей целью всегда должно быть: ослаблять моральное состояние унионистской армии и колебать доверие северян к руководителям Союза». При этом Лонгстрит указал Ли на Фредериксбёрг, как на идеал выигранного оборонительного сражения.

До Фредериксбёрга конфедераты дали четыре сражения в условиях, которые Лонгстрит считал нежелательными: у церкви Шило, у Бьютифул-Окс и Севн-Пайнз, семидневное сражение и сражение под Перривиллом. К этому присоединилось еще сражение у р. Стон. Правда, под Чанселлорсвиллом талант полководца конфедератов обеспечил выполнение требования Лонгстрита, имевшего целью поколебать военную выдержку северян, но это было наступательное, а отнюдь не оборонительно-наступательное сражение армии южан. Схема Лонгстрита не подходила, таким образом, для всех конкретных ситуаций; не соответствовала она и положению, сложившемуся под Геттисбёргом. Конечно, Ли охотно применил бы против Мида оборонительно-

наступательную тактику; однако, условия не позволяли ему применить тактику, которой он теоретически отдавал предпочтение. Мы знаем, какую искусственную стратегию Ли вынужден был применить, чтобы дать своей армии возможность хотя бы лишь 8 дней довольствоваться в Мэриленде и Пенсильвании. В Пенсильвании в 1870 г. проживало лишь 24 чел. на 1 *кв. км*, в Мэриленде еще несколько менее, в то время как, например, в мало населенной Восточной Пруссии тогда приходилось 49 жителей на 1 *кв. км* территории. Ли не мог подвергать свои части слишком большим лишениям. Значительная часть личного состава этих частей еще во время пребывания в Виргинии взяла себе так называемый отпуск или бежала каким-либо иным образом. Боевая сила батальона конфедератов составляла под Геттисбёргом всего лишь 325 чел. При переходе через р. Потомак армия Ли насчитывала 69 000 солдат и 6 000 офицеров. Отсюда видно, что количество офицеров вдвое превышало потребность, иными словами — что от одной трети до половины личного состава частей под какими-либо предлогами или самовольно покинули знамена. В штатах Мэриленд и Пенсильвания, с их относительно большим количеством обработанных земель, дезертирство до этого времени не было особенно велико; однако, Ли был так же мало в состоянии вести поглощающую много времени маневренную войну, как и Брагг под Луизвиллом. Теории Лонгстрита звучали убедительно, однако, практические соображения диктовали необходимость тактического наступления.

Боевая сила унионистского батальона была еще меньше, нежели у конфедератов, а именно — 300 чел. Слабость унионистских боевых единиц объясняется теми же причинами, которые действовали у их противников. Правда, снабжение армии съестными припасами не причиняло Миду никаких забот; с этой стороны, он спокойно мог не спешить с началом сражения, предоставив наступление своему противнику. Вместе с тем у него было достаточно сил, чтобы осуществить чисто наступательную стратегию. В этом случае, однако, ему необходимо было оставаться последовательным и не впадать в пассивную оборону.

Унионисты расположились в направлении с севера на юг, в местности к югу от Геттисбёрга, который находился в руках конфедератов. Однако, не здесь хотел бы Ли произвести охват своего противника; ибо большинство частей левого фланга конфедератов уже потеряло свою боеспособность в горячем столкновении 1 июля. Между тем, правое крыло конфедератов под командованием Лонгстрита находилось еще в походе. Он должен был охватить левый фланг унионистов. Таким образом, оперативное задание Лонгстрита было такое же, как и при втором сражении у Буль-Рёна. Как мы видели, на этом примере Лонгстрит был по своей природе человеком методическим, и его нельзя было заставить приступить к действиям, пока у него не было под руками всех его войск. Это его требование Ли с поспешностью удовлетворил в сражении при Буль-Рёне; под Геттисбёргом оно с еще большей силой вызвало в Ли то же чувство нетерпения. Говорят, он высказался при этом в том смысле, что, будь Джексон еще в живых и командуй он правым флангом конфедератов, действия этих частей имели бы совершенно иной размах. Такое душевное состояние главнокомандующего совершенно понятно, потому что он хотел добиться решения до того, как все боевые силы противника достигнут поля сражения. Все же историк не должен следо-

вать за теми критиками, которые утверждают, что Лонгстрит в качестве неприемлемого в данных условиях Кунктатора оказал роковое влияние на ход сражения. Эти критики сами признают, что 9 час. утра — это был самый ранний час, когда в день 2 июля Лонгстрит имел возможность начать наступление. В тот момент он располагал 12 000 чел. пехоты. Его задачей было захватить Маленькую круглую высоту, до которой простирался левый фланг унионистов. Здесь были расположены высоты и холмы, которые создавали великолепные позиции для унионистской артиллерии. Пехота окопалась; она насчитывала 19 000 ружей, против 12 000 ружей Лонгстрита. Прямая фронтальная атака не имела никаких шансов на успех, окружение же, которое с самого начала было предписано Лонгстриту, требовало времени при всех условиях. Между тем, новые части ген. Мида продолжали непрерывно прибывать к Геттисбёргу и направлялись на левый фланг.

Ли страстно стремился скорее начать наступление. Около 9 час. утра унионисты располагали лишь небольшим превосходством сил: они имели 58 000 штыков против 51 000. Правда, унионисты занимали сильные позиции, которые при помощи окопов они сделали еще более неприступными. Тем не менее, ранние утренние часы были относительно наиболее благоприятным моментом для наступления конфедератов; по мере же того как стрелка часов передвигалась дальше, их шансы все более и более ухудшались.

В полдень, после 9-часового форсированного марша, подошла последняя бригада, на которую Лонгстрит рассчитывал для своего наступления. Теперь он имел уже 14 000 ружей; однако, за это время к защитникам Маленькой круглой высоты прибыли еще несколько более сильных подкреплений, и они насчитывали уже 22 000 чел. пехоты. Принимая во внимание это соотношение сил, охватывающий маневр Лонгстрита можно было заранее считать довольно безнадежным. К этому прибавилось еще и то, что пехота конфедератов оказалась не намного подвижнее унионистской, так что на маневр Лонгстрита потребовалось около 4 часов. Возможно, что полководец вроде Джексона устранил бы какую-то долю этих препятствий силой своей личности, однако, и при нем наступление 14 000 чел. против 22 000 оказалось бы весьма мало обещающим предприятием. Ибо не надо забывать, что части, расположенные на Маленькой круглой высоте, находились в окопах, в то время как в сражении под Чанселлорсвиллом охваченный фланг унионистов ничем не был прикрыт.

На своем левом фланге Ли располагал дивизией, которая накануне не была введена в дело. Он расположил ее 2 июля таким образом, что у Мида появилось подозрение, что и его правому флангу угрожает охват. Мид приказал тогда одному из своих корпусов, расположенных на правом фланге, образовать уступ. Из сваленных деревьев и стволов корпус устроил себе полевые укрепления, хотя и не все полки имели с собой лопаты и мотыги, ибо систематическое возведение полевых укреплений стало постепенно находить применение только на основе практического опыта этой войны.

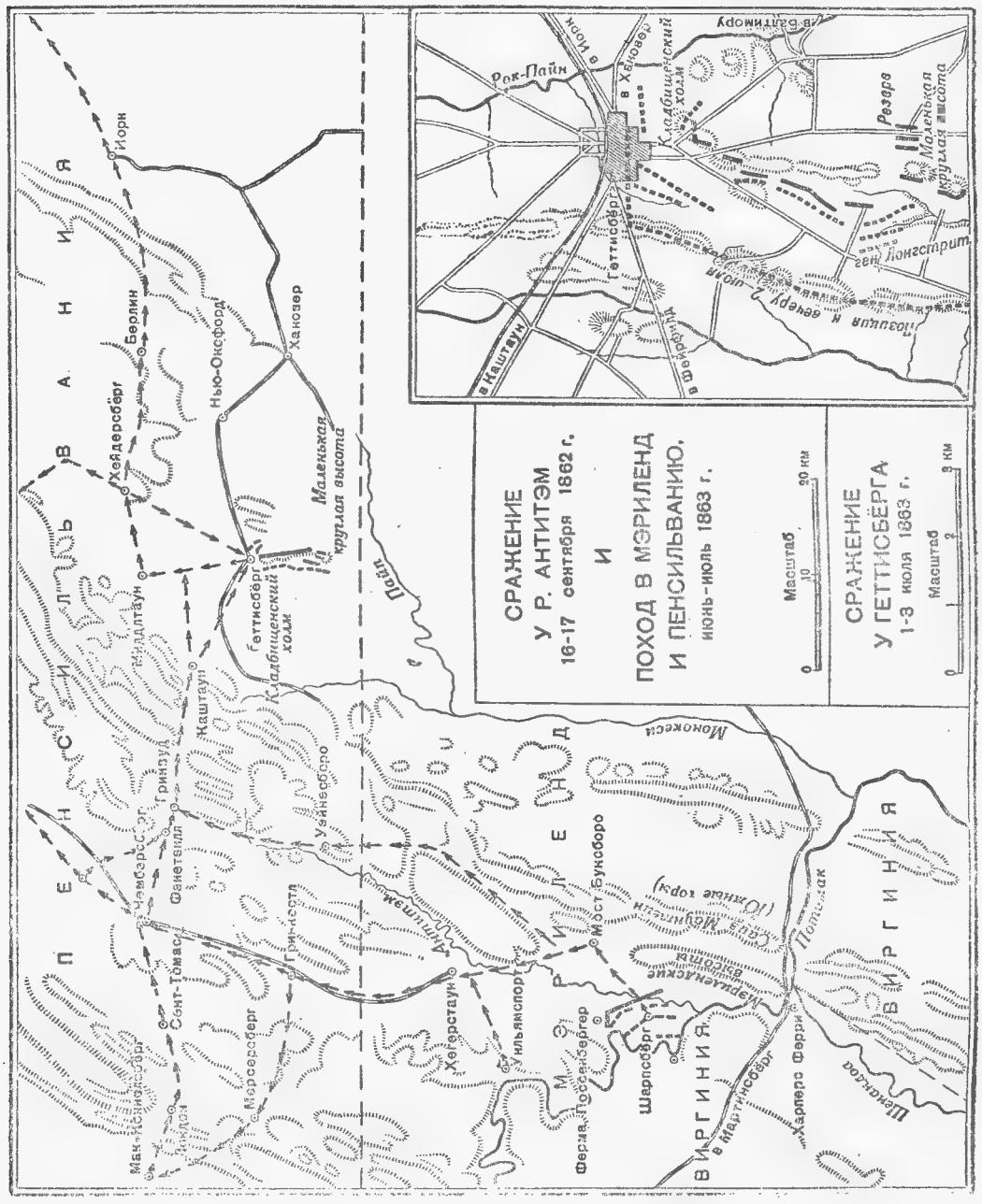
Уже во время своего оперативного бездействия в утренние часы Мид рисовал себе создавшееся положение довольно мрачными красками и на всякий случай приказал старшему кавалерийскому начальнику концентрировать кавалерийские полки для прикрытия отступления армии. Когда он увидел, что противник начал атаку, он телегра-

фировал в Вашингтон Халлеку, что если противник попытается зайти ему в тыл, он отойдет на позиции позади р. Пайп.

В 3 час. 30 мин. Лонгстрит вступил, наконец, в бой. Маленькая круглая высота представляла собой ключ к унионистской позиции. Было бы невозможно удержать эту позицию на всем ее протяжении, если бы Лонгстриту удалось заставить противника очистить упомянутую командующую высоту. Но каким образом это могло бы ему удаться? Вскоре после того как его 14 000 чел. перешли в наступление, к левому флангу унионистов подошли последние, отставшие до этого, колонны, и Маленькая круглая высота имела сейчас уже не менее 35 000 защитников! Если бы здесь не перешли от обороны к наступлению, то это было бы совершенно бесполезным нагромождением сил. Именно вследствие этого Мид располагал на остальных участках всего лишь 37 000 чел. пехоты, в то время как его противник, чтобы оказать помощь Лонгстриту, мог атаковать унионистов силами, насчитывавшими 41 000 чел. Это все еще не представляло собою для Мида опасного численного несоответствия, ибо унионисты повсюду окопались. Однако, конфедераты наступали с таким ожесточением, что Миду показалось, что его центру угрожает прорыв. Он подкрепил его частями, взятыми с правого фланга, которые он лично повел на угрожаемые участки. При этом под ним была убита лошадь. Эту свою блистательную храбрость он применил бы с большей пользой для своего дела, если бы, вместо того чтобы передвигать части правого фланга, он перешел с этими частями в фронтальное наступление и этим поставил бы под угрозу неприятельский центр, которого он так опасался.

Перегруппировка унионистских сил распространилась также и на корпус, расположенный на крайнем правом фланге и занимавший уступообразную позицию. К 6 час. вечера главные силы этого корпуса были отведены назад. Конфедераты заметили это, и свежая дивизия, которой Ли еще располагал на этом участке, перешла в наступление. Хотя эта дивизия вдвое превосходила противника своей численностью, однако, она не оказалась в состоянии прорваться, ибо подвергшиеся нападению части могли цепко держаться в окопах, наступившая же темнота скоро положила конец сражению. Во всяком случае, этот эпизод наглядно показывает опасность чисто оборонительной тактики. Нападающий обычно находит где-нибудь незащищенный участок, продвижение на котором угрожает вынудить защитников к отступлению. История знает мало сражений, выигранных с помощью чисто оборонительной тактики. К ним принадлежат сражения под Фредериксбёргом и Геттисбёргом. Под Геттисбёргом порыв и отвага наступающих разбились о численное превосходство защитников, хотя они сохранили последнее не на всех участках поля сражения. После того как бойня продолжалась до захода солнца, конфедераты были рады возможности беспрепятственно вернуться на те самые позиции, с которых они предприняли наступление. Тем не менее, Мид еще не чувствовал себя победителем. Характерным для его умонастроения является следующий факт. После того как стрельба прекратилась, он созвал свой военный совет. Последний состоял из 11 членов, а именно — 7 командиров корпусов, начальника штаба армии, командира саперного корпуса и 2 дивизионных командиров. Обсуждение происходило в порядке, принятом в военном суде, где первым высказывает мнение самый младший из генералов.

Начальник штаба написал на клочке бумаги три вопроса: 1. Должна ли армия отступать? 2. Если нет, то должна ли она наступать? 3. Если нет, то как долго должна она ожидать удара противника? Все при-



сутствующие подали голоса за ожидание, за исключением одного из командиров корпусов; этот генерал 1 июля командовал одним из корпусов, которые были разбиты почти до полного уничтожения. Также единогласно было отклонено наступление 3 июля. Единственный из командиров корпусов высказался за наступление, однако в очень неопределенной форме. Относительно вопроса «как долго?», содержащегося в третьем пункте, военный совет не мог притти к единому

решению; однако, между Мидом и его генералами не было никакого различия во взглядах относительно того, что не следует долго выжидать и что если противник не перейдет в наступление, необходимо вскоре отступить за р. Пайп. Эта необходимость не слишком откладывать отступление мотивировалась тем, что в противном случае унионистская армия будет вынуждена покинуть свои позиции под давлением маневров противника.

Этого-то как раз Ли не мог сделать, так как не имел магазинов. В общем, к вечеру 2 июля он был так же не уверен относительно результатов происшедшего сражения, как и его противник. Он полагал, что мужество последнего еще не сломлено, и считался с возможностью, что 9 июля против него будет предпринято наступление. Ему представлялось, что он должен опасаться подобной возможности, так как моральное состояние его армии сильно понизилось; не меньше 11% пехоты и артиллерии конфедератов попали под Геттисбёргом в плен нераненными. Чтобы скрыть от противника моральное состояние своих частей, Ли решился на отчаянное средство. У него оставалось еще 5 000 чел. пехоты, которые не были до этого введены в бой. Он решил обрушиться с этими частями 3 июля на противника, чтобы его запугать. В 1 час дня он открыл в центре своего расположения стрельбу из 150 орудий. Такое же количество унионистских орудий ответило ему. После того как в течение часа их не удалось заставить замолчать, обреченная на смерть дивизия Пикета, тем не менее, пошла в атаку против самого сильного участка унионистских позиций — Кладбищенского холма. Расстояние, которое должны были пройти конфедераты, составляло 1 300 *м*; эта местность лежала не только под фронтальным огнем упомянутых выше унионистских батарей, но обстреливалась также фланговым огнем других батарей с Маленькой круглой высоты. Вряд ли надо добавлять, что атака была отбита; дивизия была сметена картечным огнем, и больше 51% ее состава было убито или ранено.

Эти жертвы не были необходимы, ибо Мид все равно не стал бы наступать, несмотря на то, что в его распоряжении имелось 14 000 чел. свежей пехоты. Однако, относительно психологических предпосылок, действовавших в лагере противника, Ли не мог ориентироваться с такой точностью, как ориентируемся в них мы после ознакомления с заседанием унионистского военного совета вечером 2 июля. Мы знаем, что на этом заседании было принято решение об отступлении за р. Пайп, если только противник не перейдет на следующий день в наступление. Таким образом, Ли своим дорого стоившим ударом дивизии Пикета совершил как раз то, что удержало унионистов от признания сражения проигранным. Правда, если бы они признали его проигранным, такое торжество Ли, выражаясь словами Лонгстрита, было бы лишь роскошью, не соответствовавшей условиям, в которых находились конфедераты, ибо Мид, все равно, немедленно засел бы за р. Пайп.

Штурм Кладбищенского холма был ошибкой, так же как и штурм Мэлверн-Хилла и переход в наступление в «семидневном сражении».

Не считая дивизии Пикета, пехота и артиллерия конфедератов потеряли убитыми и ранеными 23% своего состава, и таких же размеров достигли потери частей этих же родов войск в унионистской армии. В обоих лагерях царили замешательство и уныние, и весь день 4 июля ушел на то, чтобы и тут и там привести войсковые части

в более или менее боеспособное состояние. Тактически сражение осталось нерешенным, но стратегически оно означало тяжелое положение конфедератов. Второй поход Ли на Вашингтон заканчивался, как и первый, отступлением, которое могло удаться только благодаря посредственности полководцев противника. 4 июля, после захода солнца, армия конфедератов двинулась на Уильямспорт. Особенно тяжело это отступление дало себя чувствовать обозу, который везли 10 000 животных и который растянулся на 27 *км*. Ген. Имбоден, прикрывавший обоз своим отрядом в 4 000 всадников, оставил нам потрясающее описание страданий раненых, которые тысячами увозились на безрессорных повозках, где лишь в редких случаях оказывалась охапка соломы, по первобытным лесным дорогам, под дождем и в грозу, лишенные почти всякого врачебного ухода. «В течение одной этой ночи,— говорил генерал,— я испытал, что значат ужасы войны, в большей степени, нежели за истекшие два года... Четыре часа спешил я вперед по пути на фронт, и все это время я непрерывно слышал стоны и крики раненых».

Ливни вздули воды р. Потомак на 10 фут. выше уровня, позволяющего переправляться вброд. Таким образом, обозу пришлось задержаться, после того как утром 6 июля все части подошли к Уильямспорту. Главные силы армии двинулись по другой дороге и достигли Уильямспорта лишь позднее. Тем временем Имбоден был атакован превосходными силами унионистской кавалерии, и обе стороны, согласно правилам американской кавалерийской тактики, вступили в бой в спешенном строю. Если бы этот бой закончился поражением конфедератов и они потеряли бы обоз, то это означало бы катастрофу. Ведь источники материальной помощи Юга были весьма скудны, и надежды удовлетворить потребности армии в зажиточной Пенсильвании дважды оказались призрачными. Однако, Имбоден продержался до вечера, когда подошел со своей дивизией Стюарт и обеспечил кавалерии конфедератов превосходство над противником. Теперь унионисты начали быстро отступать, и на следующий день остальные части армии конфедератов достигли Уильямспорта. Переправа через Потомак затянулась после этого еще на 6 дней, так что у Мида оказалось достаточно времени, чтобы отбить обратно у Ли 4 000 уведенных им пленных[1]. Однако, как бы скромны ни были стратегические и тактические достижения Мида, Ли проиграл Геттисбёргское сражение, так же как и Антитэмское.

[1] В общем унионисты потеряли, видимо, 6 000 нераненых пленных, т. е. 8% своей пехоты и артиллерии.

Глава VII

Возвышение Гранта

Борьба за Виксбёрг (16 апреля — 4 июля 1863 г.). — Сражения у Чаттануги (19—20 сентября 1863 г. у ручья Чикамауга и 24—25 ноября у р. Чаттануга)

Мы переходим сейчас с Восточного театра военных действий на Западный, с р. Потомак к р. Миссисипи. В общем, ход событий был здесь следующий: битва при Спрингс-Милл (январь 1862 г.) позволила унионистам удержать Кентукки, битва при Элкхорн-Тавери (март 1862 г.) — Миссури. Весной 1862 г. корпус конфедератов капитулировал у форта Донельсон, и Борегар проиграл сражение у Шило. В результате этого в руки унионистов перешла западная часть Теннесси. Одновременно произошли сражения на Миссисипи, завершившиеся в мае наступлением адмирала Фаррагута на Нью-Орлеан и в июне речным сражением у Мемфиса. Оба сражения закончились победой унионистов и обеспечили бы им господство над Миссисипи, если бы в руках конфедератов не остались крепости Виксбёрг и Порт-Гудзон. До тех пор пока здесь развевались знамена южан, между штатами Луизиана и Техас, к западу от Миссисипи, и основной территорией конфедератов, к востоку от этой реки, существовала обеспеченная железнодорожная связь. Прервать эту связь путем занятия обеих крепостей — являлось для унионистов стратегической задачей первоочередного значения. Однако, их операции на Миссисипи приостановились на три четверти года, так как унионистам нехватало сил для этого второстепенного театра военных действий. Грант, который здесь командовал, был в состоянии подчинить себе только штат Арканзас. В конце 1862 г. он располагал, наконец, 33 000 солдат для удара на Виксбёрг. Правительство не могло предоставить ему больше войск, так как Бёрнсайд в это время наступал на Ли у Фредериксбёрга, а Розкранс — на Брагга у р. Стон. Виргиния и восточная часть Теннесси, «ворота в сердце Конфедерации», являлись еще более важными по своему значению театрами военных действий, нежели район Миссисипи.

Грант поручил экспедицию против Виксбёрга ген. Шерману. Последний погрузил свои войска на суда в Мемфисе и высадился с ними к северу от Виксбёрга, находящегося на громадной низменности долины Миссисипи, на первой возвышенности к югу от Мемфиса, примерно на расстоянии 380 *км* от него. После своей высадки унионисты переправились через р. Язу, крупный приток Миссисипи. Конфедераты ожидали Шермана позади Чикасоу. Чикасоу — это «байоу», т. е. один из многочисленных рукавов столь изменчивой в своем течении Миссисипи. Позиции защитников Виксбёрга были слишком сильны, для того чтобы наступающие, с их незначительным численным превосходством, могли пробиться вперед; во всяком случае, это нельзя было осуществить тем способом, каким Шерман 27 декабря повел свое наступление. Дело в том, что унионисты повели только фронтальное

наступление, и части, участвовавшие в нем, потеряли убитыми и ранеными почти пятую часть своего боевого состава. После этой неудачи предприятие было оставлено, и в боевых действиях произошел перерыв до самой середины апреля 1863 г., так как тем временем наступил период наводнений, которые в тех местах охватывают иногда территорию обширнее Баварии, и притом в такой степени, что, например, около Мемфиса глубина воды может достигать 16 *м*.

Мы знаем, что Грант принимал смелые решения и осуществлял их. Этим он не добился особого доверия со стороны верховного главнокомандующего Халлека. Это относилось и к плану кампании, разработанному Грантом, после того как продвижение к р. Язу и Чикасоу не удалось. У Гранта создалось теперь впечатление, что местность к северу от Виксбёрга не годится для наступления и что крепость должна быть атакована с юга. Это свое убеждение Грант претворил в дело. Смелым и оригинальным в этом было то, что, располагая только 33 000 чел. против 37 000 чел. неприятельских войск, Грант не стал заботиться о безопасности своих коммуникационных линий.

Грант господствовал над Миссисипи при помощи эскадры из 8 военных кораблей. В ночи на 16 и на 22 апреля он прошел с ними мимо батарей Виксбёрга. Последние располагали только гладкостенными орудиями, снаряды которых не могли пробить броню военных кораблей. За последними, однако, следовали транспортные суда, которые вели за собой на буксире баржи. Это были плавучие склады продовольствия и боеприпасы. На них конфедераты сосредоточили свой огонь и часть их уничтожили.

Все же, в целом, прорыв удался, хотя он и представлял собою рискованное предприятие, которое не следовало повторять, тем более что надо было пробираться еще и мимо батарей Гранд-Голфа, расположенных на возвышенности к югу от Виксбёрга. Это удалось сделать в ночь на 29 апреля.

Таким же точно образом, как сейчас, были пройдены Виксбёрг и Гранд-Голф, за год до этого миссисипская флотилия унионистов пробралась мимо острова № 10. Однако, в этом году к смелому речному маневру присоединился еще и поход унионистских войск, которые от Мелликенс-Бенд на западном берегу реки двинулись к югу, не слишком заботясь о Виксбёрге, лежавшем на противоположном берегу. Войска продвинулись вперед на расстояние около 65 *км* по прямой. После этого войска были погружены на корабли и еще в тот же день в полном составе высажены на восточном берегу. Здесь было расположено селение Брюинсбёрг. Отсюда армия повернула снова на север и двинулась на Гранд-Голф. Нехватало еще больше трети войск, прикрывавших на западном берегу движение обоза. Части, переправившиеся на восточный берег, должны были в течение ряда дней обходиться без обоза. Боеприпасы были размещены на деревенских повозках, которые были собраны в течение 30 апреля при помощи реквизиций. Правда, много повозок было запряжено волами и мулами, но фураж для них имелся, по крайней мере, в изобилии. Войска привыкли сейчас носить продовольствие с собою, хотя раньше они возражали против этого груза. Этого запаса хватало на два дня. Кроме того, нельзя было выпекать хлеб. Реквизиции совершенно не дали муки, мельницы же в слабо населенном штате Миссисипи были такой же редкостью, как и в Миссури. Поэтому реквизиционные команды добывали лишь говядину и баранину, а также много сала и патоки.

Войска конфедератов легко переносили отсутствие хлеба; чтобы приучить к этому унионистов, требовалась такая сильная личность, как Грант. Только человек с его характером был в состоянии побороть также заботы, связанные с тем, что противник при помощи большой и малой войны препятствовал реквизициям, как это случилось и с Браггом вследствие действий войск Бьюэлла после сражения при Перривилле.

Укрепления Гранд-Голфа были сданы конфедератами без сопротивления. На возвышенности, на которой находилась эта крепость, Грант намеревался устроить склад, после чего действовать совместно с ген. Бенксом, оперировавшим к западу от Миссисипи в штате Луизиана. Армия Гранта была сосредоточена 6 мая в Гранд-Голфе, причем в этом месте находился и обоз с прикрывающими его частями; 7 мая Бенкс занял Александрию; оба эти пункта удалены друг от друга на 180 *км*. Если судить лишь по данным географической карты, совместные действия обоих генералов не должны были представить, таким образом, никаких затруднений. В действительности, однако, положение вещей было не так просто. 23 мая Бенкс появился перед Порт-Гудзоном, который, по соглашению между Бенксом и Грантом, должен был подвергнуться атаке раньше Виксбёрга. Если учесть трудности, с которыми связано передвижение войск на американской территории, следует признать, что Бенкс двигался отнюдь не так уж медленно. Тем не менее, Грант никак не мог дожидаться его у Гранд-Голфа, так как обстановка на стороне противника менялась у него на глазах. До сих пор Гранту приходилось считаться с наличием у противника лишь 30 000 чел. у Виксбёрга и 7 000 — у Порт-Гудзона. У него самого было 33 000 чел., кроме того, Бенкс мог привести ему еще 14 000. Располагая 47 000 унионистов против 37 000 конфедератов, Грант был бы склонен рискнуть на проведение операции против Порт-Гудзона. Удалась ли бы операция при таком соотношении сил, это был вопрос, однако это соотношение не сохранилось. Джозеф Джонстон собирался отправиться в Джексон, столицу штата Миссисипи, и здесь собрать дополнительные боевые силы. Грант не был в состоянии предвидеть, какие размеры примут эти приготовления. Он считал, однако, недопустимым предоставлять Джонстону свободу действий своим выжиданием в Гранд-Голфе, только для того, чтобы за это время стянуть к себе 14 000 чел. Бенкса. По его мнению, следовало при помощи имевшихся у него под руками войск обезвредить скопления конфедератов в районе Джексона; только после победы в открытом поле можно было думать об обеих крепостях и о тех боевых силах противника, которые могли в них скрываться. Таким образом, Грант снова действовал так же энергично и продуманно, как за год до этого около церкви Шило, где он предпочел, не дожидаясь подкреплений, занять угрожаемую позицию, вместо того чтобы своим бездействием дать противнику возможность усилиться до размеров, которые нельзя было заранее предвидеть.

Как уже было упомянуто, экспедиция против Порт-Гудзона должна была базироваться на складе в Гранд-Голфе, связь которого с Мемфисом и расположенным позади него унионистским тылом не была обеспечена, поскольку в промежутке между ними в Виксбёрге находились конфедераты. Если, однако, овладеть Порт-Гудзоном, то для более значительного из этих двух осадных мероприятий, а именно для осады Виксбёрга, можно было также базироваться на Нью-Орлеане,

т. е. получить превосходную базу. На такой план операции Халлек в Вашингтоне согласился не без сопротивления. Однако, Грант знал, что Халлек никогда не даст своего согласия на поход от Гранд-Голфа к Джексону. Ибо этот маневр не только ставил под удар коммуникационные линии армии, но прямо отрезал ее от своей базы. Халлек был главнокомандующим; в стратегических вопросах жизненной важности никто из военачальников не был в праве действовать против его воли, и этого до сих пор никто и не осмелился сделать, за исключением лишь Мак-Клеллана, находившегося в исключительно критическом положении. Если не считать этого прецедента, Грант первый проявил душевное мужество, потребное для ослабления этих связывавших его оков, и, не спрашивая Вашингтон, он двинул 7 мая свою армию на город Джексон.

Дороги находились в очень скверном состоянии, и это вынудило Гранта направить каждый из трех корпусов по отдельной дороге. Была произведена разведка поперечных дорог, чтобы иметь возможность производить переброски частей для взаимной поддержки. Таким образом, стратегическое новшество Мольтке было применено еще до него в Америке, в связи с тамошними условиями. Однако, мотивы американских полководцев были прямо противоположны мотивам Мольтке. При наличии упомянутых выше препятствий передвижения унионистской армии происходили медленно. Так как в среднем за день делали не больше 10 *км* по прямой, Грант достиг Джексона лишь 14 мая. Город насчитывал 4 000 населения, половину которых составляли негры. Но он представлял собою железнодорожный узел, и, применительно к масштабам Южных штатов, имел некоторое промышленное значение. Поэтому Грант, действуя в духе стратегии на истощение, вернулся к своим методам «à la Mélac» и приказал разрушить Джексон. «Шерман и я,— рассказывает он,— пошли вместе на какую-то фабрику, которая, несмотря на бой и на вступление частей северян, не перестала работать. Наше присутствие не обратило на себя, повидимому, внимания ни со стороны руководителя предприятия, ни со стороны рабочих, в большинстве — девушек. Мы наблюдали некоторое время, как из прядильных станков тянулся вырабатываемый ими брезент... Снаружи были сложены громадные груды кип хлопка. Наконец, я сказал Шерману, что, по-моему, они достаточно поработали. Рабочим было сказано, что они могут расходиться, взяв с собою столько брезента, сколько они в состоянии унести. Через несколько минут хлопок и фабрика были объяты пламенем».

Вечером накануне вступления Гранта в Джексон туда прибыл Джозеф Джонстон. Он имел с собою пока что лишь несколько тысяч человек и не мог и думать об обороне города. Он отступил поэтому перед унионистами в северном направлении. К западу от Джексона находился комендант Виксбёрга, ген. Пембертон, с 18 000 чел. Судя по его телеграмме Джонстону, он хотел, если бы это было возможно, двинуться вперед и дать бой противнику. Пембертон находился в тылу у Гранта, между последним и его магазином в Гранд-Голфе. 200 повозок с сухарями и солью Гранту удалось еще заполучить; затем он оказался отрезанным от своей базы. Опять наступил недостаток хлеба, иссякли также запасы кофе и сала. Правда, местность кишела птицей, однако избалованные войска роптали, недовольные необходимостью питаться все время только утками, курами и индейками.

Своеобразным явлением, характерным для гражданской войны, является «скаут» — слово, обозначающее одновременно и разведчика и шпиона. Край, в котором велась война, был общей родиной обеих армий, разница же между солдатами Севера и Юга, обусловленная происхождением из разных провинций, также не всегда давала себя чувствовать достаточно отчетливо; имелось много типов людей, одинаково свойственных обеим армиям. Таким образом, кавалерист, сняв форму, легко превращался в шпиона. Подобные условия особенно пошли на пользу разведывательной службе конфедератов. Выше уже было сказано, в какой степени этому способствовала также несдержанность прессы северян. Первоначально Гранту удалось с большим успехом использовать услуги скаутов на унионистской стороне. Едва Джонстон ускользнул от унионистов из Джексона, он ответил Пембертону на упомянутую телеграмму, приказав ему продвинуться к Клинтону. Он сообщал, что противник движется отдельными колоннами и необходимо попытаться извлечь из этого пользу. Под Клинтоном находятся лишь четыре неприятельских дивизии (из десяти). Он, в свою очередь, также поведет свои части на Клинтон, чтобы затем соединиться с Пембертоном на поле сражения.

Из осторожности Джонстон послал этот приказ в трех рукописных экземплярах. Из них только два достигли адресата; третий экземпляр попал в Джексон, к Гранту, ибо один из его скаутов, особенно ловкий американец, сумел втереться в доверие к Джонстону. Грант дал указание Шерману прекратить разрушение Джексона, ибо оно отняло бы у корпуса Шермана еще 24 часа [1]. Вместо этого он был двинут в направлении на армию Пембертона; то же самое было проделано и с прочими корпусами и дивизиями, так что предстоял встречный бой у Клинтона.

Однако, Пембертон медлил с выполнением приказа Джонстона. Если бы конфедератам действительно удалось соединиться на поле сражения, двигаясь с различных направлений, то им пришлось бы сражаться с 66 батальонами против 113 [2]. В подобных условиях встреча в открытом поле была бы для конфедератов безнадежной. Раздельное передвижение унионистов, в котором Джонстон усматривал распыление сил, довело бы поражение конфедератов до катастрофы. Ибо 56 батальонов Пембертона натолкнулись бы у Клинтона на 61 унионистский батальон, в то время как другие 25 батальонов Гранта двинулись бы в правый фланг Пембертона. Наконец, в Джексоне стояло еще 27 унионистских батальонов, которые могли бы зайти в тыл 10 батальонам Джонстона, в то время когда последний двигался бы из своего лагеря на соединение с Пембертоном к северу от Джексона.

Если не считать ген. Томаса в сражении при Спрингс-Милл, то Грант был первым унионистским генералом, который строил свои операции по принципу: «Двигаться врозь, бить вместе!» Он возводил необходимость в добродетель (в хорошем смысле этих слов). Джонстон в этом не разобрался; еще за два года до этого он проявил свое непонимание, когда перед первым сражением у Буль-Рёна Борегар советовал ему наступать раздельными колоннами. Правда, он сейчас тоже соби-

[1] Отсюда видно, что произвести радикальные разрушения и опустошения не так легко. Корпус Шермана насчитывал 10 000—12 000 чел. и действовал уже много часов, поджигая здания, когда его деятельности был положен конец.

[2] Боевой состав батальона в обеих армиях насчитывал 300 чел.

рался соединиться с Пембертоном на поле сражения, двигаясь с двух направлений, однако в основе этого решения, при всей его смелости, явно не было хорошо продуманного плана операций; оно явилось выражением отчаяния, возникшего из невыгодного для Джонстона численного соотношения. В противоположность Джонстону, Пемберton рассчитывал извлечь из тяжелого положения положительные результаты при условии соблюдения осторожной тактики. Пембертон предпочитал отказаться от соединения с немногочисленными батальонами Джонстона, но не давать боя в открытом поле. Он хотел бы получить разрешение Джонстона на то, чтобы остаться на своих позициях около депо Эдуард и дать позади ручья Бейкер оборонительное сражение. Пембертон надеялся, что Грант истечет здесь кровью, как Бёрнсайд при Фредериксбёрге. Полтора дня Пембертон уклонялся от выполнения настойчивых требований Джонстона и оставался на своем месте около депо Эдуард, после чего, действуя против собственного убеждения, он двинул свои войска на Клинтон. Он передвигался крайне осторожно и, когда 16 мая 1862 г. вошел в соприкосновение с неприятельской армией, он успел еще до сражения занять сильные позиции у холма Чемпион. Этим обеспечивалось осуществление его плана оборонительного сражения и оставалось доказать на опыте, изойдет ли Грант кровью в этом бою.

Корпуса Гранта приближались к холму Чемпион по трем дорогам, так что оба фланга Пембертона находились под угрозой. Фремон в Миссури и Мак-Клеллан перед сражением у ручья Антитэм также передвигались врозь; однако, они делали это только в интересах ускорения. Грант же у холма Чемпион и Томас у Спрингс-Милл умели использовать движение врозь, чтобы взять неприятельскую армию в клещи с разных сторон.

Бой у холма Чемпион продолжался от 11 час. до 3 час. 30 мин. и принес Гранту успех, равного которому не испытал еще ни один из полководцев обеих сторон, за исключением Томаса. Конфедераты бежали в Виксбёрг, причем одна из их трех дивизий была оттеснена от крепости. По энергичному настоянию Гранта, два дивизионных командира, части которых не участвовали в бою, преследовали противника до наступления темноты — тоже новое явление в этой войне, если не считать сражения у Спрингс-Милл. Результаты преследования были значительны. Всего конфедераты потеряли 5 000 чел. из 18 000[1] и треть своей артиллерии. К этому надо прибавить еще и оттесненную дивизию в составе 6 000 чел., которая так и не попала больше в Виксбёрг; в результате, Пембертон, двинувшись в поход с армией в 18 000 чел., вернулся лишь с 7 000.

Уже через два дня после сражения у холма Чемпион, т. е. 18 мая, Грант появился перед Виксбёргом, а 19 и 22 мая последовали два штурма этой крепости. В них участвовала вся пехота. Две дивизии потеряли при этом убитыми и ранеными пятую часть своего боевого

[1] Я присоединяю сюда и пропавших без вести, ибо при быстром передвижении Гранта к Виксбёргу лишь немногие из них вновь присоединились к Пембертону. Вообще же я до сих пор приводил обычно только цифры убитых и раненых, чтобы отчетливее показать кровавые потери этой войны, а также и потому, что потери пленными никогда не оказывали особого влияния на стратегическое значение военных действий. То обстоятельство, что среди пропавших без вести находились также и убитые, еще более увеличивает удельный вес потерь, но эта группа потерь с трудом поддается учету.

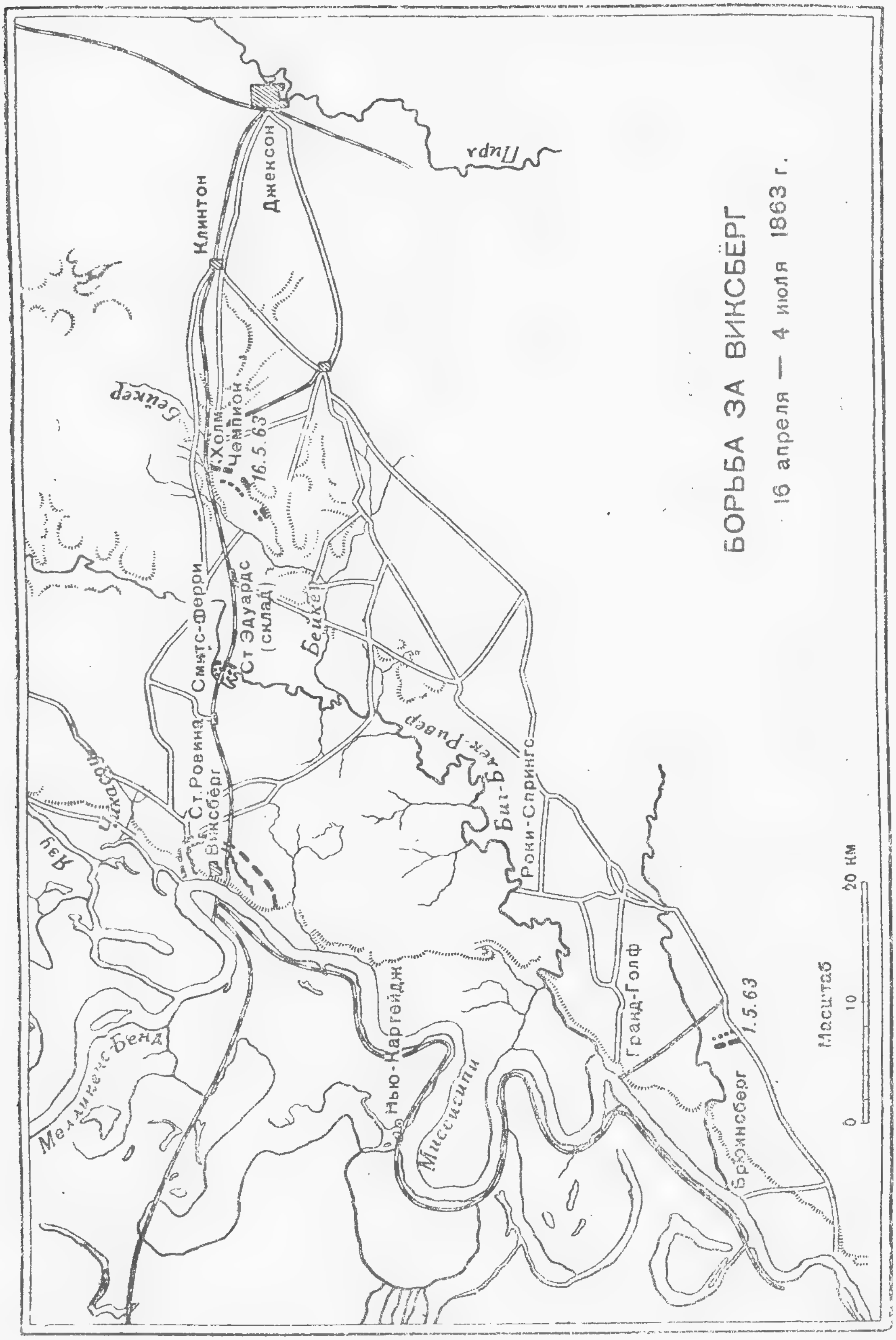

БОРЬБА ЗА ВИКСБЕРГ
16 апреля — 4 июля 1863 г.
Пирл
Джексон
Клинтон
Бейкер
Чемпион
16.5.63
Смитс-Ферри
Ст Эдуардс
(склад)
Блэк-Ривер
Ст. Ровина
Виксберг
Язу
Биг-Блэк
Роки-Спрингс
Нью-Карфейдж
Миссисипи
Мелликенс-Бенд
Гранд-Голф
1.5.63
Брюинсберг
Масштаб
0
10
20 км

Схема 9.

состава, одна дивизия — даже четверть. Однако, все эти жертвы были напрасны. Грант заявляет, что он был вынужден штурмовать крепость, так как только неудачный исход штурмов мог заставить войска приступить к осадным работам. Таким образом, Теннессийская армия была и тогда еще не намного дисциплинированнее, нежели за год с четвертью до этого, в период сражения у Шило. Таково же было положение и в армии ген. Бенкса, подошедшей 23 мая к Порт-Гудзону. И здесь войска произвели два штурма. Только после того, как оба штурма были отбиты с тяжелыми потерями, унионисты примирились с необходимостью осадить Порт-Гудзон. В свете этих фактов становится понятным, сколько решимости требовалось Гранту, для того чтобы заставить войска перед лицом неприятеля, численно равного им, лишиться на три недели связи со своими магазинами, причем решиться на это под свою собственную ответственность, против воли главнокомандующего в Вашингтоне. Только в дни штурма были построены дороги, соединившие лагерь унионистов перед Виксбёргом с р. Миссисипи, служившей базой для армии. Таким путем армия добилась восстановления непрерывной связи со своими магазинами. Грант не мог просто направить свои милиционные войска на строительство дорог, как это делали римские полководцы со своими легионерами или французский и английский главнокомандующий в Крыму. Более того, работы приходилось по большей части возлагать на негров, которых удавалось вербовать, после того как Линкольн объявил их свободными.

В начале своей карьеры Грант заставил корпус Флойта капитулировать у форта Донельсон, хотя сначала он был слабее своего противника. Численное соотношение сил у Виксбёрга было примерно такое же. Пемберton располагал в Виксбёрге 28 000 человек, его главнокомандующий Джонстон имел в Джексоне, снова попавшем в руки конфедератов, 15 000 чел.[1]. Этим 43 000 конфедератов Грант мог противопоставить лишь 40 000 чел. Поэтому ему пришлось пока отказаться от контравалационной линии. Зато Грант располагал внутренними операционными линиями. Местность вокруг Виксбёрга была необычайно благоприятна для обороны. Уже нападение Шермана на армию, защищавшую эту крепость, не удалось вследствие препятствий, созданных характером местности. Войскам же Джонстона, перед лицом такого бдительного противника, как Грант, пришлось бы для соединения с Пембертоном пробираться через непроходимые болотистые низменности, покрытые лесом и тростником.

Циркумвалационная линия унионистов имела протяжение в 24 *км* против 11 *км*, которые занимал Пемберton. Само собою понятно, что без использования труда негров циркумвалационную линию никогда бы не удалось создать.

«Nothing succeeds like success!» (Ничто не имеет такого успеха, как успех!). То обстоятельство, что Грант по собственной воле оставил свою базу, что он заставил свои корпуса раздельно двигаться к полю сражения и что, несмотря на сомнительность этих средств, он достиг своей цели,— импонировало Халлеку; не дожидаясь требований со стороны Гранта, он послал ему подкрепления. Тем временем Грант затруднял Джонстону освобождение Виксбёрга тем, что он, как уже

[1] Оттесненная в бою у холма Чемпион дивизия Лоринга присоединилась к Джонстону, получившему также и другие подкрепления.

не раз, вел войну «à la Mélac». Унионистская дивизия прошла по богатым районам верхнего течения Язу, захватила для нужд армии скот и прочие сельские продукты и уничтожила огнем все остальное, что только находилось на протяжении 72 *км*. Таким же образом войска жгли и грабили все на противоположном берегу Миссисипи.

Пока осаждавшие возводили против Виксбёрга укрепления, стрелковые окопы и позиции для батарей, численность их постепенно возросла до 71 000 чел. Против этого количества конфедераты могли собрать лишь 52 000 чел., из которых 28 000 были расположены около Виксбёрга и 24 000 — у Джексона. Сейчас Грант уже был в состоянии возвести контравалационную линию. Он предназначил для этого большую половину своей армии, расположив ее фронтом на север и на восток и уперев фланги в две значительных реки — Язу и Биг-Блек, которые следовало прибавить к упомянутым выше природным препятствиям местности. Джонстон при помощи своих 24 000 чел. тем менее мог надеяться разбить расположенные здесь 36 000 унионистов, что собранные им с трудом и отовсюду батальоны были очень плохо вооружены. Правда, у него имелись также и отличившиеся части. 26 батальонов прибыли от Брагга из Тьюллахомы. Они проделали по железной дороге путь свыше 700 *км*; для плохо работавшей у южан службы сообщений это уже представляло собой достижение.

Против Пембертона Грант располагал сравнительно слабыми силами; 35 000 унионистов должны были принудить к сдаче 28 000 конфедератов. Осада продолжалась особенно долго потому, что Грант имел в своем распоряжении лишь шесть осадных орудий; объясняется это тем, что унионисты начали войну, не располагая этим видом оружия, но и после начала военных действий мало сделали для того, чтобы наверстать это упущение. Командир Миссисипской флотилии Гранта предоставил в распоряжение последнего одну тяжелую батарею; в остальном осаждающим крепость войскам приходилось, чтобы вынудить ее к сдаче, пользоваться только полевой артиллерией. Флотилия потому не могла предоставить Гранту больше орудий, что ее огневые средства были нужны для содействия прикрытию Мелликенс-Бенда. Мелликенс-Бенд представлял собою складочный пункт на западном берегу Миссисипи, где были расположены 12 батальонов, из них 8 негритянских. Пункт этот был атакован конфедератами, однако, нападение было успешно отражено гарнизоном и канонерками и больше не повторялось. Это был первый случай участия негров в войне, которая велась, в известной степени, за их освобождение.

Траншеи осаждающих начинались на расстоянии 500 *м* от крепостных укреплений, и на батареях унионистов было постепенно сосредоточено 220 орудий. Осаждающие отвечали из 172 пушек; однако, эти цифры недостаточно точно отражают соотношение боевых сил, ибо надо иметь в виду, что в Виксбёрге заметно нехватало боеприпасов. Тем не менее, унионисты лишь медленно добились определенного огневого превосходства, и после кровавых неудач 19 и 21 мая потребовалось пять с лишним недель, пока они смогли решиться на возобновление штурма. Теперь уже больше нечего было опасаться неудачи, ибо унионистские апроши подвинулись в некоторых местах на 5 *м* к крепостным укреплениям. В результате, 4 июля, т. е. на следующий день после поражения Ли у Геттисбёрга, Пембертон капитулировал. Джонстон ничего не сделал для освобождения Виксбёрга, а если принять

во внимание характер местности в долине Миссисипи, то придется признать, что вряд ли он и был в состоянии что-либо предпринять. Во всяком случае, располагая 43 000 чел. против 40 000, а затем все-таки 52 000 против 71 000, Ли на его месте вряд ли погрузился бы в полное бездействие.

Виксбёрг и Геттисбёрг находятся друг от друга на расстоянии 1 100 *км*. В обоих этих пунктах в июле 1863 г. началось для конфедератов движение вниз от той кульминационной точки их побед, которой они достигли в мае в сражении при Чанселлорсвилле. Вскоре после занятия Виксбёрга ген. Бенкс вынудил к сдаче Порт-Гудзон, и теперь унионисты снова господствовали над всем течением Миссисипи, представлявшей тогда очень большую важность для внешней торговли Севера. Штаты, расположенные к западу от Миссисипи, как Луизиана и Техас, снабжавшие армию конфедератов мясом, не могли больше выполнять эту функцию, поскольку они были лишены господства над железной дорогой Виксбёрг, Джексон. Еще один раз около Начеза, неукрепленной гавани на Миссисипи, расположенной около железной дороги, ведущей на восток, конфедераты попытались переправить через реку транспорт из 5 000 голов скота; однако, весь этот скот сделался добычей одной из унионистских бригад. Таким образом, были прерваны оживленные сношения между штатами Техас, Луизиана и Миссисипи, с одной стороны, и восточной территорией Конфедерации,— с другой, хотя эти штаты в сущности и не были завоеваны.

В Вашингтоне каждый понимал, что успехи, одержанные на западе, являются в гораздо большей степени заслугой полководца, нежели это можно сказать про победу под Геттисбёргом. Мид победил под Геттисбёргом своей пассивностью; конфедераты истекли кровью в результате численного превосходства его армии. Наоборот, Грант, первый из унионистских полководцев в эту войну, проявил инициативу, самостоятельность, собственные стратегические идеи и сумел своей энергией увлечь трудно поддававшиеся воздействию милиционные части. Главное — он сумел тактически маневрировать этими неповоротливыми частями.

Все-таки война на западе не была еще закончена. Правда, Джонстон был вынужден вторично очистить железнодорожный узел Джексон, после того как отряд, возглавляемый Шерманом, в течение 7 дней бомбардировал город; однако, после окончания большой войны здесь началась малая война. В штате Миссисипи унионисты были недостаточно сильны, чтобы удержать от партизанских действий враждебно настроенное население. Обеспечение безопасности железнодорожного движения оказалось сизифовым трудом. Только реки являлись надежной базой армии, поскольку под защитой военных кораблей по ним передвигались караваны паровых судов.

Не только в Пенсильвании и на Миссисипи, но и в восточной части Тенесси война в 1863 г. развивалась неудачно для Южных штатов. Однако, здесь ход событий был более переменчив. Вспомним, что Брагг проиграл в начале года сражение у р. Стон и отступил перед Розкрансом назад в Тьюллахому, чтобы здесь прикрывать Чаттанугу, ключ к восточной части Тенесси. Розкранс оставался в течение полугода в бездействии у Мерфризборо, реорганизуя свою армию, с трудом добившуюся победы у р. Стон и дорого за нее заплатившую. Когда 24 июня 1863 г. он, наконец, двинулся на Тьюллахому, он сделал это тоже лишь вследствие настояний Халлека. С полным на то

правом главнокомандующий считал само собою понятным, что надлежало использовать отправку к Джонстону 26 батальонов Брагга. Розкранс, однако, считал себя слишком слабым для наступления. Действительно, он был не намного сильнее Брагга, ибо против 48 000 унионистов насчитывалось 47 000 конфедератов. Все же распределение по родам войск было благоприятно для Розкранса, поскольку он располагал пехотой и артиллерией в количестве 41 000 чел. против всего лишь 33 000 чел. этих родов войск у противника. Последний имел превосходство лишь в отношении вспомогательного рода войск — кавалерии, но зато значительное: 8 000 всадников против 5 000. Однако, конница конфедератов не была в состоянии маневрировать в тылу у унионистов, так как прошли проливные дожди, сделавшие местность непроходимой. Брагг готовился к защите своей позиции у Тьюллахомы, соорудив далеко растянутые полевые укрепления. Один лишь правый фланг, защищенный срубленными деревьями, имел протяжение в 500 *м*.

Продвижение унионистов по размытым берегам происходило настолько медленно, что левое крыло делало за день по прямой линии даже меньше 8 *км*. Его заданием было отрезать противника от Чаттануги; однако, Брагг не удержался и отступил именно в этот пункт. 3 июля, т. е., примерно, в одно время со сражением под Геттисбёргом и капитуляцией Виксбёрга, Розкранс занял укрепления Тьюллахомы. Хотя он произвел пока что лишь удар по воздуху, Розкранс снова предоставил своей армии полных 6 недель отдыха. После этого он не мог больше итти наперекор настойчивым требованиям Халлека и двинулся через Кемберлендское плато, южные отроги гор Аллехени, на Чаттанугу. Он бы не хотел пускаться на эту операцию ввиду превосходства кавалерии конфедератов, создавшей в прошлом году у р. Стон столь серьезную угрозу для его снабжения. Так же как и тогда, его магазины находились в Нашвилле, от которого до Чаттануги — около 260 *км*. Однако, Халлек мог возразить Розкрансу, что он располагает значительными этапными частями для охраны железнодорожной линии Нашвилл, Чаттануга. Кроме того, потерю времени надо было рассматривать в принципе как стратегическую ошибку, хотя бы практические ее последствия и не поддавались немедленному учету.

Так же как Тьюллахому, Брагг очистил и Чаттанугу, заняв позиции на расстоянии 2—3 дней марша к югу от этого города. Он находился тут вблизи небольшого селения Лафайет, хотя и не расположенного непосредственно на железной дороге, но все же достаточно близко от нее, чтобы отправленные на Миссисипи 26 батальонов могли быть обратно доставлены сюда по железной дороге. Одновременно и Ли направил сюда из Северо-Виргинской армии корпус Лонгстрита в составе 44 батальонов, которому пришлось проделать по железной дороге расстояние, примерно, в 1 100 *км*. От корпуса Лонгстрита Ли мог отказаться, ибо его и Мида разделял десятимесячный перерыв в операциях, во время которого обе армии залечивали раны, нанесенные Геттисбёргом. К Браггу подошли еще и другие подкрепления, так что он сосредоточил у Лафайета 61 000 чел. пехоты и артиллерии против 47 000 унионистов тех же родов войск, находившихся в занятой Розкрансом Чаттануге. Теперь начали сказываться отрицательные последствия медлительной стратегии последнего, ибо как только Брагг достиг превосходства сил, он его атаковал.

Розкранс ожидал противника на расстоянии одного перехода к югу от Чаттануги. Здесь, позади западного рукава ручья Чикамауга возвышается лесистый хребет Миссионар. Местность, расположенная между этим хребтом и рекой, также представляла собой лес различной густоты. В нем Розкранс и расположил свою армию. Его план сражения был чисто оборонительный, да и вряд ли он мог быть иным, после того как автор его поставил себя в столь неблагоприятные условия. Когда 19 сентября 1863 г. Брагг напал на Розкранса, он имел возможность прикрыть свои фланги теми массами конницы, превосходящими кавалерийские части противника, о которых речь была выше. По мысли Брагга, его кавалерийские части, не умевшие производить конные атаки, не должны были активно участвовать в бою. Артиллерия, ввиду лесистого характера местности, также не могла быть применена с пользой для дела. Однако, свое превосходство в отношении пехоты Брагг надеялся использовать для того, чтобы бросить ее на оба фланга и в тыл своего противника. Брагг располагал 205 батальонами [1]; из них 61 батальон он предназначил для разгрома левого фланга противника. Такое же количество должно было двинуться в фронтальное наступление, так что у него оставалось 83 батальона для охвата правого фланга унионистов. Из них, однако, 19 сентября он имел в своем распоряжении меньше половины; большая часть его войск, под командованием Лонгстрита, находилась еще на походе и могла вступить в сражение лишь на следующий день. Таким образом, левый фланг конфедератов выполнил бы 19 сентября свою задачу и тем, что он связал бы значительные силы унионистов.

Мечта Ли добиться того, чтобы путем оголения всех менее важных участков конфедераты когда-нибудь добились превосходства сил на поле сражения,—эта мечта осуществилась, наконец, у ручья Чикамауга. Однако, при проведении в жизнь своих диспозиций к сражению, Брагг так же мало сумел использовать свое превосходство сил, как и прочие американские полководцы, за исключением Гранта и Томаса. Хотя уже 19 сентября он был несколько сильнее Розкранса, — 45 000 чел. пехоты против 43 000, — ему все-таки не удалось охватить левый фланг унионистов. Повторялось каждый раз одно и то же явление: войска не научились маневрировать, и полководцы настолько мало были в состоянии предпринять какие-либо тактические действия с этой пехотой, что всякая операция, рассчитанная на охват, превращалась в чисто фронтовую атаку. Стремясь обеспечить для своего застрявшего правого фланга дополнительные боевые силы, Брагг совершал ту же ошибку, как и Розкранс у р. Стон и вместо того, чтобы заставить свое крайнее левое крыло двигаться непосредственно вперед, он подтянул его вправо. Дивизии выступили после полудня и, попав в заторы перегруженной дороги, крайне медленно подвигались вперед, так что до наступления ночи не удалось тактически использовать их даже пассивно.

Унионисты сильно укрепили весь свой фронт стволами деревьев и рельсами, так что атака конфедератов в том виде, какой она принимала, была заранее осуждена на неудачу. Начиная с 3 час. дня, после того как две дивизии под командой Даниэля Хилла двинулись

[1] Их боевой состав равнялся, в среднем, 280 чел. Боевой состав батальона у унионистов достигал 325 чел.

вправо, конфедераты имели на линии огня всего лишь 34 000 чел. против 43 000 унионистов. Правый фланг конфедератов был настолько энергично отброшен противником, что, для того чтобы не оказаться охваченным, ему пришлось воздвигнуть полевые укрепления. «Это были беспорядочные схватки от правого фланга до левого», — так характеризует Даниэль Хилл наступление Брагга 19 сентября, — «без согласованности действий и в неподходящий момент. Это было лишенное всякого метода выступление дилетанта-боксера, а не уничтожающий удар тренированного кулачного бойца».

Повидимому, Розкранс ничего не знал про те две дивизии, которые прибывали по железной дороге из Северной Виргинии. Во всяком случае, для продолжения сражения 20 сентября он проделал маневр, аналогичный проведенному накануне его противником: он оттянул влево со своего крайнего правого фланга обе стоявшие там дивизии. Когда Лонгстрит к полудню смог вступить в бой, он ударил во фланг этим обеим дивизиям. Замешательство, вызванное ударом Лонгстрита среди унионистов, было громадным; однако, опасность была не столь велика, как это казалось. 44 батальона Лонгстрита насчитывали всего лишь 6 000 чел.: по 136 чел. на батальон. «Юг, — говорит Даниэль Хилл, — сохранил еще свои старые военные организации; ибо как мог он сливать дивизии и бригады, с которыми были связаны столь славные воспоминания! Однако, война, изнашивая эти части, превратила их в голые скелеты».

Сказанное выше относилось и к батальонам Лонгстрита. Следует еще отметить, что не одна только изнашиваемость, вызванная боевыми потерями, снижала военную силу частей: массовое дезертирство, о котором я столько раз говорил, приводило к тому, что заполненные с таким трудом ряды снова редели. Вследствие этого сила флангового удара Лонгстрита не оказала дробящего воздействия на противника. Он мог бы приобрести эту силу, если бы Брагг спешил свои конные массы и заставил их сражаться в пешем строю. Нам известно, что они имели опыт в этом деле, однако, эта их опытность по существу ограничивалась умением вести бой, рассчитанный на то, чтобы принять на себя удар противника на арьергардных позициях для прикрытия отступающей пехоты. Так как Брагг совершенно не использовал эту боевую силу, унионистская сторона смогла снова оправиться, и в 4 часа Лонгстрит был отброшен, а вместе с ним и весь левый фланг конфедератов, над которым этот генерал принял командование. На его настойчивые просьбы о подкреплении Брагг отвечал, что правый фланг сильно расстроен и левому необходимо рассчитывать лишь на собственные силы.

Из двух ведущих борьбу друг с другом полководцев побежденным оказывается тот, у кого раньше не выдержат нервы. Чистая оборона содействует созданию такого морального состояния. Чрезвычайная сумятица боя создала к вечеру у Розкранса впечатление, что сражение проиграно, и он приказал отступать к Чаттануге. Конфедераты не преследовали их. Этот беспорядочный лесной бой также сопровождался большим количеством жертв. Каждая из сторон имела 11 дивизий. 5 дивизий, которые наиболее сильно пострадали с обеих сторон, потеряли убитыми и ранеными, не считая отбившихся от своих частей, треть личного состава. В общей сложности потери убитыми и ранеными составили у унионистов 23%, у конфедератов даже 27%. Та и другая стороны располагали всего лишь по одной единственной

относительно свежей дивизии, но и эти дивизии насчитывали — у унионистов 12,5% убитых и раненых, у конфедератов 10%. Таким образом, для обеих армий было настоятельной необходимостью использовать ближайшие дни после сражения на приведение в порядок своих сил; унионисты выполнили это в Чаттануге, конфедераты — на поле сражения, доставшемся победителям. Розкрансу дорого обошлись потерянные им 48 часов времени. 23 сентября конфедераты перешли через горы Миссионар и возвели между этим хребтом и горой Лукаут укрепления, позади которых, к югу от Чаттануги, они и расположились. Отсюда они господствовали над железной дорогой Чаттануга, Нашвилл, проходившей к западу от горы Лукаут, через Бриджпорт на р. Тенесси. Унионистская армия была бы полностью отрезана от своей базы в Нашвилле, если бы не удалось сохранить открытой горную тропинку от Тенесси к Бриджпорту. По этой кружной дороге расстояние от Чаттануги до Бриджпорта, примерно, равнялось 195 *км*, причем вся местность была настолько пустынна, что в течение пятинедельной блокады почти 10 000 упряжных животных погибло от голода. Убойный скот, доставлявшийся армии, прибывал в Чаттанугу, как шутили солдаты, в виде «вяленого мяса, высушенного на копытах». Вскоре, ввиду недостатка упряжных животных для повозок, частям пришлось сократить хлебный рацион; затем стали выдаваться лишь сухари, да и те, в конце концов, лишь в половинном количестве. По мере того как проходило время, блокированные унионисты стали ощущать недостаток топлива. Однако, нехватало упряжных животных, чтобы доставлять в лагерь дрова, которые имелись в таком изобилии в девственных лесах к северу от Тенесси. Пока еще существовал гужевой транспорт, его средства приходилось целиком использовать для доставки съестных припасов настолько, что армию нельзя было снабжать даже материалами для лазаретов. Железнодорожный поезд, нагруженный медицинским имуществом и боеприпасами, попытался прорвать блокаду; однако, конница конфедератов, охранявшая дороги на северном и южном берегах Тенесси, принудила начальника транспорта повернуть обратно.

Недостаток боеприпасов угрожал катастрофой, и Розкранс стал серьезно задумываться над тем, чтобы пробиться к Бриджпорту. Было более чем ясно, что и это должно кончиться катастрофой. Спасение могло принести лишь прибытие на выручку целой армии. Такая армия была создана из Тенессийской армии Гранта и части Потомакской армии. Грант неохотно покинул Западный театр военных действий. Будучи последовательным сторонником стратегии борьбы на истощение, он после падения Виксбёрга собирался организовать совместные действия армии и флота, чтобы захватить Мобил в штате Алабама — город на берегу Мексиканского залива, имевший для конфедератов огромное значение ввиду их постоянной нужды в ввозе военных материалов. Грант получил теперь в свое командование район Миссисипской дивизии. Он охватывал всю местность от этой реки до гор Аллехени, у которых расположена Чаттануга. Опередив свои войска, Грант прибыл в Бриджпорт и встретился здесь с отозванным со своего поста Розкрансом. Розкранс посетил Гранта в его купе и «развил ряд превосходных мыслей относительно того, что следует предпринять». «Я удивлялся лишь, — говорит Грант, — что он их не осуществил». В действительности вряд ли можно было оставить Розкранса дольше

во главе Кемберлендской армии[1]. Уже со времени сражения у р. Стон он не оправдал возлагавшихся на него надежд. Его место в качестве командующего Кемберлендской армией занял Томас.

На выручку Томасу были двинуты 36 батальонов Потомакской армии и 56 батальонов Теннессийской армии. Доставить Потомакские войска в Бриджпорт не представило особенных трудностей, хотя для этого пришлось преодолеть расстояние около 1 000 *км*, причем путь только частью пролегал по собственной стране, частью же по неприятельской территории, которую унионисты не так уж крепко держали в руках. Управление американских железных дорог показало новые и поразительные достижения. Потомакскими войсками командовало лицо, хорошо нам знакомое, а именно Хукер. 26 октября 1863 г. корпус Хукера высадился у Бриджпорта. Эта местность расположена на северном берегу р. Теннесси. В этот же день Хукер переправился на южный берег реки и двинулся по направлению к Браунс-Ферри к западу от Чаттануги. Таким образом, 36 унионистских батальонов безнаказанно прошли мимо левого фланга армии конфедератов, состоявшей из 205 батальонов. Возможно, что Брагга парализовало бездорожье гор Ракун, прикрывавших корпус Хукера от армии конфедератов. Он должен был опасаться попасть своим левым флангом между двух огней. Позиция Брагга у Чаттануги вообще содержала в себе элемент исключительной напряженности, так как его базой служила железная дорога, шедшая от станции Чикамауга на Далтон. Другими словами, база Брагга находилась не в тылу, а на его правом фланге. Во всяком случае, он был теперь уличен во лжи, ибо сообщил в Ричмонд, что находится на кратчайшем пути к магазинам противника и что только по этому пути могут подойти к последнему подкрепления; уничтожение его является, мол, вопросом времени. Вместо этого дороги к югу и к северу от Теннесси, а также самый водный путь оказались после пятинедельной блокады свободными от господства конфедератов. Для того чтобы использовать этот комплекс дорог (железная дорога была еще блокирована) для снабжения армии в Чаттануге, Томас велел построить у Браунс-Ферри на 60 понтонах мост через Теннесси, после того как еще Розкранс навел у Чаттануги временный мост. Хукер привел с собой значительное количество хорошо упитанных упряжных животных, которые теперь, при использовании двух нормальных дорог, полностью удовлетворяли потребностям подвоза и эвакуации. В Бриджпорте находились различные пароходы, так что пользование водным путем немедленно приобрело практическое значение.

56 батальонов Теннессийской армии, направленные из Мемфиса и других мест в Чаттанугу, должны были походным порядком пройти 500 *км*. Весь путь лежал по неприятельской территории; следовательно, он был труднее, чем столь же длинные переходы, предпринятые Браггом и Бьюэллом во время кампании, закончившейся сражением при Перривилле. Какие препятствия создавала малая война, показывает следующий факт. Грант хотел дать ген. Шерману, командовавшему этими 56 батальонами, приказ о выступлении. Он не воспользовался для этого телеграфом, который проходил на север через Нашвилл и все время подвергался повреждениям со стороны партизан-конфедератов; приказ был доставлен Шерману в лодке, которая на веслах спусти-

[1] Она была названа так по р. Кемберленд, на которой лежит Нашвилл.

лась вниз по р. Тенесси. В мелких местах гребцы выходили из лодки и перетаскивали ее на себе.

В своей экспедиции на восток Миссисипские войска достигли Тенесси у Флоренс. Отсюда к Нашвиллу проходила железная дорога, охранявшаяся этапными частями. Склады Нашвилла должны были снабжать продовольствием не только Тенессийскую и Кемберлендскую армии, но и третье скопление унионистских частей — в Ноксвилле. Из описания подготовки к сражению у Перривилла мы знакомы с этим центром Восточного Тенесси, расположенным к северу от него горным проходом Кемберленд и преданным унионистам населением этой местности. Еще за много недель до сражения у ручья Чикамауга один унионистский корпус прошел из Кентукки в Ноксвилл. Под командованием Бёрнсайда он прошел Кемберленд, трудно проходимое горное ущелье, расположенное в дикой местности, где погибло от напряжения и голода большое количество упряжных животных. Мы упоминали об этом крае, когда описывали блестящие достижения в походном движении корпуса конфедератов под командой Кирби Смита перед сражением у Перривилла. В самом Ноксвилле можно было достать в необходимом количестве мясо, хлеб и фураж; однако, ближайшие отделения Нашвиллского магазина находились у Спрингс-Милл в Кентукки, с которым мы познакомились, как с местом небольшого, но важного столкновения. Отсюда через лишенные тропинок горы и через очень слабо населенные места приходилось доставлять корпусу Бёрнсайда боеприпасы, медикаменты, соль, кофе, сахар и рис. Командир этого корпуса не имел намерения оставаться в таком тяжелом положении дольше, нежели это потребуется для укрепления Ноксвилла. После этого он предполагал, оставив здесь гарнизон, присоединиться своими главными силами к Кемберлендской армии, находившейся в Чаттануге, в расстоянии 160 *км* от Ноксвилла. Поражение Кемберлендской армии и ее блокада расстроили план Бёрнсайда, и генерал продолжал оставаться у Ноксвилла, не зная, что̀ предпринять со своими 12 000 чел.

Брагг не был выдающимся полководцем, но это был предприимчивый и энергичный генерал. Если он не мог ничего сделать Хукеру, если он только мечтал о капитуляции Кемберлендской армии, то, по меньшей мере, он предполагал захватить в плен корпус Бёрнсайда. Так как конфедераты вели войну на собственной территории, то они могли положиться на железнодорожный персонал. От станции Чикамауга имелась железнодорожная связь с Ноксвиллом. По этой дороге 4 ноября против корпуса Бёрнсайда был отправлен Лонгстрит. Лонгстрит располагал 5 000 всадников против 2 500 чел. унионистской конницы и 13 000 чел. пехоты против 8 500 унионистских пехотинцев. Боевая сила унионистского батальона составляла 300 чел., батальона конфедератов — 250 чел.[1]. Однако, у наступавших частей Бёрнсайда давали себя сильно чувствовать последствия стратегии на истощение, проводимой северянами. Лонгстрит рассказывает следующее: «Мы были настолько плохо снабжены подковами, что при наступлении на Ноксвилл не только снимали подковы с павших лошадей, но убивали

[1] Дивизии Лонгстрита получили пополнения. Две бригады Брагга, двигавшиеся с ним, были усилены за счет ряда слитых вместе расформированных батальонов. Впрочем, эти две бригады, всего 2 500 чел., были предоставлены Лонгстриту уже позднее.

для этой цели всех раненых[1] или обессилевших животных. Во время осады река приносила нам некоторое количество мертвых лошадей и мулов, которых выбрасывало в городе на берег. Мы подкарауливали их, вытаскивали, снимали с их ног подковы и вытаскивали гвозди. С нашими солдатами дело обстояло почти так же плохо, как с животными, а быть может, и хуже, так как они не имели подков. Я сам видел на замерзшей дороге кровавые пятна, оставленные проходившей по дороге босой пехотой».

17 ноября Бёрнсайд заперся в Ноксвилле, и на следующий день Лонгстрит окружил город окопами. Он не располагал, однако, достаточными силами, для того чтобы полностью отрезать своего противника от внешнего мира. Люди и лошади получали скудное питание из продовольствия и фуража, которое преданное унионистам население доставляло осажденным по ночам и в туманы по реке Бродфренч. Эта река является притоком р. Холстон, на которой лежит Ноксвилл; Холстон же в свою очередь впадает в р. Тенесси. Лонгстрит получал снабжение со станции Чикамауга по железной дороге. Он рассчитывал на успех не только благодаря голоду, но с тремя бригадами решился также на частичный штурм. Этот штурм, впервые в мировой истории, был отражен с использованием проволочных заграждений. На участке местности, расположенной перед городом, унионисты натянули старую телеграфную проволоку, найденную на железнодорожной станции. Для этого был использован срубленный сосновый лес, причем цвет ржавой проволоки, протянутой между пнями, слабо выделялся на фоне коричневой земли. Лонгстрит упоминает о замешательстве, вызванном среди захваченных врасплох конфедератов новым тактическим изобретением унионистов.

Бёрнсайд проводил защиту Ноксвилла чисто пассивно, и если бы он был оставлен с Лонгстритом один на один, то капитуляция его корпуса была бы лишь вопросом времени. После того как был перерезан телеграф из Ноксвилла на север, Халлек засыпал Гранта депешами, требовавшими освобождения Ноксвилла. Необходимые для этого войска как будто имелись налицо. Томас и Хукер располагали у Чаттануги 40 000 чел. пехоты против неполных 30 000 штыков, расположенных в окопах Брагга к югу от города. 14 ноября к Бриджпорту подошел также авангард Тенессийской армии. Грант был бы в состоянии направить корпус пехоты походом вверх по Тенесси и Холстону, дав ему с собой боеприпасы и продовольствие для осажденных. В Чаттануге был построен также и пароход, который можно было нагрузить всем необходимым и двинуть под конвоем пехоты. Однако, ввиду наличия у Лонгстрита сильной кавалерии, унионистам нехватало конницы. Шерман вообще не привел с собой кавалерии, а конница Томаса, сама по себе слабая, была обессилена еще продолжительной нехваткой фуража. Все же не в этом была главная причина, заставлявшая Гранта требовать от Бёрнсайда, чтобы он до последней крайности защищался собственными силами. Если бы Ноксвилл был освобожден, Брагг потерял бы интерес к стоянию у Чаттануги. Между тем, Грант надеялся именно здесь нанести ему уничтожающий удар. Ведь после того как 23 ноября вся Теннессийская армия соединилась с Кемберлендской, он располагал 51 000 чел.

[1] В одной стычке между всадниками обеих сторон.

пехоты против всего лишь 27 000 пехоты у Брагга[1]. То обстоятельство, что боевой состав унионистского батальона насчитывал 240 штыков против всего лишь 180 чел. в боевом составе неприятельского батальона, увеличивало превосходство Гранта до огромных размеров.

24 ноября 1863 г. началось сражение при Чаттануге. План сражения Гранта заключался в окружении более слабого противника. Томас должен был ударить по конфедератам с фронта, Шерман — в их правый фланг, отрезав их от их базы у железнодорожной станции Чикамауга; Хукер должен был наступать из долины Лукаут в долину Чаттануга и ударить тем самым по левому флангу Брагга. От Хукера и Шермана Грант ожидал, что, в случае победоносного продвижения, они протянут друг другу руки к востоку от гор Миссионар.

На р. Северная Чикамауга, правом притоке Тенесси, Шерман сосредоточил 116 понтонов. Противник не знал об их существовании, а также не видел пехоты Шермана, укрывавшейся за холмами к северу от реки. Эта пехота насчитывала всего лишь 9 000 чел., так как одна дивизия была передана в распоряжение Хукера. Однако, Шерман располагал 1 500 лошадей, т. е. почти всей кавалерией Кемберлендской армии. Переправа этих частей через Тенесси началась в 2 часа ночи и продолжалась до 3 час. 30 мин. пополудни. Место переправы находилось ниже реки Южная Чикамауга, впадающей в Тенесси с левой стороны. Оно прикрывалось огнем 40 орудий, принадлежавших Кемберлендской армии. Однако, лошади в этой армии были настолько обессилены, что упряжных лошадей должна была предоставить Тенессийская армия. В понтонах, которые были использованы в качестве лодок, находились пехотинцы, «державшие ружья в одной руке и лопаты — в другой». Так как каждый понтон вмещал 30 чел., то потребовались три поездки, чтобы переправить всю пехоту. С наступлением дня вся пехота достигла левого берега Тенесси и вырыла окопы протяжением в 1 600 *м*. После этого началось наведение понтонного моста для кавалерии и артиллерии. К полудню этот мост, длиною почти в 1 *км*, был закончен, после чего переправились на другой берег и части остальных родов войск. Одновременно у противника были захвачены выдвинутые вперед позиции, воздвигнутые им к северу от гор Миссионар. Кроме этого, здесь, т. е. на левом фланге расположения унионистов, 24 ноября не происходило ничего; только примыкавшая к левому флангу часть войск Томаса, входившая в центр всего расположения, была переподчинена Шерману. Последний в ночь на 25 ноября присоединил к своим войскам еще и ту дивизию, которая охраняла понтоны на р. Северная Чикамауга и преграждала сообщения между городом Чаттануга и правым берегом р. Тенесси. Таким образом, левое крыло Гранта возросло до 19 000 чел. пехоты.

Как было предусмотрено планом, центр его расположения оставался в течение 24 ноября без движения. Фронтальная атака должна была начаться лишь после того, когда даст результаты натиск унионистских флангов на боевое расположение противника. Однако, 24 ноября этого не произошло ни у Шермана, ни у Хукера. Последний должен был сперва перейти р. Лукаут и гору того же названия. При переправе через р. Лукаут его поддерживала артиллерия Кемберлендской армии, расположившаяся на полуострове Мокассин, обра-

[1] Из упомянутых выше 30 000 штыков исключаются те 3 000, которые были посланы Лонгстриту.

зуемом изгибами р. Тенесси к западу от Чаттануги. Начиная с 8 час. до 11 час. утра продолжались наведение моста и переправа Хукера, располагавшего 10 000 чел. пехоты. 7 000 конфедератов защищали реку, вода в которой сильно прибавилась, без особой настойчивости; тем энергичнее, однако, защищали они гору, которую к 2 час. пополудни окутал густой туман. Мы знаем Хукера как хорошего режиссера, поэтому естественно, что пресса Севера прославляла его продвижение здесь как «сражение над облаками». Действительно, ему пришлось разрешить тяжелую задачу. Грант, очень строгий критик Хукера, признает, что позиция конфедератов была исключительно сильна. «Зачем надо было, — говорит Грант, — держать на вершине горы войска, кроме артиллерии с небольшим пехотным прикрытием,— мне непонятно. 100 чел. могли бы удержать вершину, представлявшую собой подобие частокола, более чем на 30 фут. вниз, отражая атаки более многочисленных частей с позиций, занятых Хукером».

Чем сильнее были естественные препятствия, тем тяжелее давали себя чувствовать для наступающего прирожденные недочеты организации американской армии. Неудовлетворительная дисциплина огня при милиционной системе привела к тому, что части Хукера расстреляли свои патроны. В помощь правому флангу центр был вынужден направить бригаду, тяжело навьюченную запасными боеприпасами.

24 ноября, после полудня, левый фланг конфедератов удержался на горе Лукаут, однако ночью он получил приказ отойти к правому флангу, где Брагг ощущал сильную угрозу со стороны Шермана. Левое крыло конфедератов двигалось всю ночь; еще в продолжение многих часов после наступления дня с наблюдательного поста Хукера можно было видеть двигавшиеся колонны. Бросается в глаза большое количество пленных, попавших в руки Хукера: 2 000 чел. из 7 000. Очевидно, под Чаттанугой, где конфедератам пришлось вести чисто оборонительный бой против вдвое превосходящего их численностью неприятеля [1], они сражались без подъема. Впрочем, под давлением блокады этот подъем заметно изменил им уже под Геттисбёргом. Однако, если противник не представлял особенно тяжелого препятствия для Хукера, то тем ощутительнее затрудняла его продвижение сама природа. Двинув 25 ноября утром свои части снова вперед, он достиг к 3 час. пополудни р. Чаттануга — очень значительной реки, все мосты на которой были разрушены. Это задержало Хукера на 4 часа, поскольку речь шла об его артиллерии: пехота переправилась вброд, однако, становилось трудно установить с определенностью, успеет ли правый фланг унионистов еще 25 ноября охватить левое крыло конфедератов всеми своими боевыми силами. На левом фланге унионистов боевой план Гранта осуществлялся тоже в недостаточной мере. Нам известно, что к 25 ноября Брагг сильно укрепился в этом месте, перебросив сюда силы с своего левого фланга. Конфедераты засели здесь в окопах, за срубленными и несрубленными деревьями и между пнями. Унионисты во время огневого боя тоже ложились на землю. Окопы конфедератов тянулись на такое расстояние, что охват их Шерману не удался. Это можно частично объяснить также и тем, что к этому времени Тенессийская армия

[1] Если взять вместе все три рода войск, придется считать, что 32 000 конфедератов имели против себя около 60 000 унионистов.

находилась уже целый месяц на походе и что часть пехоты Шермана была последние четыре ночи лишена сна.

Конфедератам удалось даже, пробравшись вперед через железнодорожный туннель, охватить правый фланг Шермана. Две унионистские бригады, которые восстановили положение на этом участке, понесли тяжелые потери, достигшие 30% их состава. В общем, однако, конфедераты ограничились чистой обороной, которую они проводили при помощи позиционной тактики, используя для этого совершенно исключительные преимущества, предоставлявшиеся им характером местности. Тем не менее, в послеобеденное время 25 ноября картина боя была такова, что Грант решился дать приказ своему центру перейти во фронтальное наступление. В 3 час. 30 мин. Томас двинулся против трех линий укрепленных окопов конфедератов.

Послушаем отчет Брагга своему правительству относительно успеха этой атаки. Брагг говорит:

«Хотя мы были в значительном меньшинстве, мы не сомневались, что удержим ее (позицию),— настолько она была сильна...

...Офицеров и солдат охватила паника, которой я никогда до этого не наблюдал, и каждый из них, казалось, дрался только за свою собственную безопасность, не думая о долге и чести. Не может быть никакого оправдания позорному поведению наших частей... допустивших прорыв своей линии. Позиция была такова, что стрелковая цепь могла удержать ее против любой штурмующей колонны, и на всех участках, где было оказано хоть какое-нибудь сопротивление, противник бежал в беспорядке, понеся тяжелые потери. Те из неприятельских солдат, которые добирались до гребня, находились в полном изнеможении от значительных физических усилий, с которыми приходилось взбираться на гору... Если бы все участки нашей линии удерживались с одинаковой храбростью и упорством, никакой противник не смог бы выбить нас, и только одна правдоподобная причина приходит мне на ум для объяснения столь скверного поведения ветеранов, которые до того никогда не изменяли своему долгу, какие бы трудности и опасности он на них ни возлагал. Два дня стояли они перед неприятелем, носом к носу. Противник развертывал свои громадные силы в боевой порядок на их глазах в открытом поле, показав при этом свое численное превосходство, которое могло запугать слабодушных и неопытных солдат. Однако, наши ветераны так часто и с полным успехом выдерживали натиск подобных масс даже при неблагоприятной для нас позиции, что я не испытывал никаких сомнений».

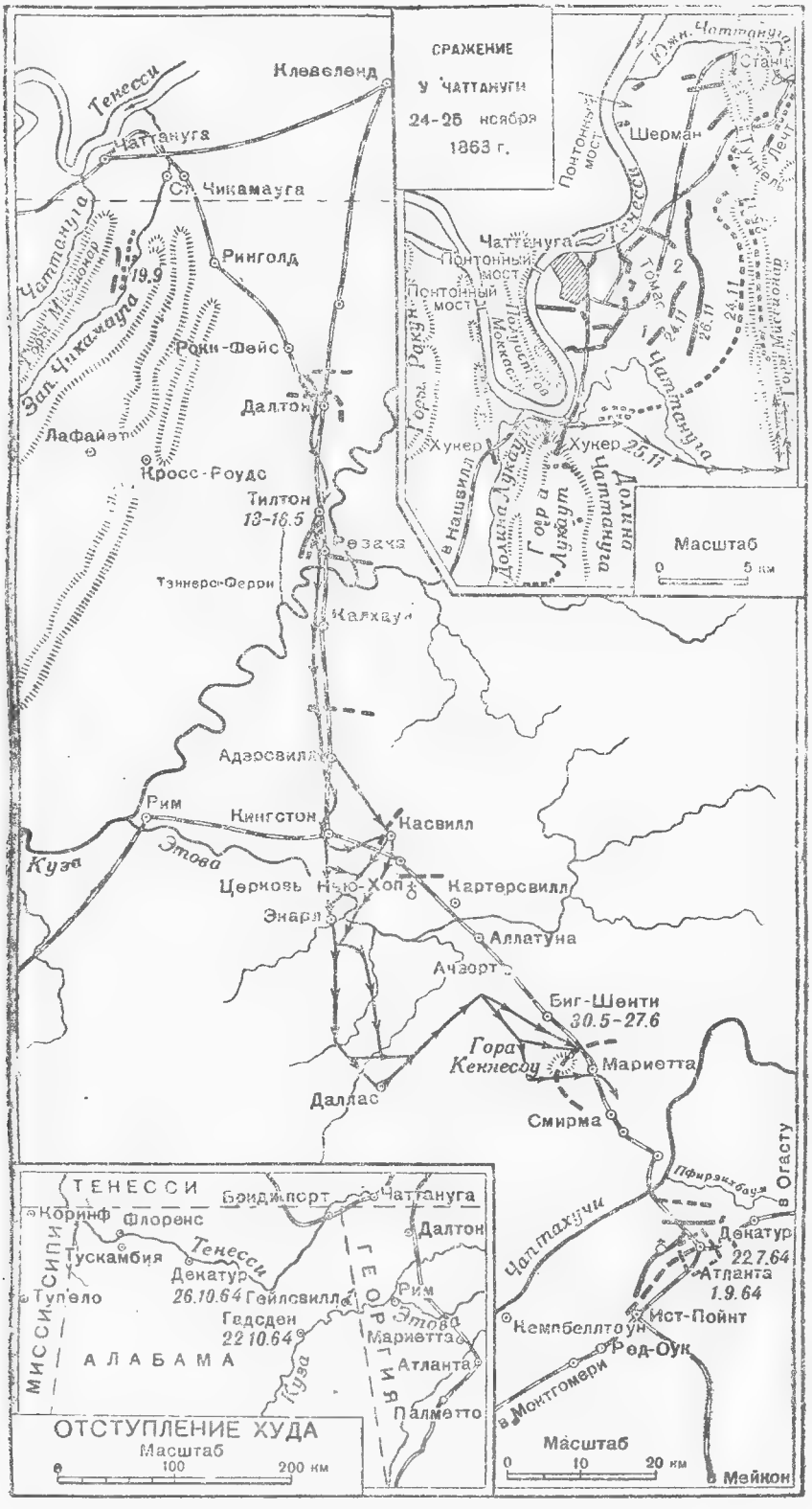
Грант подтверждает обвинение, выдвигаемое полководцем конфедератов против своих солдат. Он говорит, что Брагг и его офицеры потеряли власть над солдатами; тысячи из них побросали свои винтовки. Если Грант при этом добавляет, что огонь конфедератов нанес штурмующим лишь небольшие потери, то это опровергается списками потерь. 48 батальонов дивизий Вуда и Шеридана, осуществившие прорыв центра конфедератов, потеряли 20% своего состава. Один батальон из Индианы с необычайно высоким численным составом в 337 чел. потерял убитыми и ранеными в течение ¾ часа 60% своего состава. Таким образом, Брагг прав, утверждая, что упорное сопротивление его центра на отдельных участках вполне соответствовало традициям армии. Также верно и то, что внезапное кру-

шение центра конфедератов произошло вследствие удручающего впечатления, которое произвело на защитников окопов угрожающее общее положение, что́ преждевременно и лишило их бодрости духа. Этот тезис частично поддерживается и в литературе представителями противной партии. Фронтальный натиск Томаса удался против ожидания легко,— пишет один из военных деятелей Севера,— «несомненно в известной степени благодаря позиции Шермана и угрожающему движению Хукера». Пожалуй, бесспорно, что ограничительная формулировка этого мнения должна быть отброшена и следует безусловно согласиться с Браггом. Нажим на оба фланга Брагга морально сломил и центр его расположения, так что стал возможен прорыв, который при других условиях несомненно окончился бы неудачей. Требования, предъявленные пехоте конфедератов, были чрезмерно высоки не только морально, но и физически. Брагг передвигал свою пехоту во все стороны наподобие мертвых шахматных фигур, так же как он это делал у р. Чикамауга и как это практиковали Джозеф Джонстон у Буль-Рёна, Мид у Геттисбёрга, Розкранс у р. Стон. У Ли, Гранта и Томаса мы подобных фактов не наблюдали. Одна из дивизий была использована 24-го на горе Лукаут против Хукера, затем длинным ночным маршем стянута к противоположному флангу, чтобы оказать сопротивление Шерману; когда же 25-го после полудня ожидалось выступление Томаса, эта дивизия была брошена в центр. К концу дня ее больше не существовало; однако, потери ее состояли главным образом из пропавших без вести, которые затем постепенно нашлись. Это была та самая дивизия Читэма, которая под Перривиллом покрылась большой славой и понесла тяжелые потери. Другая дивизия, которую Хукер при отступлении конфедератов сумел атаковать во фланг еще до наступления ночи, потеряла 50% своего состава также почти сплошь пропавшими без вести. В бою у Чаттануги потери конфедератов убитыми и ранеными были, вообще говоря, умеренные, в противоположность прочим сражениям этой войны. Однако, 4 000 солдат из 32 000 попали в плен и было потеряно 31 орудие из 124.

На унионистской стороне Хукер и Шерман понесли тоже весьма незначительные потери. Они, пожалуй, без больших дополнительных потерь добились бы полного уничтожения противника, если бы этому не препятствовала огромная мощность позиции конфедератов и понятное утомление Тенессийской армии. Можно высказать парадокс, что прорыв центра армии конфедератов явился ее спасением, ибо если бы она оказалась в состоянии защищать свои позиции до 26 ноября, то кольцо вокруг Брагга сомкнулось бы. Теперь же он был в состоянии отвести свою армию в Далтон, находившийся в трех-четырех переходах к югу от Чаттануги. Само собой разумеется, что Лонгстрит был вынужден уйти из-под Ноксвилла, ничего не добившись. Далтон лежит в самом штате Георгия, столица которого Атланта, промышленный город с 20 000 жителей [1], представляла для конфедератов почти такую же ценность, как Ричмонд. Восточная часть Тенесси, после занятия унионистами Чаттануги и Ноксвилла, находилась крепко в их руках. Общественное мнение Юга строго осуждало Брагга. Лавры, завоеванные им у ручья Чикамауга, перестали приниматься во внимание. Припоминались только его поражения у Перривилла, у р. Стон и у Чаттануги, приведшие к потере средней и восточ-

[1] В настоящее время 200 000.

ной частей штата Тенесси. Выше я говорил, что сражения у Перривилла и у р. Стон представляли собой: первое — непродуманное, второе же — неудовлетворительно проведенное и безнадежное наступление Брагга. Руководство наступлением у р. Чикамауга также представляется мне спорным. Так же ли обстоит дело с операциями Брагга в ноябре 1863 г.? Брагг стремился тогда вынудить корпус Бёрнсайда к капитуляции тем, что направил Лонгстрита с превосходными силами в Ноксвилл, а сам с главными силами конфедератов вцепился в Гранта. Этот план не удался; однако, окончился ли бы он неудачей и в том случае, если бы в качестве унионистского главнокомандующего против Брагга стоял не Грант, а посредственность вроде Мак-Клеллана, Бьюэлла, Попа, Бёрнсайда, Мида или Хукера? Взгляд на карту показывает, насколько исключительно сильна была позиция Брагга перед Чаттанугой. Она располагала гораздо большими преимуществами для обороны, нежели позиция конфедератов во втором сражении у Буль-Рёна, у р. Антитэм и под Фредериксбёргом. Вера в неприступность его окопов, высказанная в приведенном выше докладе Брагга, вполне понятна. Спорным в этом докладе является лишь утверждение, что конфедераты часто побеждали противника, обладавшего таким же превосходством сил, как и то, с которым им пришлось иметь дело при Чаттануге. По крайней мере, в решающих сражениях гражданской войны численное соотношение никогда не складывалось так неблагоприятно для конфедератов, как при Чаттануге. Тем замечательнее была смелость Брагга. Историк должен расценивать ее тем выше, что невозможно с уверенностью указать на стратегию, при помощи которой можно было бы попытаться каким-либо другим действенным способом защитить Восточный Тенесси. При оценке стратегии Брагга историк не должен оставлять без внимания, что кроме отрицательной цели — прикрыть Восточный Тенесси — Брагг преследовал еще и положительную цель, и притом исключительной важности. Если бы корпус Бёрнсайда оказался вынужденным сдаться, то моральное влияние подобного удара на северян было бы, вероятно, чрезвычайно сильное и гораздо более устойчивое, нежели впечатление, произведенное на южан капитуляцией форта Донельсон и Виксбёрга. Нам известно, что военное искусство конфедератов ожидало успешного проведения войны в результате двух условий: во-первых, перехода в руки южан пенсильванской военной промышленности и, во-вторых, подрыва не очень сильной на Севере единой воли. Под Чаттанугой Брагг вел войну полностью в том духе, о котором говорил Лонгстрит: «Стратегическое наступление, тактическая оборона!.. Нашей целью всегда должно быть стремление... поколебать доверие северян к руководителям страны». Этого удалось бы достигнуть при помощи капитуляции унионистского генерала, тем более что Северные штаты управлялись в самый разгар войны почти на таких же свободных началах, как и в мирное время. У Гранта мы читаем: «Если бы населению и печати Юга была обеспечена такая же свобода, как на Севере, то вероятно Чаттануга была бы последним сражением, данным за Конфедерацию Южных штатов». Опираясь на свои диктаторские полномочия, Джефферсон Дэвис крепко держал в руках отложившиеся штаты даже и тогда, когда покоритель Восточного Тенесси угрожал их сердцу. Правда, офицеры, поднявшие в Тьюллахоме возмущение, добились сейчас своей цели. Хотя президент все еще желал сохранить Брагга на его посту, он был все же вынужден сдать командование Тенессий-



СРАЖЕНИЕ У Р. ЧИКАМАУГА 14 сентября 1863 г.
И ПОХОД НА АТЛАНТУ 1864 г.

Схема 10.

ской армией конфедератов. Нелегко было восстановить в ней субординацию. Оба главных противника Брагга — Харди и Польк — один за другим принимали командование армией, однако оба они не могли удержаться во главе ее. Устойчивый моральный порядок удалось создать только с назначением Джозефа Джонстона. Армия верила, что он сумеет защитить Георгию, на которую в следующем году противник, несомненно, должен был предпринять большое наступление.

Являлось ли настоящим военным искусством то, что Грант атаковал конфедератов на позициях, выбранных для себя Браггом? Грант имел двойной перевес сил. Не должен ли он был разделить свою армию, подобно тому как сделал Ли против Попа, чтобы при помощи маневров заставить Брагга уйти от Чаттануги и затем решить дело в более благоприятной для себя местности? На это можно ответить, что полководец должен быть одновременно и государственным деятелем. Грант считал, что он не должен доводить дело до падения Ноксвилла, в то время как его армия будет занята отнимающими много времени операциями против главных сил противника. На карту была поставлена его военная карьера, но с падением Ноксвилла погибло бы нечто большее, нежели будущее генерала.

Глава VIII

Наиболее выдающиеся моменты предшествующего хода войны.—Окопная война Гранта и Ли к северу от р. Джеймс

Сражение при Уилдернесс-Инн (5 и 6 мая 1864 г.). — Столкновение у Спотсильвания-Таверн (12 мая). — Бой у Дрюрис-Блафф (16 мая).—Бой у Нью-Маркета (15 мая).— Бои у Норт Анна-Ривер (с 23 по 27 мая). — Сражение у Колд-Харбор (3 июня)

Армии Конфедерации миновали свой зенит и находятся на пути к надиру[1]. Это должно быть опорной точкой нашего изложения. Мы хотели бы окинуть взглядом прошлое и уяснить себе моменты, определившие предшествующее течение войны.

Война началась летом 1861 г. в Западной Виргинии, где Мак-Клеллан с 15 000 унионистов рассеял 5 000 конфедератов в небольшом, но важном столкновении, ибо оно положило начало существованию штата Западная Виргиния, ставшего на сторону Союза.

Приблизительно в то же время в Северной Виргинии у потока Буль-Рён 35 000 унионистов потерпели поражение от 32 000 конфедератов. Конфедераты, не располагая сколько-нибудь выдающимся

[1] Зенит и надир — астрономические обозначения: зенит — наивысшая точка небосклона, надир — ее противоположность. — *Ред.*

командованием, победили благодаря фланговому удару со стороны их более подвижных и крепче спаянных частей. В особенности сказалось при этом то, что унионисты не были в состоянии выдержать фланговый огонь артиллерии конфедератов.

Три недели спустя, в юго-западной части штата Миссури произошел бой у ручья Вилсон. Каждая из сторон располагала 5 000 солдат. Унионисты разделились, чтобы взять противника в клещи с севера и с юга. Однако, при осуществлении этого смелого плана отряд, которому было поручено обходное движение, попал под фланкирующий огонь батареи конфедератов и был охвачен паникой. Таким образом, потерпел крушение удар с юга. Примерно в то же время застопорился и удар с севера, так как неспаянные милиционные части не давали увлечь себя вперед. Конфедераты не препятствовали отступлению унионистов. Вследствие неудовлетворительной огневой дисциплины они расстреляли свои патроны. Потери убитыми и ранеными составляли у обеих сторон пятую часть их личного состава.

Так же плохо, как в Западном Миссури, обстояли к концу 1861 г. дела унионистов в Восточном Миссури. Здесь Юлиссез Грант, несмотря на проявленную им замечательную энергию, потерпел крушение в бою у Бельмонта, так как он не смог сдержать свои недисциплинированные части от грабежа неприятельского лагеря еще до того, как была решена судьба сражения.

Зато в начале 1862 г. унионист Томас одержал победу над конфедератом Цолликофером у Спрингс-Милл в Кентукки. Томас, будучи выдающимся генералом, сумел соединить свои походные колонны на поле сражения в самый его разгар и охватить противника. Энергичным преследованием он довел свою победу до разгрома боевых сил конфедератов. Политическая польза этого военного успеха заключалась в том, что штат Кентукки, симпатии которого колебались, остался верен Союзу.

7 марта 1862 г. 15 000 конфедератов напали у Элкхорн-Таверн в Юго-западном Миссури на 10 500 унионистов. Командовавший конфедератами ван-Дорн предполагал охватить правый фланг противника, а затем ударить ему в тыл. Однако, сам он подвергся фланговому удару в тот момент, когда при помощи ночного перехода он приводил этот маневр в исполнение. Плохая маршевая дисциплина конфедератов дала унионистам возможность отрезать значительную часть обходной колонны, так что боевые силы ван-Дорна сократились с 15 000 чел. до 12 000. Этими силами он ударил в тыл противнику, и на следующий день боя, 8 марта, армии сражались с перевернутыми фронтами. Для новой попытки охвата противника у ван-Дорна нехватало уже сил; бой свелся к взаимным фронтальным атакам и остался нерешенным. В конце концов, ван-Дорн был вынужден очистить свои позиции в тылу унионистов, так как он не был в состоянии прокормить в девственном лесу свою армию в 12 000 чел. Он вообще очистил Миссури, обладание западной и средней частями которого с того времени было обеспечено за Союзом.

Судьба Восточного Миссури решилась не на земле, а на воде. Союз создал два новых вида оружия: броненосный корабль и корабль-таран. Его бронированные канонерки захватили в апреле 1862 г. крепость на Миссисипи, называвшуюся остров № 10. В июне последовало сражение при Мемфисе, в котором участвовали Миссисипские флотилии унионистов и конфедератов. Унионистский адмирал победил, пользуясь

превосходством своих сил. Примерно в то же время обладавший превосходством над конфедератами флот северян в соединении с сухопутными войсками захватил Нью-Орлеан в штате Луизиана.

Тем временем борьба разгоралась также и в западной части Тенесси. В результате посредственности командования, осуществлявшегося на стороне конфедератов Альбертом Джонстоном, Гранту в феврале 1862 г. удалось окружить корпус южан в составе 18 000 чел. унионистскими силами численностью в 21 000 чел. и вынудить этот корпус к сдаче у форта Донельсон на нижнем течении р. Кемберленд. В апреле у церкви Шило Грант с армией в 60 000 чел. отбил нападение 40 000 южан под командованием Альберта Джонстона. Неопытность и недисциплинированность унионистских генералов привели к тому, что отважное и стремительное наступление Гранта после этой победы удалось лишь наполовину и потребовалась еще семинедельная окопная война у Коринфа, чтобы очистить западную часть Тенесси от конфедератов.

На главном театре военных действий в Виргинии весной 1862 г. из Потомака в устье Йорка отправился транспортный флот, который за 37 дней перевез 79 000 унионистов. Действительная цель этой высадки — устье р. Джеймс — было закрыто для унионистов, так как конфедераты, владея «Мерримаком», добились временного превосходства в отношении броненосных кораблей. На походе от Йорка к соседнему Ричмонду унионистский командующий Мак-Клеллан подвергся нападению 67 000 конфедератов, под командой Джозефа Джонстона, победителя у Буль-Рёна. Однако, неопытные милиционные войска Джонстона,— полководца, которому нехватало умения увлекать за собою войска,— не смогли маневрировать в подлеске заболоченного девственного леса в чрезвычайно бурную погоду. Сражение у Бьютифул-Окс и Севн-Пайнз, длившееся, как и сражение у Элкхорн-Таверн, два дня, вылилось подобно этому сражению во фронтальные бои (31 мая и 1 июня 1862 г.). При этом многие батальоны конфедератов понесли тяжелые потери убитыми и ранеными, достигшие 30% их состава; их противники, унионисты, прикрывавшиеся окопами, потеряли 22%.

Нерегулярная кавалерия конфедератов выполняла разведывательные задания, которые были недоступны европейской кавалерии того времени. Кавалерийский генерал конфедератов Стюарт с сильным отрядом конницы совершил рейд вокруг всей неприятельской армии. Вследствие этого Мак-Клеллан перенес свою базу с Йорка на Джеймс, который был теперь «очищен» от «Мерримака». 75 000 унионистов проделали фланговый марш мимо армии конфедератов, насчитывавшей теперь уже 90 000 чел. План охвата Мак-Клеллана, широко задуманный новым главнокомандующим конфедератов Ли, потерпел крушение вследствие того, что военное счастье не улыбалось Ли, а также и потому, что, несмотря на достигшие 21% кровавые потери в семидневном сражении, его пехота, хотя и была лучше унионистской, все же, если судить по европейским масштабам, являлась неповоротливой. Тем не менее, армия Мак-Клеллана была настолько тяжело потрясена в моральном отношении продолжительностью неприятельского наступления, что из 64 000 пехотинцев 26 000 чел. побросали ружья. После этого унионисты отказались от продолжения кампании на полуострове, длившейся уже 5½ месяцев, и снова погрузили армию на суда; центр тяжести войны был перенесен, таким образом, из

Южной Виргинии в Северную. Хотя Ли и был слабее действовавших против него войск противника, он разделил свою армию на два корпуса, и один из них обошел правый фланг унионистского командующего Попа — не для того чтобы вцепиться в его тыл, а чтобы при помощи этого маневра заставить его покинуть свою неприступную позицию на р. Раппаханок. После того как в результате форсированных маршей корпусу Джексона удалось добиться этой цели, Поп попытался уклониться от боя, но был остановлен, и тогда завязалось второе сражение у потока Буль-Рён, которое, подобно столкновениям у Элкхорн-Таверн и у Бьютифул-Окс и Севн-Пайнз, продолжалось два дня (29 и 30 августа 1862 г.). Армия Попа оказалась не в состоянии охватить левый фланг противника, так как последний был защищен ручьем Буль-Рён и лесами, т. е. местностью, похожей на ту, которую имел перед собой Мак-Магон под Вёртом[1]. Одолеть Джексона чисто фронтальными атаками оказалось невозможным. Подошел второй корпус конфедератов и вследствие медлительности стоявших против него унионистских войск, не встречая в своем продвижении никаких препятствий, соединился с корпусом Джексона непосредственно перед неприятельским фронтом. Командир этого корпуса Лонгстрит попытался осуществить фланговый удар при помощи последней свежей дивизии, которой располагали конфедераты. В распоряжении Попа имелось достаточно свежих частей, чтобы отразить этот маневр; Поп не был, однако, тем человеком, который, не поддаваясь дезориентирующим личным впечатлениям, получаемым от боя, мог бы привести в движение плохо организованные и плохо обученные массы войск. В результате этого, охват левого унионистского фланга удался Лонгстриту, и 62 000 унионистов оказались разбитыми 41 000 конфедератов почти до полного уничтожения. Правда, победители заплатили за свое торжество ценою 25% убитыми и ранеными.

Очень высокие потери убитыми и ранеными, имевшие место в эту войну, в соединении с шатким государственным строем, на Юге же еще и с деморализующим влиянием блокады, привели у обеих сторон к массовому явлению дезертирства. Конфедератам не удалось вновь довести состав своей армии до тех 90 000 чел., которые она насчитывала перед семидневным сражением. Несмотря на то, что после второго сражения у Буль-Рёна конфедераты стянули для похода на Вашингтон все, что можно было собрать, не оголяя побережья, Ли переправился через Потомак лишь с 70 000 чел. Из них в течение ближайших после этого 14 дней самовольно вернулось домой такое большое количество солдат, что в середине сентября 1862 г. Ли в сражении у р. Антитэм был в состоянии двинуть в бой лишь 52 000 чел. Из 90 000 конфедератов постепенно дезертировало почти 40 000 чел. У р. Антитэм Ли подвергся нападению со стороны Мак-Клеллана, обладавшего армией в 87 000 чел., и вследствие резко неблагоприятного численного соотношения не мог выйти за пределы чистой обороны. Правда, ему удалось нанести одному из наступавших корпусов потери убитыми и ранеными в 20% его состава, другому корпусу — даже в 40%, однако и его собственная армия потеряла пятую часть своего состава убитыми или ранеными. Сражение осталось тактически

[1] Сражение под Вёртом произошло 6 августа 1870 г. во время франко-прусской войны. Французскими войсками командовал маршал Мак-Магон. — *Ред.*

нерешенным; стратегически, однако, Ли признал свое поражение, приступив к отступлению через Потомак. Мак-Клеллан мог победить,— даже, пожалуй, одним ударом закончить войну, если бы он больше доверял своим войскам. Но вечером в день сражения он не рискнул двинуть вперед три еще нетронутых корпуса, хотя его противники давно уже ввели в бой все свои войска, до последнего солдата и последнего орудия. То обстоятельство, что моральная гибкость изменила унионистскому командующему, следует приписать тому состоянию разгрома, в котором остальные 3½ его корпуса вышли из неумелых, взаимно не связанных фронтальных атак.

После сражения восстановление этих частей потребовало продолжительного времени. Унионисты возобновили свое наступление на другом берегу р. Потомак только через 8 недель. В середине декабря 1862 г. под Фредериксбёргом 85 000 унионистов под командой Бёрнсайда встретились с 54 000 конфедератов. Ли опять придерживался тактики обороны и отразил при этом натиск двух неприятельских корпусов, нанеся им тяжелые потери, достигшие 30% их боевого состава. На другом участке поля сражения одна из унионистских дивизий потеряла убитыми и ранеными даже 44% своего состава. Положительную роль, которую сыграли для Ли в предыдущих сражениях ручьи Буль-Рён и Антитэм, в сражении под Фредериксбёргом выполнила р. Массапонакс, прикрывавшая правый фланг армии конфедератов. Бёрнсайд проявил себя полководцем не того масштаба, который требовался для увлечения неповоротливых частей через Массапонакс, единственную и не очень значительную преграду, находившуюся на пути охвата правого фланга конфедератов. Все свелось поэтому к бесполезному взаимному избиению в целом ряде фронтальных атак. В противоположность протекавшему подобным же образом сражению при р. Антитэм, Ли после отражения неприятельского наступления не отступил, ибо теперь он сражался в собственной стране. Поэтому у унионистов создалось такое впечатление, будто они понесли тяжелое поражение. Это привело к возмущению против Бёрнсайда. Линкольн был вынужден назначить главаря возмутившихся — Хукера — на пост главнокомандующего, хотя он и не питал никакого доверия к его способностям.

В августе 1862 г., ко времени второго сражения у Буль-Рёна, 54 000 конфедератов прикрывали восточную часть Тенесси против 49 000 унионистов. Командующий конфедератов Брагг вел маневренную войну. Он двинулся на базу унионистов Луизвилл в Кентукки. Его противник Бьюэлл пошел вслед за ним, и между обеими армиями возникло состязание на скорость, имевшее целью Луизвилл и длившееся целый месяц. Бьюэлл несколько опередил конфедератов, стянул к себе подкрепления и с 60 000 чел. перешел в наступление против Брагга, располагавшего всего лишь 35 000 чел., так как он не смог восстановить огромные потери, понесенные им на походе. В октябре 1862 г. произошло сражение при Перривилле, в котором 53 000 чел. унионистских милиционных войск во главе с полководцем среднего ранга оказались, вследствие своей медлительности, неспособными раздавить 16 000 конфедератов. При этом две участвовавшие в бою дивизии Бьюэлла потеряли убитыми и ранеными: одна — 20% своего состава, другая — 27%; в то же время одна из сражавшихся дивизий конфедератов потеряла 35%, а одна из их бригад — даже около 50%.

Брагг был оттеснен в Средний Теннеси. На рубеже 1862 и 1863 гг. у р. Стон он с 38 000 чел. атаковал 43 000 унионистов. Он напал на унионистского полководца Розкранса в его лагере, пытаясь охватить его правый фланг. Войска Розкранса так же мало подумали о том, чтобы защититься от нападения полевыми укреплениями у р. Стон, как в свое время части Гранта у церкви Шило. Бой был бы бесспорно проигран подвергшейся нападению армией, если бы в охватывающем маневре конфедератов не произошел 3-часовой перерыв вследствие того, что их пехота, обладавшая плохой огневой дисциплиной, расстреляла свои патроны, как некогда у р. Вилсон. Исключительно плохо организованный транспорт сумел доставить новые боеприпасы только с большим промедлением. Во время этого перерыва Розкранс сделал свое отброшенное назад правое крыло недоступным, сосредоточив на нем массы артиллерии, т. е. того рода войск, в котором Север, благодаря пенсильванской военной промышленности, обладал как в количественном, так и в качественном отношении значительным превосходством над Югом. На другом фланге ни один из обоих командующих не решился на наступление, хотя оно представлялось вполне осуществимым. Таким образом, сражение свелось к фронтальным атакам. Потери убитыми и ранеными достигли 28% состава армии у наступавших и 25% у оборонявшихся.

В мае 1863 г. Хукер с армией в 90 000 чел. перешел в наступление против Ли, располагавшего 45 000 чел. Ли хотел — в духе Мольтке — образовать из своих войск, численностью уступавших противнику, две армии, которые должны были бы действовать раздельно; однако, он отказался от этой мысли в ходе ее осуществления, убедившись на практике в связанных с ней опасностях. После этого он двинулся на Хукера сомкнутой массой, пытаясь охватить его левый фланг. Однако, раньше чем он приступил к осуществлению этого маневра, его собственный правый фланг оказался охваченным корпусом Джексона. Он так же мало защищал свой лагерь полевыми укреплениями, как Грант у Шило и Розкранс у р. Стон, и фронт его был прорван. Хукер располагал еще целой армией свежих частей, в то время как боевые силы противника были уже полностью втянуты в бой и понесли чувствительные потери. Характер местности также позволял унионистам попытаться наносить фланговые удары как справа, так и слева. Хукер, однако, в такой же незначительной степени использовал свои мощные ресурсы, как Мак-Клеллан у р. Антитэм и Поп у Буль-Рёна. Он ограничился тем, что на том участке своего расположения, который подвергся охвату, образовал уступ, после чего отступил. Из 46 000 чел. унионистской пехоты, введенных в бой на правом фланге и в центре расположения северян, 31 000 чел. оставили свои ранцы неприятелю. Потери унионистов убитыми и ранеными составили здесь 17%; на левом фланге, где энергичный ген. Сэджвик вел самостоятельный бой, они достигли 25%. Многие батальоны Сэджвика потеряли убитыми и ранеными даже 35—40%. Потери левого крыла конфедератов составили одну треть боевого состава частей, дивизии же Даниэля Хилла потеряли еще больше, и притом после того, как уже ранее в этой дивизии пало на поле брани свыше 100% ее первоначального состава.

Новое возмущение офицеров в лагере унионистов привело к свержению Хукера; 58 батальонов из общего числа 268 батальонов Потомакской армии были расформированы вследствие скверного мораль-

нсго состояния, в котором они оказались после поражения. Ли вновь переправился через Потомак, и в начале июля 1863 г. между ним и преемником Хукера, ген. Мидом, произошло сражение у Геттисбёрга. Мид, располагая 93 000 чел. против 70 000 солдат Ли, придерживался чисто оборонительной тактики; в противоположность Попу, Мак-Клеллану, Бёрнсайду и Хукеру он, несмотря на свое численное превосходство, отказался от охвата неприятельской армии. Он прикрыл свое расположение окопами, которые Ли пытался охватить на обоих флангах; однако, ему нехватало сил для этого. Оборонявшиеся потеряли убитыми и ранеными пятую часть боевого состава своей пехоты, наступавшие — столько же, не считая знаменитой дивизии Пикета, потерявшей свыше половины своих людей.

На р. Миссисипи Грант весной 1863 г. обошел крепость Виксбёрг и атаковал ее с юга. Для этого ему пришлось оставить свою базу и, находясь перед противником равной с ним силы, заставить свою 33-тысячную армию в течение 3 недель продовольствоваться на месте. Грант пошел на это против воли верховного командования, которое, принимая во внимание недисциплинированность милиционных войск, признавало систему реквизиций неприменимой. Первый из унионистских генералов, за исключением Томаса в сражении при Спрингс-Милл, Грант строил свои операции по принципу «двигаться врозь, бить вместе» в том именно смысле, что он стремился к соединению войск на поле сражения, и притом с разных направлений. В мае 1863 г. он, в результате применения этого принципа, охватил противника с трех сторон у холма Чемпион и после победы, несмотря на сопротивление командиров дивизий, провел такое энергичное преследование противника, какого мы в эту войну со времени боя у Спрингс-Милл больше не наблюдали. Из 18 000 конфедератов, сражавшихся у холма Чемпион, только 7 000 чел. вернулось обратно в пункт своего выступления — Виксбёрг. Последний, однако, все еще защищался армией в 43 000 чел., расположенных частью в крепости, частью к востоку от нее. Владея внутренней операционной линией между этими двумя группами войск, Грант осадил Виксбёрг всего лишь с 40 000 чел., подобно тому как в свое время, располагая меньшими, нежели неприятель, силами, он осадил корпус Флойда в форту Донельсон, не обращая внимания на неприятельские войска, находившиеся у него в тылу. Он облегчил себе задачу путем опустошения местности, по которой должна была пройти армия, предназначенная для освобождения Виксбёрга. Центр штата Миссисипи, город Джексон, был сожжен вместе со своими фабриками. Одна дивизия унионистов прошла по богатой местности к северо-востоку от Виксбёрга, забрала скот и другие сельские продукты для нужд армии, уничтожив огнем на протяжении 72 *км* весь остальной скот и продукты. Таким же образом грабили и жгли на противоположном берегу Миссисипи. Вообще Грант был практическим инициатором стратегии «à la Mélac», в которую превратилась у Северных штатов идея войны на истощение.

Осенью 1863 г. борьба за восточную часть штата Тенесси, вызвавшая сражение при Перривилле и р. Стон, получила свое разрешение в двух сражениях при Чаттануге. У ручья Чикамауга Брагг, располагая 61 000 чел. пехоты и артиллерии, бросился на армию унионистов, состоявшую из 47 000 чел. тех же родов войск. Унионистской армией командовал, как и в сражении на р. Стон, Розкранс. Он укрепил свое

расположение при помощи древесных стволов и железнодорожных рельсов и за все время двухнедельного боя оставался в состоянии обороны. Располагая превосходством сил, Брагг надеялся получить возможность произвести охват противника с обоих флангов. Однако, методу, которым Брагг руководил сражением, нехватало того пренебрежения опасностью, которым характеризуется воля к победе любой ценой. Поэтому под командой Брагга милиционные части конфедератов маневрировали не намного лучше, чем это делали милиционные войска унионистов под командованием столь многих полководцев. Вместо того, чтобы охватить своего противника, конфедераты сами боялись оказаться охваченными и окопались. Правда, Розкранс, в конце концов, признал сражение проигранным и отступил, так что Брагг мог приписать себе победу. Однако, он потерял убитыми и ранеными 25% своих боевых сил; его противник тоже потерял 23%. С обеих сторон были двинуты в бой последние силы; однако, этот героизм не может заслонить печальную картину постоянных фронтальных боев. Это кровопролитное оперативное однообразие прерывается вторым сражением при Чаттануге, в котором Гранту удается, располагая 51 000 чел. пехоты, окружить с трех сторон неприятельскую армию в составе 27 000 ружей и в результате этого, в конце концов, прорвать ее центр. 48 батальонов, осуществившие этот прорыв, потеряли убитыми и ранеными пятую часть своего боевого состава; один батальон из Индианы потерял в течение ¾ часа полных 60% своего состава.

В этом обзоре наиболее выдающихся моментов предшествующего хода войны мною приведены также данные о численности армий, участвовавших в сражениях, а также о потерях убитыми и ранеными, понесенных этими армиями. Я хотел бы добавить здесь еще кое-какие данные относительно общей численности призванных под ружье в эту войну и ставших ее жертвами. Несмотря на наличие цитировавшейся выше и заслуживающей внимания книги Ливермора, исследователю приходится иметь здесь дело с очень ненадежным материалом. Как на Севере, так и на Юге существовали формирования, служившие только для игры в солдаты или предоставлявшие убежища дезертирам. Включать их численность в общий подсчет означало бы фальсифицировать результаты. Кроме того, на Севере обязательства служить в войсках давались иногда на очень короткие сроки, вплоть до 14 дней. Завербованные на этих условиях числились в списках в качестве солдат гражданской войны. Всего за время войны на Севере было подписано 2 900 000 обязательств о поступлении на военную службу; нам неизвестно, однако, сколько человек дало подобные обязательства более чем один раз. Средняя годовая численность находившихся под ружьем унионистов составляла, якобы, 830 000 чел.[1]. Принимая во внимание массовое дезертирство, мы можем спокойно сократить его до 600 000. Затем не следует забывать, что весьма значительная часть этого бремени перекладывалась на очень многочисленных тогда иммигрантов. Далее, после прокламации Линкольна от сентября 1862 г. было организовано несколько воинских частей из невольников, перебежавших к унионистам из Южных штатов. В общем, из 22 млн. граждан Союза приняло участие в войне вряд ли больше 2,25%.

[1] Считая с января 1862 г. по январь 1865 г.

Потери унионистской армии убитыми и ранеными составляли в год, в среднем, 100 000 чел., т. е. от 600 000 чел. — шестую часть. К этому количеству необходимо, однако, прибавить еще 60 000 чел., которые в среднем ежегодно падали жертвой болезней или несчастных случаев. Мы приходим, таким образом, к средней ежегодной убыли вследствие смертей или ранений в размере свыше четверти состава войск.

Число конфедератов на всех театрах войны Ливермор оценивает на 1 января 1863 г. в 54% числа унионистов. Больше 62% численности их противников они никогда не составляли. В среднем, за вычетом различных категорий дезертиров, под ружьем ежегодно находилось, повидимому, 320 000 конфедератов. Эта цифра составляет свыше 6% белого населения Южных штатов.

Количество раненых, убитых, умерших от болезней и несчастных случаев составляло, повидимому, в среднем за год свыше 40% фактического состава армии.

После этой экскурсии я возобновляю нить рассказа, который я довел до окончания операций в 1863 г. Кампания 1863 г. после блестящего триумфа под Чанселлорсвиллом приняла для Юга плохой оборот. Она навсегда положила конец надежде Ли захватить Вашингтон и наложить руку на пенсильванскую военную промышленность. Падение Виксбёрга прервало железнодорожное сообщение между четырьмя миссисипскими штатами и семью центральными и восточными. Сражения при Чаттануге стоили конфедератам остальной части Теннесси и открыли противнику дорогу на Георгию. Одиннадцать штатов вышли из Союза и образовали Конфедерацию; однако, источники снабжения, предоставляемые пятью из этих штатов, были теперь вновь отняты у ричмондского правительства. Кроме того, оно было лишено и Западной Виргинии.

Для деятелей вашингтонского правительства Грант долго являлся спорной личностью. В партийно-политическом отношении он был безупречен; однако, сражение при церкви Шило омрачило блистательный триумф форта Донельсон и считалось доказательством его стратегической неполноценности. Правительственные деятели видели лишь, что Грант допустил в первый день боя нападение врасплох на его армию и что на второй день он совершенно не использовал имевшегося у него численного превосходства. Вашингтон не обращал внимания ни на крупный стратегический ход, заключавшийся в выборе позиции, ни на тот факт, что при наличии большого военного опыта этот впоследствии вполне себя оправдавший унионистский генерал превратил бы сражение у Шило в громадную победу северян. Однако, после того как дальнейшие события доказали, что, за исключением одного лишь Томаса, Грант на целую голову выше остальных унионистских полководцев, боевые силы северян получили в результате гораздо более строгую организацию. В марте 1864 г. Грант был назначен главнокомандующим всеми армиями, с тем, правда, условием, что верховное командование сохраняется за Вашингтоном, в руках «General-in-chief» (верховного главнокомандующего) Генри Халлека. Между Халлеком и Грантом существовали значительные разногласия еще со времени сражения у церкви Шило. Если бы события развивались в соответствии со стратегическими взглядами Халлека, Виксбёрг никогда не был бы взят. Так и теперь верховное командование все время вмешивалось в ход операций, создавая

различные препятствия. Оно предназначило ген. Бенкса с его армией для овладения штатами Луизиана и Техас. Сам Бенкс был против этого предприятия, так же как и Грант. Однако, Халлек упорно настаивал на своем. Из пределов молодой Мексиканской империи через Галвестон в Техасе к конфедератам, к которым Максимилиан I и его покровитель Наполеон III питали большие симпатии, поступало снаряжение. Транспорты оружия шли и помимо железной дороги из Галвестона в Атланту и Ричмонд. В вознаграждение за это техасцы защищали монархическое правительство в Мексике, являвшееся бельмом в глазу вашингтонского кабинета. Максимилиан добился перевеса над президентом Хуарецом, несомненно, в значительной степени благодаря нитям, связывавшим техасское побережье с устьем р. Рио-Гранде-дель-Норте. Хуарец был в состоянии вести лишь партизанскую войну. Однако, именно его Соединенные штаты признали в качестве единственного законного правителя Мексики, и, чтобы облегчить его положение, Вашингтон отправил Бенкса с 30 000 чел. Для покорения двух восставших штатов с белым населением в 700 000 чел. сил этих было недостаточно, и в марте и апреле 1864 г. поход Бенкса потерпел неудачу.

Если бы Халлек следовал советам Гранта, он направил бы армию Бенкса не в глубь Луизианы, а двинул бы ее вместе с флотом к побережью Алабамы. Захват порта Мобил заткнул бы здесь одну из самых больших отдушин Конфедерации. К тому времени унионисты занимали в Мексиканском заливе один лишь Нью-Орлеан, в то время как в Атлантическом океане в их руках находилось 15 прибрежных городов отложившихся штатов. В результате блокады и потери железной дороги Виксбёрг, Джексон конфедераты уже задыхались. Войскам уже больше не выдавались полные пайки. В зиму 1863/64 г. многие части подолгу оставались без обуви; встречались солдаты в хлопчатобумажных кальсонах, без брюк. Один из солдат ходил так всю зиму, и только весной 1864 г. ему были наконец выданы брюки. Если бы не лишения, вызванные утратой территории и блокадой,— лишения, которым содействовала также применяемая Грантом стратегия войны на истощение,—на Юге дезертирства было бы меньше. При существовавших условиях дезертирство продолжалось в одинаковых, примерно, размерах в обоих лагерях; и это — несмотря на то, что правительство в Ричмонде, которое отнюдь нельзя было признать слабым, делало величайшие усилия, чтобы вытравить это зло. В кампанию 1864 г. численное соотношение сил продолжало оставаться таким же, как и в предыдущем году, и 320 000 конфедератов должны были оказывать сопротивление 570 000 унионистам. Те из конфедератов, которые остались под знаменами, отнюдь не отказывались довести до конца неравный бой. При всех своих недостатках это был отборный солдатский материал. Не всякое несовершенство в своем вооружении конфедераты воспринимали одинаково болезненно. Так, в частности, несмотря на посредственное качество ружей, они находили утешение в том, что владели этим оружием гораздо более умело, нежели их противники.

Итак, Грант стоял во главе армии в 570 000 чел., имея чин генерал-лейтенанта. Никто в Союзе не удостаивался раньше этого чина, за исключением Вашингтона, да и тот был произведен в генерал-лейтенанты только за несколько лет до своей смерти. Нельзя сказать, чтобы это высокое звание ударило Гранту в голову. Давая объек-

тивную оценку способностям многих генералов, снятых с должности за мнимую неспособность, он многим из них, как, например, Мак-Клеллану, Бёрнсайду, Фремону, Криттендену, вновь дал назначение в армию. Он давал себе отчет в трудностях, возникавших для американских генералов из милиционного характера армии. Грант хотел было даже вновь дать назначение ген. Бьюэллу, который так навредил ему в сражении у церкви Шило и затем под Перривиллом оказался столь мало подходящим для роли полководца. Бьюэлл, однако, отказался из личного раздражения против Гранта. Последнему не всегда легко удавалось проводить в жизнь реабилитацию этих генералов, так как каждый командир корпуса,— все они состояли в чине генерал-майора,— должен был утверждаться в должности сенатом, где зачастую эти вопросы решались под углом зрения политики, а не военных соображений.

Во главе Потомакской армии остался Мид, выигравший с нею сражение под Геттисбёргом. Однако, Мид находился в подчинении у Гранта. Последний пожелал, наряду с верховным командованием над всеми армиями, оставить за собой непосредственное командование на главном театре военных действий, в Виргинии. Почти такую же важность имело руководство операциями в Георгии, против столицы которой, Атланты, было поручено действовать Шерману со стороны Восточного Тенесси. В апреле 1864 г. Шерман собрал у Чаттануги 100 000 чел., в то время как Грант в Виргинии располагал 140 000 чел. [1]. Боевые силы Гранта были разбиты на три группы, находившиеся на значительном расстоянии одна от другой. Основная часть его сил была расположена у Калпепера, к северу от р. Рапидан; она насчитывала около 100 000 чел. 17 000 чел. находилось под командой Зигеля, носившего звание начальника департамента Западной Виргинии. После изгнания конфедератов из Восточного Тенесси соседний молодой штат — Западная Виргиния — должен был стать базой для удара, направленного против виргинских железных дорог. Хукер попытался проделать то же самое перед сражением под Чанселлорсвиллом; это оказалось, однако, ударом по воздуху, так как операция была поручена одной лишь кавалерии. Теперь все три рода войск должны были действовать совместно для уничтожения железнодорожной сети Виргинии, и притом в двух направлениях — из Западной Виргинии и из долины Шенандоа. В Западной Виргинии под начальством у Зигеля находился ген. Крук. Он должен был двинуться на Нью-Ривер-Бридж, находившийся на Центральной виргинской железной дороге. Эта железнодорожная станция была удалена от штаб-квартиры Крука, находившейся в Чарлзтоне на р. Грейт-Кеноуа, примерно на 165 *км*. Если бы Крук захватил Нью-Ривер-Бридж, он мог бы оттуда легко пробиться к солеварням в Солтвилле и свинцовым рудникам Уайтвилла; оба эти предприятия имели жизненное значение для Конфедерации. Как уже было упомянуто выше, Югу приходилось во время войны покрывать свою потребность в соли частью поставками с Севера. Грант предлагал Круку, чтобы он поступил с Солтвиллом и с Уайтвиллом таким же точно образом, как сам он, Грант, поступил со столицей штата Миссисипи, Джексоном.

[1] Летом и осенью 1863 г. под Геттисбёргом, у Виксбёрга и на р. Чикамауга унионисты действовали в количестве 210 000 чел.

Крук имел указание продвигаться из Нью-Ривер-Бридж вдоль Центральной виргинской железной дороги до Линчбёрга, важного железнодорожного узла, находившегося примерно в 180 *км* от Ричмонда. Из Линчбёрга Крук мог попытаться установить связь со своим начальником Зигелем, получившим распоряжение продвигаться вверх по долине Шенандоа до Стоунтона, ведя одновременно войну «à la Mélac» как в отношении железных дорог, так и в отношении всей неприятельской экономики. По поводу цели, которую Грант преследовал отправкой корпуса Зигеля, он говорит следующее: «Противнику пришлось бы либо сосредоточить большие силы для прикрытия своих путей сообщения, либо же допустить их уничтожение, с тем чтобы большое количество столь нужного ему фуража и съестных припасов попало в наши руки».

Штаб-квартира Зигеля в Кемберленде на Потомаке в штате Мэриленд находилась от Калпепера на расстоянии 165 *км*. Расстояние от Кемберленда до штаб-квартиры Крука — в Чарлзтоне на р. Кеноуа было несколько больше, 290 *км*. Железных дорог здесь еще вообще не было. Калпепер и Кемберленд имели связь только окольным путем через Вашингтон. Таким образом, Потомакская армия и корпус Зигеля должны были действовать, не имея контакта между собою, корпус же Зигеля был, кроме того, разделен на две части.

Со вторым корпусом, предназначенным для самостоятельных действий отдельно от Потомакской армии, у последней связь была лучше. Этот корпус, численностью в 22 000 чел., сосредоточился в устьях рек Йорк и Джеймс и находился под командованием ген. Бетлера. Чтобы сформировать этот корпус, Грант стянул из занятых унионистами городов побережья все части, которые не представлялись безусловно необходимыми для удержания этих пунктов. Сам он отправился к Бетлеру в форт Монро, чтобы дать ему указания. В качестве стратегического объекта для Бетлера Грант указал на Ричмонд. Сюда он должен был решительно наступать вдоль южного берега Джеймса и загнать конфедератов в город; после того как противник укроется за укреплениями этого города, Потомакская армия проследует к Ричмонду морем.

Таким образом, Грант предполагал повторить поход на полуостров, предпринятый 2 года тому назад Мак-Клелланом. Однако, в то время как Мак-Клеллан располагал под Ричмондом только 75 000 чел., Грант вместе с Бетлером должен был иметь 124 000 чел. Между тем Ли располагал в 1862 г. армией в 90 000 чел., в 1864 же году — только в 80 000 чел. В распоряжении Гранта имелось достаточно сил, чтобы образовать на полуострове две армии и взять Ли в клещи. В отношении укреплений Вашингтона в течение этих двух лет было наверстано все то, чего еще недоставало в 1862 г. Военных частей, которые могли бы быть использованы для прикрытия Вашингтона на случай диверсии Ли через долину Шенандоа, в 1864 г. хватало в такой же мере, как и в 1862 г. Разница заключалась лишь в том, что Грант пользовался доверием правительства, в чем Мак-Клеллану в свое время было отказано как в военном, так и в политическом отношении. Правительство верило, что Грант предотвратит диверсию Ли против Вашингтона, как бы сильна она ни была, и не подозревало его ни в малейшей степени в каких-либо планах государственного переворота.

На 5 мая 1864 г. Грант назначил одновременный переход в наступление на всех театрах военных действий. С главными силами своих войск он двинулся на Ричмонд, чтобы сковать Ли в Северной Виргинии и предотвратить возможность выделения конфедератами против Бетлера частей, равных по силе его войскам. Уже 4 мая Потомакская армия перешла Рапидан по тому же броду, которым она под командованием Хукера воспользовалась в свое время, для того чтобы охватить левый фланг Ли. На следующий день унионисты были атакованы конфедератами на походе. Ли оставил свой сильно укрепленный лагерь с штаб-квартирой в Орандж-Инн, и по двум дорогам, пересекавшим «Уилдернесс» в направлении с запада на восток, конфедераты двинулись на правый фланг Гранта. 79 000 унионистов пришлось перестроиться из походной колонны в боевой порядок фронтом на запад вместо юга. Сражение продолжалось 2 дня на различных участках вокруг Уилдернесс-Инн, к северо-западу от Чанселлорсвилла.

Обе стороны упирались своими северными флангами в Рапидан, стремясь все время охватить южный фланг своего противника. Как для унионистов, так и для их противников развернуться с узких дорог, пересекавших эту местность, было очень нелегкой задачей. Однако, армия конфедератов была подвижнее, ибо она была количественно меньше; она насчитывала всего лишь 49 000 чел., т. е. на 30 000 чел. меньше, нежели унионистская армия [1].

К вечеру первого дня сражения обеим сторонам нехватало еще по одному корпусу, находившемуся еще на походе. Этими корпусами командовали генералы, стоявшие друг против друга в сражении при Ноксвилле, а именно — Лонгстрит и Бёрнсайд. Корпус, составлявший до появления на поле сражения Бёрнсайда южный фланг унионистов, отчаялся в возможности осуществления полученной им инструкции — охватить противника, хотя ряды конфедератов тоже были сильно поколеблены, и возвел три линии полевых укреплений. На северном фланге, где нельзя было достигнуть тактического решения, унионисты под яростным натиском противника почувствовали себя в таком угрожаемом положении, что для удержания фронта было привлечено даже охранение обозов. С другой стороны, ряды наступавших настолько растаяли в результате этих лобовых атак, что, не будучи уверены в возможности выдержать контратаки противника, они основательнейшим образом окопались.

Корпус Бёрнсайда появился на поле сражения ранним утром на второй день боя, проделав переход в 50 *км* по прямой. Это было несомненно достижение, тем более что корпус состоял на две трети из новых формирований. Однако, при форсированных маршах главное состоит не только в том, чтобы во-время достигнуть решающего участка боя, но и в том, чтобы войска не утратили на походе своей боеспособности. В этом отношении в корпусе Бёрнсайда дела обстояли так же плохо, как и с пехотой Мак-Доуэлла перед первым сражением у Буль-Рёна. В результате получилось, что части Бёрнсайда, от которых Грант ожидал оттеснения армии конфедератов от Ричмонда, оказались слишком слабы и для решения этой задачи. Корпус Лонгстрита, перенесший ночной марш лучше своего против-

[1] По условиям местности кавалерия обеих сторон не участвовала в сражении. В приведенных данных не учтена и артиллерия. Численность унионистского батальона следует принимать в 320 чел., батальона конфедератов — в 350 чел.

ника, отразил удар последнего и своим контрударом почти совершенно опрокинул его. Один из полковых командиров унионистской армии следующим образом описывает, какой вид имели части, составлявшие южный фланг унионистов в послеполуденные часы 6 мая: «Они выглядели не как солдаты, передвигающиеся по приказу своих начальников, а как вооруженная толпа, возвращающаяся в состоянии недовольства с учения. Время от времени отдельные охваченные паникой парни убегали с поля боя, как будто от быстроты бега зависело спасение их жизни; однако, преобладающая масса передвигалась очень размеренным шагом. Напрасны были все усилия приостановить этот отход; люди были одинаково недоступны как для приказов, так и для просьб».

План Гранта оттеснить Ли от Ричмонда не удался; однако, кроме этого своего отрицательного успеха, Ли ничего не смог добиться. Для этого он был слишком слаб, да и характер местности не допускал осуществления фланговых ударов, которые могли бы обратить противника в бегство, как это дважды имело место у Буль-Рёна. В этих сражениях на унионистов, особенно чувствительных на своих флангах, уничтожающе действовал фланкирующий огонь артиллерии конфедератов; однако, в данной дикой местности возможность применения артиллерии ограничивалась защитой окопов. Вся местность ощетинилась этими окопами точно так же, как и в последней фазе сражения при Чанселлорсвилле. Под огнем противника окопался также и корпус Лонгстрита, после того как его многообещающие успехи все же не привели к охвату превосходных сил противника. Построенные из древесных стволов брустверы в отдельных местах загорались и отделяли сражающихся непроходимой стеной огня и дыма.

Ли страстно добивался того, чтобы был охвачен левый фланг противника. Когда Лонгстрит старался собрать «в непроходимой чаще исковерканных стираксов[1] и кедров» свою перемешавшуюся пехоту и подготовить новую попытку охвата частей Бёрнсайда, ему пришлось почти так же плохо, как Джексону при Чанселлорсвилле. Подобно последнему он был при стрельбе тяжело ранен собственными солдатами. Если это случилось с двумя полководцами, то естественно поставить вопрос: сколько же офицеров низшего ранга испытали ту же судьбу? Несомненно, выход из строя Джексона и Лонгстрита не является простой отвратительной случайностью; оба эти факта показательны для оценки качества пехоты южан. Она не только подвергалась влиянию того беспорядка, который распространяется в частях после всякого сражения; разложение ее усиливалось еще и потому, что войска конфедератов представляли собой наскоро собранные милиционные части, лишенные знающих свое дело офицеров и хорошо обученных солдат.

Однако, дезорганизация у конфедератов все же была меньше, нежели в войсках унионистов. Потери последних убитыми и ранеными были, примерно, такие же, как и у их противников, и составляли пятую часть боевых сил. Но так как унионистская армия правильно понимала, что цель понесенных ею жертв, а именно — вытеснение противника из Ричмонда, последним предотвращена, то неповиновение офицеров и недисциплинированность солдат приняли форму громкого выражения недоверия верховному командованию. Стала распростра-

[1] Стиракс — дерево и кустарник, разводится ради его смолы. Растет в диком виде в Азии и в Америке. — *Ред.*

няться та же моральная атмосфера, которая привела Бёрнсайда под Фредериксбёргом и Хукера под Чанселлорсвиллом к отступлению после нерешенного сражения и в обстановке которой Мак-Клеллан у р. Антитэм и Мид под Геттисбёргом оказались не в состоянии использовать достигнутую победу. Грант, однако, был отлит из иного металла. Вечером на следующий день после сражения началось передвижение Гранта в направлении на Спотсилванию, вдоль правого фланга Ли. После того как не удался охват противника, Грант попытался обойти его. Маневр опять не удался; Ли сумел преградить унионистам путь у Спотсилвании. Уже 8 мая здесь произошел тяжелый бой. В этом бою пал Сэджвик, командовавший одним из четырех корпусов Гранта и знакомый нам по бою под Чанселлорсвиллом. Бой 8 мая был вступлением к 12-дневным окопным боям, достигшим своего кульминационного пункта в сражении 12 мая. 79 батальонов одного из унионистских корпусов внезапно атаковали 23 батальона одной дивизии конфедератов и вместе с 20 орудиями захватили ее в плен в занятых ею окопах, за исключением тех конфедератов, которые, упорно защищая этот «кровавый угол», пали в бою. Таким образом, в центре расположения Ли возникла брешь; однако, место прорыва было прегражденo, и конфедераты оказались в состоянии передвинуть значительные силы на оба свои фланга, которые пытался охватить Грант. Однако, как далеко ни заходили унионисты, повсюду они натыкались на легкие полевые укрепления противника. Даже позади р. По, опорного пункта левого фланга конфедератов, достигавшей 50 фут. ширины и не имевшей бродов, все еще тянулись окопы.

Мы читаем у Шермана: «Эти полевые укрепления являются особенностью Америки, хотя я убежден, что они применялись и римлянами в Галлии во времена Цезаря. Части, располагавшиеся на ночь или занимавшие позиции для боя, обращались фронтом к противнику, двигались вперед, пока не достигали точки, откуда им хорошо видна была расположенная впереди местность, составляли в козлы винтовки, собирали стволы, пни, жерди,— одним словом, все, что могло остановить пулю, нагромождали эти предметы впереди фронта, вырывали позади них рвы, выбрасывали песок впереди этих рвов и сооружали, таким образом, бруствер, прикрывавший людей столь же надежно, как гранитная стена».

Для того чтобы убедиться, насколько правильно было проведено Шерманом сравнение американских полевых укреплений с римскими, достаточно бросить взгляд на действия Цезаря против Ариовиста и против бельгов. Неспаянные милиционные части времен американской гражданской войны сильно отличались от римской милиции с ее беспощадной суровой дисциплиной, профессиональные же солдаты цезаревых легионов были еще более дисциплинированы, нежели милиция древних республиканских времен. «Так как не всегда имелась возможность и время срубать на месте необходимые для постройки укреплений колья,— рассказывает Дельбрюк о римлянах,— то солдатам приходилось зачастую, кроме тяжелого вооружения гоплитов [1], провианта и инструментов, топоров, лопат и пил, таскать на себе еще и эти колья». Мы неоднократно имели случай констатировать, какое недовольство проявляли американские солдаты, когда им надо было окапы-

[1] Гоплиты — тяжеловооруженные. — *Ред.*

ваться. Под Геттисбёргом полевые укрепления представляли собой неотделимую составную часть унионистского плана сражения; тем не менее, далеко не все полки имели с собой лопаты и кирки. Все же сооружение окопов постепенно находило себе признание. Бои происходили почти все время в девственных лесах, и наличие на месте леса облегчало работу. Недоставшая как офицерам, так и солдатам подготовка к стрелковому бою не могла быть полностью возмещена даже опытом, приобретенным во время войны. Последствием этого явились известные нам огромные потери убитыми и ранеными. Без искусственных прикрытий эти потери приняли бы такие громадные размеры, что даже храбрые американские войска не были бы в состоянии их выдержать. Ливермор, который рассматривает бои с 5 по 12 мая как одно единое сражение, исчисляет потери унионистов убитыми и ранеными в 30% их боевого состава. На стороне конфедератов эти потери в бою при Уилдернесс-Инн были не меньше, зато менее значительны они были в сражении при Спотсилвании. Здесь Ли снова выиграл игру, поскольку он заставил Гранта потерять надежду на возможность добиться охвата противника. Грант решился на новое обходное движение, и, начиная с 20 мая и до полудня 23 мая, унионисты осуществляли фланговый марш вдоль правого фланга Ли, по направлению к р. Анна. Когда они расположились лагерем на левом берегу р. Северная Анна, то оказалось, что обход не удался: противник занял позиции на правом берегу этой реки еще накануне вечером. Правда, в результате маневров Гранта противник был вынужден занять позиции, на которые Ли собирался отойти еще в декабре 1862 г., если бы Бёрнсайд упорно продолжал свое наступление. Обе армии находились сейчас в 50 *км* от Ричмонда.

Слияние обеих рек Анна около Хановер-Инна образует р. Памэнки. Из слияния же этой реки и р. Маттапони возникает р. Йорк. Таким образом, Грант, находясь на р. Северная Анна, сохранял при помощи водных сообщений связь с корпусом Бетлера, стоявшим к югу от р. Джеймс. В первый день сражения у Уилдернесс-Инн, 5 мая, этот корпус двинулся водой от форта Монро вверх по реке и на следующий день высадился у Бермуда-Хандред, к северу от того места, где Аппоматокс впадает в Джеймс. Между Порт-Уолтхоллом на р. Аппоматокс и р. Джеймс на протяжении 5 *км* по прямой были сооружены окопы. Таким образом, Бетлер создал себе опорный пункт, который, опираясь флангами в реки, был совершенно неприступен. Однако, на эти работы ушли два-три дня, которые были крайне необходимы противнику, чтобы сосредоточить свои силы. На стороне противника командовал Борегар, знакомый нам с хорошей стороны по первому сражению у Буль-Рёна и по сражению у церкви Шило. Теперь ему посчастливилось, как мало кому из полководцев конфедератов, располагать почти такими же силами, как и противник; у него было 21 000 чел. против 25 000. Кроме того, у Борегара имелось еще и то крупное оперативное преимущество, что если бы Бетлер двинулся на укрепленный Ричмонд, у него на левом фланге оказалась бы еще одна неприятельская крепость — Питерсбёрг на р. Аппоматокс, — промышленный город, имевший почти 20 000 населения. Ричмонд и Питерсбёрг находятся друг от друга на расстоянии 30 *км*. Таким образом, Бетлер имел перед собой, кроме неприятельской армии, еще и целый комплекс укреплений. Своим вторжением в этот комплекс Бетлер должен был обесценивать его для стратегических планов Ли.

К северу от Питерсбёрга протекает ручей Свифт, впадающий в Аппоматокс. Позади этого ручья стоял полковник Уайтинг с отрядом в 3 000 конфедератов. Бетлер полагал, что ему не следует оставлять этот отряд у себя в тылу, когда он двинется на Ричмонд из своего укрепленного лагеря у Порт-Уолтхолла. Поэтому он уклонился от данной ему Грантом инструкции наступать на неприятельскую столицу южным берегом Джеймса и вместо этого повел свою армию вверх по р. Свифт, вплоть до того места, где эту речку пересекает железная дорога Ричмонд, Уэлдон. Там находился также мост шоссейной дороги. Используя эти две переправы, Бетлер хотел форсировать позиции Уайтинга и смять его. Однако, уже при осуществлении этого плана у унионистского генерала возник ряд сомнений. Оба моста тщательно охранялись противником, и, чтобы освободить их, необходимо было предварительно переправиться через речку еще и в других местах. Между тем, речка имела крутые берега, была глубока, и пройти ее вброд было невозможно. В саперах у Бетлера, повидимому, не было недостатка. Этот род войск почти не существовал до войны, но на Севере он был постепенно создан, и Грант захватил с собою в Виргинию 3 000 сапер. Однако, наученный опытом этой войны Бетлер, повидимому, не питал никакого доверия к подвижности своей пехоты и артиллерии. Его стремление вперед оказалось совершенно парализованным, когда до него дошли слухи, что с тыла, со стороны Ричмонда, ему угрожает удар. Он приказал тогда отступить обратно за окопы у Порт-Уолтхолла. 22 000 чел. отступили перед 3 000 и, таким образом, были вновь потеряны для продвижения на Ричмонд 48 часов драгоценного времени. За этим последовал еще один день отдыха, и только после этого движение на Ричмонд было возобновлено. Растрачивание времени этим еще не закончилось; армии потребовались 4 дня, чтобы преодолеть расстояние в 7 *км* по прямой. Причиной этого черепашьего шага была осторожность. Так же как во время своего движения вдоль р. Свифт, когда Бетлер опасался удара в тыл со стороны Ричмонда, так и сейчас он боялся такого удара со стороны Питерсбёрга.

Наконец, он добрался до Дрюрис-Блаффа, где на южном берегу р. Джеймс начинались укрепления Ричмонда. Однако, вследствие медлительности Бетлера оказалось невозможным осуществить задачу, поставленную перед ним инструкциями Гранта, а именно — загнать противника за его укрепления таким образом, чтобы он не мог больше выбраться оттуда; дело в том, что Борегар тем временем сосредоточил все свои силы в Ричмонде, не считая отряда Уайтинга, попрежнему продолжавшего стоять позади р. Свифт. В Ричмонде находилось сейчас 18 000 чел.; Бетлер имел здесь 15 000. Он мог бы повести в сражение 20 000 чел., если бы использовал свою конницу, насчитывавшую 5 000 чел., для спешенного боя. Кавалерия унионистов была лучше обучена спешенному бою, нежели конница конфедератов. Вместо этого он отправил ее с поручением взорвать железные дороги к югу и к юго-западу от Ричмонда, чтобы таким образом затруднить сосредоточение сил противника. Железные дороги не очень пострадали от этого рейда, а вместо этого медлительностью Бетлера было вполне обеспечено своевременное сосредоточение войск Борегара. Само собою понятно, что Борегар, при его характере, не дал оттеснить себя к Ричмонду, а выступил вперед, чтобы боем помешать унионистам развернуться на участке между столицей Конфедерации и Питерсбёргом.

Следует отметить, что на наступательное сражение Борегар имел разрешение Джефферсона Дэвиса, который был верховным главнокомандующим вооруженными силами конфедератов, так же как Халлек на стороне унионистов. Начальником штаба при Дэвисе состоял Брагг, которого после поражения при Чаттануге пришлось сместить с должности командующего армией, ибо этого потребовала армия Тенесси. Ни Дэвис, ни Брагг не были стратегами, зато Борегар, выражаясь словами Бенедека[1], обладал искрой дарования. Он хотел дать Бетлеру бой на уничтожение, приказав отряду Уайтинга двинуться ему в тыл, в то время как сам он главными силами будет наступать на противника с фронта. Но Борегар и Дэвис не ладили друг с другом, как мы это могли заметить уже после первого сражения у Буль-Рёна. Дэвис запретил Борегару осуществлять планируемую им операцию в духе Мольтке, «ввиду опасности попытки соединять войска во время сражения путем подхода с противоположных направлений».

Дэвис требовал, чтобы Борегар, прежде чем ударить по неприятелю, притянул к себе отряд Уайтинга. Однако, в этом случае и Бетлер стянул бы к себе части, оставленные им для наблюдения за Уайтингом, так что для конфедератов вряд ли получилось бы от этого сколько-нибудь заметное численное превосходство. Мало того, промедление со вступлением в бой могло причинить конфедератам величайший ущерб, так как с часу на час можно было ожидать возвращения унионистской конницы из ее рейда против железных дорог Юга. Поэтому Борегар решил, что соединение отряда Уайтинга с его главными силами должно произойти по кратчайшему пути. Так как противник владел внутренними операционными линиями, то кратчайший путь лежал через предполагаемое поле сражения у Дрюрис-Блафф. Сюда, в тыл унионистам, Борегар и приказал двинуться полковнику Уайтингу. Однако, у Борегара нехватило смелости принять на себя безоговорочно всю ответственность за это самовольное распоряжение. В своей телеграмме Уайтингу он намекнул, что между ним и верховным главнокомандующим вооруженными силами конфедератов имеется расхождение в мнениях по оперативным вопросам. Это могло парализующе подействовать на способность Уайтинга принять то или иное решение.

У Дрюрис-Блаффа Бетлер приказал соорудить два ряда окопов. Вспомним, что при обороне Ноксвилла унионисты с успехом применили проволочные заграждения. Таким же образом и у Дрюрис-Блаффа они протянули впереди своего фронта телеграфную проволоку, снятую со столбов вдоль шоссе Ричмонд, Питерсбёрг. Для бригады, расположенной на крайнем правом фланге, проволоки нехватило; в результате, когда ранним утром 16 мая 1864 г. противник в густом тумане перешел в наступление, эта бригада была охвачена, и большая ее часть попала в плен. По сообщению одного из унионистских командиров дивизии, на участках бригад, защищенных проволокой, неприятельские солдаты лежали грудами впереди проволочных заграждений, где их расстреливали, точно куропаток. Очевидно, кое-что в этом сообщении похоже на правду, ибо газеты в Ричмонде называли проволочные заграждения дьявольскими изобретениями, на которые способен только мозг «янки»[2]. С другой стороны, известно,

[1] Бенедек — австрийский главнокомандующий в войне 1866 г. — *Ред.*

[2] В годы гражданской войны южане называли этим именем северян. — *Ред.*

что одна из бригад конфедератов понесла потери убитыми и ранеными в размере четверти своего боевого состава.

План сражения, намеченный Бетлером, был чисто оборонительный. Борегар со своими 18 000 солдат атаковал 15 000 унионистов с фронта и с обоих флангов и с нетерпением ждал момента, когда в тылу у унионистов появится из тумана отряд Уайтинга. Однако, полковник прибыл только на следующий день, и притом, как сообщает Борегар, в очень угнетенном состоянии. Это душевное состояние вполне понятно, потому что полковника заставили принимать решения по таким вопросам, разрешать которые являлось компетенцией более высоких, чем он, инстанций. Он впал поэтому в состояние осторожного бездействия и двинулся в Дрюрис-Блаффу лишь тогда, когда Бетлер со всеми своими войсками, включая и те, которые находились у станции Уолтхолл и были выделены для наблюдения за отрядом Уайтинга, начал отступление за окопы, сооруженные между рр. Аппоматокс и Джеймс.

В результате этого надежда Борегара уничтожить унионистскую армию осталась неосуществленной, тем более что вследствие тумана колонны главных сил армии конфедератов пришли в беспорядок. Тем не менее, Борегар одержал полную победу, и притом не только тактическую, но и стратегическую. Бетлер выступил, имея целью оттеснить конфедератов, находившихся на южном берегу р. Джеймс, за ричмондские укрепления. Если бы это ему удалось, войне вскоре был бы положен конец, — в этом мы убедимся из дальнейшего изложения. Теперь же самого Бетлера наступающие конфедераты отбросили в окопы Порт-Уолтхолла. Правда, окопы были неприступны; одной линии окопов и незначительных военных сил было достаточно для обеспечения этого фронта. Однако, Борегар имел возможность занять против Бетлера такие же обеспеченные с флангов реками позиции и привести их при помощи земляных работ впереди фронта в совершенно неприступное состояние. Грант сравнивает позицию, которую оказался вынужденным занять Бетлер, с хорошо закупоренной бутылкой, на пробке которой держал руку Борегар. Характеру Гранта была свойственна саркастическая критика по адресу его товарищей. Следует, однако, признать, что его ирония была не лишена основания. Неповоротливость и нерешительность Бетлера в очень значительной степени содействовали производящему столь комическое впечатление результату его удара против Ричмонда, ибо они дали Борегару возможность стянуть сюда достаточные силы для отпора. Оправданием Бетлера может отчасти служить лишь то, что при наличном составе в 20 000 чел. пехоты его корпус был, собственно говоря, слишком слаб для выступления против без малого 18 000 чел. пехоты конфедератов, поскольку речь шла, в конце концов, о задаче, имевшей решающее значение для исхода войны. Если Грант вывел часть военных сил из занятых им мирных прибрежных городов, для того чтобы сформировать корпус Бетлера, то, с другой стороны, и Брагг имел возможность также направить к Борегару на Виргинский театр военных действий части, взятые из Южной Каролины и других мест. В результате, армии конфедератов и унионистов, находившихся к югу от р. Джеймс, сохраняли, примерно, одинаковую численность. Для того чтобы сколько-нибудь заметно подкрепить Бетлера, Грант должен был бы ослабить армию Мида, которая силою в 79 000 чел. пехоты сражалась в «Уилдернессе» против 49 000 чел. Однако, на этом важ-

нейшем участке военных действий Грант считал необходимым иметь максимальное превосходство сил. В первую очередь необходимо было обеспечить продвижение главной армии в направлении на Ричмонд; по сравнению с этой задачей все прочие операционные планы, как бы важны они ни были, отступали на задний план. Поэтому положение дел, фактически сложившееся на том участке, где оперировал корпус Бетлера, было санкционировано Грантом тем, что он отозвал значительную часть этого корпуса и, переправив его водным путем, соединил с Потомакской армией. Однако, сильный отряд в составе всех трех родов войск остался у Порт-Уолтхолла, чтобы угрожать разрушением Виргинским железным дорогам.

Действия против железных дорог наряду с мероприятиями по разорению неприятельской территории являлись основными пунктами стратегии Гранта. Я рассказывал уже, что с этой целью в Виргинию должны были вторгнуться две летучие колонны: одна — из Западной Виргинии, другая — из Мэриленда, с тем чтобы соединиться между Линчбёргом и Стоунтоном. Ген. Крук, имевший в своем распоряжении в Западной Виргинии 9 000 чел., повел этот отряд в соответствии с полученными им указаниями к Нью-Ривер-Бридж на Центральной виргинской железной дороге и на протяжении нескольких километров взорвал здесь железнодорожные пути. Однако, он оказался не в состоянии произвести разрушение расположенных по соседству соленарен и свинцовых рудников. Его кавалерия, численностью в 2 000 чел., была атакована конницей конфедератов в составе 2 600 всадников, сражавшихся в конном строю, и 400 всадников, сражавшихся в пешем строю. Конфедератами командовал Джон Морган, знакомый нам по его удачным операциям против Бьюэлла в Восточном Тенесси. Победа, одержанная Морганом, заставила Крука отступить в Западную Виргинию, хотя неприятель выдвинул против него только упомянутые выше конные части и не выделил никакой пехоты. Но Крука угнетал недостаток военных припасов, которых нельзя было достать в пустынной местности на берегу Кеноуа. Поэтому, когда Зигель вторгся сюда из Мэриленда с 8 000 чел., он имел с собою 200 повозок, нагруженных боеприпасами для Крука. Зигель, однако, передвигался слишком медленно,— он делал в день по прямой не больше 6 *км*, и Крук не мог его дождаться. Эта лишенная подъема осмотрительность обеспечивала подвижному противнику значительный выигрыш времени, однако она имела свои причины. При помощи Центральной виргинской железной дороги Ли держал в своих руках внутреннюю операционную линию между Грантом и Зигелем. От Хановер-Джанкшена на р. Анна железная дорога шла прямо на Стоунтон — цель продвижения Зигеля в долину Шенандоа. Только непрекращавшиеся стремительные нападения Гранта предохраняли корпус Зигеля, как, впрочем, и корпус Крука, от того, чтобы не оказаться раздавленными выделенными для этого частями Ли. Независимо от этого, темп передвижения Зигеля определялся еще и полученным им указанием — основательным образом разорять территорию, по которой он проходил.

Тяжелой ошибкой Зигеля было то обстоятельство, что он прикрывал свои маршевые колонны с обоих флангов отрядами конницы, оперировавшими на слишком большом расстоянии от своих главных сил, в результате чего они были лишены поддержки со стороны этих сил. Конница южан, своевременно сосредоточенная ген. Имбоденом, бросалась сначала на один фланг, затем на другой и, располагая, таким

образом, численным превосходством на каждом из них, рассеивала противника. Это стоило Зигелю половины его кавалерии.

Так как Ли завяз в тяжелых окопных боях, которые я уже описывал, то для защиты железных дорог и для того, чтобы сдержать части Зигеля, он имел возможность выделить лишь совершенно недостаточные силы. Командовавший этими силами конфедератов Брекинридж телеграфировал ген. Имбодену, как командующему конницей конфедератов в долине Шенандоа, о своем приближении, чтобы обеспечить соединение с ним без всякой потери времени. Надо иметь в виду, что электрический телеграф, который в Европе был поставлен на службу военным операциям впервые лишь Мольтке, действовал уже во время американской гражданской войны в тылу всех фронтов.

Чтобы обеспечить себе сколько-нибудь достаточное количество пехоты, необходимой для решения сражения в его пользу, ген. Брекинридж спешил 500 всадников. К этому прибавились еще 400 кадетов Виргинского военного института в Лексингтоне под командой профессора этой школы полковника Шипа. Брекинридж сказал Шипу, что он поставит кадетов в резерв, но в случае необходимости использует их без всяких колебаний в бою.

Уже в день своего соединения с Имбоденом, 15 мая 1864 г., Брекинридж напал у Нью-Маркета на корпус Зигеля. Это было спустя 3 дня после сражения при Спотсилвании и за день до столкновения у Дрюрис-Блаффа. Брекинридж собрал 4 000 человек пехоты, Зигель располагал свыше 5 000 ружей. Кавалерия последнего не превосходила кавалерии противника, так как значительная часть ее была еще до этого рассеяна конфедератами. Зато Зигель имел в своем распоряжении двойное численное превосходство артиллерии.

Когда после полудня Имбоден с конницей конфедератов и одной батареей перешел мост через р. Смит и занял позицию против левого фланга Зигеля, двигавшиеся к унионистам еще 1 500 чел. пехоты не достигли Нью-Маркета. Батарея заняла позиции в 900 *м* от противника на возвышенности, представляющей собою отроги гор Мессенутан. Затем она открыла огонь и «действие его было магическое». Войска Зигеля показали себя в мае 1864 г. такими же чувствительными к фланговому огню, как и в августе 1861 г. у р. Вилсон. Для того чтобы переправиться через р. Смит и захватить беспокоившую их батарею, унионистским милиционным частям недоставало выучки; мы уже неоднократно наблюдали, как эти — одновременно и неповоротливые и неспаянные — отряды оказывались несостоятельными при наличии препятствий на местности, где им приходилось действовать.

Откатившись назад на левом фланге, унионисты в центре и на правом фланге тоже не были в состоянии оказать сопротивление натиску противника. Правда, превосходство оборонявшихся в отношении артиллерии причинило наступавшим тяжелые потери. При штурме одной унионистской батареи в центре один из батальонов потерял убитыми и ранеными 40% своего состава, и Брекинриджу пришлось решиться двинуть в бой из резерва отряд профессора Шипа. Четверть и этого отряда, состоявшего из 16—18-летних юношей, полегла на поле сражения; после этого удалось захватить два орудия, остальные же были увезены. В общем, унионистский боевой порядок откатывался назад. Для того чтобы прикрыть две батареи, находившиеся на его правом фланге, Зигель попытался двинуть в дело один

из Западно-виргинских батальонов. «Но, к моему изумлению, — пишет Зигель, — у них не было никакой склонности двинуться вперед; действительно, несмотря на все просьбы и ругань, людей нельзя было сдвинуть ни на шаг вперед...».

В результате и здесь были потеряны три орудия. В общем же конфедератов, которые в течение нескольких часов теснили своих противников, удалось сдержать благодаря самопожертвованию одного из унионистских батальонов, понесшего потери в 30% своего состава. В 5 час. утра Зигель установил связь с той частью свежей пехоты, которая не успела во-время подойти к полю сражения, и Брекинриджу пришлось прекратить свои атаки. На следующий день он получил срочную телеграмму из Спотсилвании с распоряжением немедленно снова погрузить свои войска в вагоны, так как Ли потерял там целую дивизию. Для прикрытия долины Шенандоа не осталось ничего, кроме 1 000 всадников ген. Имбодена у Нью-Маркета. Правда, этой местности, поскольку она еще была свободна от противника, на ближайшие недели не угрожала никакая опасность. Унионисты должны были сперва притти в себя после понесенной неудачи и расположились лагерем на хорошо укрепленных оборонительных позициях по ту сторону ручья Седар у Страсбурга. Зигель был смещен: «У него постоянные провалы», — сказал про него Халлек. В действительности это замечание следовало отнести не к нему, а к его молодым частям, с которыми, правда, этот немец справлялся так же мало, как и большинство генералов-американцев со своими собственными. На место Зигеля был назначен ген. Хентер, и оставалось только ждать, сумеет ли он добиться лучших результатов, нежели его предшественник.

На первых порах, пока у него не было равного ему противника, Хентер достиг ряда успехов. 1 июня он прогнал Имбодена из района Нью-Маркета и через Стоунтон двинулся в Линчбёрг, находящийся в 230 *км* от ручья Седар. В Стоунтоне он соединился с Круком, который снова вторгся сюда из Западной Виргинии. Унионисты насчитывали теперь уже 18 000 чел. Стоунтон вместе с сосредоточенными в нем запасами был предан огню, после того как Имбоден, которому удалось собрать несколько тысяч человек пехоты, дал унионистам бой в окрестностях этого города. Хентер к тому времени еще не успел соединиться с Круком; тем не менее, здесь дрались 8 500 унионистов против 5 500 конфедератов, причем последние потеряли больше четверти своего состава.

Уготовать Линчбёргу ту же судьбу, что и Стоунтону, — это было бы для Хентера не так легко, так как город был укреплен, унионисты же имели с собой мало артиллерии и боевых припасов. 16 июня Хентер осадил Линчбёрг, однако не был в состоянии бомбардировать город. Чтобы выручить этот важный пункт, Ли отправил сюда ген. Эрли с 15 000 чел. Оборот, который приняли к тому времени дела на Восточно-виргинском театре военных действий, позволил ему проделать это; к этому вопросу я еще вернусь.

Эрли двинулся от мельницы д-ра Гейнса (Гейнс-Милл) в долине Чикахомини, знакомой нам по семидневному сражению. В течение 4 дней его корпус покрывал, в среднем, по 32 *км* по прямой. Оставшиеся 90 *км* войска проехали по железной дороге в два дня. Для того времени это было достопримечательное достижение, тем более что железнодорожные пути были сильно повреждены унионистской конницей.

Хентер снял блокаду с Линчбёрга и стал отступать. Он, якобы, не был в состоянии подвезти боеприпасы. Но Эрли сильно превосходил его также и по количеству орудий. С этой точки зрения заслуживает внимания замечание Зигеля, что мероприятия против Виргинских железных дорог не удались потому, что в дело были двинуты слишком недостаточные силы. Это не лишено основания. Как мы видели выше, Бетлер был в состоянии выделить против железных дорог к югу и юго-западу от Ричмонда одну лишь конницу — и ничего больше из других родов войск. Крук был вынужден, не добившись цели, повернуть обратно в Западную Виргинию, так как у него нехватало самых необходимых боеприпасов. Таким образом, везде чего-нибудь да нехватало; в одном месте — пехоты, в другом — орудий, боеприпасов и т. д., главным же образом недоставало решительных командиров, которые, несмотря на недостаток вооружения, сумели бы повести за собою войска и удерживать их в строю. Что касается Хентера, то его малодушие зашло настолько далеко, что он не осмелился отступить в долину Шенандоа и тем прикрыть это ценное завоевание, как это предписывалось полученными им инструкциями. Наоборот, он повернул через Лексингтон в Западную Виргинию, где он использовал для своей защиты горную цепь Аллехени. Лексингтон подвергся разрушениям и пожарам. В пламени погиб Военный институт, воспитанники которого участвовали в бою при Нью-Маркете. Хентер собирался сжечь и университет и отказался от этого только вследствие протеста своих офицеров, указывавших на то, что университет был основан Вашингтоном.

В инструкции, предписывавшей Хентеру прикрывать долину Шенандоа, было указано, что он должен двинуться туда, после занятия и разрушения Линчбёрга, через Чарлотсвилл. Грант рассчитывал, что у Чарлотсвилла Хентер встретится с вновь назначенным командующим кавалерией Потомакской армии Шериданом. В своем продвижении с востока последний имел с собой 8 000 всадников, не считая нестроевых, но всего лишь 125 повозок. Задача Шеридана состояла в том, чтобы между Чарлотсвиллом и Гордонсвиллом взорвать рельсы на Центральной виргинской железной дороге. Он выполнил, однако, эту задачу только в небольшой части и начал затем отступление к устью р. Йорк еще до того, как корпус Хентера достиг Линчбёрга. Очевидно, Шеридан опасался того, что Ли, владевший внутренними операционными линиями между ним и Потомакской армией, нападет на него соединением из всех родов войск. Для защиты железной дороги здесь были уже 5 600 всадников из армии конфедератов. У станции Тревильян между этой конницей и обеими дивизиями Шеридана произошло несколько столкновений, которые сами по себе не имели значения, но были характерны в качестве иллюстрации методов американского кавалерийского боя. Одна унионистская бригада и одна бригада конфедератов сталкиваются здесь друг с другом. Дело, однако, не доходит до атаки; вместо этого конфедераты спешиваются и залегают в роще. При новом столкновении двух бригад все опять спешиваются, как будто в ожидании атаки унионистов. Однако, один из лейтенантов с небольшим отрядом не спешивается и осмеливается атаковать. «Конечно, многие седла опустели, однако продвижение неприятеля приостановилось», — рассказывает командир бригады, к которой принадлежал и этот лейтенант. Командир бригады назвал эту конную атаку «смелым и лихим делом, равное которому он вряд-ли

когда-либо видел». Это тем более замечательно, что ему и в голову не пришло двинуть бригаду в конную атаку.

Мы оставили Гранта и Ли 23 мая, когда у обеих рек Анна они вновь засели в окопах; Грант, руководимый намерением охватить противника, а Ли — в состоянии обороны, но все время готовый к прыжку и высматривающий слабое место у неприятеля. После трехдневного бесплодного маневрирования Грант опять потерял надежду охватить Ли, и в ночь на 27 мая двинулся в четвертый раз в обход армии конфедератов. У Хановер-Тауна унионисты переправились через р. Памэнки и приблизились, таким образом, к р. Чикахомини. Когда же, однако, после 6-дневного похода, утром 2 июня они достигли Колд-Харбора, находящегося в 14 *км* по прямой от Ричмонда, они в четвертый раз увидели, что Ли находится между ними и неприятельской столицей. В четвертый раз массы людей, одетых в голубые и серые мундиры, взялись за кирки и лопаты.

Со времени боя у Уилдернесс-Инн Грант за 28 дней продвинулся вперед всего лишь на шесть нормальных дневных переходов. Его задерживали не только сопротивление противника, но также и трудности, связанные с пропитанием армии. Его база находилась не в тылу, а на левом фланге. Она была расположена среди рек, впадающих в залив Чезапик. Так как здесь не было подходящих пристаней для разгрузки судов, то продовольствие, прибывавшее в устье рек Раппаханок или Йорк, приходилось грузить непосредственно на обозы. После этого оно транспортировалось через девственные леса по узким, запущенным дорогам. Грант хвалит сообразительность своего обер-квартирмейстера, сумевшего использовать для транспортных целей каждую тропинку, находившуюся между армией и ее речной базой. Реквизиции давали в этих районах, насчитывавших всего лишь 13 душ населения на 1 *км*^{2}, незначительные результаты [1]. Правда, для обслуживания своего парка в 4 000 повозок Грант организовал обозные части в 15 000 чел. Однако, ему пришлось кормить тем большее количество едоков; у Колд-Харбора число едоков, включая обозы, составляло 123 000 чел. Когда Мак-Клеллан в свое время базировался на р. Йорк, ему приходилось кормить значительно меньше людей, а именно, не более 85 000. Правда, Мак-Клеллан обладал «ахиллесовой пятой», которая не мешала Гранту. В противоположность Мак-Клеллану, Грант располагал конницей, почти вдвое превосходившей по численности неприятельскую. Считают, что против 7 000 всадников Ли у Гранта было 13 000 чел. конницы [2]. Грант поставил во главе своей конницы нового главнокомандующего, Шеридана, о котором уже говорилось выше. Наподобие рейда, который некогда совершил Стюарт вокруг армии Мак-Клеллана, Шеридан провел теперь рейд вокруг армии Ли, взяв с собой 10 000 всадников. Его экспедиция проводилась в то время, когда основные силы унионистской армии оперировали у Спотсилвании и у рек Анна, и длилась 16 дней. Полковник, командовавший кавалерией Потомакской армии, должен был разрушить железные дороги, но не это являлось главной его задачей. Прежде всего, ему было вменено в обязанность оттянуть неприятельскую конницу от базы унионистов. Он разбил ее в четырех столкновениях. В одном из них, у Иеллоу-Инн, под Ричмондом, пал Стюарт.

[1] В Восточной Пруссии в 1871 г. на таком же пространстве проживало почти 49 чел.
[2] Не включая сюда 5 000 всадников Бетлера.

Когда у Колд-Харбора Гранту опять не удалось охватить и разбить Ли, о пятой попытке обойти Ли и отрезать его от Ричмонда не могло уже быть и речи. Мосты через Чикахомини находились в руках Ли и обеспечивали его отступление. Опираясь на Ричмонд, Ли стал бы еще более опасен, — говорит Грант. Это испытал на себе и Мак-Клеллан, когда Ли угрожал отрезать его от базы в устье Йорка. К югу от Чикахомини Грант подвергался такой же угрозе. Конница Шеридана не была бы в состоянии одна охранять связь с морским побережьем; между тем, соотношение между пехотой обеих сторон составляло сейчас 53 000 конфедератов и 75 000 унионистов, т. е. со времени сражения у Уилдернесс-Инн оно изменилось в пользу Ли [1]. Дело в том, что к последнему присоединились главные силы Борегара, так же, впрочем, как к армии Гранта присоединилась значительная часть войск Бетлера. Обе стороны получили подкрепления, причем Грант получил их несомненно больше, чем Ли; однако, только во встречном бою у Уилдернесс-Инн, где обе стороны стали действовать наступательно, потери их были одинаковы. Наступательная сила Ли сказалась здесь парализованной, и с этого момента он предоставил инициативу своему противнику. Вследствие этого Грант постоянно являлся нападающей стороной, а потому и нес более значительные потери. При таком соотношении сил было бы нецелесообразно отказаться от морской базы и взамен нее восстановить железнодорожную линию Фредериксбёрг — Ричмонд, базируя на ней армию. Расстояние от Фредериксбёрга до Ричмонда—95 *км*. «Длинная, уязвимая линия,— говорит Грант,— охрана которой сильно истощила бы наши силы. Ее пришлось бы охранять, для того чтобы снабжать нашу армию».

Таким образом, обходной стратегии был положен конец. Если Грант хотел довести до конца поход к северу от р. Джеймс, ему необходимо было одержать решающую победу у Колд-Харбора. Однако, противник имел здесь оборонительные позиции такой силы, как никогда раньше. Его правый фланг упирался в р. Чикахомини, левый— в нижнее течение р. Татопотоми, в том месте, где последняя впадает в Памэнки. Таким образом, охват армии конфедератов был невозможен. Обходное движение, рассчитанное на то, чтобы отрезать противника от его базы, вряд ли могло удаться и привело бы, в случае неудачи, к мак-клелановскому тупику. Оставалось взвесить еще третью разновидность стратегии: обходное движение с разделением на две армии. Это было бы венцом военного искусства. В небольшом масштабе этот метод был испытан унионистами у р. Вилсон, — конфедератами же — у Элкхорн-Таверн, однако, оба раза неудачно; у Чанселлорсвилла Хукер имел подобное же намерение, но отказался от своего смелого плана, когда непредусмотренные им мероприятия противника спутали его планы. Гранту следовало разделить свою армию раньше, чем у Колд-Харбора, где соседство Ричмонда вряд ли позволяло провести подобную операцию; он должен был осуществить это если еще не у р. Рапидан, то хотя бы у Спотсилвании или у р. Анна, и об этом он действительно подумал. Однако, — говорит он, — продвижение обозов во внутренней Виргинии представляло собой совершенно неосуществимую задачу. Поэтому-то он все время был в состоянии предпринимать операции, направленные только против

[1] У Уилдернесс-Инн 79 000 чел. унионистской пехоты сражались против 49 000 чел. конфедератов.

правого, а не против левого фланга Ли. Во внутренних областях штата Миссисипи Грант таскал свой обоз через все препятствия в течение 3 недель и не боялся неприятельских действий против его реквизиционных команд. Но тогда он сражался с Пембертоном и Джонстоном, сейчас же ему приходилось иметь дело с Ли. Перед лицом такого противника он не мог отважиться на выделение части своей армии на реквизиции.

Поскольку охват конфедератов оказывался неосуществимым, обход же их с одного или с обоих флангов не обещал положительных результатов, — самым разумным было бы перенести операции унионистов с р. Йорк на южный берег р. Джеймс. Как нам известно, Грант с самого начала кампании имел в виду повторить этот стратегический прием Мак-Клеллана. Бетлер не подготовил ему эту кампанию так, как он надеялся; комплекс укреплений Ричмонд — Питерсбёрг остался в руках противника; однако, если бы последний оказался оттесненным сюда, то его стратегическому отступлению был бы положен конец; во всяком случае, противник был бы загнан в тупик.

К сожалению, нельзя было избрать наиболее целесообразный выход из положения без того, чтобы не считаться с настроениями Вашингтона. Верховным главнокомандующим продолжал оставаться не Грант, а Халлек, являвшийся посредником между полководцем и правительством. Как сам Халлек, так и министры и президент все еще не могли освободиться от тревоги, которую вызывало в их воображении представление о том, что Ли владеет внутренними операционными линиями между Потомакской армией и Вашингтоном. Грант считал, что вашингтонскому правительству можно предложить перевод армии на южный берег Джеймса, после того как он представит им доказательства решительной невозможности закончить кампанию победой на северном берегу реки.

Шеридан отзывается о Гранте так: «Как никто другой, выказывал он живое участие к раненым, жалел убитых... Свои приказы он отдавал спокойно, обстоятельно и в окончательной форме». В данный момент он отдал ужасный приказ: захватить окопы противника фронтальной атакой. Он должен был знать, что Ли не даст вырвать их у себя и что последствием этой атаки будет одна лишь бесполезная бойня. Однако, являясь бесполезной в военном отношении, эта атака, тем не менее, диктовалась военно-политическими соображениями. Только после того, как армия, сделав сверхчеловеческие усилия для того, чтобы завершить свои операции к северу от Джеймса, ничего не добилась, Грант отважился требовать от правительства согласия на уступку противнику внутренних операционных линий.

3 июня 1864 г. в 4 час. 30 мин. утра унионистская пехота поднялась «из-за легкого прикрытия, каким являлись сооруженные в течение ночи окопы». Три корпуса, составлявшие левое крыло унионистов, пошли в атаку, два корпуса правого фланга остались в резерве. Командиры этих трех корпусов сносились между собой по телеграфу; Грант руководил всем наступлением в целом также при помощи телеграфа; все это представляло собой применение технических достижений в военном деле, которого Старый Свет еще не знал. Местность, на которой развертывалось наступление, также была совершенно иная, нежели в Европе; девственный лес с многочисленными болотами, открытая местность — только частично. Примерно через 8 минут наступающие залегли в первый раз, после чего атаки продолжались

почти 8 часов, не дав возможности причинить серьезные потери защитникам атакуемых позиций. Один из командиров бригад у конфедератов, потерявший за все время боя не больше 15—20 чел., следующим образом описывает положение дел на стороне наступающих:

«Я видел у Фредериксбёрга ужасающую бойню на холме Мэри, а также избиение в выемке железной дороги, которую удерживали войска Джексона во втором сражении у Манассаса[1], однако, ничего подобного данной картине я не наблюдал. Это была уже не война, это было смертоубийство!» Впечатления генерала конфедератов относятся к корпусу, который был переброшен Грантом из окопов Уолтхолла к главным силам: две дивизии этого корпуса — из общего количества трех — потеряли около 50% убитыми и ранеными. Вспоминая эту резню, командир корпуса пишет следующее о намеченном Грантом плане сражения: «Влиятельные писатели по вопросам военного искусства отвергают этот план; он принадлежит первому периоду истории, когда люди только что перестали биться неорганизованными массами».

Этот генерал и после войны не понял политической подоплеки стратегии Гранта. Как он, так и оба остальных корпусных командира во время сражения неоднократно умоляли главнокомандующего приостановить безнадежное наступление. В полдень они телеграфировали ему, что нет возможности заставить части еще продвигаться вперед. Фридрих II как-то заметил, что наряду с прочими способностями генерал должен быть также и хорошим актером. Этим можно объяснить то энергичное сопротивление, которым сопровождалось согласие Гранта на прекращение наступления. Он приказал, чтобы пехота окопалась там, где она находится. Это возможно было осуществить в открытых пунктах только ночью. Никто в этих местах не мог осмелиться хотя бы на один момент показаться во весь рост. Это означало бы пойти на верную смерть. Унионистский фронт был местами удален от окопов противника всего лишь на 180 *м*. К генералам конфедератов не стали обращаться за разрешением убрать унионистских раненых, ибо на поле сражения лежали одни лишь унионисты. Некоторые из этих несчастных, испускавших крики и стоны, были подобраны добровольцами путем подведения к ним траншей, главным образом ночью. «Стоны тех, к кому нельзя было добраться, становились все слабее и слабее, пока не прекратились совершенно...»

Размеры потерь, понесенных участвовавшими в бою унионистскими полками, составили, в среднем, одну пятую их боевого состава. С потерями, подобными понесенным унионистской армией у Колд-Харбора, нам в ходе гражданской войны приходилось встречаться довольно часто. Если 3 июня 1864 г. эти потери особенно тяжело подействовали на моральное состояние бойцов, то это следует приписать не столько размерам потерь, сколько их явной бесполезности, если судить о них с военной точки зрения. У Колд-Харбора Грант испытал опять то же самое, что случилось в начале войны с Мак-Доуэллом. 36 батальонов, контракты которых истекли, заявили Гранту перед лицом противника о своем отказе от службы. Ползком выбирались они из окопов и устремлялись к Уайт-Хаузу, начальному пункту водного пути, ведущего на родину. Гранта это не смутило. Для него решающее значение имел тот факт, что им до конца использованы все оперативные возможности, имевшиеся налицо к северу от Джеймса.

[1] Так называют конфедераты второе сражение у Буль-Рёна.

Сейчас он перестал считаться с нервозностью Вашингтона и освободил противнику внутренние операционные линии. Один корпус был погружен на суда у Уайт-Хауза и отправлен в окопы Уолтхолла; остальные четыре корпуса с этой же целью переправились через Чикахомини, а затем у Уилкокс-Лендинга, в 32 *км* ниже Ричмонда, — через р. Джеймс. Этот маневр не может не импонировать: семидневный фланговый марш мимо неприятельской армии с переправой через две значительные реки; резкий контраст по сравнению с носившим характер бегства фланговым маршем в семидневном сражении, — маршем, при помощи которого Мак-Клеллан в свое время перенес свою базу из Уайт-Хауза на р. Джеймс. Тогда унионистские вооруженные силы, находившиеся под командованием многих самостоятельных полководцев, не могли достигнуть согласованных действий. Сейчас все руководство было сосредоточено в одних руках; однако, и это вряд ли дало бы положительные результаты, если бы этот верховный пост занимал Бёрнсайд, или Хукер, или Мид, которые сейчас под руководством Гранта командовали корпусами. Против полководца типа Ли мог с успехом бороться только равноценный ему полководец.

Глава IX

Блокада Ли в Питерсбёрге и Ричмонде и его диверсия против Вашингтона

Взрыв мины под Питерсбёргом (30 июля 1864 г.).— Столкновения у ручья Опекон (19 сентября 1864 г.) и у ручья Седар (19 октября 1864 г.)

В то же время, когда Ли овладел внутренними операционными линиями между Потомакской армией и Вашингтоном, унионистский генерал Хентер открыл корпусу конфедератов, которым командовал Эрли, путь в долину Шенандоа.

Ли немедленно решил, что Эрли должен наступать через эту долину на Вашингтон. Он не рассчитывал при этом на захват города. Ли считал мало вероятным, что это ему удастся. Он поступал так лишь для того, чтобы еще раз угрожать «ахиллесовой пяте» Союза. Ибо, как крупный полководец, он знал, что Конфедерация не должна гнушаться никакими средствами, чтобы выбраться из чистой обороны, на которую южане были обречены после кровопускания в сражении при Уилдернесс-Инн, ибо борьбы с подавляющим превосходством неприятельских сил, после опыта сражений у р. Антитэм, у Геттисбёрга и Уилдернесс-Инн, было уже довольно, а Грант располагал 100 000 чел. против 60 000, которые оставались у Ли после выделения корпуса Эрли в Линчбёрг.

Если вообще у конфедератов и имелся малейший шанс овладеть Вашингтоном, то они должны были двигаться форсированным маршем, для того чтобы не упустить удачу. Поэтому не стали

даже дожидаться подвоза обуви, хотя половина пехоты Эрли была почти боса, и захватили с собой лишь самый необходимый обоз. В фургоны были погружены пятидневные рационы продовольствия; запас продовольствия на два дня войска несли с собой в ранцах. Первые унионистские силы, на которых они натолкнулись, это были войска под командованием Зигеля. После его смещения Халлек вверил ему резервную дивизию, с которой он и стоял на границе между долиной Шенандоа и Мэрилендом. Зигель очистил Мартинсбёрг, который находится еще в долине Шенандоа, и там в руки Эрли попали значительные запасы. Однако, после этого конфедератам пришлось перейти через Потомак, чтобы питаться за счет неприятельской территории. Ближайший путь на Вашингтон вел бы через Харперс-Ферри; однако, этот путь был прегражден конфедератам Зигелем, расположившимся на восточном берегу Потомака, против Харперс-Ферри и державшим переправу под обстрелом своих тяжелых орудий с Мэрилендских высот. Поэтому конфедератам пришлось переправиться через реку дальше вверх по течению, у Шепердстауна, где переправлялся в 1862 и в 1863 гг. Ли; они потеряли вследствие этого много драгоценного времени. Утешением явилось прибытие большого запаса обуви через 24 дня после выступления войск из Гейнс-Милл. Путь, проделанный конфедератами с израненными ногами и ценой страшных усилий, противники их одолели без всякого труда, так как они господствовали на море. От Гранта прибыли в Вашингтон два корпуса. Один был взят из Потомакской армии, а другой был выделен из армии Бенкса и посажен на суда в Нью-Орлеане. Передовые части этих сил в количестве 9 000 человек столкнулись у реки Монокаси с 12 000 чел. Эрли, были отброшены с значительными потерями и оттеснены от Вашингтона на Балтимору. Эрли окрылил луч надежды, и он понадеялся все-таки захватить Вашингтон врасплох. Город был защищен лишь земляными укреплениями. Правда, окопы были прекрасно снабжены артиллерией, а Эрли располагал всего лишь 40 полевыми орудиями. Но окопы и прочие укрепления имели огромное протяжение и требовали соответствующего гарнизона. Эрли не считал исключенной возможность прорваться через какой-либо слабо защищенный пункт и таким образом ударить в тыл остальным защитникам города. Правда, предпосылкой этого являлось то условие, что никакие другие войска от Гранта, кроме тех, которые были разбиты Эрли на Монокаси, не прибудут. По тем сведениям, которые имелись в распоряжении Эрли, в Вашингтоне находились лишь солдаты милиции и спешно вооруженные чиновники. Все зависело от того, не слишком ли устареют эти сведения к тому моменту, когда конфедераты появятся под Вашингтоном.

Поэтому конфедераты в палящий летний зной совершили двухдневный форсированный переход от Монокаси. Много людей полегло по дороге; и когда 11 июля 1864 г. в 11 час. утра корпус достиг Вашингтона, две трети пехоты были небоеспособны от истощения. Но, что важнее всего, за этот промежуток времени с моря высадилось такое количество унионистов, что нечего было и думать о штурме Вашингтона. Численное превосходство противника, который был в 2½ раза сильнее войск Эрли, заставило подумать об отступлении. От Гейнс-Милл за 28 дней походов было пройдено расстояние около 580 *км*.

Пока Эрли уходил из Мэриленда, численность его противников возросла еще больше благодаря присоединению к ним войск Хентера. Вспомним, что этот генерал отступил из Линчбёрга в Западную Виргинию, когда наметилось против него наступление корпуса Эрли. Эксцентрическое направление отхода Хентера устранило его силы с театра военных действий на целый месяц. Теперь же, поскольку они не разбежались по пути, они усилили унионистскую армию Шенандоа, достигшую численности 35 000 чел. Эрли тоже получил из Ричмонда подкрепления. Ли довел численность его корпуса до 20 000 чел., в предположении, что диверсия против Вашингтона окажет психологическое влияние, благоприятное для дела конфедератов. Он оказался совершенно прав. Присутствие неприятельских военных сил под Вашингтоном настолько обескуражило вашингтонское правительство, что оно ограничило свободу действий Гранта в деле защиты союзной столицы в такой же степени, в какой за два года до этого оно ограничило Мак-Клеллана. Настроение представителей власти не поднялось и оттого, что Грант вверил главное командование над армией Шенандоа Шеридану, который прославился своим конным рейдом вокруг лагеря Ли. Вследствие указаний, полученных им от правительства через Халлека, Шеридан был вынужден бездеятельно взирать на то, как Эрли из своего лагеря за ручьем Опекон преграждал железную дорогу Балтимора, Охайо и пролегающий рядом с ней канал. Это были жизненные артерии для сообщений между Вашингтоном и Кентукки.

Прошло почти 10 недель с тех пор, как Эрли стучался в ворота Вашингтона, а с унионистской стороны все еще не решались сделать попытку проучить эту горсточку обнаглевших врагов. В конце концов Эрли настолько осмелел, что стал мешать исправлениям железной дороги Харперс-Ферри, Мартинсбёрг. Другими словами, он пробрался в непосредственную близость к унионистской армии, и это — несмотря на то, что Ли забрал у него одну дивизию; Ли опасался, что в пылу соревнования с унионистами в возведении окопов к югу от Джеймса, о котором мы еще расскажем, ему нехватит сил для занятия своих все более и более разраставшихся позиций. Кроме того, армия Эрли была очень ослаблена также дезертирством, т. е. непосредственно блокадой. Так же, как и армия конфедератов в сражении у Геттисбёрга, пехота Эрли насчитывала 10% офицеров, ибо часть подчиненных им солдат разбежалась.

Грант настаивал на том, чтобы отозвание дивизии конфедератов обязательно было использовано. Он отправился от Джеймса к Харперс-Ферри и отдал приказ, чтобы спокойно маячивший между ним и Халлеком Шеридан перешел в наступление. 19 сентября, около полудня, 35 000 унионистов перешли ручей Опекон и попытались охватить 13 000 конфедератов с обоих флангов. Но неповоротливость унионистских войск проявилась тут очевиднее, чем когда-либо[1]. А Шеридан, каким бы отличным кавалерийским генералом он ни был, проявил себя гораздо менее способным полководцем. Несмотря на то, что Эрли даже не распорядился вырыть окопы, упорство его обороны, сменявшееся активными контрударами, поколебало упорство наступавших. Шеридану пришлось израсходовать все свои

[1] Американские исторические труды приписывают Шеридану даже 45 000, а не 35 000 чел.

пехотные резервы, чтобы поддерживать бой. Наконец, после 5 критических часов 10 000 унионистских всадников, которым у конфедератов могло быть противопоставлено всего лишь 4 000, склонили чашу весов в сторону унионистов. В зависимости от местности и от обстоятельств, унионистская кавалерия сражалась и верхом и в спешенном строю. Унионистская ездящая пехота, — ибо так, собственно говоря, приходится назвать этот род войск, — проявила ту подвижность, которой нехватало подлинной пехоте Шеридана. Благодаря этому кавалерии удалось то, что не удалось пехоте: охватить неприятельскую армию хотя бы на ее левом фланге.

В сумерки, когда Эрли начал отступление, победители попытались преследовать его, но несколько батарей преградили им дорогу. Мы знаем еще из первого сражения у Буль-Рёна, что унионистам пришлось потратить бесконечно много времени для захвата батареи конфедератов, которая сумела ловко менять свои позиции, передвигаясь то вперед, то назад. Точно так же и у ручья Опекон волна преследования разбилась об артиллерию конфедератов. Впрочем, в конце концов, была захвачена и эта артиллерия. Попало в плен и много людей из охваченного унионистами крыла Эрли.

Сражение не окончилось и продолжалось на холме Фишер, которого Эрли достиг одним ночным переходом. Шеридан пошел за ним по пятам и очутился перед трудно поддававшейся охвату позицией. Противник упирался своим правым флангом в р. Шенандоа и горы Мессенутан, а левым—в Малые северные горы. Унионистам следовало прибегнуть здесь не к охвату, а к обходу. Тогда они смогли бы уничтожить корпус Эрли. Впрочем, это еще вопрос, оказался ли бы импровизированный обоз на высоте в деле снабжения отделившейся части армии унионистов. Во всяком случае, Шеридан не был тем полководцем, который мог бы бороться с подобными трудностями. Он избрал более легкий путь для продвижения вперед, несмотря на то, что этим путем можно было достигнуть гораздо меньшего. Охват левого фланга конфедератов сделался возможным при помощи окопов, под прикрытием которых унионисты продвинулись после трехдневных тяжелых усилий к почти совершенно открытому для атаки неприятельскому фронту. 22 сентября, перед самым заходом солнца, Шеридану, наконец, удалось перейти в наступление. Чтобы спасти свои главные силы, Эрли снова пришлось пожертвовать батареями. В результате он потерял в обоих боях — у ручья Опекон и на холме Фишер — половину своей артиллерии. Беспорядок на охваченном фланге 22 сентября был еще значительнее, чем 19 сентября. В общем, Эрли потерял, в результате этого поражения, около 40% своего небольшого отряда, главным образом, пленными. Он оказался также вынужденным очистить бо́льшую часть долины Шенандоа, отступив до ущелья Рокфиш к востоку от Стоунтона.

Но он не был раздавлен, как это должно было удаться Шеридану, если учесть соотношение сил. Дивизия, которую Ли забрал у корпуса Эрли в расчете на пассивность Шеридана, после поражения Эрли, еще на походе в Ричмонд, получила приказ возвратиться к Эрли. Таким образом, корпус его снова вырос до 13 000 чел. Потерянные орудия были тоже ему возмещены. Грант был очень недоволен, что Шеридан спокойно допускал все это. Правда, унионистская армия последовала за армией конфедератов в долину Верхнего Шенандоа, но пребывала там в бездействии под парализующим влиянием Вашингтона. Наконец,

Грант и Шеридан сошлись, по меньшей мере, на том, чтобы к долине Шенандоа была применена в широком масштабе так называемая стратегия «à la Mélac[1]. Грант требовал от Шеридана сплошного опустошения; однако, систематическое опустошение обширной местности — работа тяжелая. Мы уже видели, как плохо удалась она корпусу Шермана в городке Джексон.

Правда, Эрли имел в своем распоряжении для защиты этой области всего лишь 4 000 всадников против 10 000 неприятельских. Но все население долины Шенандоа помогало коннице конфедератов. Унионистская конница не получала никакой защиты от своей пехоты и артиллерии, ибо Шеридан отвел эти рода войск, невзирая на неодобрение Гранта, в нижнюю долину Шенандоа. От своего кавалерийского полковника Шеридан нетерпеливо требовал, чтобы тот на следующий же день либо атаковал и разбил неприятельскую конницу, «либо сам дал себя вздуть ею». Этот офицер атаковал без всякой охоты; таким образом, произошло второе крупное кавалерийское сражение за время этой войны. Сражение это завязалось на открытой местности. Стороны могли бы, таким образом, атаковать друг друга в конном строю, но этого не случилось. Унионистские всадники в качестве милиционной части не получили трудной и требующей большой затраты времени кавалерийской подготовки, являющейся предпосылкой боевых действий в конном строю. Зато они были систематически подготовлены к спешенному бою и сознавали свое превосходство в этом отношении над иррегулярными частями противника. Поэтому они и стремились сражаться в спешенном строю. Конфедераты сражались охотнее верхом, хотя и помимо их полной неспособности к конной атаке у них было достаточно оснований не решаться на это: одна из двух дивизий все еще не имела сабель, так как основным оружием, даже для всадников, считалось тогда ружье. Между тем, из него можно было целиться только один раз, потому что после первого выстрела кони становились слишком неспокойными. В результате конные массы обоих противников не знали, как подступиться друг к другу. Унионистский кавалерийский полковник утверждает, что его люди в этом бою показали «больше размаха, лихости и уверенности в себе», чем их противники. Быть может, это было и так, ибо их было 6 000 против максимум 4 000 конфедератов. Однако, неорганизованная борьба мало действительным оружием не принесла никакого решения. Попрежнему всадники конфедератов затрудняли унионистам опустошение долины. Унионистская кавалерия насчитывает 26 стычек, в которых ей пришлось участвовать, и утверждает, что она потеряла в них, независимо от крупных сражений, 30% своего состава. Опустошения могли быть произведены только поверхностно. Население успело спрятать то, что ему требовалось для собственного пропитания до следующего урожая, а армиям пришлось снабжаться в разоренной стране только из собственных магазинов.

Убежденный, что он сумеет реквизировать у населения все потребное для пропитания его малочисленного войска, Эрли снова выступил в долину нижнего течения Шенандоа. Он опять расположился лагерем на холме Фишер в 6 *км* к западу от ручья Седар, за которым

---

[1] Граф де-Мелак — французский генерал эпохи Людовика XIV. Даниэльс называет стратегией «à la Mélac» опустошения, производимые на неприятельской территории с целью подрыва сопротивляемости противника. — *Ред.*

стал Шеридан. Этот последний со своими 28 000 чел. и не думал давать второе сражение у холма Фишер; на этот раз он атаковал Эрли так, чтобы уничтожить все его 13 000 чел. Он располагал бы для этой цели не 28 000, а даже 32 000 чел., если бы он не счел нужным подкрепить 7 000 чел. этапных войск в своем тылу еще 4 000 из полевой армии. Эта мера предосторожности была принята потому, что в тылу у Шеридана появились 1 700 всадников Эрли, рыскавших вдоль железной дороги, ведшей к Харперс-Ферри, на которую базировалась унионистская армия. Как правильно усмотрел Шеридан, предположение Эрли, что земляки его выдадут спасенные ими запасы ему, было слишком оптимистично. Но в то время как Шеридан уже с удовлетворением предвкушал предстоявшее вскоре отступление Эрли, Грант попрежнему был недоволен такого рода военным искусством. По его мнению, было недостаточно, что армия Шеридана только прикрывала Вашингтон. Она должна была покончить с Эрли, чтобы затем наступать через Стоунтон на Линчбёрг и здесь, на этой коренной виргинской территории, также привести в расстройство источники хозяйственного снабжения конфедератов. То, что долина Шенандоа была сожжена и разорена, это, по мнению Гранта, служило помехой лишь для Эрли, но не для Шеридана, который мог создать для себя магазины. Шеридан не хотел выполнять идеи Гранта, не вступив сперва в контакт с Халлеком. Поэтому он отправился в Вашингтон, в расчете, что за это время Эрли отступит сам. Таким образом, Шеридан бессознательно приписал собственную стратегическую пассивность совсем иному характеру своего партнера. Когда Эрли убедился, что он не в состоянии прокормить свои войска в опустошенном районе вокруг холма Фишер и что поэтому ему придется двинуться либо вперед, либо назад, — он решил, невзирая на свою малочисленность, рискнуть наступлением. Отсутствие Шеридана в своем лагере, о котором своевременно поставили в известность скауты, укрепило Эрли в его наступательном стремлении. Блестящий кавалерийский генерал Шеридан, хотя и не обладавший особыми стратегическими способностями, был все-таки полководцем. Его заместитель, командир корпуса Райт, годился лишь для роли второстепенного начальника.

По соглашению с Шериданом Райт расположил армию за ручьем Седар таким образом, что наибольшая часть его кавалерии находилась на правом фланге. Если унионисты и мало верили в нападение конфедератов, однако, их военное воспитание и осторожность предписывали им не давать застигнуть себя врасплох. Между тем, определенно казалось, что конфедераты остерегутся атаковать левый фланг унионистов. Дело в том, что, если бы Эрли двинул в эту сторону главную массу своих малочисленных сил, он подверг бы опасности охвата скудные остатки своего корпуса в случае вполне вероятного спешного перехода в наступление правого крыла Райта по мощеному шоссе Винчестер, Страсбург. С другой стороны, нельзя было ожидать, что наступление конфедератов против правого крыла Райта будет парализовано его левым крылом; ибо для этого ему пришлось бы переправляться и через ручей Седар и через р. Шенандоа, притом через последнюю даже дважды.

Все это было справедливо, но не была принята в расчет активность кавалерии конфедератов. Эти иррегулярные части, быть может, не могли тягаться с унионистскими «драгунами» в спешенном бою,

но в качестве партизан и разведчиков они были и продолжали оставаться гораздо более искусными, чем первые. Их рейды в тылу унионистской армии оттянули от этой последней крупные части ее пехоты. Теперь кавалерия Эрли совершенно точно донесла ему, как распределены неприятельские силы. Сообразно с этим Эрли решился направить свой удар не против правого, а против левого крыла Райта. С угрозой быть затем охваченным правым крылом унионистов Эрли, повидимому, мало считался, потому что до сих пор его противнику не удавался ни один охват.

В ночь на 19 октября 1864 г. армия конфедератов перешла в наступление. Войскам было строго наказано избегать всякого шума. Сабли и полевые фляги были поэтому оставлены в лагере; сначала были оставлены также и орудия во избежание грохота колес по мощеному шоссе. Артиллерия должна была позднее догнать галопом обе пехотные дивизии, составлявшие левое крыло Эрли. Три пехотных дивизии правого крыла наступали вдоль железной дороги к перевалу Манассас, через который некогда переправлялись войска Джонстона для первого сражения у Буль-Рёна. Тот путь был для артиллерии непроходим и вообще крайне тяжел во всех отношениях.

Унионистская армия состояла из трех корпусов. Мысль Эрли заключалась в том, что оба его крыла захватят в тиски левый (8-й) корпус, одно — с запада, другое — с востока. Об остальных двух корпусах Райта Эрли пока мало беспокоился. Он положился на то, что они не сумеют достаточно быстро переправиться через ручей Седар, под защитой которого они расположились, чтобы ударить ему во фланг. В соответствии с планом, в 5 час. утра левое крыло конфедератов появилось перед фронтом 8-го корпуса. Этот корпус состоял из западных виргинцев и находился под командованием Крука, сменившего Хентера, который впал в немилость вследствие своего ухода с линии Линчбёрг — Вашингтон. Бой у Нью-Маркета показал нам, что западные виргинцы являются особенно малостойкой частью. Застигнутые врасплох во время сна, они позволили противнику перейти ручей Седар по шоссейному мосту и вброд, не оказав сопротивления, а после этого пройти также и окопы, прикрывавшие их корпус. Корпус был бы просто раздавлен, если бы тиски, устроенные Эрли, функционировали правильно. Но как было указано выше, правое крыло конфедератов двигалось по очень плохой дороге; ему приходилось переправляться через Шенандоа, для чего в его распоряжении имелись только два брода. Поэтому для обхода 8-го корпуса ему потребовалось на 1 час больше, чем на это рассчитывал Эрли. Вследствие этого 8-й корпус, обратившись в поспешное бегство, сумел отступить без слишком больших потерь на 19-й корпус, уже атакованный с фронта левым крылом конфедератов. Почти невольно признавая преимущество регулярных войск над милиционными, командир 19-го корпуса рассказывает, что его часть держалась так, «как в подобных обстоятельствах могли бы держаться лучшие в мире регулярные войска». «Подобные обстоятельства» заключались для 19-го корпуса в том, что его 8 000 штыков были атакованы 9 000 штыков Эрли и подверглись угрозе обхода. Тяжелое положение усугубилось еще тем, что отхлынувший назад 8-й корпус сильно поколебал порядок в 19-м корпусе. Он, правда, местами храбро сопротивлялся, но, потеряв довольно значительное количество пленными, был оттеснен далеко назад.

Артиллерия обоих выбитых с позиций корпусов большей частью попала в неприятельские руки в тот момент, когда она пыталась сняться и была немедленно направлена вместе с артиллерией конфедератов на отступавшие массы. Вследствие этого западно-виргинский корпус пришел в окончательное расстройство. Лишь продвинувшись, примерно, на 5 *км* по прямой, волна конфедератов к 10 час. утра была приостановлена. Плотиной, остановившей их, явился 6-й корпус унионистов. Часть его была вовлечена в отступательное движение 8-го и 19-го корпусов, но главные силы утвердились на высотах к западу от селения Мидлтаун. Здесь ему успешно пришла на помощь одна унионистская кавалерийская дивизия. Эта кавалерийская дивизия открыла огонь с коней по совершенно расстроившимся и перемешавшимся рядам пехоты Эрли, которые вследствие этого бросились искать прикрытий в рощах и за изгородями. Однако, часть унионистской кавалерии также спешилась и, укрывшись за каменными стенами, вступила в огневой бой с наступавшей пехотой конфедератов. Таким образом, у ручья Седар не было и речи о линейной кавалерии, в том виде, в каком она понималась в Европе в XVIII и XIX столетиях.

В это время Шеридан вернулся из Вашингтона и увидал начало поражения. За 6-м корпусом стояла длинная шеренга знаменосцев, в большинстве офицеров, среди них один из дивизионных командиров 8-го корпуса Рутерфорд Хайс, который впоследствии стал президентом Соединенных штатов. Это было все, что оставалось в строю от 8-го корпуса; одни лишь эти знаменосцы не поддались панике.

6-й корпус насчитывал в момент столкновения с противником 8 000 штыков. Численность войск конфедератов не была больше. Помимо потерь убитыми и ранеными, очень много людей отстало для того, чтобы грабить захваченный унионистский лагерь. Блокада побережья все время разъедала сердцевину боевой силы конфедератов, разрушая ее дисциплину. Но в смелом и внезапном наступлении Эрли был заложен такой порыв, который далеко еще не выдохся; он-то и уравновешивал уменьшавшиеся материальные средства. После того как унионисты приостановили было отступление, их фронт был еще раз отброшен на целых 3 *км*. Но теперь, в 11 час., унионистскому командованию удалось привести в порядок 19-й корпус. Он расположился вправо от 6-го корпуса и окопался. Теперь конфедератам, которые насчитывали никак не больше 7 000 ружей, приходилось сломить сопротивление, по крайней мере, 12 000 ружей. Быть может, стремительному порыву, который воодушевлял их атаку, удалось бы и это, но препятствием, которое они не смогли преодолеть, оказались 5 000 всадников Шеридана. Они стояли на обоих флангах пехоты, а открытая местность, так же как и их выучка, позволяла им сражаться как в пешем, так и в конном строю.

В первые часы пополудни сражение стабилизировалось. Со шляпой в руке скакал Шеридан вдоль фронта и воодушевлял войска, стремясь к захвату наступательной инициативы в свои руки. Описание его участия в этом сражении выдержано в тоне «veni, vidi, vici». В данном случае оно, несомненно, неуместно: ибо, если даже сражение приняло теперь другой оборот, то тут победила лишь масса над качеством. Правда, не каждый унионистский генерал мог руководить массой. Это не удалось ни Попу во втором сражении при Буль-Рёне, ни Мак-Клеллану у р. Антитэм, ни Бьюэллу у Перривилла, ни Бёрнсайду под Фредериксбёргом, ни Хукеру под Чанселлорсвиллом, ни Миду у Гет-

тисбёрга. И Грант смог дать у церкви Шило и Уилдернесс-Инн лишь нерешительные сражения. Грант одержал победу только у холма Чемпион и у Чаттануги. Кроме Гранта, среди унионистских генералов победителем был только Томас, у Спрингс-Милл. Теперь к ним присоединился еще и третий победитель, Шеридан. Обескураженные первоначальными успехами противника, Бёрнсайд под Фредериксбёргом и Хукер под Чанселлорсвиллом, несмотря на свое огромное численное превосходство, бесславно отступили. Мак-Клеллан в самый разгар сражения у р. Антитэм перешел к чистой обороне, исключавшей положительный результат. Невзирая на свое численное превосходство, он ограничился отрицательным результатом — тем, что сражение не было проиграно. Наоборот, Шеридан в конце дня 19 декабря 1864 г. все-таки увлек свои войска, жестоко потрепанные до этого противником, в бурное наступление. Эрли считал тогда, что окончательная победа у него уже в руках. Но его пехота вступила в бой, имея в батальонах всего лишь по 100 чел. против 260 чел. в унионистских батальонах. После 12-часовой борьбы она потеряла всякую устойчивость. Унионистской кавалерии почти не пришлось сражаться. Одного вида массы всадников, колыхавшейся на неприятельских флангах, было достаточно, чтобы обескуражить конфедератов. Унионисты сперва смяли левый фланг, а затем весь боевой порядок Эрли. Он потерял 25% своего боевого состава; большинство этих 25%, как и в боях у ручья Опекон и холма Фишер, стоивших ему 40%, составляли пленные. Кроме того, конфедераты лишились у ручья Седар всей своей артиллерии и всех своих обозов. Эти последние были потеряны главным образом во время поспешного, походившего на бегство, отступления, когда рухнул мост через Шенандоа.

Глубоко дезорганизованная унионистская армия не смогла преследовать разбитого противника. Эрли снова остановился в трех малых переходах к югу от холма Фишер, у Нью-Маркета. В своем походе против Шеридана в долине Шенандоа он потерял 11 000 чел. из 21 000. Надо было думать, что Шеридан попытается теперь нанести смертельный удар своему обессиленному противнику. Вместо этого он расположил свои 22 000 чел. в бездействии у Маунт-Джексона, между которым и Нью-Маркетом лежит открытая местность, а в ноябре отвел свою армию даже в Кернстоун. Здесь унионисты зазимовали. Эрли сделал то же самое у ущелья Рокфиш. Выздоравливающие и одна бригада, подошедшая к нему из Линчбёрга, заткнули наиболее чувствительные бреши в его корпусе. У ущелья Рокфиш Эрли прикрывал Стоунтон и Линчбёрг, т. е. области, для опустошения которых с мая боролись унионисты, притом почти всегда с подавляющим численным превосходством. Эти их усилия привели лишь к тому, что северная и средняя части долины Шенандоа были разорены до следующего урожая. Это было очень ценным оперативным достижением, тем более что теперь уже в Вашингтоне не приходилось больше дрожать перед диверсиями Ли; однако, теми силами, которые были введены в дело, можно было достичь бесконечно большего, если бы Шеридан оказался не только крупным военачальником, но и стратегом.

От ноября 1864 г. обратим теперь наши взоры назад, к июню того же года, когда Грант повел Потомакскую армию на южный берег Джеймса. Пока Ли шел следом за этим движением, Потомакская армия значительно его опередила, и Грант решил использовать

выигрыш времени для нападения на Питерсбёрг. На самый Ричмонд вряд ли можно было напасть. Он был так сильно укреплен, что мог держаться даже против очень большого превосходства сил, а боевые силы Гранта оценивались лишь в 105 000 чел. против 70 000 конфедератов. Этого было слишком мало, чтобы Грант мог утвердиться между Манчестером, пригородом Ричмонда, на южном берегу Джеймса, и Питерсбёргом. Этот козырь был бит под Дрюрис-Блаффом. Укрепления же Питерсбёрга не были еще закончены и оборонялись лишь 10 000 чел. под командой Борегара. Массы Потомакской армии, по мере их прибытия, бросались на штурм, длившийся три дня и выбивший Борегара из ряда передовых позиций. Но конфедераты поспешно сооружали за ними новые окопы, как говорит Борегар, не только топором и лопатой, но и штыком и ножом. Охватить кучку защитников унионисты не могли, несмотря на то, что атаковавшие пехота и артиллерия насчитывали целых 72 000 чел., в то время как силы конфедератов, даже после прибытия головного отряда Ли, достигали лишь 15 000 чел.

Но эти атаки принесли пользу и без взятия Питерсбёрга. После того как 18 июня 1864 г. к Питерсбёргу прибыла вся Потомакская армия, город удалось обложить с востока плотной линией войск. Правда, юг и запад Питерсбёрга, а также северный берег Аппоматокса остались свободными. Таким образом, армия Ли, после своей концентрации под Питерсбёргом, попрежнему крепко держала в своих руках укрепленный комплекс Питерсбёрг — Ричмонд. Как я уже упоминал выше, Ричмонд и Питерсбёрг находятся друг от друга на расстоянии 40 *км*. Таким образом, Гранту была поставлена задача, которую Мольтке пришлось разрешить в 1870 г. в отношении Базена.

Для достижения цели Грант избрал наиболее короткий путь. К востоку от Питерсбёрга на холме стояло выдвинутое вперед укрепление конфедератов с одной батареей. Его решили взорвать путем заложения мины. Вслед за этим унионисты рассчитывали путем атаки ворваться в неприятельские окопы и, таким образом, охватив с тыла весь комплекс укреплений между Питерсбёргом и Ричмондом, привести его к падению.

Армии мирного времени Союза нехватало очень многого, в том числе и тех специальных войск, которые требуются для ведения крепостной войны. В Потомакской армии имелся батальон, которым командовал подполковник, по профессии горный инженер. Он в мирное время работал в пенсильванской угольной промышленности, которая, как мы знаем, имеет жизненное значение для Союза, и Ли давал кровопролитные сражения у р. Антитэм и у Геттисбёрга в значительной мере для того, чтобы овладеть этими горнорудными районами. Батальон, которым командовал подполковник, состоял по большей части из горняков.

Эти люди принялись за задачу подведения мины под укрепление и провели это дело с присущей американцам энергией, несмотря на то, что им нехватало всех инструментов, которые были бы, собственно говоря, необходимы для такого предприятия и которые им пришлось заменить самодельными. Работа продолжалась 34 дня. Длина главной минной галлереи равнялась 511 футам.

План штурма Питерсбёрга был следующий: один из пяти корпусов Потомакской армии[1] совместно с сильными кавалерийскими массами должен был переправиться на северный берег Джеймса. Тут у Дип-Боттома с самого начала блокады уже стояли войска под командованием Бетлера, задачей которых являлось наблюдать за Ричмондом. К ним-то и были переправлены на северный берег Джеймса упомянутый выше корпус Потомакской армии и конница. Цель этого передвижения заключалась в том, чтобы заставить Ли ослабить части, занимавшие питерсбёргские окопы. Перед самым окончанием закладки мины этот выделенный в Дип-Боттом корпус должен был форсированным маршем вернуться назад. То же самое должны были сделать и кавалерийские массы, возглавлявшиеся Шериданом. Они должны были, по своем возвращении, броситься на железную дорогу Ричмонд, Уэлдон, до которой не доходили еще блокировавшие Питерсбёрг унионистские войска. Железная дорога Ричмонд, Уэлдон была важнейшей жизненной артерией Северно-виргинской армии. Если бы удалось снять рельсы на большом протяжении, можно было рассчитывать оказать этим сильное воздействие на моральное состояние армии конфедератов.

Унионисты предполагали произвести штурм одним корпусом из четырех дивизий, в то время как остальные корпуса состояли из трех дивизий каждый. Четвертая дивизия этого корпуса состояла из негров под командованием белых офицеров. Она была единственной цветной дивизией Потомакской армии. Командир корпуса Бёрнсайд предназначил цветную дивизию для атаки в голове корпуса и подверг ее в течение нескольких недель специальной тренировке для этого специального задания. В остальном это было вновь сформированное войсковое соединение, для которого еще мало представлялось возможности закалиться под дождем пуль. Однако,— как говорит один американский генерал,— «аксиомой военного искусства является то, что бывают моменты, когда порыв, самоуверенность и воодушевление молодых войск в атаке больше чем перевешивают строевую выучку и опытность; ибо эти молодые войска еще не успели потерять веру в себя вследствие неудач или охладить свой пыл поражениями».

Точно так же, как тот американец, судил об этом и Бёрнсайд. Белые войска находились в течение целого месяца настолько близко от противника, что ни один человек не мог поднять головы над бруствером, не становясь мишенью для неприятельских пуль. Поэтому белые войска привыкли постоянно подыскивать себе прикрытия. Это уменьшало, якобы, их квалификацию для атаки.

Распоряжение Бёрнсайда было отменено главнокомандующим Потомакской армии Мидом и, в последней инстанции, также и Грантом, притом по политическим соображениям. Если бы атака не удалась,— заявляли Грант и Мид,— то стали бы утверждать и верить тому, что негры были выдвинуты вперед лишь оттого, что генералы ни во что не ставили их жизнь. Таким образом, вместо того чтобы стать головной, цветная дивизия попала в арьергард атакующего корпуса. Все трое командиров белых дивизий тянули жребий, кому итти в голове. Тот генерал, который вытащил самую короткую соломинку, не скрывал, что считает свою задачу хоть и почетной, но отнюдь не обнадеживающей.

[1] Шестой корпус был послан к Вашингтону для действия против Эрли.

Подземные работы осаждавших не остались незамеченными в Питерсбёрге, и ричмондские газеты сообщали о них своим читателям. Но в армии лишенного промышленности Юга почти не было людей, которые могли бы заниматься такого рода вещами, и потому, а также под влиянием проливного дождя, попытка вести контрмину была оставлена. 30 июля 1864 г. в 5 час. утра мина унионистов, в которую было заложено 80 *ц* пороха, взорвалась. «Это было великолепное зрелище, когда взлетела ввысь вся эта масса земли, а с нею люди, орудия, повозки, бревна, и когда она образовала в воздухе как бы огромное облако... унионистские линии окопов были так близко, что создалось впечатление, будто вся эта масса обрушится прямо на войска, готовые к штурму». В результате, порядок в этих войсках был нарушен, и они побежали. Пришлось потерять много драгоценного времени, пока порядок не был восстановлен. Тем временем конфедераты, занимавшие окопы близ места взрыва, пришли в себя после испуга, а бежавший было, подобно его противникам, гарнизон одной траншеи возвратился обратно.

После этого головная дивизия корпуса Бёрнсайда прошла те 120 *м*, которые отделяли унионистские линии от воронки, вырытой взрывом в земле. Она была глубиной в 30 фут., шириной в 60 и длиной в 170. По ту сторону воронки атакующих встретил картечный огонь одной срочно подоспевшей неприятельской батареи и ружейный огонь с флангов и с тыла, открытый той пехотой конфедератов, которая вследствие упомянутой выше паники унионистов вновь пришла в себя после первоначального потрясения, вызванного взрывом мины.

Командир батареи, обстреливавший унионистов картечью, рассказывает: «Эта батарея... была... отдалена от воронки, примерно, на 300 ярдов (270 *м*)... Она била прямым огнем по воронке и была единственной батареей, которая могла обстреливать унионистские войска... после того, как они заняли воронку... Генерал Поттер (командир второй унионистской дивизии, которая теперь тоже перешла в наступление) не был в состоянии заставить эту батарею замолчать (своей артиллерией) или причинить нам какой-либо серьезный урон, ибо он не мог стрелять в упор по нашему фронту...»

Ген. Поттер должен был бы немедленно выслать вперед пехоту для захвата батареи. Но элементы, подобные воспитанникам Лексингтонского военного института, взявшим штурмом батарею Зигеля под Нью-Маркетом, составляли лишь очень тонкую прослойку в унионистской армии. Случилось то, что предвидел Бёрнсайд: атакующие колонны не устремились к поставленной им цели, т. е. к кладбищенскому холму, откуда они могли охватить с тыла линию неприятельских окопов и ворваться в город. Вместо этого унионисты бросались на землю, стремясь, где только возможно, укрыться от картечного и ружейного огня защитников города. Это укрытие было, правда, найдено в захваченных передовых окопах конфедератов, но оно оказалось недостаточным. В результате все инстинктивно устремились в воронку и столпились в ней: восстановить боевой порядок бригады в воронке было так же невыполнимо, как заставить пчел маршировать стройными рядами, предварительно опрокинув их улей. Столь же невыполнимо было бы под сильным огнем с фронта и с тыла выйти из воронки и вновь построиться. Это было бы равносильно парадному маршу перед фронтом атакующего противника.

Когда была введена в бой третья дивизия белых войск, она тоже не выдержала штурма, и воронка опять-таки приобрела для нее какую-то сверхъестественную притягательную силу. Воронка давно уже была переполнена людьми; те, кто не находил в ней места, устраивались в соседних окопах конфедератов. Все части были раздроблены и перемешаны. Они уже не имели ни наступательной, ни оборонительной боевой силы. «Те люди, в воронке, которым с помощью локтей и ног удалось зацепиться за ее край, лежали, распластавшись, вдоль этого края, и стреляли, но лишь 100 человек могли одновременно занять такую позицию. Ружья их заряжались с дула, и для того чтобы снова заряжать, им приходилось поворачиваться спиной к краю воронки».

В 5 час. утра была взорвана мина; в 7 час. утра повели на убой и цветную дивизию. Когда я описывал первое сражение у Буль-Рёна, я цитировал одну прусскую докладную записку 1800 г., в которой излагалось, что одной пехоте свойственно сражаться стоя, другой — укрываясь на местности.

Как мы знаем, американская пехота очень нуждалась в прикрытии. Вследствие этого в Новом Свете развилась окопная тактика. Но совсем иной была психология негров, которые после сражения у р. Антитэм и прокламации Линкольна бежали от своих господ, чтобы поступить на службу в войска Союза. Они были готовы итти в огонь и в воду. Лучшей штурмовой колонны нельзя было себе представить. Наоборот, для окопной войны негры годились меньше. В окопной войне многие попадали в плен; бежавшим же рабам не приходилось ждать пощады в случае успешной атаки противника.

Возглавляемые своими геройскими белыми офицерами, чернокожие бросились на верную смерть. Их косили, как траву, но ряды все время тесно смыкались. Напрасно оглядывались немногие уцелевшие офицеры, не подходят ли подкрепления. Их предоставили самим себе. Лишь справа один единственный дивизионный командир тщетно пытался оказать им помощь. Обескураженные, они отчаялись достигнуть кладбищенского холма и повернули назад. Солдаты были настолько привязаны к своим офицерам, что пришлось приказать им рассыпаться, чтобы представлять собой меньшую мишень и таким образом попытаться выйти из боя с меньшими потерями.

Сколько спаслось при этом,— сказать трудно, ибо потери были затушеваны. Впрочем, достаточно установить тот факт, что с 30 июля 1864 г. дивизия Ферреро навсегда исчезла из боевого расписания Потомакской армии.

Поражение цветных войск произошло в 9 час. 30 мин. После этого Мид дал распоряжение отвести войска назад из воронки. «Если бы это было произведено под жестоким неприятельским огнем,— так судит об этом один из штабных офицеров белой дивизии,— то возникла бы паника. Она бы подвергла опасности унионистские линии и, возможно, распространилась бы даже на те войска, которые стояли за 9-м корпусом (Бёрнсайда)...»

Позади Бёрнсайда были сосредоточены 51 000 чел. пехоты, так что блокада Питерсбёрга осуществлялась, в общем, 62 000 унионистских солдат[1]. У Бетлера на северном берегу Джеймса было 6 000 ружей; Ли пришлось выделить против него часть из своих 43 000 чел. пехоты.

[1] Потери во время штурма не исключены из этого количества.

Таким образом, в день взрыва мины соотношение сил под Питерсбёргом было следующим: 62 000 унионистов против максимум 38 000 конфедератов. Если бы Грант не локализовал свою атаку, а приказал бы начать всеобщий штурм, он смог бы бросить на окопы Ли силы, превосходившие последнего на 24 000 чел. Правда, и тогда пришлось бы ограничиться фронтальным наступлением, не сулившим ничего хорошего. Унионистская полевая артиллерия значительно превосходила артиллерию конфедератов и качественно и количественно; однако, осадной артиллерии Грант не имел в своем распоряжении. Для того чтобы сломить сопротивление защитников окопов до штурма путем обстрела их уничтожающим огнем из тяжелых орудий, средств не было. Генеральный штурм угрожал унионистам невероятными потерями, которые в случае неуспеха расшатали бы всю армию. Поэтому отнюдь нельзя упрекать Гранта за то, что он не предпринял генерального штурма. Но из этого логически вытекает, что ему совсем не следовало предпринимать локализованного штурма. То обстоятельство, что диверсия унионистской кавалерии против железной дороги Ричмонд, Уэлдон еще не состоялась, потому что эскадронам Шеридана на обратном пути из Дип-Боттома преградил путь пехотный корпус, который был отряжен туда вместе с конницей, не имело решающего значения. Даже если можно было бы уловками и диверсиями заставить Ли выделить значительные силы, все же наиболее вероятно было, что войска, введенные в бой в одном только пункте, были бы сломлены неприятельским фланговым огнем. Мина оказалась миражем.

Из упоминавшихся ранее соображений Бёрнсайд не решался допустить, чтобы уводимые из воронки войска были обстреляны в спину. Бёрнсайд надеялся, что засевшие в воронке войска смогут продержаться в ней до наступления темноты и затем, под покровом этой последней, кое-как организуют отступление. Пока же унионисты были подвержены действию лучей безжалостного полуденного солнца. Облака испарений от скученной массы людей расстилались над воронкой; раненые умирали с мольбой о воде на губах; многие в тщетном стремлении к влаге настолько высовывали свои языки, что, казалось, они висят у них изо рта.

С того момента, когда начала столь действительный обстрел упомянутая выше одна батарея, артиллерия конфедератов, сосредоточиваемая против участка прорыва, постепенно значительно усилилась. В 2 часа пополудни внезапно замолчали все их орудия, и конфедератский генерал Бушрод Джонсон, командовавший частями, находившимися перед воронкой, бросился со своей пехотой в атаку на дезорганизованных унионистов. В бешеной злобе за взрыв мины, вследствие которого взлетела в воздух почти целая бригада конфедератов, солдаты Джонсона кололи, не глядя, в беззащитное скопление людей в воронке. Значительное число их попало в плен нераненными. Другим же удалось бежать, ибо в этой мешанине, где перепутались свои и враги, батареи конфедератов не могли стрелять, а действительность стрельбы из ружей с тыла, оказавшаяся столь роковой для австрийцев в 1866 г. во время их бегства, была результатом скорострельности игольчатых ружей. Тем не менее, белые дивизии корпуса Бёрнсайда потеряли 40% своего наличного состава. Если подсчитать только потери убитыми и ранеными, понесенные одним корпусом Бёрнсайда в этом бою и при попытке захватить Питерсбёрг,

то для всех трех белых дивизий цифра эта достигнет 4 500. Как уже сказано выше, без вести пропавших мы в это число не включаем. Боевая сила этих дивизий в начале кампании равнялась, вероятно, 9 500 чел. В сражении у Уилдернесс-Инн они потеряли убитыми и ранеными не менее 1 500 чел. Получаются уже потери в 6 000 чел. из 9 500. Мы знаем, сколько еще сражений и столкновений было в течение этой кампании. Бойня при Колд-Харборе причинила корпусу Бёрнсайда сравнительно мало потерь; однако, и здесь он потерял 1 300 чел. Таким образом, мы приходим к тому, что его боевая численность снизилась с 9 500 до 2 200 чел. А с 19 июня по 30 июля, т. е. между попыткой захвата конфедератов врасплох и взрывом мины под Питерсбёргом, беспрестанно велась в окопах перестрелка, сопровождавшаяся большими потерями. Белые дивизии корпуса Бёрнсайда потеряли при этом 1 100 чел. Следовательно, в корпусе, белая пехота которого выступила в поход в количестве 9 500 чел., в период между сражением у Уилдернесс-Инн и взрывом мины было ранено или убито свыше 8 400 чел. При этом еще раз надо напомнить, что в подсчет не входят пропавшие без вести, а также убыль вследствие болезней и каких-либо других причин.

Другими словами: после штурма Кладбищенского холма от корпуса Бёрнсайда не осталось бы почти ничего, если бы все время не посылались пополнения из сборных пунктов на родине. Напомню, что в одном лишь горячем окопном бою, происходившем с 5 по 12 мая у Уилдернесс-Инн и Спотсилвании, унионисты потеряли 30% своего наличного состава убитыми и ранеными. Короче говоря, Грант выступил в августе с совершенно новой армией, — старая уже была давно израсходована.

Выше я рассказывал, что под Виксбёргом Грант водил на штурм всю свою пехоту, несмотря на то, что он предвидел, что она будет отбита с кровавыми потерями. Он отдал этот приказ потому, что войска не хотели подвергать себя лишениям и болезням, которые повлекла бы за собой длительная осада. Неудача наступления, завершенного штурмом, являлась средством склонить армию на операции, обещавшие большой успех. Под Питерсбёргом необходимо было сперва выполнить весьма трудоемкие земляные работы, для того чтобы сделать невыносимым положение Ли. Но, получив с избытком пополнения, Потомакская армия оставалась столь же недисциплинированной, как и та, которой год тому назад Грант командовал на Миссисипи. Должен ли он был снова бросить на штурм всю свою пехоту, чтобы доказать армии, что затяжная война зависит не от него одного? Этого нельзя было сделать с армией, которая и так таяла, как снег на солнце. Тактика, применимая на второстепенном театре военных действий, была неприменима на главном. Находясь в таком тяжелом замешательстве, Грант получил предложение пенсильванского горного инженера. Он знал, что взрыв мины без поддержки осадной артиллерии противоречит правилам военного искусства, тем не менее, он принял предложение и заведомо повторил ошибку, допущенную под Виксбёргом, с тем лишь изменением, что он повел на бойню не четыре или пять корпусов, а лишь один. Армия требовала решительных действий,— она их получила. Взорванная мина глубоко укрепила в сознании войск представление, что нет полководца энергичнее Гранта и что они с готовностью должны делать все, чего бы он от них ни потребовал, для того чтобы получить возможность как

можно скорее вернуться домой. Кровавая баня перед Кладбищенским холмом Питерсбёрга — стратегическое дополнение к кровавой бане у Колд-Харбора. Ответственность за последнюю лежит на штатских дилетантах в правительстве, которые вмешивались в ведение войны. Ответственность за первую падает на нарушавшие субординацию и недисциплинированные американские милиционные войска. Действия же Гранта должны быть оценены тем выше, чем яснее становится, насколько у него были связаны руки.

Против ли воли Потомакской армии или нет, но теперь, после того как окопная война тянулась уже 12 недель, эта изнуряющая борьба со всей силой вступила в свои права. Почти необозримыми оказались последствия того, что корпуса Бетлера были скованы Борегаром. Выше я сравнил задачу, поставленную унионистам по отношению к Ли, с задачей борьбы с Базеном в 1870 г. Но Гранту пришлось труднее, чем Мольтке. Этот последний имел возможность так тесно запереть Базена в Меце, что тот вообще едва мог двигаться. Это было невозможно сделать с укрепленным лагерем Питерсбёрг, Ричмонд. Для окружения Ли потребовалось бы пятикратное численное превосходство осаждавших над осажденными, в то время как под Мецом армия принца Фридриха Карла была не больше армии Базена. Если бы этот последний имел в своем распоряжении укрепленный лагерь Мец, Диденгофен, причем Диденгофен был бы столь же неприступен, как и Мец, то положение Базена оказалось бы таким же выгодным, как положение Ли в августе 1864 г.

Пятикратного превосходства Грант добиться не мог. Ему не оставалось никакого другого стратегического исхода, как запереть Ли хотя бы частично, затруднить ему как можно больше подвоз съестных припасов и продолжать войну на истощение как в Виргинии, так и в Георгии. Приведет ли эта стратегия к цели, в этом в августе 1864 г. не было еще никакой уверенности. Мы увидим, сколько ненадежных факторов влияли еще на обстановку. Но все же вместо этого не существовало никакого другого осуществимого плана войны. В августе пехота и артиллерия Потомакской армии насчитывали около 70 000 чел., а армия Ли лишь 49 000. Как и перед взрывом мины, Грант послал один корпус на другой берег Джеймса и таким образом заставил Ли ослабить свои силы под Питерсбёргом. Грант воспользовался этим, для того чтобы удлинить линию своих окопов, проведя их через железнодорожную линию Ричмонд, Уэлдон. Ожесточенное неприятельское сопротивление было сломлено численным превосходством. В одном переходе южнее было в широком масштабе проведено разрушение железнодорожной линии.

Около середины сентября возросла подвижность унионистской армии благодаря окончанию постройки железной дороги, соединявшей позиции под Питерсбёргом с гаванью Сити-Пойнт на р. Джеймс. Теперь, наконец, снабжение армии было обеспечено в любую погоду. Эта военная железная дорога протяжением в 13 *км* была первой в мировой истории железной дорогой, построенной во время войны.

То обстоятельство, что унионистские окопы растянулись вплоть до железной дороги Ричмонд, Уэлдон, заставило и конфедератов соответственно удлинить свои позиции. Вследствие этого пришлось значительно сократить гарнизон Ричмонда. Это подбодрило Гранта, решившего не ограничиваться к северу от Джеймса простыми демонстрациями, а испробовать и серьезное наступление. Два из его пяти

корпусов — 66 батальонов — дрались с 24 батальонами конфедератов за форт Гаррисон, важный форпост Ричмонда. Конфедераты оставили на поле сражения целую треть своего боевого состава, но форт Гаррисон остался за унионистами.

Довольно чувствительными жертвами заплатили унионисты за удар, нанесенный армии Ли, еще до взрыва мины. 5 000 унионистских всадников выступили из лагеря под Питерсбёргом, чтобы разрушить железную дорогу на Уэлдон и Южную железную дорогу. Их командир, ген. Вильсон, имел инструкцию как можно дальше распространяться вдоль железнодорожных путей: «до тех пор, пока вас не прогонят атаки противника, которые вы не будете более в состоянии отражать». Таким образом, Вильсон должен был поступать не так, как до него Шеридан, покинувший местность Чарлотсвилл, как только он стал опасаться подхода неприятельской пехоты. Наоборот, Вильсон должен был приступить к отступлению только тогда, когда он действительно вступит в контакт с превосходящими силами неприятеля. Унионистские эскадроны захватили много подвижного состава и разрушили пути на протяжении 120 *км*. Лишь после этого неприятельская пехота преградила им путь. Вильсон все-таки пробился, но потерял артиллерию, обоз и одну пятую своих всадников. Грант считал, что это не несчастье: «Вред, нанесенный противнику, был богатым вознаграждением за понесенный ущерб...»

Кавалерийские массы Вильсона провели в пути 10 суток и прошли в оба конца расстояние свыше 680 *км*. Операция была осуществлена в конце июня. Разрушения Уэлдонской железной дороги в одном переходе южнее Питерсбёрга были произведены в августе, но лишь разрушения, предпринятые в третий раз, в декабре, имели результатом повреждение рельсовых путей на протяжении примерно 150 *км*. Вообще, лишь во второй половине декабря унионистам, которые вели на виргинской территории войну на истощение, удалось нанести конфедератам действительно удачный удар. Из боев Брагга с Бьюэллом и Розкранса с Грантом нам уже знаком город Ноксвилл в восточной части Тенесси. Унионистский генерал Стонмен с 4 000 всадников выступил из Ноксвилла на Солтвилл, для того чтобы разрушить там солеварни, что не удалось сделать ген. Круку в мае. Поход Стонмена вдоль Центральной виргинской железной дороги вел сплошь сквозь житницы армии конфедератов, блокированной в Питерсбёрге и Ричмонде. Эти житницы он опустошил с максимальной основательностью. У железнодорожной станции Мэрион Стонмен наткнулся на Брекинриджа, победителя Зигеля под Нью-Маркетом. «Во время всей экспедиции,— как рассказывают нам с унионистской стороны,—погода была холодная и сырая, и всем войскам приходилось подвергаться большим тяготам и лишениям. Во время боя под Мэрионом... они стояли свыше 36 часов под дождем, в грязи, без огня, питания и прикрытия. Однако, они перенесли все это геройски, без жалоб».

Правда, этим 4 000 чел. ездящей пехоты не удалось нанести поражения Брекинриджу, несмотря на то, что тот имел всего лишь 1 500 чел. Все остальные силы, которыми он располагал раньше, требовались теперь для Питерсбёрга и Георгии. Повидимому, добрая воля милиционных войск Стонмена была значительнее, чем их маневренная способность. Все же генерал сумел организовать во время столкновения под Мэрионом разрушение соседних солеварен, ибо конфедератам пришлось сосредоточить на поле сражения все свои

ничтожные силы и они не были в состоянии выделить в Солтвилл ни одного человека.

Итак, операция Стонмена оказалась успешной с стратегической точки зрения. Зато не удалась попытка Шеридана путем возведения окопов отрезать Ли от его источников снабжения в Виргинии. Как нам известно, Шеридан стоял лагерем у Кернстауна в северной части долины Шенандоа. Отсюда, приблизительно одновременно с экспедицией Стонмена, он отправил две кавалерийские дивизии через Чэстерское ущелье в горах Блу-Ридж. Целью их начальника, ген. Торберта, была тоже Центральная виргинская железная дорога, примерно, в районе станции Луиза-Таверн, близ станции Тревильян, где Шеридан, когда он еще не командовал частями, брошенными против Эрли, мерился силами с конфедератами в кавалерийских боях. Шеридан повернул в то время назад, ничего не сделав, ибо убоялся появления неприятельской пехоты. С тех пор Грант издал строгий приказ, чтобы совершающая рейды кавалерия отступала не раньше, чем будет атакована превосходящими ее силами. В это положение и попал Торберт, ибо Ли бросил ему навстречу по железной дороге пехоту из Ричмонда. Торберту пришлось теперь отойти через горы Блу-Ридж, по слякотным, засыпанным снегом или же скользким, обледенелым дорогам. На этих дорогах и на биваках при ветре и непогоде погибло большинство его лошадей.

Эти операции, характерные для войны на истощение, являлись лишь частичным решением крупной задачи — подорвать Конфедерацию в экономическом отношении и, тем самым, косвенно, также и в военном. Блокада Питерсбёрга и Ричмонда также грозила остаться бесцельной операцией. В конце октября Грант решил протянуть линии своих окопов влево, до Аппоматокса. По его предположению, окопы противника кончались там, где шоссе на Бойдтон пересекает ручей Хетчер. Грант не предполагал, что у конфедератов окажутся силы рыть окопы еще дальше вправо. У конфедератов в то время имелось 50 000 чел. пехоты и артиллерии[1], у Гранта было около 80 000 чел. Ли убеждал военного министра призвать на военную службу младшие и старшие возрасты. Ли хотел использовать их в окопах и в качестве гарнизонов фортов, чтобы таким образом иметь в своем распоряжении ударные войска. Однако, непопулярная мера не была принята. Воинская повинность попрежнему была ограничена: ее несли мужчины от 18 до 45 лет. Больше повезло Ли с его требованием заменить неграми всех поваров, санитаров и обозных. Однако, это оказало лишь очень незначительное влияние на изменение соотношения сил в его пользу. Но Ли, насколько это было в человеческих силах, умел компенсировать эту разницу. Он мастерски развил тактику окопной войны. Еще после сражения под Фредериксбёргом он заявлял, что тщательное улучшение окопов равносильно усилению пехоты наполовину. Под влиянием этого полководца окопы у конфедератов приняли вид, существенно отличавший их от унионистских. Один унионистский военный упоминает «об особенном характере неприятельских укреплений, которые не располагаются в одиночку, а чрезвычайно сложны и переплетены между собою, полны волчьих

[1] 72 000 чел. «Effective total». Это означает 50 000 чел. «Present for Duty». Под такими рубриками приводятся данные о силах Гранта в военно-статистических таблицах.

ям, поперечных ходов сообщения и непроницаемых для артиллерийской стрельбы блиндажей — целый лабиринт!».

Оборонительная сила этих сооружений была так велика, что Ли имел возможность сооружать их на гораздо большем протяжении, чем Грант считал это возможным. Грант был крайне неприятно поражен, обнаружив, что неприятельские окопы у пересечения Бойдтонского шоссе и ручья Хетчер далеко еще не кончались. Он не решился ни продолжать обложения, ни прямо атаковать и начал отступление. Армия конфедератов не только оказалась достаточной, для того чтобы занять весь лабиринт, но Ли сумел даже еще выделить силы для наступления. С этими силами он атаковал по северному берегу ручья отходивших унионистов и подготовил им жаркий день.

После того как Грант, двигаясь по тому кровопролитному пути, на который он вступил у Уилдернесс-Инн, продвинулся до Питерсбёрга, весы колебались еще целых полгода, пока, наконец, не перевесила одна из чаш.

Глава X

Поражение Конфедерации

Сражение у Атланты (20 и 22 июля 1864 г.).—Разделение унионистов в Георгии и сражение у Нашвилла (16 и 17 декабря 1864 г.). — Триумф стратегии истощения и блокады (апрель 1865 г.)

Как главнокомандующий всеми вооруженными силами Союза Грант образовал для кампании 1864 г. две армии: одну под его личным командованием для операций в Виргинии, другую под командованием Шермана для уничтожения конфедератов в Георгии. Джозеф Джонстон [1] располагал в Георгии 51 000 чел., с которыми он в начале мая стоял лагерем в районе Далтона, т. е. в то время, когда в Виргинии происходило сражение у Уилдернесс-Инн. Этот городок производил хлопчатобумажные товары и машины и поэтому имел некоторое значение для Конфедерации. Он находился на железной дороге Чаттануга, Атланта, жизненной артерии обеих сражавшихся армий. Шерман обладал огромным численным перевесом над Джонстоном; у него было 99 000 чел. Тем не менее, он уклонялся от сражения и ограничивался тем, что пытался своими маневрами, угрожая базе Джонстона, выманить его из гор, в которых он окопался.

В «Истории военного искусства» Дельбрюка следующими словами описывается сражение у Моргартена (1315 г.): «Именно этого и ожидал Штауффахер (предводитель швейцарцев). Внезапно по крутому склону покатились камни и круглые бревна, все союзное войско креп-

[1] Джонстон утверждает, будто бы в начале кампании он имел лишь 2 000 всадников. То, что Джонстон жонглирует этой незначительной цифрой, объясняется тем, что лошади остальных 6 000 всадников были отправлены на подножный корм в тыл армии, ибо под Далтоном нехватало фуража.

кими сомкнутыми колоннами устремилось вниз с горы. Перед самым натиском на рыцарей и коней посыпался град камней...»

Более чем через 500 лет после Моргартена под Далтоном камень вновь ожил как действительное средство обороны. Конфедераты вели с унионистами арьергардный бой. Со стороны конфедератов мы располагаем следующим описанием этого боя: «Сперва отдельные солдаты скатывали камни с гор лишь из озорства, но как только были обнаружены результаты их действия, то солдатам было приказано использовать и это средство в качестве элемента нашей оборонительной тактики».

После того как конфедераты были вытеснены из их позиции у Далтона, они укрепились дальше к югу у железной дороги, заняв горную позицию у Резаки. Шерман и отсюда попытался вытеснить их без боя, путем маневра. Я неоднократно говорил о том, что дисциплина понималась в американских армиях иначе, чем в Европе. Под Резакой произошел следующий небольшой случай, характерный в этом отношении. Во время одного из осуществлявшихся унионистами утомительных переходов, сопровождавшихся и земляными работами, необходимыми для того, чтобы охватить врага и подобраться к нему под прикрытием окопов, Шерман присел отдохнуть и, прислонившись спиной к дереву, крепко заснул. Его заметили проходившие солдаты. Находясь под разлагающим влиянием позиционной войны, они были весьма строптиво настроены. Один солдат высказал оскорбительные замечания по поводу дремавшего полководца и, в конце концов, воскликнул: «Глядите-ка, как хорошо нами командуют!». Шерман проснулся в этот момент и услыхал его слова. Шерман и не подумал укорять говорившего за неуважительный тон его замечания или даже распорядиться о наказании провинившегося; он лишь скромно сказал: «Стойте, милый человек! Пока вы ночью спали, я, сэр, думал за вас (в этой армии и в обращении с рядовыми применялось слово «сэр»). Зато теперь я слегка вздремнул».

С 13 по 16 мая, в то время когда в Виргинии шла борьба у Спотсилвании, унионисты Шермана вели арьергардные бои с Джонстоном, который без особенно серьезного сопротивления очистил позицию под Резакой, как и раньше под Далтоном. Он окопался на следующем горном хребте, у Таннерс-Ферри. Шерман продолжал придерживаться стратегии, которой он следовал у Далтона и Резаки. Он снова попытался охватить противника, не слишком ввязываясь при этом в фронтальный бой. Таким образом, он прогнал Джонстона и от Таннерс-Ферри. Непосредственно вслед за этим конфедераты очистили и свои следующие позиции, занятые ими у Адерсвилл и Касвилл, тоже вследствие того, что они опасались охвата обоих флангов. Тем самым они отдали неприятелю городок Рим, утрата которого была нелегка для Конфедерации, хотя в нем насчитывалось всего 2 700 жителей[1], ибо там находились литейные и другие заводы. Между тем, выжидательная стратегия Джонстона далеко еще не дошла до своего конца. На своих новых позициях, у церкви Нью-Хоп, он располагал уже 70 000 чел. вместо всего лишь 51 000 чел., еще за три недели до этого. Ибо поскольку не было серьезных боев, а велась лишь маневренная война, потери были невелики. Но силы Джонстона увеличились главным образом потому, что подошли значительные подкрепления. Более

[1] По переписи 1872 г.

благоприятного для них соотношения сил, чем у церкви Нью-Хоп, конфедераты не имели в течение всей этой кампании: 53 000 чел. пехоты Джонстона против 85 000 чел. Шермана. В сражении у Уилдернесс-Инн Ли, имея подобное же соотношение сил,— 49 000 пехоты против 79 000,— атаковал Гранта.

Иначе действовал Джонстон. Он прикрылся у церкви Нью-Хоп «баррикадами» (окопами) и придерживался, за исключением незначительных вылазок, чисто оборонительной тактики, отсиживаясь за своими укреплениями. Унионисты тоже окопались. «Ров, а перед ним насыпь,— так описывает один унионистский корпусный командир полевые укрепления обеих сторон,— с толстой деревянной обшивкой с внутренней стороны и массивной крышей для защиты голов защитников. Я знал один полк, который с помощью топоров и лопат меньше чем через час после занятия позиции мог уже полностью укрываться от ружейного и артиллерийского огня».

Под прикрытием своих окопов, медленно, с трудом, но неуклонно выносимых вперед, унионисты в течение десяти дней с боем приближались к позициям Джонстона. Поддаваясь такому же самообману, как под Питерсбёргом, у ручья Хетчер, унионисты думали, что и у церкви Нью-Хоп они добрались, наконец, до края неприятельских окопов. Когда же они довели свои окопы до владения мельника Пикета, то им пришлось разочароваться. Фланговая атака конницы конфедератов также способствовала тому, чтобы воспрепятствовать охвату противником их армии у Пикет-Милл. К вечеру унионисты предприняли наступление, которое было отбито вследствие чисто фронтального характера его, и это довольно сильно расстроило ряды наступавших. При таком моральном состоянии войск рытье окопов служило дисциплинарным средством: «Мы делали то, что важнее всего,— рассказывает один унионистский генерал,— мы всю эту тяжелую ночь развлекали наших людей рытьем траншей».

Позиция у церкви Нью-Хоп была шестой позицией, которую Джонстон вынужден был оставить без серьезного сопротивления, в результате маневров противника. Унионисты добрались до этой позиции приблизительно в то время, когда происходило сражение под Колд-Харбором между Грантом и Ли. Чтобы избежать охвата своего правого фланга и тем самым не быть отрезанным от железной дороги, Джонстон отошел к горе Кеннесоу, у которой в одной из многочисленных стычек был убит воинственный епископ ген. Полк.

Джонстон охарактеризовал эти столкновения следующими словами: «Неприятель приближался к нам, как обычно, под прикрытием последовательно воздвигаемых линий окопов». 29 дней рыли унионисты окопы. Затем 27 июня, в то время, когда Грант приступил к блокаде Питерсбёрга, они решились на более крупное наступление, но снова натолкнулись на окопы конфедератов, которых они уже не ожидали встретить после столь широкого охвата неприятельского левого фланга. Наступление одной дивизии потерпело полную неудачу и сопровождалось тяжелыми потерями. Наступление другой дивизии застопорилось по дороге, и войска окопались: «Мы ничего не добились; теперь мы больше чем когда-либо поняли бесцельность фронтальных атак на хорошо подготовленные и занятые войсками полевые укрепления».

Итак, никто из обоих полководцев не стремился к сражению,— полная противоположность Гранту и Ли; второй из них у Уилдернесс-

Инн бросил в наступление все свои немногочисленные силы, а первый всегда искал решения путем сражения. Здесь следует добавить то, что Шерман говорит о самом себе и о Гранте и что характеризует кампанию 1864 г.: «Мы оба претендовали на то, что... мы профессиональные солдаты... воспитанные на изучении военной науки... Эта кампания по своей стратегии, по своей технике, по своей тактике как крупных, так и мелких частей придала, по моему убеждению, новый блеск военной науке. Среди генералов противной стороны с нами мерялись силами такие лица, на которых нас в прошлом учили смотреть с уважением; это были такие же знающие и опытные солдаты, как мы сами, которые вряд ли стали бы делать ошибки. Каждый из них обладал сильной армией — такой, какая могла быть создана народной массой южан, родственной нам по крови, храброй, уверенной в своих силах и хорошо снабженной (?). Затем они имели явное преимущество оперирования в собственной трудно проходимой стране, с ее горами, лесами, ущельями и потоками. Благодаря этому имелись великолепные условия для оборонительной борьбы наряду с не менее важным для них преимуществом, заключавшимся в том, что мы вторглись в страну наших заклятых врагов и должны были подвергать наши растянутые коммуникационные линии опасностям партизанской войны со стороны ожесточенного населения. Кроме того, нам приходилось, по мере нашего продвижения вперед, оставлять охрану для мостов, железнодорожных станций и промежуточных складов. Все это уменьшало нашу боевую силу, в то время как боевая сила врага увеличивалась вследствие того, что, отступая, он стягивал к себе все выделенные ранее силы. Кроме того, он располагал железными дорогами, для того чтобы подвозить с тыла продовольствие и подкрепления. Я привожу все эти факты, для того чтобы опровергнуть широко распространенное мнение, будто мы, северяне, выиграли войну лишь грубой силой, а не только с помощью мужества и искусства».

Читателю, вероятно, бросилось в глаза, почему именно Шерман не добился «грубой силой» сражения, исход которого был со всей очевидностью обеспечен в его пользу,— он хотел избежать таким образом распыления своих сил и партизанской войны. Я оставляю этот вопрос пока открытым.

Бои за гору Кеннесоу длились 13 дней; затем Джонстон отступил и отсюда, чтобы расположиться за р. Чаттахучи, под «прикрытием и защитой лучшей линии полевых укреплений, которую я когда-либо видал»,— как судил об этом Шерман. «Эта позиция была уже давно подготовлена. Ни один солдат или офицер, служивший под моим командованием, не будет подвергать сомнению военные способности Джозефа Джонстона. Его отходы производились всегда во-время, в полном порядке; он ничего не оставлял позади себя. Мы прошли 120 миль (не по прямой) в глубь неприятельской страны (приблизительно 190 *км* в 65 дней), т. е. едва 3 *км* в день, располагая только одной одноколейной железной дорогой, по которой должны были подвозиться обмундирование, продовольствие, боеприпасы и вообще все необходимое для 100 000 чел. и 23 000 животных».

В то время как Шерман в своей характеристике кампании ссылается на трудно проходимую территорию Георгии, сильно благоприятствовавшую обороне, Джонстон в своем описании военных действий возражает против этого утверждения своего противника. «Я бы охотно отдал все горы, ущелья, реки и леса Георгии ради такого

подвоза артиллерийских боеприпасов, каким пользовался он... Страна, в которой оперировали обе армии, не покрыта ущельями, ничто в характере этой местности не давало преимуществ конфедератам. Между Далтоном и Атлантой в районе железной дороги имеется единственная гора Рокки-Фейс (вблизи Далтона). Эта гора помогла унионистам. Ничтожное военное значение гор подтверждается тем фактом, что во время унионистского наступления от 27 июня наши войска на горе Кеннесоу страдали больше, чем те, которые находились на равнине. Когда армии стояли друг против друга, местность давала одинаковые преимущества обеим сторонам и особого значения не имела; в отношении прикрытий обе стороны зависели от земляных работ, а не от горных кряжей или ущелий».

Но и р. Чаттахучи не смогла задержать продвижения унионистской армии и, после того как Джонстон занял теперь позицию у ручья Пич-Три, волна нашествия докатилась до самых ворот Атланты. Шерман потерял за это время 40 000 чел. из 99 000. Конечно, для расстояния в 225 *км* это, несомненно, означало значительные потери; но бреши вновь заполнялись пополнениями, и у ручья Пич-Три Шерман снова располагал свыше чем 100 000 чел. К этому следует прибавить такое же количество этапных войск. Такое громадное ополчение нельзя было обойти; главные магазины армии находились в Луизвилле, с которым мы знакомы еще из походов Брагга. От Луизвилла, через Нашвилл и Чаттанугу, шла железная дорога на Атланту, служившая Шерману базой. Расстояние это, примерно, равно 540 *км*. В приведенной мною выше цитате из описания кампании, принадлежащего Шерману, совершенно справедливо указывается на большие затруднения, причинявшиеся операциям унионистов партизанскими действиями южан. Георгия и Тенесси были штатами, враждебными унионистам, а Кентукки, который железная дорога пересекала с сезера на юг, делился по своим политическим убеждениям на две части. Все мосты и туннели вдоль рельсовых путей между Луизвиллом и Атлантой приходилось ограждать блокгаузами и окопами. 100 000 чел. и 23 000 животных не прожили бы без железной дороги и одного дня. «Местность,— читаем мы у Шермана о районе возле церкви Нью-Хоп,— была почти в первобытном состоянии; дорог было очень мало или не было совсем; не было ничего того, что было бы понятно европейцу». Ведь плотность населения Георгии равнялась в то время всего лишь 7 чел. на 1 $км^2$ — гораздо меньше, чем в тех областях России, через которые в 1812 г. проходил Наполеон. Снабжение унионистской армии продовольствием было бы невозможно, если бы в тылу, т. е. на территории Союза, не были собраны значительные паровозные парки и большое количество опытных железнодорожных служащих. Здесь мы ясно ощущаем, какую роль играла экономика в эту войну.

В отношении кавалерии конфедераты были гораздо сильнее своих противников: 14 000 лошадей против 7 000. Поэтому после очищения Адэрсвилла Джонстон последовательно разослал шесть отрядов конницы для разрушения железной дороги и телеграфа в тылу у унионистов. Но пехотные массы Шермана, расположенные вдоль этапных пунктов, препятствовали их разрушительной работе и не позволили ей принять крупных размеров. Конечно, конфедераты разрушали и свою собственную железную дорогу, по мере того, как они ее уступали противнику, но организованный еще до похода Шермана корпус

специалистов быстро восстанавливал и железнодорожную линию и телеграф.

Благодаря этому Шерман появился в середине июля перед Атлантой с сытой, хорошо снабженной армией, столь же многочисленной, как та армия, с которой он перешел границы Тенесси и Георгии. Он правильно поступил, избегая по мере возможности кровопролитных стычек, ибо его правительство не было в состоянии наряду со сражениями и штурмами в Виргинии поставлять пушечное мясо для действий «грубой силой» еще и в Георгии и, сверх того, предоставить Шерману 100 000 чел. для охраны его коммуникационных линий. Чем расточительнее обращался Грант с человеческими жизнями, тем экономнее должен был быть с ними Шерман. Он понял эту необходимость и действовал сообразно с этим.

Годилось ли и для Джонстона то, что было правильно для Шермана? Во время своих оборонительных операций он терял сравнительно мало людей убитыми и ранеными, а между тем, у него убыло столько же людей, сколько у противника, правильнее сказать — значительно больше, если принять во внимание пропорциональное количество бойцов. Окопная война, длившаяся 9 недель, из которых почти в продолжение 3 недель непрерывно лил дождь, сильно расшатала нервы у бойцов обеих армий, причем конфедераты страдали от такой войны гораздо сильнее, чем их противники. Правда, конфедераты перекладывали часть своих окопных работ на рабов, но зато страдали от недостатка шанцевого инструмента, и, что важнее всего, 10-недельное отступление с оставлением одной области за другой сильно разъедало боевую мощь армии. Лишь дезертирство, размер которого еще более превышал то, что мы наблюдали раньше, объясняет потери Джонстона. Мы знаем, что общественное мнение Конфедерации не терпело уступки собственных территорий противнику. Вопреки единодушному совету генералов, Дэвис в 1863 г., как и в 1861 г., отказался очистить приморские города. Очищение Браггом Среднего Тенесси после сражения у р. Стон привело к возмущению в войсках в Тьюллахоме. Ли дал сражение под Фредериксбёргом, вопреки своим оперативным убеждениям, лишь потому, что президент не одобрил стратегического отступления из Северной Виргинии.

Когда Ли приносил жертвы у Уилдернесс-Инн и Спотсилвания-Таверн, он руководствовался при этом стремлением доказать согражданам, что армия дорого продает каждый клочок отечественной земли. Ему блестяще удалось создать это впечатление, а потому его армия страдала гораздо меньше от дезертирства, чем армия в Георгии. Однако, оперативные условия в Виргинии отличались от условий в Георгии тем, что Ли в северо-виргинских сражениях защищал косвенно весь комплекс укреплений Ричмонд — Питерсбёрг. Прикрывать такого рода стратегические ценности в Георгии не было нужды. У Джонстона были, таким образом, свои основания проводить кампанию иначе, чем Ли; поэтому он и не бросился у церкви Нью-Хоп со своими 70 000 чел. на 99 000 чел. Шермана, подобно Ли у Уилдернесс-Инн. Я воздержусь еще высказывать окончательное суждение о стратегии Джонстона и ограничусь указанием, что с Джонстоном случилось то же самое, что и с русским полководцем Барклай де-Толли в 1812 г., смещенным за то, что он медлил давать сражение перед Москвой. Подчиненные Джонстону генералы в Атланте были против той позиционной войны,

которую он вел. Обуреваемые духом Тьюллахомы, они обратились в Ричмонд с жалобами и угрозами. Здесь они встретили со стороны Дэвиса сочувствие и готовность их выслушать. Правда, президент, как генерал, разделял взгляды, которые Джонстон положил в основу обороны Георгии; однако, Дэвис был прежде всего политическим деятелем, и, как таковой, он уже с самого начала войны решил отказаться от своего пристрастия к уклонению от решительных военных операций, перед лицом того, что его земляки не терпели стратегических отступлений на своей территории.

18 июля 1864 г. (роковой день для него и для возглавляемого им дела) президент отозвал Джонстона и назначил на его место главу оппозиции в лагере Атланты ген. Худа. В сражении у р. Антитэм Худ во главе своей дивизии проявил железную силу сопротивления. Шерман рассказывает нам, что, получив известие об этой перемене в неприятельском лагере, он испытал чувство облегчения. Он считал Худа простым рубакой. Унионистская армия разделилась перед Атлантой на три армии: Кемберлендская армия, Тенессийская армия и армия Охайо. Двое из руководителей этими армиями были, как и Худ, питомцами военной школы в Вест-Пойнте, выпуска 1853 г. Один из них окончил ее седьмым, другой даже первым, а малоспособный Худ окончил ее сорок четвертым!

При вступлении в должность Худ заявил, что войска избалованы боязливой тактикой окопной войны и деморализованы распространившимся дезертирством, вследствие чего пострадала их пригодность для боев в открытом поле. Это несправедливое суждение бросает, однако, свет на образ мыслей Худа. Через два дня после принятия командования он атаковал унионистов, переправлявшихся через глубокий и сильно заболоченный ручей Пич-Три с целью обложения города Атланты со всех сторон. Левое крыло Шермана состояло из Тенессийской армии, которая уже переправилась через ручей и приближалась к восточной части Атланты, укрепленной лишь поверхностно. Центр Шермана, армия Охайо, тоже находился уже южнее этого ручья. Обе армии столкнулись тут с правым флангом Худа. Так как Худ располагал, в общем, лишь 46 000 пехоты против 88 000 у унионистов [1], то в целях некоторой компенсации столь значительного численного перевеса конфедераты сосредоточили на правом крыле все свои 10 000 всадников, тем более что они были в состоянии сражаться и в спешенном строю. Таким образом, у конфедератов получилось 56 000 чел. пехоты против 88 000 у унионистов. Унионистская кавалерия не участвовала в сражении, будучи отправлена в район восточнее Атланты для приведения в негодность железной дороги, соединявшей Георгию со штатами, лежащими у Атлантического океана.

Правый фланг Худа, — пехота и спешенная конница, взятые вместе, — насчитывал 36 000 чел.; у унионистов Тенессийская армия и армия Охайо располагали лишь 30 000 чел. пехоты. Худ усилил этот фланг относительно больше левого, несмотря на то, что ему предназначалась лишь оборонительная роль. Его левое, наступательное, крыло состояло из 30 000 чел. пехоты против 56 000 пехотинцев Кемберлендской армии. Таким образом, унионисты имели на своем правом

[1] Боевой состав батальона под Атлантой: у унионистов — 325, у конфедератов — 200 ружей.

фланге подавляющий численный перевес. Худ рассказывает, что, несмотря на это, он надеялся опрокинуть неприятеля. Свое наступление он подготовил таким образом, что рассчитывал ударить врасплох по Кемберлендской армии до того, как она сможет окопаться к югу от ручья Пич-Три. Мы видим, какую роль играли легкие полевые укрепления в тактических расчетах четвертого года войны.

Несмотря на то что на поросшей лесом и сильно пересеченной местности к югу от ручья Пич-Три наступление левого крыла конфедератов задержалось на целых 3 часа и атака последовала лишь в 4 часа пополудни, им удалось застигнуть противника врасплох. Кроме того, конфедератам повезло в том отношении, что Кемберлендская армия при наступлении по трудно проходимой местности в районе ручья Пич-Три вынуждена была разделиться. Вследствие этого конфедераты столкнулись южнее этого потока не с 56 000 чел. унионистской пехоты, а лишь с теми 40 000, которые успели миновать дефиле по импровизированным мостам; но и этих не смогли одолеть 30 000 пехотинцев Худа. К северу от ручья стояла резервная артиллерия Кемберлендской армии, которая и ударила своим огнем во фланг пехоте конфедератов. Мы многократно отмечали, как чувствительны были американские войска к обстрелу их флангов; но здесь положение было таково, что, вероятно, и европейская пехота не оказалась бы на высоте. Мы знаем качественное и количественное превосходство артиллерии северян над артиллерией южан. В течение всей кампании в Георгии артиллерии конфедератов приходилось бережно расходовать свои боеприпасы вследствие недостаточности снабжения ими. К тому же боевые силы Кемберлендской армии находились в руках такого командующего, каким являлся Томас, победитель при Спрингс-Милл. Борьба длилась 4 часа, после чего атака левого крыла конфедератов потерпела неудачу; при этом один из его двух корпусов потерял 40% своего боевого состава, главным образом в результате флангового огня неприятельской артиллерии. Другой корпус вообще не смог принять серьезного участия в борьбе, так как ему пришлось отдать часть своих сил заколебавшемуся правому крылу. Дело в том, что соотношение сил изменилось здесь не в пользу конфедератов. Когда во время своего наступления Кемберлендская армия потеряла связь между своими частями, ее левый фланг подтянулся к армии Охайо; таким образом, правое крыло конфедератов должно было уже считаться с наличием у противника не 30 000, а 46 000 чел. Худ в своем описании кампании говорит: «Наша кавалерия состояла, собственно говоря, не из кавалеристов, а из конных стрелков, обученных сражаться в спешенном бою и препятствовать наступлению противника...» Поэтому пехотная выучка этих людей была очень односторонняя; они не были обучены наступательным действиям в пешем строю в том виде, как эти действия удались унионистским всадникам у ручья Опекон, а ограничивались лишь простым сопротивлением, без эволюций широкого масштаба вроде тех, которые производились спешенной унионистской конницей у ручья Седар. Неповоротливость спешенных всадников конфедератов под Атлантой причиняла ущерб, несмотря на то, что всадники были одушевлены самыми лучшими желаниями. Спешенная конница Худа была оттеснена, для его правого фланга создалась угроза охвата, и в результате вся армия конфедератов укрылась за укреплениями Атланты. Левофланговому корпусу, на котором лежала основная тяжесть наступления, пришлось оставить

своих раненых на поле сражения. Потерям конфедератов в размере 5 000 чел. у противника соответствовала лишь убыль в 2 000 чел.

На следующий день, в страшную жару, унионисты обложили Атланту с севера и с востока, причем, несмотря на знойную погоду, всюду тут же окопались.

Особенно близко подошло к городу их левое крыло — Тенессийская армия. Худ решил осуществить здесь охват противника, вторично начав наступление. В ночь на 22 июля один из пехотных корпусов на левом фланге конфедератов сделал переход в 24 *км* по прямой и, таким образом, оказался на правом фланге своей армии. До этого момента движение оказалось сравнительно легко выполнимым, ибо дороги, что было редкостью в Америке, находились в хорошем состоянии. Но затем походные колонны развернулись в боевой порядок, и их дальнейшее продвижение вперед в северном направлении, через кустарники и лесные чащи, сопровождалось большими трудностями. Унионисты не скрывали своего восхищения, узнав позднее об этом маневре, и отнюдь не были уверены, что смогли бы обнаружить в своих войсках столько же дисциплины, необходимой для проведения подобной операции.

Помимо войск, подтянутых им с левого фланга, Худ бросил еще и другие силы на Тенессийскую армию, ее 20 000 пехоты оказались атакованными 32 000 конфедератов. «У нас было впечатление, — рассказывает один участник сражения, — унионист, что каждый конный офицер нападающей колонны ехал впереди фронта, либо же справа или слева от первой шеренги. Полковые знамена развевались впереди шеренг, и пехота мятежников, наступая, не производила ни одного выстрела. Она смыкала интервалы, пробиваемые в ее рядах, и неуклонно шла в намеченном направлении».

Таким образом, в полдень 22 июля Тенессийская армия оказалась атакованной с фронта, с фланга и с тыла. Как и за два дня до этого, наступление Худа застигло унионистов врасплох, ибо конница Шермана все еще была занята в восточном направлении порчей железнодорожных путей и из-за этого не приняла участия в разведывательной работе. Для левого крыла унионистов возник тяжелый кризис; командующий Тенессийской армией, тот самый, который в 1853 г. первым окончил военную школу в Вест-Пойнте, был убит. Нервы унионистов были настолько перенапряжены еще и после этого боя, что один командир дивизии набросился с револьвером в руках на своего корпусного командира за то, что тот вмешался во время боя в его распоряжения, и тяжело ранил этого генерала. Так же как и при убийстве ген. Нельсона его товарищем, судебное дело и в данном случае кончилось ничем.

Худ рассчитывал «грубой силой» привлечь судьбу на свою сторону. Но противник его оказался равноценным. Когда Шерману сообщили, что Тенессийская армия атакована превосходными силами, он не пришел в смятение и не растерялся перед неожиданным натиском противника, как это было с Хукером в подобном же положении под Чанселлорсвиллом. Наоборот, Шерман предпринял энергичную контратаку, предписав армии Охайо и Кемберлендской армии атаковать окопы Атланты. Правда, из этого фронтального наступления вряд ли могло выйти что-либо положительное, но в связи с тем, что бой разгорелся по всему фронту, Худ, по крайней мере, не был уже в состоянии перебросить к решающему пункту еще больше войск, чем

уже было введено в бой на правом фланге конфедератов. Как уже было упомянуто выше, Худ сражался тут, имея 32 000 пехоты против 20 000 унионистов. Это невыгодное соотношение сил смягчалось превосходством унионистской артиллерии над артиллерией конфедератов. Чем больше пехота конфедератов, следуя указаниям Худа, смыкала свои ряды во время атаки, тем больше страдала она от батарей противника. Последний образовал своей пехотой уступ, чтобы противостоять охвату. Европейские войска уже в мирное время обучались подобным эволюциям. Американские изучили их в некоторой степени лишь в течение трех лет войны. Шерман воздает хвалу полкам Тенессийской армии за то, что они сумели образовать этот уступ, как испытанные ветераны. Но для того чтобы наступление правого крыла конфедератов потерпело неудачу, недостаточно было одного уступа. Веря в бо́льшую подвижность собственной пехоты по сравнению с неприятельской, Худ приказал во что бы то ни стало охватить левый фланг унионистов, как бы далеко на восток ни пришлось заходить для этого. «Тысяча человек в тылу врага, — крикнул он командиру своего правого крыла, — стоят больше, чем 10 000 перед его фронтом».

Но порыв, отвага и дисциплина конфедератов разбились о то нововведение, которое стало характерным для кампании 1864 г., а именно — о легкие полевые укрепления. Унионистская пехота была вознаграждена за то, что, невзирая на зной американского лета, она накануне все-таки окопалась. Во время боя земляные работы все время продолжались влево от поля сражения, и притом на такое расстояние, что как бы далеко конфедераты ни заходили, им, говоря словами Худа, все время приходилось атаковать укрепленный фланг. Один унионистский майор, сражавшийся в рядах Тенессийской армии, называет окопы на ее левом фланге Гибралтаром, созданным при помощи лопат.

Когда с заходом солнца конфедераты прекратили свои безнадежные атаки, смертельно утомленная пехота Тенессийской армии до самой глубокой ночи продолжала работать над окопами. Таким образом, в армии Северных штатов развивался тот боевой дух, который, в случае выигрыша Союзом этой войны, навсегда обеспечивал ему выдающееся место среди основных народов в мировой истории.

Характерным для духа войск Союза являются те похвалы, с которыми вышеупомянутый майор отзывается о готовности его солдат к самопожертвованию. «В бригаде не было ни одного человека, для которого даже пожизненная пенсия... по самым высоким ставкам была бы достаточной наградой за труды одного этого дня и связанную с ними опасность». Потери Тенессийской армии в самом деле были высоки, однако отнюдь не выше, чем обычно в сражениях этой войны, так как убыль едва превысила 15% боевого состава этой армии. Это явилось результатом благотворного влияния полевых укреплений. Зато правое крыло Худа потеряло почти 25%.

Одновременно с этим сражением всадники Шермана закончили свою работу по разрушению железной дороги, которая вела от Атланты до промышленного города Огаста на р. Саванна. Рельсовые пути были приведены в негодность на протяжении 50 *км*. Так как благодаря этому и при помощи упомянутых выше окопов Шерман захватил в свои руки местность к востоку от Атланты и все подходы к городу с этой стороны, то он обратил теперь все свое внимание на западную и южную передовую полосу обороны Атланты. С юга и запада к городу подходили железные дороги. Для того чтобы захватить обе,

Шерман перебросил 27 июня Тенессийскую армию с левого фланга на правый и приказал ей окопаться у церкви Эзра. Эти работы еще далеко не были завершены, когда на следующий день Худ произвел свою третью вылазку из Атланты и снова бросился на Тенессийскую армию. Она прикрывалась, как могла, за стволами деревьев и за заборами. Так как в дремучем лесу дерева имелось сколько угодно, то можно было обходиться и без окопов. Худу не помогло и то, что у церкви Эзра он позаботился об использовании своей артиллерии, которой в своих диспозициях для первых двух вылазок он уделил лишь умеренное внимание. В этом бою против Худа выступило новое оружие — магазинная винтовка Спенсера, первая магазинная винтовка в истории. Ею были вооружены два унионистских батальона. В том, что попытки Худа охватить правый фланг унионистов не удались, есть определенная доля заслуги этих батальонов, и это не прошло без внимания.

Деревья девственного леса оказались таким хорошим прикрытием, что потери защитников равнялись лишь 700 чел. против 5 000 у противника. В общем, вследствие своей тактики во время боя, пехота и артиллерия Худа уменьшились почти на 40% своего наличного состава. Теперь ему пришлось ввиду своей слабости возвратиться к позиционной войне и избегать даже наступательных операций второстепенного значения, которыми Джонстон в свое время оказывал сопротивление нашествию унионистов на Георгию. В результате призыва на военную службу последних остатков милиции штата Георгии Худ получил незначительное подкрепление. Некоторые моменты из истории этих войск бросают свет на военную организацию Юга; поэтому я скажу о них несколько слов.

Чиновники штата Георгия в количестве 2 000 чел. были освобождены от фронтовой службы. Они называли себя «The militia and the civil Officers» (милиция и гражданские офицеры). Совершенно ясно, что они использовали тот двойной смысл, который имеет слово «Officer» в английском языке. Оно может означать как «офицера», так и «чиновника». Поэтому иногда говорят по-английски для ясности: «military Officer» (военный офицер). Таким образом, в течение первых трех лет войны георгийские чиновники фигурировали в качестве «офицеров», хотя половина их не прошла даже обучения рядовых солдат. Такие ухищрения часто применялись военнообязанными Юга, для того чтобы уклониться от кровавой дани. К началу кампании 1864 г. Ли писал военному министру об угрозе проигрыша войны вследствие того, что все время формируются воинские части, дающие обязательства лишь для местной службы. Со стороны Ли это не было намеренным преувеличением с задней мыслью раздобыть как можно больше солдат; так было на самом деле в связи со стремлением населения уклониться от ношения оружия и от опасностей, связанных с ним.

Теперь, когда противник вступил в Георгию и чиновников призвали на строевую службу, они сопротивлялись и заявляли о своей незаменимости. Но Джонстон живо расправился с ними. Он поставил упиравшихся перед альтернативой: либо быть насильственно взятыми на военную службу и вдобавок потерять при этом свои должности, либо организоваться в особую воинскую часть, с привилегией выбора своего начальника. Конечно, не было и речи о том, чтобы они все получили право выступить на войну в качестве «военных офицеров».

Чиновники подчинились, и образованная таким образом милиционная часть штата Георгии сражалась в окопах вполне удовлетворительно. когда, 22 июля, армия Охайо и Кемберлендская армия атаковали Атланту. Для окопной войны, к которой Худ вынужден был вернуться после трех своих поражений, он увеличил милиционные войска Георгии еще на 3 000 чел., частью людьми в возрасте 16 и 55 лет, вооруженными лишь кремневыми и охотничьими ружьями. В чистой обороне, за укреплениями, и это оружие принесло кое-какую пользу, как бы ни был странен для последующих поколений контраст между такими ружьями и магазинными винтовками американцев.

Тенессийская армия медленно рыла окопы к востоку и к югу от церкви Эзра, для того чтобы добраться до обеих железных дорог, на которые базировался противник. Один корпус возводил окопы непрерывно в течение 28 дней. Но против каждой унионистской траншеи конфедераты воздвигали свою собственную до тех пор, пока Худ, отнюдь не будучи доктринером и действуя вопреки ранее высказанным им взглядам, не вырыл к югу от Атланты линию окопов протяжением в 15 *км*. Железную дорогу на Монтомери он этим прикрыть не смог, но зато он защитил дорогу на Мэйкон, на которую он преимущественно базировался. В Мэйконе находились также и железолитейные заводы, устроенные там, после того как противник разрушил заводы, находившиеся в Риме.

Наконец, под Мэйконом находился и Андерсонвиллский лагерь, где содержались 34 000 военнопленных.

В то время как пехота той и другой стороны застыла в позиционной войне, конница обеих сторон попрежнему пыталась продвинуть дело вперед. Кавалерия Шермана была усилена и, как и конница Худа, достигала, повидимому, 10 000 всадников. Шерман, придав ей пехоту, отослал ее целиком для действий против железной дороги на Мэйкон. Кавалерия Худа оперировала против Чаттанугской железной дороги. Однако, большая ее часть вынуждена была остаться при пехоте для прикрытия левого фланга. Шерман не нуждался в кавалерии для таких целей, поскольку фланг его пехоты был прикрыт глубокими ущельями, ведшими к р. Чатахучи. Численное соотношение, которое было не в пользу конфедератов, Худ рассчитывал выравнять качественным превосходством своей конницы. Командиром его кавалерии был полковник Уиллер, выдающийся человек; Худ упросил в Ричмонде присоединить к нему еще и Форреста, который своими набегами в тыл Бьюэлла столь сильно содействовал в 1863 г. операциям Брагга, но в Георгии ни кавалерия конфедератов, ни унионистская кавалерия не смогли сделать ничего существенного. Как на Мэйконской железной дороге, так и на Чаттанугской удалось произвести лишь легко исправимые разрушения.

Тем временем унионисты устроили у церкви Эзра мощные магазины, так что, в случае нужды, могли обойтись и без подвоза по железной дороге Чаттануга, Атланта. После сражения у церкви Эзра прошло 4 недели, в течение которых эти магазины заполнялись припасами. После этого Шерман оставил к северу от Атланты лишь один из своих шести корпусов, а остальной своей армией совершил большое захождение вправо, от церкви Эзра до района Ист-Пойнта, где немедленно начали днем и ночью рыть окопы. В самом деле торопиться было необходимо, ибо у Ист-Пойнта конфедераты преградили путь противнику и еще раз атаковали его в этом пункте. По признанию

Худа, они потерпели неудачу из-за окопов. Он уже давно велел погрузить на поезда все запасы, находившиеся в Атланте, ибо бесплодность его кавалерийских операций против Чаттанугской железной дороги лишила его последней надежды на неуспех унионистского нашествия. Падение Атланты стало неизбежным; военное искусство Худа могло ставить себе лишь задачу удерживать город как можно дольше и, тем самым, своими 40 000 чел. сковывать 100 000 чел. После неудачи под Ист-Пойнтом продолжать в том же духе становилось уже невозможным, так как если бы унионисты распространили свои окопы и на этом участке еще дальше на юг и на восток, то армия конфедератов оказалась бы отрезанной от железной дороги на Мэйкон и погибла бы. Поэтому 1 сентября 1864 г. Худ очистил Атланту, распорядившись предварительно взорвать 5 паровозов и 80 вагонов. 46 дней защищал он город, сражаясь почти непрерывно. До этого Джонстон оборонял район между границей и Атлантой в течение 73-дневной позиционной войны. Позиционная война обошлась армии в 60%, полевая война — в 40% ее состава, пополненного за это время путем изъятия всего, что было возможно из иссякавших депо.

Шерманн пишет следующее о своем движении вправо от церкви Эзра до станции Ист-Пойнт: «Это движение было безусловно необходимым стратегически и увенчалось успехом... Я не требую себе никакой особой признательности; мне думается, что я лишь следовал примерам лучших, известных мне мастеров военного искусства... Но главного я не добился, ибо армия Худа — основной объект моих действий — от меня ускользнула. Только теперь начались действительные затруднения...».

Второй объект — Атланта — был, несомненно, тоже достаточно ценным при бесспорной действительности стратегии на истощение, проводимой северянами. Что касается Худа, то Шерман высказал о нем не вполне правильное суждение. Он не был простым рубакой, а соединял с бурной активностью также и известную вдумчивость. 40 000 против 100 000 — печальный недостаток сил; но Худу было ясно, что с 40 000 чел. можно совершить многое такое, что невыполнимо со 100 000. Шерман мог бы продолжать нашествие в Георгию через Атланту, если бы только он располагал обозным парком, который сделал бы его независимым от железной дороги. Однако, обозное дело даже и у регулярных армий развивалось очень медленно. В импровизированных же армиях оно было поставлено, естественно, особенно плохо и парализовало тем остальные роды войск. Мольтке писал в 1871 г. во время операций против Бурбаки немецкому этапному коменданту в Нанси следующее: «Плохая организация неприятельских армий, которые почти совершенно лишены продовольственных обозов и обозов с боеприпасами, заставляет эти армии все время связывать свои операции с железными дорогами». Как бы ни были лучше оснащены американские армии 1864 г. после трехлетнего инкубационного периода по сравнению с буквально вызванным из земли поголовным ополчением Гамбетты, однако упущенное в мирное время не могло быть наверстано в последующем даже теми средствами, которыми располагал Союз. Это превращало продолжение нашествия в Георгию через Атланту в задачу, которую Шерман не умел разрешить. После взятия Атланты у унионистов не оставалось никакого другого крупного объекта, кроме неприятельской армии. Но эту армию, которая снова остановилась в одной «длинной» миле (по пря-

мой) к югу от Ист-Пойнта, можно было захватить лишь в том случае, если бы унионисты разделили свои силы. Если бы они от этого отказались, то Худ отступал бы все дальше и дальше, и унионисты, оставаясь вместе, не смогли бы не только догнать его, но даже вообще следовать за ним по пятам, ибо численность этапных войск для охраны дороги была у них ограничена. Между тем, следование за Худом одной сплошной массой ни в коем случае не решало вопроса. Худ уже показал под Атлантой свое умение ускользать без урона в последнюю минуту. Затруднения с обозом сковывали оперативные возможности как Шермана в Георгии, так и Гранта в Виргинии. Как в Георгии, так и в Виргинии, Худ и Ли имели бы возможность создать многочисленные активные партизанские отряды. Мы знаем, сколько забот причинили Мольтке французские партизаны (франктиреры) после разгрома армии Наполеона III. Армии конфедератов в Георгии и Виргинии не были разгромлены. Даже если бы Шерман и Грант действительно имели в своем распоряжении необходимые обозные парки, то и тогда, пред лицом большой и малой войны, которую мог вести противник, разве не было бы для них больше чем рискованным терпеть положение, при котором выделенные ими войсковые массы базировались исключительно на том, что они забирали у местного населения? Рассматривая этот вопрос, нельзя забывать и о том, что Георгия, со своими 7 чел. на 1 *кв. км,* была заселена крайне слабо. Виргиния имела более густое население, но и ее 15 чел. на 1 *кв. км,* очевидно, настоятельно требовали, чтобы неприятельское вторжение базировалось на системе магазинов.

С некоторой вероятностью можно сказать, что Шерман нашел бы выход из этого тупика и рассеял бы армию Худа, если бы удалось осуществить один широко задуманный проект Гранта. Мы знаем, что Грант хотел атаковать Мобил при помощи армии ген. Бенкса и флота. В случае захвата этого города, он должен был стать исходным пунктом экспедиции в глубь Георгии. Расстояние от Мобила до Атланты — 680 *км.* По опыту передвижений обеих армий перед сражением у Перривилла мы знаем, что американские войска могли делать такие переходы; мы знаем также поход Шермана от Миссисипи до Чаттануги. Шерман прошел по неприятельской территории, на которой, однако, не было неприятельских армий. Точно так же и Бенксу на пути через Алабаму и Георгию не пришлось бы считаться с неприятельскими войсками. Он мог бы жить за счет местных ресурсов, подвергаясь меньшим опасностям, чем Грант во время экспедиции, приведшей к сражению у холма Чемпион. Если бы Бенкс достиг таким образом Мэйкона, базы Худа, силы последнего оказались бы, вероятно, раздавленными между двумя жерновами.

Из этой операции ничего не вышло, потому что Бенкс, как сообщает Грант, слишком поздно привел себя в готовность в Техасе; вспомним, кроме того, что один корпус этой армии был отправлен из Нью-Орлеана в Вашингтон морем, чтобы прикрывать столицу Союза от Эрли (в то время, когда Джонстон вел в Георгии позиционную войну) и чтобы затем под руководством Шеридана оккупировать долину Шенандоа. Таким образом, Шерману пришлось обходиться у Ист-Пойнта своими собственными силами. Они оставались достаточно значительными, несмотря на то, что Тенессийскую армию в результате потерь пришлось свести из трех в два корпуса. Против 40 000 чел. Худа все еще стояли приблизительно 90 000 чел. Шермана. Тем не

менее, унионисты не стали продолжать вторжения в Георгию дальше Атланты; их армия расположилась на отдых под Атлантой и оставалась там весь сентябрь. Она отправилась в «лазарет», как выразился унионистский генерал Криттенден, когда Розкранс после своей победы у р. Стон почувствовал себя слишком слабым для продолжения операций и, вместо этого, приступил, не торопясь, к реорганизации своей армии. Пассивность Шермана позволила Худу создать обозный парк, сделавший его относительно независимым от железной дороги. Точно так же удалось ему, не спеша, эвакуировать лагерь военнопленных у Андерсонвилла. После того как армия конфедератов ушла с Мэйконской железной дороги и перенесла свою базу на железную дорогу в Монгомери, президент Дэвис посетил ген. Худа в его новой штабквартире на станции Палметто. Здесь Дэвис произнес речь, угрожая унионистам в Атланте судьбой великой армии Наполеона в 1812 г. Худ хотел бросить свою небольшую подвижную армию в тыл Шермана и отрезать его от его базы.

Речь президента Дэвиса в Палметто дошла до слуха Шермана, и он послал по одной дивизии своей армии в Рим и Чаттанугу; охрана железной дороги была всюду усилена. Подготовившись таким образом, унионистская главная квартира в Атланте стала ожидать инициативы Худа. Этот последний в начале октября выступил в поход и переправился через Чатахучи у Кемпбеллтоуна в одном переходе юго-западнее Атланты. После этого и Шерман перешел на западный берег реки, но запоздал и не смог преградить путь конфедератам.

Последние в самом деле очутились между Шерманом и его базой, после того как в течение 14 дней шли вдоль железной дороги Атланта, Чаттануга в направлении на север. Занятые сильными гарнизонами пункты, вроде Рима и Резаки, где находились магазины, Худ взять не смог, но зато он захватил Далтон, где в свое время бойцы Джонстона скатывали камни на штурмующего противника и где на этот раз капитулировали 1 000 унионистов.

Важнее было то, что Худу удалось серьезно, хоть и не окончательно, повредить 56 *км* из 130 *км* путей на железной дороге между Атлантой и Далтоном. Угроза Дэвиса оправдалась постольку, поскольку перед лицом неуловимого Худа длительное пребывание унионистской армии в Георгии вряд ли являлось возможным. Правда, ее отступление на Далтон ничуть не превратилось в катастрофу, подобную катастрофе великой армии Наполеона: в совершенно нетронутом виде она достигла 13 октября ручья Снейк южнее Далтона. Конфедераты стояли лагерем у Кросс-Роудс напротив унионистов. В интересах Шермана было бы завязать сражение, пользуясь своим двойным перевесом сил, но Худ уклонился и, незаметно пройдя мимо левого фланга Шермана в обратном направлении, форсированными переходами отступил до Гадсдэна на р. Куза. «Он может вилять и кружиться, как лисица, — говорил Шерман про своего противника, — и преследованием его я могу довести мою армию до истощения». Хотелось это ему или нет, но после того как из рук Шермана ускользнула инициатива, ему пришлось подчиняться воле врага. Он пошел следом за Худом и стал лагерем к северо-востоку от него, у Гейлсвилла, заняв позицию, благоприятствовавшую, как он писал Халлеку, наблюдению за противником. Этот последний стоял с 22 октября на Кузе, но к 26-му снова незаметно проскользнул мимо фланга Шермана, на этот раз правого, и появился у Декатура на границе штата

Тенесси, в 110 *км* к северо-западу от покинутого им лагеря на Кузе. Захватить Декатур он не мог, так как там стояла целая дивизия; но зато, спускаясь дальше вниз по р. Тенесси до Флоренса, он установил связь с железной дорогой, находившейся в руках конфедератов. В течение трех недель, без всяких железнодорожных сообщений, он преодолел расстояние, превышающее в общей сложности 370 *км*. Местность по р. Куза, принадлежавшая к штату Алабама, была богата, и армия конфедератов могла бы там отдохнуть, но Худ считал, что для этого у него нет времени. После того как Худ пополнил обозный парк и ранцы 20-дневным запасом продовольствия на человека, он стал стремиться выйти на упомянутую выше железную дорогу. Она вела из Алабамы в штат Миссисипи. Там находился Коринф, который весною 1862 г. Халлек вырвал у Борегара путем 7-недельной окопной войны. Борегар, однако, удержался у Тупело, и вообще весь штат, за исключением местности у реки, остался в руках конфедератов. Худ превратил его в свою новую базу. Форест, которого присоединили к нему с 9 000 всадников, собирал запасы в Западном Тенесси и конвоировал их в Коринф.

Таким образом, осенью 1864 г. Конфедерация располагала двумя армиями, одолеть которые непосредственным ударом унионисты не могли. Унионисты не могли подобраться к армии Худа, потому что она имела возможность ускользать в неопределенном направлении. Армию Ли одолеть нельзя было потому, что ее позиции нельзя было взять ни штурмом, ни измором. Кроме того, вся территория Конфедерации кишела партизанскими отрядами, которых унионистские силы не могли одолеть ни к востоку, ни к западу от Миссисипи. Единственный штат юга, который унионистам после 3½ лет военных действий удалось завоевать, был Тенесси, но и среди населения этого штата еще заметно вибрировали подавленные мятежные страсти. У Флоренса армия Худа находилась уже в штате Тенесси. Таким образом, унионистам уже нельзя было продолжать войну методами стратегии сокрушения. Больше чем когда-либо Грант проникся своим старым убеждением, что к цели может привести лишь стратегия измора. Блокировать Ли было невозможно, так как нельзя было собрать перед Питерсбёргом и Ричмондом унионистскую армию, численностью в 5 раз превышающую армию конфедератов. Но и делу конфедератов не помогало то обстоятельство, что у унионистов не было возможности силой вырвать у Ли железнодорожную связь позиций Питерсбёрг, Ричмонд с остальной страной, поскольку по этим рельсовым путям прибывали лишь пустые вагоны. Для унионистов оставался только один единственный метод ведения войны. Они должны были уничтожать или захватывать все необходимые для ведения войны предметы, находившиеся на территории Конфедерации, и не только блокировать все ее крупные порты, но и занять их. Понятно, нельзя было реализовать такую программу на все 100%, но этого как раз и не требовалось. Для того чтобы наложить руку на главные источники снабжения конфедератов, военных средств у Союза было достаточно. Они были теперь целиком сосредоточены в руках одного верховного главнокомандующего, и этот последний назначил себе, в лице Шермана, помощника, который мог пользоваться его полным доверием, после того как он столь хладнокровно отражал под Атлантой неистовые атаки Худа. В рамках тех крупных операций, проводить которые приказал теперь Грант, еще бо́льшую роль должен был

сыграть другой самостоятельный военачальник, находившийся в его подчинении, ген. Томас, победитель у Спрингс-Милл. Наряду с Грантом Томас был единственным унионистским генералом, сумевшим вести по всем правилам искусства наступательное сражение. Линкольн уже давно хотел поручить ему армию, но Томас не решался принять это назначение, ибо его товарищи, очевидно вследствие непоколебимой твердости его характера, не хотели видеть его своим начальником.

Шерман отказался от дальнейшего преследования армии Худа и разделил свою армию. Ее численность равнялась 88 000 чел. Он взял 55 000 чел. с собой и отвел их назад в Атланту. Железную дорогу Чаттануга, Атланта, которую Худ не сумел достаточно основательно разрушить, Шерман привел в негодность на длительный срок, произведя еще более обширные разрушения. Атланту он предал огню. После этого он повел свои войска в юго-восточном направлении. Он должен был наступать на большой портовый город Георгии — Саванну — на Атлантическом океане, а оттуда в северном направлении на Питерсбёрг и Ричмонд. Весь путь составлял по прямой 1 200 *км* и проходил исключительно по неприятельской территории. Шерман уже раз проделал подобный поход, но лишь с 15 000 чел.

Вряд ли бы он мог теперь прокормить всю массу своих войск, если бы жители Георгии во время войны сами не стали сеять хлеб, который в мирное время они обычно ввозили из-за границы, и ограничили свои посевы хлопка и табака. Теперь унионисты поедали тот хлеб, который был предназначен борцам Конфедерации.

Протяжение похода, который должен был выполнить Шерман,— 1 200 *км* — дает представление о том, какие переходы приходилось совершать его армии, но не о затруднениях, какие он испытывал в ее снабжении. Последние следует мерить меньшим масштабом, а именно расстоянием в 475 *км,* ибо таково было расстояние от Атланты до Саванны, а в Саванне Шерман мог надеяться застать унионистский флот с продовольствием.

Помимо всадников Уиллера, круживших вокруг все разорявших и предававших пламени унионистов, никакие силы конфедератов не выступали им навстречу. Худ располагал во Флоренсе 30 000 чел. пехоты и артиллерии против 50 000 чел. тех же родов войск у Шермана. Наоборот, в отношении кавалерии Худ был сильнее своего противника. Он без особенных затруднений мог бы добывать в Восточной Георгии продовольствие для своей армии, в то время как Шерману вряд ли было возможно кормиться здесь реквизициями, если бы за ним по пятам следовала неприятельская армия, избегавшая, однако, сражения. По свидетельству Шермана, Худ был бы как раз подходящим человеком для этого. Но Худ не был в состоянии так вести войну, ибо, уйдя в Восточную Георгию, он не был бы в силах оставить какие-нибудь войска для противодействия тем 37 000 чел. пехоты и артиллерии, которые собрал там Томас в районе Нашвилла. Армия его истощилась сперва благодаря дезертирству, родному дитяти мятежа генералов, затем благодаря стратегии «грубой силы», которой придерживался возведенный в полководцы предводитель мятежа. Система Джонстона консервировать армию оказалась более правильной. Что Джонстон был мало доступен новым и смелым идеям, это мы уже знаем из того, как он руководил первым сражением у Буль-Рёна и боем близ Бьютифул-Окс и Севн-Пайнз. Но

кампания в Георгии требовала не столько гениальности, сколько осторожности.

Как указывается в приведенной выше цитате из труда Шермана, стратегическая критика обвиняет Гранта в действии «грубой силой». Но критика оставляет без внимания то, что у Гранта расчет шел рука об руку с «грубой силой». Ни у Уилдернесс-Инн, ни у Спотсилвания-Таверн, ни у Колд-Харбора он не жертвовал ничем, что нельзя было бы заменить. В день взрыва мины он шагал по колени в крови, но кровопролитие это коснулось лишь части его армии; от генерального штурма он умно уклонился. Наоборот, Худ,— правда, в определенных границах,— понимал и военное искусство, но не всегда руководствовался разумом, а часто следовал своим импульсам. Его любимая поговорка гласила: «Dam the consequences!» («К чорту последствия!»).

Что такое военное искусство окажется недостаточным, это в Ричмонде поняли через 3 месяца после принятия Худом командования армией, когда его армия и армия Шермана стали друг против друга у Ист-Пойнта к югу от Атланты. Пока что, Шерман попал здесь в стратегические тиски, но правительство президента Дэвиса вполне отдавало себе отчет в том, что неприятельский полководец сможет, если захочет, обеспечить себе выход на восток. Если не удастся удержать Шермана вдали от побережья Атлантического океана, тогда все те лишения, которые Дэвис заставил нести своих генералов тем, что задержал войска, стоявшие в портах вдали от решающих стратегических пунктов, оказались бы бесполезными. Что надо было делать в этом кризисе, который навлекли на страну Худ и его товарищи? Президент обратился к Борегару, которому он теперь больше доверял, чем раньше. Ибо если бы корпус Бетлера не оказался бы запертым, кампания в Виргинии приняла бы для конфедератов столь же плохой оборот, как и в Георгии. Борегар был назначен начальником департаментов Георгии и Миссури и, в качестве начальника Худа, устроил с ним совещание в лагере на р. Куза в тот момент, когда Худ, как лисица, крутился и вилял в тылу у Шермана. Борегар внушил Худу план кампании, который по замыслу и смелости не оставлял желать ничего лучшего. Этот план соответствовал характеру Худа и нравился ему, потому что его исходным пунктом являлось сражение. Если бы предстоявшее, повидимому, разделение унионистских сил стало фактом, надо было тогда атаковать армию Томаса. По всей видимости, это было еще осуществимо, ибо насколько было известно в лагере на р. Куза, Томас едва ли смог бы сконцентрировать больше 19 000 чел. пехоты и артиллерии, Худ же располагал 30 000. В отношении кавалерии конфедераты превосходили Томаса еще значительнее.

Борегар надеялся, что если действительно удастся одержать победу у р. Тенесси, то он сможет использовать для своей армии население штата Тенесси. Еще большего прилива пополнений ожидал он из Кентукки. Ошибка Брагга, о маневренной стратегии которого высказал свое суждение еще его противник Бьюэлл, не должна была быть повторена. По мнению Бьюэлла, Кентукки отделился бы от Союза, если бы Брагг искал сражения и выиграл его.

Худ должен был наступать в Кентукки до Ричмонда, где Кирби Смит однажды рассеял необученных рекрут Нельсона. После же этого Худ должен был, как и Шерман, повернуть на восток, чтобы зайти в тыл Гранту у Питтерсбёрга. Борегар не сомневался, что на своей территории при помощи железных дорог это осуществимо.

Как ни обширны были замыслы, составлявшие содержание этого плана кампании, их все же нельзя назвать фантастическими. В военном отношении они основывались на довольно устойчивых фактах и данных. Донесения, на основании которых приходится действовать полководцам, никогда не бывают абсолютно точными. План Борегара вполне соответствовал политической обстановке. В промежуток времени между совещанием на р. Куза и отходом Шермана из Атланты в Союзе были произведены выборы президента. Все выборщики из Кентукки [1] голосовали против Линкольна и за его старого противника Мак-Клеллана, победителя у р. Антитэм. Съезд демократической партии в Чикаго, поднявший на щит Мак-Клеллана, обнародовал в конце августа, когда Худ еще держался в Атланте, декларацию о том, что для воссоздания Союза после почти четырехлетних напрасных стараний восстановить его путем военного эксперимента справедливость, человечность, свобода и общественное благо требуют немедленных усилий, направленных на прекращение военных действий. На основе этой программы выборщики Мак-Клеллана получили 1 800 000 голосов, а приверженцы Линкольна добились не слишком подавляющего в моральном отношении большинства в 400 000 голосов. Интриги Чейза, располагавшего крупными капиталами, вероятно, содействовали ослаблению победы Линкольна. Эта победа Линкольна импонировала тем менее, что в выборах участвовали солдаты, а мы уже рассказывали, как прекрасно кормило их правительство. Впрочем, моральное предпочтение, которое оказывалось в армии военной партии, не следует преуменьшать реалистической ссылкой на горшки с мясом. Здесь идет речь лишь о том, чтобы при оценке выборов президента мы не обошли своим вниманием основной момент. Выборы еще раз доказывали, что стремление к единству и воля к войне в Союзе были неустойчивы. Если бы Худ выиграл в тылу Шермана сражение, то конфедераты могли рассчитывать на то, что такой факт глубоко повлияет на настроения в Союзе. Шерман 4 месяца находился на походе, не имея перед собой неприятельской армии. Эти операции должны были казаться всем демократам и многим республиканцам Союза лишь ненужной военной прогулкой, если бы в это же самое время армии Худа удалось выиграть крупную ставку.

С неудержимой энергией напряг он для этого все свои силы.

После того как Шерман ушел 15 ноября из Атланты, Худ 21 ноября направился из Флоренса в Нашвилл. Он рассчитывал отрезать от Нашвилла унионистов, стоявших у Пуласки; это были 24 000 чел. под командованием ген. Шофилда, командовавшего под Атлантой армией Охайо. Худ подчеркивает, что он наступал по всем мало-мальски пригодным дорогам. Унионисты поспешно отступали, так как у них было всего лишь 19 000 пехоты против 30 000 и 5 000 всадников против 15 000. Худ преследовал Шофилда по пятам, и в течение 8 дней унионистам пришлось вести арьергардные бои. Их обоз был длиною в 9 *км*, и неприятель, вероятно, вскоре заставил бы их остановиться, если бы не проливные дожди, которые привели к тому, что обе армии завязли в грязи. Переход 23 000 чел. унионистской пехоты и артиллерии через р. Дак длился целую ночь. Железнодорожный мост был подожжен после прохода войск. Относительно понтонного моста ре-

[1] Президент Соединенных штатов избирается путем двухстепенных выборов. Сначала избираются выборщики, а эти последние избирают президента.

шили, что нет возможности увезти его с собой, и понтоны были потоплены в р. Дак. После этого унионисты шли форсированным маршем 4 дня и 3 ночи. 30 ноября всадники конфедератов набросились на унионистские обозы и привели их в большое смятение; однако, конфедераты были отбиты, и в полдень обозы спокойно переправились через удобно проходимую вброд р. Харпет, при вновь установившейся хорошей погоде. Пехота и артиллерия стали лагерем на западном берегу Харпета, ибо войска уже не были в состоянии двигаться дальше. Но до того как каждый полк расположился на отдых и смог заварить кофе, лагерь был обнесен окопами. Не окапывались лишь 12 батальонов, ибо они все еще не были снабжены шанцевым инструментом.

Еще в течение того же дня пехота и артиллерия конфедератов вступили в соприкосновение с армией Шофилда. Когда унионисты заметили на стороне конфедератов сигнализацию флажками и развертывание пехоты, штабные офицеры сперва решили, что перед ними лишь спешенная кавалерия, выстраиваемая для боя в пешем строю. Но точность маневрирования, которая никогда не удается в такой мере спешенной кавалерии, вскоре показала унионистам, что к бою с ними готовится настоящая пехота. В 4 часа пополудни последовала атака 25 000 пехотинцев против 19 000. Несмотря на такую малую численность войск, бой у Франклина был одним из самых важных столкновений за всю войну.

Если бы пехота конфедератов нанесла здесь тяжелое поражение унионистской пехоте, то вряд ли можно было бы удержать Нашвилл, Мерфризборо и Чаттанугу. Мы знаем, сколько крови было пролито на р. Стон, у р. Чикамауга и Чаттануги, для того чтобы вырвать эти пункты из рук мятежников. Тем более мы можем себе представить политические последствия, которые угрожали Союзу в случае потери линии р. Тенесси.

Худ это ясно видел. Он хотел употребить всю свою энергию, для того чтобы добиться победы, а этот полководец был олицетворенной энергией. Под Геттисбёргом выстрел парализовал ему руку. После этого у р. Чикамауга он потерял ногу, которую ему пришлось ампутировать вплоть до бедра. И тем не менее этот калека ездил верхом, как здоровый человек, управляющий конем обеими руками и ногами. Умонастроению Худа соответствовал натиск глубокими сомкнутыми колоннами. Он осуществлял его и под Атлантой. Это была тактика Стонуолла-Джексона. Правда, после смерти последнего значительно усовершенствовалось применение стрелковых окопов, но Худ попрежнему придерживался ударной тактики.

Побуждаемые таким командиром, конфедераты густыми сомкнутыми массами опрокинули те 12 батальонов, которые не окопались. Один из них, существовавший лишь три недели, совершенно рассеялся, и его так и не смогли вновь сформировать. Соседний батальон также навсегда исчез с лица земли; другой соседний батальон все-таки удержался, хотя были ранены все офицеры, а весь караул при знамени, в составе сержанта и 8 капралов, был перебит.

Мощное впечатление, которое атакующие колонны произвели на оборонявшихся, один из них описывает следующим образом: «...Конфедераты ...скорее дикая ревущая толпа, чем организованная армия,— добежали до самых полевых укреплений... Ружья... производили ужасные опустошения среди них, в то время как батареи... пробивали

борозды в их рядах. Безостановочно прорвались конфедераты вплотную к полевым укреплениям, но ни разу не смогли перешагнуть через них, разве только в качестве пленных. Не один знаменоносец был убит на бруствере. Невозможно охарактеризовать ту дикую энергию, с которой солдаты конфедератов бросались на окопы в этот короткий осенний день».

Мы задаем вопрос: почему же Худ проиграл бой, потеряв при этом почти 25% своего состава? Сам он утверждает, что ему несомненно удалось бы уничтожить войска Шофилда, если бы не запоздание одной из его дивизий, подошедшей к полю сражения лишь после окончания боя. Но мы уже установили, что он имел 25 000 чел. пехоты против 19 000 у противника. То, что такой численный перевес не дал Худу победы, определяется той же причиной, вследствие которой, как мы уже неоднократно наблюдали в эту войну, терпели неудачу наступательные операции: войска не умели маневрировать. Перейти вброд р. Харпет было легко, как мы это видели при отступлении обоза унионистов. Конница Худа также переправилась через нее к югу от Франклина [1], но пехота даже не пыталась сделать это для охвата противника. Последний опирался обоими флангами в реку, образовав хорошую оборонительную позицию, на каждый метр которой приходилось по 8 чел. Батареи Шофилда обстреливали правое крыло Худа с северного берега Харпета. Сломить такое сопротивление простыми фронтальными атаками было невозможно, и ночью унионисты отошли к Нашвиллу, не потеряв ничего из своего обоза. Впрочем, раненых своих они оставили на поле сражения, так что отступление к Нашвиллу сохранило тот характер бегства, который оно получило с момента поспешного отхода из Пуласки. В Нашвилле к 1 декабря сосредоточились все силы, поступившие в распоряжение Томаса: войска Шофилда, затем 5 000 чел. пополнений, которые были доставлены по железной дороге через Чаттанугу, и, наконец, так называемый Тенессийский отряд армии Бенкса. Эти 9 000 чел. пехоты, на которые в главной квартире противника так же мало рассчитывали, как и на 5 000 чел. пополнений, прибыли издалека. Они действовали в Луизиане и Техасе, прошли затем походным порядком через весь штат Миссисипи с юга на север (270 *км*), а затем были использованы в Миссури, где уже в течение 2½ лет свирепствовала партизанская война. После отступления Шермана из Георгии Тенессийский отряд был посажен в Сент-Луисе на железную дорогу и отправлен в Нашвилл, находящийся от Сент-Луиса на расстоянии 475 *км*. При тогдашнем состоянии шоссейных и железных дорог в Америке все это было достижением, достойным внимания. История еще не знала таких удобных и быстрых передвижений войск, какие неоднократно производились в течение этой войны.

Правда, часть Тенессийского отряда, а также одна прибывшая из Чаттануги бригада едва не были захвачены в плен на железной дороге, так как авангарды армии конфедератов, подхлестываемые горячим полководцем, уже 1 декабря достигли железнодорожных путей у Нашвилла. На следующий день подошли главные силы. Магазин Худа находился в Тускамбии на р. Тенесси; расстояние от Нашвилла до Тускамбии составляет 180 *км*. Поддерживать порядок на железной дороге, ведущей к Пуласки, в дружелюбном штате Тенесси не пред-

[1] Она не могла захватить обоз, так как его прикрывал отряд в 4 000 чел. пехоты. Они входят в приведенную выше цифру в 19 000 чел.

ставляло для Худа никаких трудностей, но он располагал всего лишь двумя паровозами и немногими вагонами, при помощи которых приходилось налаживать сообщение до Коринфа в штате Миссисипи. Это удалось, и армия обильно снабжалась съестными припасами. Она подошла вплотную к окопам, окружавшим Нашвилл с юга и юго-запада. Здесь Худ окопался. Даже он, при всем своем бурном характере, не мог и думать о том, чтобы штурмовать город, как под Франклином. Худ увяз под Нашвиллом, как Шерман у Ист-Пойнта после взятия Атланты и Грант перед Питерсбёргом. Худ отдавал себе в этом ясный отчет. Как он рассказывает в своем описании кампании, он не мог действовать под Нашвиллом иначе, как оборонительно-наступательным методом. Худ надеялся на восстание мятежных элементов в Тенесси и Кентукки в том случае, если ему удастся отразить наступление Томаса и, преследуя по пятам отброшенного противника, взять Нашвилл контрударом.

Уничтожающий контрудар стал заветной мечтой Худа, после того как к Томасу в последний момент, перед самым закрытием ворот, прибыли подкрепления. Это обстоятельство в связи с огромными потерями Худа у Харпета [1] лишило пехоту конфедератов того значительного численного превосходства, которым она раньше обладала. Худ располагал всего лишь 22 000 чел. с небольшим пехоты [2] и артиллерии против 30 000 чел., сосредоточенных Томасом. Поэтому победа в сражении, обеспечивающая непосредственно уничтожающий результат, вряд ли была возможна для армии конфедератов; впрочем, в колчане Худа имелась все же стрела, которая могла нанести смертельную рану армии унионистов. Конница Худа насчитывала 15 000 всадников против всего лишь 5 000 всадников противника. Армия унионистов базировалась на Луизвилл, отстоящий от Нашвилла на 300 *км*, Худ бросил 13 000 всадников из 15 000, находившихся в его распоряжении, для захвата линии железной дороги Нашвилл, Луизвилл, пролегавшей частью через мятежную и лишь поверхностно покоренную территорию Тенесси, частью через готовый отпасть штат Кентукки, где Линкольн потерпел поражение на выборах. Позиция штата Тенесси с того времени как Шофилд проиграл сражение под Франклином и отступил с поспешностью, похожей на бегство, бросая своих раненых, вызывала тревогу у Линкольна и его советников. Редко полководец подвергал нервы своего правительства большему испытанию, чем Томас, когда в деле организации отпора кишевшим вокруг них кавалеристам Худа он сперва положился только на гарнизоны железнодорожных станций и заставил Вашингтон дожидаться своего наступления почти две недели. Он хотел действовать наверняка и, имея столь слабую конницу, не предпринимал наступления, которого так ждал его противник. Правда, в распоряжении Томаса имелось значительное количество кавалеристов, но для них нехватало лошадей. Чтобы заставить и этих людей служить своим целям, Томас с энергией, не уступавшей энергии Худа, принял соответствующие меры. Путем реквизиции лошадей в Тенесси и Кентукки ему удалось довести численность своей конницы с 5 000 до 12 000 чел. Вашингтон был, во всяком случае весьма мало доволен этими «крайними мерами», так

[1] Потери конфедератов — 5 000 чел.; унионистов — 2 000.

[2] 3 000 чел. конфедератов было выделено против сильного гарнизона Мерфризборо.

как боялся каждого шага, который мог увеличить ненависть к северянам в Тенесси и нелойяльность в Кентукки. Однако, Томас не дал сбить себя с пути и отбирал лошадей даже у городских железных дорог и цирков.

Своеобразие американской кавалерии выявляется при этом особенно ярко. Лошадь здесь совершенно не оценивается как наступательное оружие, а лишь как средство передвижения. Опыт столкновения у ручья Опекон был учтен Томасом.

Настоящая пехота не была в состоянии охватить позиции Эрли, несмотря на огромный перевес сил, а ездящей пехоте это удалось.

Поэтому Томас и не хотел поставить исход сражения в зависимость только от действий своей пехоты и артиллерии. Но тем временем в резиденции правительства так разнервничались, что дальнейшая отсрочка наступления грозила Томасу смещением. Грант, повидимому, тоже разделял опасения политиков. Это было совершенно понятно! Ведь на нем лежала ответственность за разделение унионистских сил в Георгии и за то, что в Тенесси оставалась полевая армия, пехота которой численностью едва равнялась неприятельской, а конница далеко уступала коннице противника. То обстоятельство, что в результате потерь конфедератов под Франклином и благодаря вновь сформированной унионистской коннице соотношение сил значительно изменилось в пользу Томаса, вряд ли могло стать известным Гранту, ведшему операции далеко от Нашвилла. Впрочем, положение вещей в Тенесси, с точки зрения численного перевеса, было все еще не слишком благоприятно для унионистов. 37 000[1] конфедератов сражались с 42 000 унионистов в районе с недоброжелательно относящимся к ним населением. А что случилось бы, если бы фронт в Тенесси и Кентукки не выдержал? Что сталось бы с Потомакской армией, увязнувшей под Питерсбёргом? Ей, по всей вероятности, предстояло бы столь же бесславное отступление из сердца Виргинии, как то, которое однажды было проделано армией Мак-Клеллана. А тут еще и армия Шермана! Ей, правда, не угрожала прямая опасность: находясь у Атлантического океана, она могла погрузиться на корабли и вернуться домой. Но как это подорвало бы доверие к Гранту, какой это нанесло бы удар воле к победе! Платформа демократической партии получила бы тогда свое оправдание; недаром она указывала на тщетность попыток воссоздать Союз путем войны.

К несчастью для Томаса, над Тенесси опять пронесся ураган. В течение двух дней свирепствовала ужасная снежная буря. Затем в течение трех дней продолжалась гололедица; по обледенелой почве едва могла двигаться пехота, не говоря уже о лошадях. Природные условия предоставляли обороняющемуся такие огромные преимущества над наступающим, что Томас не мог и думать о начале операций, до тех пор пока окончательно не растает лед. Однако, это можно было установить только на месте, а так как на р. Потомак, да, пожалуй, и на Аппоматоксе доверие к Томасу как к полководцу было уже потеряно, то он мог ждать в любой момент телеграммы с предписанием передать командование другому генералу.

Наконец, выступление стало возможным, и тогда, как это часто бывает на войне, выяснилось, что сам по себе неблагоприятный поворот событий все же приносит преимущества, которые при иных об-

[1] 4 000 чел., наблюдавших за Мерфризборо, не включены в это число.

стоятельствах не обнаружились бы. План Худа предусматривал возведение широкой дуги окопов, упиравшихся обоими флангами в р. Кемберленд. Эта работа была прервана снежной бурей и гололедицей, и, несмотря на все усилия, полевые укрепления Худа находились еще на очень далеком расстоянии от реки, когда в полдень 15 декабря 1864 г. началось наступление унионистов. Оно было направлено против всего фронта армии конфедератов, с охватом обоих флангов. Однако, правый фланг Худа унионисты атаковали без особой энергии, так как они боялись флангового удара со стороны той группы войск конфедератов, которая в свое время была выдвинута вперед к Мерфризборо. Тем неотразимее была атака на левый фланг Худа. Уже к 3 час. дня это крыло армии Худа было отброшено на 3 *км* от занимавшейся им цепи высот, потеряв при этом всю свою артиллерию. Этому исходу столкновения при данном численном соотношении сил обеих сторон удивляться не приходится. Худу с 22 000 чел. пехоты пришлось вести борьбу с 30 000 чел. [1]. На месте сражения он располагал всего лишь 2 000 чел. кавалерии; 13 000 чел. оперировали на железной дороге Нашвилл, Луизвилл. Какое количество всадников выделил Томас в этом направлении, установить трудно; во всяком случае, на поле сражения конница унионистов была сильнее конницы конфедератов, и мы знаем, что Север лучше, чем Юг, подготовил своих кавалеристов к бою в пешем строю. Томас сделал все от него зависящее, чтобы в течение того времени, которое он отвоевал у Халлека, улучшить тактику, организацию и вооружение своей кавалерии. Кавалеристы унионистов в бою под Нашвиллом были вооружены винтовками Спенсера. Они гордились своей исключительно строгой дисциплиной и утверждали, что могут атаковать и укрепления. Во всяком случае, оттеснив далеко уступавшую им во всех отношениях неприятельскую конницу, они смогли на своих лошадях быстро покрыть расстояние между укреплениями р. Кемберленд.

Победоносно продвигавшиеся унионисты не смогли завершить сражение в течение короткого зимнего дня. Во второй половине дня конфедераты заняли вторую цепь высот. Ночью они произвели перегруппировку сил; так как они уже больше не опасались атаки на свое правое крыло, то они отозвали стоявшие там войска и создали из них левый фланг своего нового боевого порядка. Он был наполовину короче того боевого порядка, который был накануне. В течение ночи позиция была укреплена, для чего, помимо других материалов, были использованы стволы деревьев, в изобилии валявшиеся в девственном лесу.

Чем более смыкали свое расположение конфедераты, тем легче можно было их охватить, и это тем более, что характер местности не препятствовал маневрированию пехоты унионистов. Тем не менее, правое ее крыло с раннего утра 16 декабря до полудня безуспешно вело борьбу, так и не добившись охвата левого крыла противника. Одновременно унионисты предпринимали сильные фронтальные атаки. При этом в течение нескольких минут две бригады потеряли ранеными и убитыми от 20 до 25% своего состава, а одна негритянская бригада из войск, прибывших из Сент-Луиса, даже 30%. После этой неудачи пехота, наносившая фронтальный удар, залегла и окопалась в том

[1] Боевой состав батальона унионистов насчитывал 240 чел., конфедератов — 130 чел.

месте, где она подошла ближе всего к противнику, т. е., примерно, в 225 *м* от его окопов. Теперь наступающий пытался добиться огневого превосходства при помощи своей многочисленной и доброкачественной артиллерии. В центре это ему неоднократно успешно удавалось, и притом настолько, что конфедераты больше уже не осмеливались высовывать свои головы из-за брустверов. Однако, пространства, на которых осуществлялся этот перевес унионистов, были недостаточно широки для того, чтобы позволить пехоте Томаса произвести прорыв позиции, защитники которой несли, в общем, незначительные потери и не могли быть поколеблены.

Как и предвидел Томас, заминка в наступлении унионистов была исправлена ездящей пехотой. Ее эскадроны не только охватили левый неприятельский фланг, как они сделали за день до этого, но и предприняли на этот раз глубокий обход. Конница Худа опять мало что могла сделать, чтобы помешать продвижению кавалерии унионистов. Унионисты спешились в чаще девственного леса, бросив при этом значительное количество лошадей, и в пешем строю двинулись к северу, в тыл конфедератам. Этот отряд состоял всего из 2 300 чел., но более крупные массы вряд ли могли бы проложить себе дорогу в покрытой густым лесом и заросшей кустарником местности. Впрочем, этих сил было достаточно, для того чтобы оправдать слова Худа, произнесенные в сражении под Атлантой: «Тысяча человек в тылу врага стоят больше, чем десять тысяч перед его фронтом!»

Худ имел в своем распоряжении на поле сражения всего-навсего 24 000 чел. против 30 000 с лишним у Томаса. Достаточно указать на это неблагоприятное численное соотношение сил, чтобы стало ясно, почему Худ не смог выделить сил для противодействия тыловому удару неприятельской кавалерийской дивизии; быть может, при большей подвижности его милиционных частей это все-таки было бы возможно. Во всяком случае, к 4 час. пополудни левый фланг армии конфедератов был оттеснен, и одна пехотная дивизия сложила оружие. Как и накануне, было потеряно большое количество орудий, но главная масса конфедератов покинула поле сражения в сносном порядке. У Нашвилла, как и у Спрингс-Милл, Томас надеялся дать сражение на уничтожение; его более многочисленная конница, казалось, оправдывала это его ожидание. Однако, ездящая пехота — это не кавалерия; то, что доступно одному роду войск, не может быть осуществлено другим. Окружение Худа при помощи унионистских всадников не удалось, так как лошади находились слишком далеко от спешенных бойцов и были подведены к ним только с наступлением темноты. Тем временем конфедератам удалось использовать для отступления целый ряд дорог, главным образом шоссейных.

Оба полководца показали после сражения, что они выкованы из крепкого металла. Томас сумел увлечь свои изнуренные милиционные войска на то, чтобы преследовать противника, не переводя дыхания, в течение двух дней; Худ сумел удержать свои разбитые части в строю. Когда вечером 18 декабря унионисты достигли р. Дак, они наткнулись на конфедератов, расположившихся биваком в боевом порядке, к северу от этой реки. Головные части армии унионистов не решились на атаку, так как было совершенно очевидно, что противник хорошо подготовлен к бою. Когда на следующее утро подошли главные силы унионистов, конфедераты давно уже имели реку позади себя, и пехота победоносной армии окончательно отказалась

от преследования. Пока что она не достигла особых результатов, но Томас не складывал оружия. Его конница, достигшая теперь, когда были отозваны ее отряды с дороги на Луизвилл, численности в 10 000 чел., неотступно продолжала преследование под непрерывным дождем и снежными вьюгами, по покрытым грязью полям и дорогам, сквозь девственные леса, через вздувшиеся от дождей реки с разрушенными мостами, не имея в своем распоряжении понтонов. Бедная, слабо населенная или совершенно пустынная местность не доставляла никакого пропитания ни людям, ни лошадям. От Нашвилла до Декатура, т. е. на протяжении 180 *км*, конница преследовала неприятеля в течение 12 дней. У Декатура[1] Худ навел понтонный мост через Тенесси. Унионисты надеялись, что им удастся его разрушить, так как Союз держал на Миссисипи канонерки с незначительной осадкой, которые могли подниматься по притоку этой реки — Тенесси — вплоть до Декатура. Канонерки прибыли, однако, лишь тогда, когда армия Худа уже подошла к Декатуру. Худ в свое время предусмотрительно захватил с собой в поход тяжелую артиллерию и теперь, несмотря на поражение, все еще тащил с собой тяжелые орудия. Сила их огня превосходила силу огня канонерок, и это спасло армию конфедератов от уничтожения. Она добралась до Тупело (в 300 *км* от Нашвилла). После сражения Худ, разумеется, стянул к себе все те отряды, которые были выдвинуты против неприятельских баз. 10 января 1865 г., г. е. к моменту, когда он добрался до Тупело, его боевые силы еще насчитывали 21 000 чел. Он выступил из Флоренса с 45 000 чел. с целью прорваться до Ричмонда в Кентукки, а затем вторгнуться в Виргинию. Теперь, после того как в 50-дневном походе было израсходовано больше половины армии, она оказалась отброшенной в штат Миссисипи. До этого подчиненные Худу генералы превозносили его до небес, как освободителя от расслабляющей маневренной стратегии Джонстона; теперь же он являлся в их глазах губителем армии. Его отозвали по его собственному ходатайству. Он мог бы сказать своим сподвижникам, что все они были столь же виноваты, как и он, но не все так способны.

Победа Томаса под Нашвиллом решила исход войны. Она была одержана войсками, которые можно назвать второразрядными; это относится в одинаковой мере к коннице и к пехоте. Пехота была доставлена к месту введения ее в бой не пешим порядком, а при помощи более быстрых и удобных транспортных средств, чем людские ноги. Вспомним, что в 1914 г. ген. Галлиени перебросил из Парижа на 600 таксомоторах 7-ю пехотную дивизию для охвата германского правого фланга, и, в основном, именно это войсковое соединение решило исход сражения, столь важного с всемирноисторической точки зрения[2].

Даже и после сражения под Нашвиллом унионисты были настолько мало уверены в покорности штата Тенесси, что армия Томаса осталась в этом штате. Но, по крайней мере, армия Шермана была избавлена

---

[1] Декатур был ранее занят унионистской дивизией. Затем унионисты его очистили.

[2] Французский генерал Галлиени был в начале мировой войны военным губернатором Парижа и сыграл крупную роль во время Марнского сражения 1914 г. В числе причин, приведших к поражению немцев в этом сражении, мероприятия Галлиени являлись лишь одним из многих факторов, но фактором немаловажным. — *Ред.*

от необходимости погрузиться на суда немедленно по прибытии к Атлантическому океану.

Через 6 дней после сражения под Нашвиллом Шерман занял Саванну — порт штата Георгия. В январе и феврале 1865 г. Шерман захватил также Уилмингтон, порт Северной Каролины, и Чарлзтон, порт Южной Каролины, проведя последнюю операцию совместно с флотом и отрядом сухопутных войск, посланным Грантом. Флоту ни разу не удавалось блокировать эти три импортирующих гавани. Подвоз продовольствия и военных материалов, доставлявшихся Ли в Питерсбёрг через эти порты, имел для его армии такое же большое значение, как и внутренние ресурсы страны. Закрытие этих отдушин привело к роковым последствиям, после того как 27 февраля 1865 г. Шеридан предпринял кавалерийский набег на местности, прилегавшие к Стоунтону и Линчбёргу. В предыдущем году были сделаны троекратные попытки разорения этих районов, в июне это пытался сделать Хентер с силами не менее чем 18 000 чел., но экспедиции неизменно кончались неудачей, так как конфедераты энергично защищали угрожаемые области. Теперь в распоряжении Шеридана было только две кавалерийские дивизии. Его отлично вооруженные и снабженные прекрасным конским составом всадники наткнулись у Уэйнсборо на корпус Эрли, которому было поручено прикрывать Виргинию со стороны горного хребта Блу-Ридж. Корпус состоял из всех трех родов войск, но несмотря на это, оказался неспособным противостоять неприятельской коннице, так как дух его был сломлен. Как мы знаем, снабжение войск конфедератов было настолько плохо, что результатом этого явилось массовое дезертирство. В данный же период полкам Эрли совершенно не доставлялось продовольствие и военное имущество. То, что могли дать окружающие области, было давно съедено. Лишения, а главное — сознание безнадежности положения, настолько деморализовали корпус, что при соприкосновении с противником он просто распался. Большая часть его капитулировала, а остальная разбежалась. Орудия, боеприпасы, обоз, все попало в руки Шеридана. После этого Шеридан направился дальше через ущелье Рокфиш к Центральной виргинской железной дороге, разрушить которую он тщетно стремился в течение 10 месяцев. На протяжении многих миль были взорваны мосты, сняты, расплавлены и погнуты рельсы. Конфедераты не добрались и на этот раз до Линчбёрга, но сильные отряды обратили свое внимание на р. Джеймс; эта река, частью с помощью каналов, судоходна, начиная от Линчбёрга. Водный путь протяжением в 180 *км* служил здесь для подвоза продовольствия войскам, расположенным в Питерсбёрге и Ричмонде. Для прикрытия их на р. Джеймс крейсировали три броненосца, построенные после потопления «Мерримака». Эта флотилия не смогла, однако, воспрепятствовать коннице произвести основательное разрушение канала. Она была потоплена самими конфедератами, как в свое время это было проделано с «Мерримаком».

После 21-дневного похода кавалерия Шеридана достигла Уайт-Хауза и вошла, таким образом, в соприкосновение с вооруженными силами Гранта. Теперь, т. е. к концу марта 1865 г., последний располагал уже 15 000 всадниками против 6 000 у Ли, а после того как пехота Шеридана была им стянута из долины Шенандоа к Аппоматоксу, он имел уже 99 000 чел. пехоты и артиллерии против 43 000 чел. у противника.

Никогда еще конфедератам не приходилось считаться с таким огромным численным превосходством противника. Благодаря этому в начале января 1865 г. Гранту удалось то, что никак ему не удавалось в октябре предшествовавшего года, а именно — удлинение унионистских позиций до ручья Хетчер. Только теперь, наконец, блокированные были совершенно лишены возможности пользоваться Южной железной дорогой, которая была прегражден а. Однако, конфедераты не впали в полную бездеятельность. 25 марта 1865 г. Ли произвел вылазку из форта Стедмана, находившегося на левом фланге его расположения, вблизи Аппоматокса. Линии окопов отстояли тут не больше чем на 140 *м* одна от другой, а передовые посты — даже на 40 *м*. Вылазка была отбита лишь в результате упорного боя. Тем не менее, внутренняя боеспособность конфедератов явно клонилась к упадку, ибо в этом бою из 20 000 (примерно) человек около 3 000 попало в плен нераненными — явление, которое до того времени не имело места под Питерсбёргом. Ведь это составляло 15% боевого состава, в то время как даже под Геттисбёргом, где моральное состояние конфедератов было так сильно поколеблено, сдалось в плен только 11%.

Решающую роль сыграло то, что Ли не был больше в состоянии прокормить свои войска и вообще снабжать их какими бы то ни было припасами. Приходилось оставить оборонительную позицию Питерсбёрг — Ричмонд. На первый взгляд, наиболее удобным и безопасным путем отступления казался отход через Ричмонд, ибо под этим городом были расположены только 29 000 унионистов из 114 000. Однако, при более внимательном анализе, отход конфедератов в этом направлении оказывался нецелесообразным. Если бы армия двинулась на север по направлению к неприятельским областям, то ей пришлось бы базироваться на узкую полосу собственной территории, которую противник в течение 10 месяцев использовал и опустошал. Армия конфедератов не могла бы создать себе там новой базы, но такая цель была бы вполне достижима, если бы Ли начал свой отход через Питерсбёрг, а не через Ричмонд, т. е. не на север, а на юго-запад. Он вошел бы при этом в соприкосновение с основным массивом территорий конфедератов, где унионистам не удалось по-настоящему подчинить себе ни одной области, даже и Тенесси. Далее, если бы армия конфедератов отошла из Виргинии к Северной Каролине, она опять-таки имела бы позади себя побережье — непокоренные еще пространства у Мексиканского залива. Наконец, в Северной Каролине производилось формирование второй армии конфедератов, возглавляемой Джонстоном. Ему вновь удалось завоевать общественное доверие, после того как правильность его стратегических принципов подтвердилась на печальном опыте. Он собирал вооруженные силы для борьбы против Шермана, и в феврале 1865 г. вызвал в Северную Каролину армию Худа. Однако, 21 000 чел. этой армии находились, подобно корпусу Эрли, в состоянии почти полного разложения. Из тех 14 000 чел., которые были направлены к Джонстону, дезертировало в пути 9 000. Из остальных один отряд пехоты отправился в Мобил, где увеличил численность гарнизона до 9 000 чел. В середине марта они были окружены сухопутными частями унионистов в количестве 45 000 чел., после того как флот Севера еще в августе 1864 г., в период боев за Атланту, проник в гавань Мобил.

Если бы Мобил пал, — а это было только вопросом недель, — в руках конфедератов оставался бы лишь один морской порт — Галвестон. По своему географическому положению он не мог быть принят в расчет для питания армий Ли и Джонстона. В этом отношении Мобил, даже если его можно было удержать, потерял значительную часть своей ценности. Железные дороги, которые соединяли его с Северной Каролиной и Виргинией, были на большом протяжении приведены в негодность Шерманом, во время его похода. Кроме того, в середине марта 1865 г. отряд унионистов, насчитывавший свыше 9 000 чел., вооруженных винтовками Спенсера, вторгся из Тенесси в Алабаму. Ему навстречу выступила дивизия Форреста из армии Худа, но она была слишком слаба для успешного сопротивления. Унионисты всюду уничтожали сооружения и запасы, которые сами по себе служили мирному труду, но могли оказаться полезными для военных действий. Картину того, как распоряжались унионисты в неприятельской стране, я уже изобразил, когда описывал операции Гранта против Виксбёрга; при этом я описал и мероприятия в Джексоне, главном городе штата Миссисипи. Точно так же конница унионистов опустошала теперь города Тускалуза, Селма, Монтомери, Колумб, чугунолитейные заводы и угольные шахты у р. Кахавба. Тем самым был положен конец железоделательной промышленности Юга. Затем экспедиционный отряд перешел границу между Алабамой и Георгией и приблизился к важному узловому железнодорожному пункту Мэйкон, откуда он создал угрозу перерыва сообщения Северной Каролины с портами и глухими местами побережья Мексиканского залива.

Итак, к тому моменту, когда Ли попытался соединиться с Джонстоном, военное хозяйство конфедератов уже лишилось всякой почвы под ногами в результате проведения их противниками стратегии истощения. Джонстону, несмотря на утрату боеспособности солдатами Худа, все же удалось собрать 22 000 чел. Он стоял у Гринсборо, в 300 *км* от Питерсбёрга. Железные дороги Ричмонд, Дэнвид, Гринсборо и Ричмонд, Бурквил, Линчбёрг, как и окружавшие их местности, за немногими исключениями, почти совершенно не пострадали от неприятельских нашествий. На одних лишь железнодорожных станциях Северной Каролины в районах, подвластных Джонстону, хранилось достаточно жизненных припасов, для того чтобы прокормить 30 000 чел. в течение 6 недель. Сюда должен был направиться и Ли, проведя 54 000 чел. вдоль левого фланга армии противника, насчитывавшей 114 000 чел. Мы познакомились в этой войне с двумя крупными фланговыми маршами: Мак-Клеллана в июне 1862 г. и Гранта в июле 1864 г., оба марша — от Йорка на р. Джеймс. Грант выполнил свой маневр, значительно превосходя неприятеля численностью своих войск и после того, как сломил наступательную энергию противника в сражении у Уилдернесс-Инн; Мак-Клеллан имел все-таки 75 000 против 90 000; Ли же должен был успешно провести операцию пред лицом противника, который был более чем вдвое сильнее его. Бои, подготовлявшие этот маневр, длились с 27 марта по 9 апреля 1865 г. Продолжительные проливные дожди, обычные в этой местности, затруднили отступательное движение конфедератов в такой же степени, как и действия унионистов, направленные к преграждению путей отступления неприятельской армии. В докладе одного из участников кампании на стороне унионистов мы читаем: «К вечеру начался

дождь. Он лил потоками в течение ночи и с небольшими промежутками весь следующий день. Местность была покрыта густым лесом, а почва болотиста... Лошади вязли по брюхо. Повозкам угрожала опасность совершенно увязнуть в тине... Дороги превратились в лужи, и казалось, что спасение армии требует руководства не такого полководца, как Грант, а Ноя [1]. Солдаты кричали проезжавшим офицерам: «Когда же появятся канонерские лодки?»

Как и следовало ожидать, конфедератам не удалось обойти унионистов, и Ли капитулировал, так и не дав большого сражения. В предыдущем томе я уже указывал, что если бы маршал Базен дал большое сражение с целью прорыва, то оно имело бы стратегическое значение даже в случае неудачи, так как истощило бы абсолютно необходимые и невозместимые силы германской армии. В Америке в этом отношении дело обстояло совершенно иначе. К тому времени, когда Ли сложил перед Грантом оружие, армия Шермана находилась у Голдсборо, отстоящего от Питерсбёрга на 250 *км*. Шерман владел внутренними операционными линиями между Ли и Джонстоном. Оба унионистских полководца располагали вместе силами, насчитывавшими по меньшей мере 170 000 чел., а Ли и Джонстон совместно — только 76 000. При численном перевесе почти в 100 000 чел. сражение между Ли и Грантом, несомненно, ничего не изменило бы в пользу конфедератов. Унионисты базировались на океан, по которому им доставлялись пополнения. Оба полководца конфедератов, наоборот, не могли рассчитывать на подкрепления. Их отечественный фронт рухнул не только в экономическом, но и в моральном отношении, после того как единственная, еще не блокированная армия, которая могла защищать страну, в панике разбежалась.

Президент Конфедерации после первого сражения у Буль-Рёна, после сражения под Фредериксбёргом и перед сражением под Атлантой чрезвычайно незадачливо вмешивался в ведение войны. Все выдающиеся генералы Юга — Ли, Борегар, Джексон, Джонстон, Лонгстрит, Стюарт — в одинаковой степени проявили полную лойяльность по отношению к президенту, но Дэвису не удалось справиться с теми неразумными страстями, которые широко захватили низы армии и общества. Он думал, что надо потакать требованиям удержания любых областей Конфедерации, даже вопреки правилам военного искусства. Теперь же, пытаясь сделать невозможное возможным, президент оттолкнул от себя всех. Даже после капитуляции Ли он не хотел мира. Если большая война закончилась, то можно было распустить армию Джонстона и вести малую войну. Опустошения, произведенные армией Шермана и вообще неприятелем, поразили главным образом центры хозяйственной жизни страны и зоны, прилегающие к железным дорогам. Правда, эти важные базы были разрушены, но бесконечное количество других баз небольшого масштаба продолжало существовать. Если учесть, что по своим размерам Виргиния равна Ганноверу, Вестфалии, Рейнской провинции и Гессен-Нассау, вместе взятым, а Георгия занимает пространство, равное Англии с Уэльсом, то станет понятным гневное восклицание Джефферсона Дэвиса о том, что необходимо лишь упорство. При курсе бумажного доллара, равном 7 германским пфеннигам, правительство Конфедерации еще располагало кое-какими финансовыми средствами.

[1] Имеется в виду библейская легенда о Ное, который спасался от потопа в ковчеге. — *Ред.*

Известно, что буры, после того как они сложили оружие, сами распустили свои армии и потеряли Блемфонтейн, Иоганнисбург и Преторию, все-таки вели еще в течение целых двух лет партизанскую войну, используя отдаленные небольшие опорные пункты. Они надеялись избежать гибели от удушения, продержавшись до того момента, когда разразятся бурей грозовые тучи между Берлином и Лондоном. Но внешнеполитическое положение для конфедератов в 1865 г. было гораздо более безнадежным, чем для буров в 1900 г. Англичане и французы — в 1865 г. непримиримые соперники — были единодушны лишь в одном пункте, а именно, что по всем американским вопросам они должны стать на позиции невмешательства до тех пор, пока не минует острый период германской проблемы. Дело в том, что с тех пор как оторванная от Дании Шлезвиг-Гольштиния стала предметом спора между Бисмарком и Венским двором [1], политическая игра в кости еще больше приблизилась к Бельгии, Рейнской области и Италии, чем в 1862 г., когда переговоры в Бабельсбёргском парке спасли Северные штаты. Конфедераты с большой впечатлительностью отнеслись к растущей индиферентности европейских держав к их делу; они оставили своего президента в состоянии моральной изоляции, а сами подчинились Союзу.

Во время франко-прусской войны 1870 г. Шеридан находился в свите Вильгельма I. В своем отчете он сообщил, что военное искусство немцев не дало ничего нового. Мы видели крупные недостатки американских армий и знаем, что Шеридан мог извлечь много интересного из изучения действий германской армии. Однако, он был внутренне связан традициями собственной армии. Взгляды германских военных деятелей на достижения американского военного искусства были не глубже, чем суждения Шеридана об армии, представившейся его взорам в Старом Свете. Из форм, в которые вылилась сухопутная война по ту сторону океана, Европа переняла только кавалерийские рейды. Они производили сильное впечатление на воображение романтически настроенного европейца, но именно такие рейды были менее всего применимы в нашей густо населенной части света [2]; нельзя же было бы запирать крестьян подвергшейся кавалерийскому набегу неприятельской территории в их домах, как это сделал Зигель перед боем у ручья Вилсон. Что касается войны стрелковых цепей и окопов в том виде, в котором она проводилась в другом полушарии, то она не была у нас оценена по достоинству, в соответствии со своим историческим значением. При том подчинении шаблону традиций, которое наблюдалось у критиков, время для этого еще не настало. В общем, европейские военные мало внимания уделяли вопросу о том, какие практические выводы им надлежит сделать из развития американского военного дела. Когда наступил 1914 г., немцы и их противники начали кампанию, имея лишь смутные представления о том, что уже за полстолетия до этого в девственных лесах Нового Света применялись способы военных действий, изучение которых принесло бы огромную пользу обеим сторонам.

---

[1] Спор между Пруссией и Австрией относительно суверенитета над Шлезвиг-Голштинией, которого добивалась безраздельно Пруссия, послужил поводом к австро-прусской войне 1866 г. — *Ред.*

[2] Опыт гражданской войны в СССР наглядно показал, что кавалерийские рейды находят свое применение не только в американских условиях, как это хочет изобразить Даниэльс. — *Ред.*

В 1899 г. в октябрьской книжке «Прейсише Ярбюхер» («Preussische Jahrbücher») Ганс Дельбрюк писал: «Соединенным штатам... вряд ли когда-либо придется стать великой военной державой. Они этого и не хотят и они представляют собой слишком слабо спаянный государственный организм, для того чтобы стать таковой, даже если бы они этого пожелали. Военную мощь в нашу эпоху уже больше нельзя импровизировать, она создается путем длительной, самоотверженной работы в мирное время. Если бы Соединенные штаты попытались сделать нечто подобное, то они скорее сами погибли бы в результате этого, чем достигли бы своей цели. Со стороны Америки не последует того удара, который изменит лицо мира».

И тем не менее этот удар последовал: Америка решила исход мировой войны. Ее армия была, конечно, не лучшей среди тех, которые боролись за пальму первенства, но, вопреки предсказанию выдающегося историка, ее смогли сформировать, не поставив под угрозу существование собственного государства. Это стало фактом, повлекшим за собой определенные последствия. Кроме того, американцы, когда они в 1917 г. вступили в войну, располагали некоторыми военными преимуществами, так сказать, невесомого характера. Гражданская война в Америке выявила целый ряд интеллектуальных и волевых качеств, которые уже в те времена подняли американскую армию на большую высоту и которые именно благодаря этой армии безгранично умножились. Гражданская война показала нам также много отталкивающих картин морального падения, и Конфедерация потерпела поражение гораздо больше вследствие моральных недостатков ее армии, чем ее материальной слабости. Если бы вооруженные силы Севера в достаточной мере обладали умением повиноваться и дисциплиной, чтобы должным образом использовать материальную слабость Юга, жестокая гражданская война не продолжалась бы четыре года. Тем не менее, правильно суждение английских военных деятелей, утверждающих, что наряду с германским понятием дисциплины англосаксонское понятие дисциплины тоже имеет полное право претендовать на признание истории.

Люди, стоящие у кормила власти, могут с пользой для себя готовиться к предстоящей политической буре, если они дадут беспристрастную оценку всем военным силам, существующим где-либо на земном шаре, притом не только их реальной, но и потенциальной ударной мощи. Чем труднее задача, тем менее допустимо пренебрегать какими бы то ни было средствами, которые смогут оказать содействие для ее разрешения; и мы, думается мне, уже убедились в том, что изучение истории принадлежит к числу этих средств.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ,

встречающихся в тексте VII тома труда Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»

А

Альма — река, на которой произошло 20 сентября 1854 г. сражение во время Крымской кампании. Французы и англичане, под командованием маршала Сент-Арно и лорда Раглана, нанесли поражение русским под командованием ген.-ад. князя Меньшикова, не имевшее, однако, решающего характера, благодаря исключительной стойкости, проявленной русскими войсками. См. Дельбрюк, т. V, ч. I, гл. 1.

Андерсон Ричард-Генри (1821—1879) — генерал конфедератов, командовавший дивизией в армии Лонгстрита. Известен своей обороной форта Сэмтер. Особенно отличился в сражениях у Чанселлорсвилла и Геттисбёрга.

Аристотель (384—322 до н. э.) — знаменитый греческий философ; учитель и советник Александра Македонского. Основные труды его — «История животных», «Реторика», «Политика», «Метеорология» и др.

«Ахиллесова пята». Ахилл — легендарный герой греческой мифологии, один из участников осады Трои («Иллиада» Гомера). Согласно преданию, мать его, Фетида, погрузила новорожденного Ахилла в реку Стикс, омывавшую местопребывание усопших — Елисейские поля, чтобы сделать его неуязвимым. Пятка, за которую она его держала, не была омыта водами Стикса и оказалась его единственным уязвимым местом. Отсюда поговорка «ахиллесова пята».

Б

Базэн (1811—1888) — маршал. Командовал французской армией во время франко-прусской войны 1870 г. Проявил полную неспособность. Дал запереть себя германцам в крепости Метц и после короткого сопротивления капитулировал со всей армией. По возвращении из плена был предан суду и приговорен к смертной казни, замененной в 1873 г. пожизненным заключением. Бежал из тюрьмы и умер в изгнании, в Испании.

Бель-Альянс, или Ватерлоо (Бельгия) — сражение 18 июня 1815 г. В этом сражении Наполеону I было нанесено решительное поражение англичанами и немцами под общим командованием лорда Веллингтона. В результате этого поражения Наполеон I, потеряв всякую надежду восстановить свою популярность во Франции, в том числе среди собственных сторонников, сдался англичанам, был отправлен в изгнание на остров Св. Елены, где и умер в 1821 г.

Бенкс Натаниэль Прентис (1816—1894) — генерал северян и член конгресса США. В 1858—1860 гг. был губернатором Массачусетса. Крупный республиканский политический деятель.

Бёрнсайд Амброз Эверет (1824—1881) — генерал северян. Один из ближайших помощников генерала Мак-Клеллана в сражении на р. Антитэм, понес жестокое поражение в сражении при Фредериксбёрге 13 декабря 1862 г. Изобретатель ружья новой марки, крупный железнодорожный деятель. После войны был политическим деятелем, членом республиканской партии и депутатом конгресса.

Бисмарк Отто, князь, фон (1815—1898) — виднейший прусский, а затем германский государственный деятель XIX в., фактический творец Германской империи. С 1862 г. бессменно премьер-министр, а затем райхсканцлер. Стремился к объединению германских государств под гегемонией Пруссии. Инициатор войны с Австрией 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг. Помог

Тьеру подавить в 1871 г. Парижскую коммуну. Был злейшим врагом парламентаризма, демократии, рабочего класса и социализма.

Битва при Каннах (в 216 г. до н. э.)— между карфагенянами под предводительством Ганнибала и римлянами под предводительством консулов Теренция Варрона и Луция Эмилия Павла. Это сражение явилось кульминационным моментом так называемой второй Пунической войны и имело место в Италии у города Канны, на подступах к Риму. Оно завершилось блестящей победой Ганнибала, прибегнувшего к охвату противника с обоих флангов. Канны считаются классической операцией охвата флангов противника. Стратегически, однако, сражение это не решило войну в пользу карфагенян. Более подробно см. Дельбрюк, т. I, часть V, гл. 1. Германская военная доктрина, возглавлявшаяся Шлиффеном, возвела Канны в прототип маневра стратегического охвата противника, в широком смысле этого слова.

Блейбтрей Карл — германский публицист, писатель, драматург и поэт, родился в 1859 г. Известен популярными описаниями сражений войны 1870—1871 гг., а также походов Великой армии Наполеона I.

Блюменталь — генерал, начальник штаба III германской армии, наследного принца Фридриха-Вильгельма, во время кампании 1870 г. Эта армия одержала победу в сражении при Верте. Блюменталь — один из способнейших учеников Мольтке.

Борегар Пьер (1818—1898) — генерал конфедератов. Воспитанник Вест-Пойнтской военной академии, кадровый военный. Отличился при осаде Вера-Круц, во время мексиканской войны 1845—1847 гг. Перед самой гражданской войной был назначен директором Вест-Пойнтской военной школы. В 1861 г. перешел на сторону конфедератов и был одним из самых способных военачальников южан. После войны был крупным железнодорожным деятелем в Южных штатах США. Автор труда «Principles and Maxims of the art of War» (Charleston 1863) — «Принципы и правила военного искусства».

Брагг Бракстон — один из выдающихся генералов конфедератов (1817—1876 гг.), см. сражение у Стон-Ривер. Бывший артиллерийский офицер. После войны занимал крупные правительственные инженерные посты.

Бреккинридж Джон Кабелль (1821—1875) — генерал. Американский государственный деятель, член партии демократов, сражавшийся на командных должностях в рядах конфедератов. Был в 1865 г. военным министром конфедератов.

Бурбаки, Карл (1816—1897) — французский генерал времен III империи. Во время войны 1870—1871 гг. сначала командовал императорской гвардией, а затем (в 1871 г.) — Восточной армией.

Бэтлер (1818—1893) — американский генерал, адвокат и политический деятель. Сражался на стороне республиканцев.

Бьюэлл Дон-Карлос (1818—1898) — выдающийся американский генерал, сторонник северян; из кадровых военных (Вест-Пойнт). Известен своей политической бестактностью, за что был одно время смещен с командных должностей. Восстановлен впоследствии, в конце войны, Грантом.

В

Вар Квинктилий — правитель покоренной Римом части Германии в период царствования императора Октавиана Августа (в первые годы н. э.). Своим деспотизмом он довел покорившихся было германцев до восстания. Вар, во главе своих легионов, выступил для подавления восстания. В Тевтобургском лесу разыгралось сражение, окончившееся разгромом и почти полным уничтожением римлян (сентябрь 9 г. н. э.). Германские области были вновь покорены римлянами только 17 лет спустя, в результате походов Германика.

«Вашингтон — столица Союза». Даниэльс хочет отметить, что Вашингтон не играл той политической, вдохновляющей роли, какую сыграл город Париж или, вернее, его население в те периоды, когда отечество объявлялось в опасности перед лицом иноземного нашествия. Вашингтон был тогда только административным центром, с немногочисленным населением. Главными центрами были Нью-Йорк, Филадельфия, Балтимора, Бостон.

Великая армия Наполеона I — маневренная армия, созданная им в 1804 г. Великая армия тесно связана с историей Наполеона I и его войн. Первоначально она была образована на побережье Ла-Манша (с центром в Булони), так как Наполеон I подготовлял высадку ее оттуда на побережье Англии для нанесения удара своему главному врагу. Как известно, это не удалось, и осенью 1805 г. великая армия была форсированными переходами переброшена в Австрию (сражения под Ульмом, Аустерлицем и т. д.). Первоначально (до конца 1805 г.) Великая армия состояла из 7 армейских корпусов, гвардии, кавале-

рийского и артиллерийского резервов. В 1812 г., во время нашествия на Россию, Великая армия возросла до 12 армейских корпусов, не считая гвардии и резервной кавалерии.

Веллингтон, герцог, прозванный «железный герцог» (Iron Duke) за непоколебимость своей воли — английский фельдмаршал (1769—1852). Прославился удачными военными действиями против французов в Испании в 1809 г., где выиграл сражение под Талаверой, и в 1814 г., когда он одержал победу над Сультом под Тулузой. В 1815 г. был главнокомандующим союзных войск в сражении под Ватерлоо, окончившемся поражением Наполеона I. Был долгое время премьер-министром в консервативных кабинетах Великобритании в первой половине XIX в. Считался до мировой войны самым выдающимся английским полководцем.

«Veni, vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил». Известная фраза, которой Юлий Цезарь уведомил Римский сенат об одержанной им победе над Фарнасом, царем Понтийским.

Вест-Пойнтская военная академия на р. Гудзон, учреждена в 1798 г. как кадетский корпус, преобразована из кадетского корпуса в академию в 1812 г. В гражданской войне участвовало 953 офицера, окончивших курс этой академии; в том числе 756 офицеров сражались на стороне северян и лишь 197 на стороне южан.

Г

Гамбетта Леон (1838—1882) — французский государственный деятель. Боролся против империи Наполеона III. После падения империи, в 1870 г., стал членом правительства национальной обороны и поднял поголовное ополчение против германцев во всех не занятых ими департаментах. Известен как красноречивый оратор.

Ганнибал, сын Гамилькара Барка, известный карфагенский полководец, родился в Карфагене в 247 г. до н. э., покончил самоубийством (отравился) в Вифинии (Малая Азия) в 183 г. до н. э. Выдающийся тактик и стратег, один из величайших полководцев древности. Возглавлял поход на Рим во время второй Пунической войны. Его победы, осада и взятие Сагунта (римской колонии в Испании), поход с р. Эбро в Италию, переход через Альпы, битвы на р. Тичино и Треббия (218 г.), у Тразименского озера (217 г.), при Каннах (216 г.). В 202 г. до н. э. Сципион Африканский нанес ему поражение при Заме.

Гарнетт — один из генералов армии конфедератов.

Гебен — прусский генерал. В молодости, в 30-х годах, сражался в Испании в рядах карлистов. Командовал в 1870—1871 гг. прусским VIII армейским корпусом. В 1866 г. во время Майнского похода командовал 13-й дивизией, во главе которой одержал победу над баварцами при Киссингене.

Гекатомба — торжественное жертвоприношение, совершавшееся древними греками из ста быков и ста других животных. Это понятие стали применять во всех случаях, когда в бою приносится в жертву большое количество бойцов.

Гендерсон (1854—1903) — подполковник английской армии, участник ряда колониальных походов. Автор биографии Стонуолл-Джексона.

Принц Генрих Прусский — брат бывшего германского императора Вильгельма II, адмирал и генерал-от-инфантерии. Вильгельм II очень верил в его военные таланты, но применить их на практике принцу Генриху Прусскому так и не удалось.

Германик — римский военачальник. Победил Арминия и ликвидировал тем самым последствия победы последнего над Варом в Тевтобургском лесу, вновь подчинив германские области римскому владычеству. Слыл энергичным и популярным военачальником. Умер в 19 г. н. э., повидимому, отравленный.

Гибралтар — крепость на скале, на северном берегу Гибралтарского пролива (на южной оконечности Испании). Был захвачен у испанцев англичанами в 1704 г. и превращен в мощную базу английского флота в Западной части Средиземного моря и в Атлантическом океане. Является важным звеном в цепи военных баз и крепостей, охраняющих морские пути Англии в Египет и Индию.

Гладстон Вильям (1809—1898) — выдающийся английский государственный деятель Викторианской эпохи, т. е. середины и второй половины XIX в. Вождь либералов. Несмотря на то, что Гладстон и его партия считались непримиримыми и активными противниками всех видов рабства и крепостничества и вели решительную борьбу с торговлей невольниками, он стремился наладить отношения с конфедератами (южанами), обладателями хлопка, столь необходимого английской промышленности, в противовес к северянам — промышленникам, в которых Англия угадывала своего будущего конкурента. Фактически же рабство в английских колониях продолжало существовать и при Гладстоне и после него.

Гоплиты — воины древних греков, одетые в панцыри и тяжело вооруженные мечом и дротиком. Сражались сомкнутым строем, называвшимся фалангой.

Грант Улисс (1822—1885) — генерал. Один из крупнейших полководцев США в гражданскую войну и видный государственный деятель. Грант — кадровый военный и окончил Вест-Пойнтскую военную академию. Он подавал блестящие надежды во время мексиканской кампании 1845—1847 гг. и быстро дошел до командных должностей. Однако, он был сильно подвержен пьянству, и ему пришлось оставить армию. Грант после этого сильно бедствовал и в 1860 г. сделался даже приказчиком в кожевенной лавке своего отца, с заработком не свыше 800 долларов в год. Когда началась гражданская война, он один из первых откликнулся на призыв законного правительства США (Союзного) и был назначен командиром 21-го Иллинойского пехотного полка. Вскоре за боевые заслуги Грант был произведен в бригадные генералы и получил самостоятельное командование армией. Роль его в гражданской войне достаточно исчерпывающе описана Даниэльсом. В 1864 г. Грант — главнокомандующий всеми армиями Союза. В 1866 г. он получил, впервые в США, чин полного генерала за заслуги во время гражданской войны. В 1868 г. Грант был избран президентом республики и сохранил этот пост вплоть до 1876 г., после чего удалился на покой.

Д

Джексон-Стонуолл Томас Джонатан (1824—1863) — генерал конфедератов. Один из крупнейших стратегов и военачальников конфедератов. Его методы ведения войны служили предметом исследований многих военных историков. Убит 10 мая 1863 г. в сражении под Лексингтоном.

Джильберт — генерал северян. Один из трех корпусных командиров армии Бьюэлла, в сражении при Перривилл.

Джонсон Бушрод — дивизионный генерал конфедератов в армии генерала Ли. Отличился во время блокады и штурма Питерсбёрга северянами.

Джонстон Альберт (1803—1862) — кадровый военный, генерал конфедератов. Убит в сражении у Шило 7 апреля 1862 г.

Дорнван — дивизионный генерал конфедератов, сражался в районах Миссури, Кентукки и Тенесси.

Джонстон Джозеф (1807—1891) — генерал конфедератов, командовавший армией южан в штатах Миссури, Кентукки и Тенесси. После войны был военным писателем и политическим деятелем.

Дэвис Джефферсон (1808—1889) — американский государственный деятель. Возглавил конфедерацию Южных штатов, отколовшихся от Союза. Был лидером демократов и вождем борьбы Юга с Севером. С 1861 по 1865 г. состоял президентом конфедеративных штатов Америки, с резиденцией в Ричмонде, столице штата Виргиния.

З

Зигель Франц (1824—1902) — немецкий генерал в армии северян. Бывший лейтенант баденских войск, участвовавший в 1849 г. в восстании баденской армии, возглавлявшемся Мерославским. Обосновался в Сент-Луис, где преподавал в школах. Сформировал немецкий легион на стороне северян.

Зилль — дивизионный генерал армии северян.

Зуав (по-арабски зууа) — название одного из кабильских племен, населявших Алжир до завоевания его французами. Зуавами была названа пехотная воинская часть, набранная первоначально из туземцев этого племени. Зуавские полки были впервые сформированы в 1831 г. Сначала это были смешанные части из туземцев и европейцев; в дальнейшем же — исключительно из французов. Зуавы носят форму, позаимствованную у арабов.

И

Иберийцы населяли Испанию и некоторые южные области Галлии. И кельты и иберийцы были чрезвычайно воинственными племенами и поставляли наемников для армии карфагенян. В частности, они составляли значительную часть конницы Ганнибала.

Имбоден — кавалерийский генерал конфедератов. Описал отступление армии генерала Ли после сражения у Геттисбёрга.

«Индейская граница» — юго-западная граница тогдашних Соединенных штатов, где жили еще непокоренные индейские племена, совершавшие набеги на теснивших их белых колонизаторов.

Инкерман — сражение (под), состоявшееся 5 ноября 1854 г. Французы и англичане под командой Канробера и Раглана отразили наступление русских на Инкерманское плато, служившее диверсией для маскировки вылазки Меньшикова из Севастополя с 35 батальонами, см. Дельбрюк, т. V, ч. I, гл. 2.

Ирокезы — конфедерация пяти воинственных племен индейцев, населявших районы США к юго-востоку от Великих озер — Эри и Онтарио и, в частности, нынешний штат Нью-Йорк. В настоящее время они почти совершенно вымерли.

К

Кавалеры и Круглоголовые. Так были прозваны сторонники и противники королевской власти во время английской революции 1640—1660 гг. Кавалеры — были сторонниками короля Карла I Стюарта (в большинстве католики), а Круглоголовые — сторонники парламента и республики под предводительством Кромвеля (в большинстве пуритане).

Кальвинистское мировоззрение — Жан Кальвин (1509—1564), швейцарец, проповедывал во Франции и Швейцарии реформацию (т. е. отделение от католической церкви). Кальвинизм и его видоизменение — пуританизм особенно распространены в Швейцарии, Голландии, Англии и США.

Карл I Стюарт, король английский (1600—1649), подпав под влияние министров-фаворитов Букингэма и Страффорда, а также своей жены Генриетты Французской, пытался править Англией деспотически, не созывая парламента и укрепляя влияние католической аристократии. Был свергнут революцией и казнен в 1649 г.

Карно Лазарь (1753—1823) — член французского конвента, прозванный организатором победы. По профессии — ученый-математик. Карно организовал во время французской революции армии республики, наладил всеобщую воинскую повинность, мобилизацию, когда отечество было объявлено в опасности, создал четырнадцать республиканских армий и выработал все планы кампаний. Его по справедливости можно назвать создателем той армии, которая спасла французскую республику от иностранной интервенции и которой впоследствии воспользовался Наполеон для своих завоевательных целей. Умер в изгнании в Магдебурге.

Кельты — племена, населявшие юго-западную и западную часть Галлии (Франции), в частности, районы, прилегавшие к Пиренеям (прямые потомки кельтов сохранились в Бретани — Франция и в Уэльсе — Англия).

Кениггрец — сражение (при) 3 июля 1866 г. В этом сражении прусская армия, руководимая Мольтке, начальником Генерального штаба, наголову разбила австрийскую армию под командованием Бенедека. Три прусских армии, наступая раздельно, совместно атаковали австрийцев. (Основной принцип стратегии Мольтке.)

Кертис — генерал северян, руководил в 1862 г. вторичным захватом Спрингфилда, в штате Миссури.

Континентальная блокада — мероприятия Наполеона I для закрытия доступа английским товарам во все европейские порты с целью нанесения экономического ущерба Великобритании. Континентальная блокада была объявлена Наполеоном I в Берлине 21 ноября 1806 г. и длилась вплоть до 1814 г.

Конфедераты, или южане, — назывались так в отличие от унионистов, или северян.

Коуч Дариус (1822—1897) — республиканский генерал. Один из ближайших помощников генерала Хукера в битве у Чанселлорсвилла. Когда Хукер был убит, командование над разбитой уже армией северян принял Коуч.

Криттенден Томас (1815—1893) — генерал северян, участник сражения у Стон-Ривер, в конце 1862 г., где командовал корпусом в армии Розкранса. Криттенден был в дальнейшем отстранен от командования за неспособность. Впоследствии после войны служил в военном ведомстве США.

Крук (1828—1890) — генерал-майор, корпусный командир у северян, командовал в 1864 г. одним из отрядов армии Гранта в Западной Виргинии, подчиненных Зигелю.

Л

Лабиринт — огромный дворец. Он состоял из огромного количества небольших комнат, соединявшихся запутаннейшей сетью коридоров. Лабиринт — синоним помещения, из которого, вследствие запутанности его строения, невозможно выбраться.

Лайон — в начале войны капитан кадровых войск. Сумел собрать отряд в 5 000 человек и сохранить благодаря своей энергии город Сент-Луис, штат Миссури, северянам, несмотря на стремление горожан присоединиться к конфедератам. 10 августа 1861 г. был убит в бою у ручья Вилсон. Завещал свое скромное состояние на военные нужды северян.

Ланкашир — графство в Центральной Англии, главный город Манчестер, центр английской текстильной промышленности.

Леонид и 300 спартанцев. Леонид I— король Спарты (царствовал с 490 по 480 г. до н. э.). Под Фермопилами, в Фессалии, он с 300 спартанцев

сделал попытку остановить нашествие на Грецию огромной армии персидского царя Ксеркса. Предатель грек Эфиальт указал персам тропинку для обхода спартанцев. Будучи атакован с тыла, Леонид со всеми своими тремя стами спартанцев полегли костьми, преграждая путь персам.

Линкольн Авраам (1809—1865) — президент США. Вождь республиканцев и глава аболиционистов (сторонников упразднения рабства). Выборы его на пост президента США послужили сигналом к гражданской войне и к отпадению Южных штатов, образовавших конфедерацию. Был переизбран в 1864 г. на новый срок. После окончательной победы северян был убит в театре агентом сторонников рабства (1865). Один из самых выдающихся государственных деятелей США.

Ли Роберт (1807—1870) — главнокомандующий армией конфедератов. Самый выдающийся из американских генералов южан. У северян ему был равноценен лишь генерал Улисс Грант. До гражданской войны в течение трех лет (с 1852 г.) был начальником Вест-Пойнтской военной академии.

Лое — генерал-фельдмаршал, на которого ссылается Даниэльс, был германским военным сановником в эпоху Вильгельма II, в особенности в период 1890—1910 гг., и пользовался большим авторитетом в германских военно-политических кругах. В военно-стратегическом отношении себя ничем не проявил, и ссылка на него Даниэльса в данном случае чисто субъективная.

Лонгстрит Джемс (1821—1874) — генерал конфедератов. Один из ближайших помощников генерала Ли во время его первой кампании в Северной Виргинии и в Мэриленде. После войны перешел на сторону республиканцев.

Луарская армия. Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг., когда Париж уже был осажден, а Империя свергнута, французское республиканское правительство национальной обороны, в котором участвовал Гамбетта, переехав в г. Тур на р. Луаре, создало там новую армию для борьбы с немцами. Армия эта состояла в большинстве из добровольцев и новобранцев, обучавшихся военному делу во время похода.

М

Мадженте (сражение при) 4 июня 1859 г. во время франко-австрийской войны за освобождение Италии. Французы под командованием Наполеона III и Мак-Магона нанесли чувствительное поражение австрийцам под командой Гиулая, приведшее к отступлению последних в глубь Ломбардии. См. Дельбрюк, т. V, ч. II, гл. 5.

Мак-Доуэлл Ирвин (1818—1885) — американский генерал, из кадровых военных. Первый главнокомандующий армией северян, сражавшийся с талантливым полководцем южан Борегаром. После войны остался на кадровой военной службе.

Мак Клеллан Джордж (1826—1885) — американский генерал и государственный деятель. Был одно время крупным железнодорожным дельцом. Первый и единственный главнокомандующий республиканской армии, достигший такого высокого поста в возрасте 34 лет. Был выставлен сторонниками примирения с югом в кандидаты на пост президента США, против Линкольна, но был забаллотирован. После войны был видным инженером. Мак-Клеллан был хорошим оратором и неплохим писателем. Написал воспоминания о войне.

Мак-Кук Александр (1831—1903) — республиканский генерал, корпусный командир армии Бьюэлла в сражении у Перривилла.

Мак-Куллох — генерал конфедератов, участвовал в боях в Кентукки и у Вилсон-Крик.

Максимилиан I Мексиканский (1832—1867) — австрийский эрцгерцог, возведенный Наполеоном III в 1863 г. на трон Мексиканского императора, вопреки воле мексиканского народа и с целью подчинить Мексику французскому влиянию. В 1867 г., когда Наполеон III разочаровался в мексиканской авантюре и увел оттуда свои войска, восставшие мексиканцы, под предводительством президента Хуареца, захватили Максимилиана I в плен и расстреляли его.

Маренго — деревня в Италии, при которой французы под командованием Бонапарта разбили наголову 14 июня 1800 г. австрийцев. Победа была одержана отчасти благодаря тому, что Бонапарт применил принцип «наступать раздельно, но атаковать совместно».

«Marcher au canon» («Итти на канонаду») — один из основных принципов стратегии Наполеона I.

Мерославский — польский революционер, возглавивший летом 1849 г. армию временного революционного правительства в Бадене. Восставшие баденские войска и население прогнали из Карлсруэ великого герцога Баденского и объявили республику. Прусская карательная экспедиция в составе одного армейского корпуса, под командой принца Прусского, вытеснила повстанцев из Карлсруэ, затем из Оффенбурга и оса-

дила крепость Раштат. В середине июля часть повстанцев перешла швейцарскую границу и там была разоружена. Другая часть, засевшая в Раштате, сдалась. Многие из участников восстания бежали в Северную Америку.

Мид — республиканский генерал (1815—1872). Герой Геттисбёрга и Фредериксбёрга. До гражданской войны был военным, затем инженером-железнодорожником. После войны занимал крупные военные посты.

Милиция швейцарцев. Свободные жители горных швейцарских кантонов, Швиц, Ури и Унтервальден, были лишь в номинальном подчинении у фохтов, представителей графов Габсбургских, которым принадлежал тогда суверенитет над этими землями. Свободные швейцарцы восстали, как только были сделаны попытки обложить их данью, и 1 августа 1291 г. заключили союз о взаимопомощи против каждого, кто будет угрожать их свободе. Ополчение из швейцарских горцев разбило впоследствии латников Леопольда Габсбургского в битве при Моргартене 15 ноября 1385 г.

Милиционные армии в борьбе с английской метрополией. Даниэльс имеет здесь в виду северо-американскую войну за независимость 1775—1781 гг., в результате которой Северо-американские штаты, бывшие до того времени английской колонией, отделились от Англии.

Мольтке Гельмут старший (1800—1891) — германский генерал-фельдмаршал. Начальник генерального штаба Прусской армии с 1860 г. По его планам были проведены победоносные для Пруссии Датская и Австрийская кампании и франко-прусская война 1870—1871 гг. Автор «Мемуаров», «Истории войны 1870—1871 гг.» и др.

Морис (генерал-майор сэр Фредерик) родился в 1871 г., был с 1915 по 1918 г. начальником оперативного отдела Имперского Генерального штаба, профессор военных наук Лондонского университета, известный военный писатель. Его основные труды: «Русско-турецкая война 1877—1878 года», «Лорд Уэльслей», «Правительства и война», «Роберт Ли — солдат», «Один из адъютантов Ли», «Жизнеописание генерала лорда Роулинсона».

Морган Джон (1825—1864) — кавалерийский генерал конфедератов. Командовал в Юго-Западной Виргинии в 1864 г. и был убит из засады 4 сентября 1864 г., гуляя в саду.

Морган Джордж — генерал северян, оккупировавший в апреле 1862 г. Кемберлендский перевал.

Н

Наполеон III (1808—1873) — племянник Наполеона I. 10 декабря 1848 г. добился избрания в президенты Французской республики. В 1851 г. совершил государственный переворот и провозгласил себя в 1852 г. императором французов (см. К. Маркс, «18-е брюмера Луи Бонапарта»). Во время неудачной франко-прусской кампании 1870 г., Наполеон III был захвачен немцами в плен под Седаном вместе с частью французской армии, после чего свергнут с престола. Наполеон III прожил в изгнании, в Англии, еще три года.

Народное ополчение эллинов. Центральная часть древней Греции (север Пелопоннеса) называлась Элладой, а жители ее — эллинами. Эллины вели войны при помощи ополчений, из граждан, пользовавшихся политическими правами. Эти граждане являлись на военную службу с собственным вооружением. Более подробно см. Дельбрюк, т. I, ч. I, гл. 1, 2 и 3.

Нельсон — американский генерал, сражавшийся на стороне северян. Участвовал в кампании Бьюэлла в Охайо и Кентукки и был разбит конфедератами под Ричмондом—Кентукки.

О

Объединение Италии милиционными армиями. Ополчения, составленные из римских воинов-землепашцев, постепенно покорили все области Апеннинского полуострова, где расположена Италия, и создали единую Римскую республику.

П

Пальмерстон (лорд Генри) (1784—1865) — английский государственный деятель. Глава ряда либеральных кабинетов в царствование королевы Виктории. Один из поборников английского влияния и колониального могущества. Поддерживал в Европе революционное движение в 1848 г. и позднее, стремясь тем ослабить континентальные державы. Это не помешало ему в то же время питать склонность к Наполеону III и поддерживать его, в особенности в первый период его господства.

Паттерсон — генерал северян. В начале гражданской войны командовал отрядом в долине р. Шенандоа.

Пембертон (1814—1881) — генерал конфедератов. Известен своими операциями под Виксбёргом в тылу у Гранта, в мае 1862 г.

Перри Коммодор (1794—1858) — известный американский военный моряк и

путешественник. В 1853 г. он заключил от имени США первый договор между Японией и государствами западно-европейской культуры.

Пиллоу — генерал конфедератов, разбитый Грантом в самом начале войны, во время переправы через Миссисипи, у Колумбуса. Сдал Гранту вместе с Флойдом форт Донельсон.

Полибий — греческий историк, родился между 210 и 208 гг. до н. э., умер в 127 г. до н. э. Автор Всеобщей истории в сорока томах, из которых полностью сохранились лишь пять. Его история считается одним из глубочайших и документально наиболее насыщенных трудов древности.

Польк Леонидас (1806—1864) — американский протестантский епископ. Как только разразилась война, вступил на военную службу. Генерал-лейтенант конфедератов и яростный сторонник рабовладельцев. Убит в бою под Мариеттой 14 апреля 1864 г.

Поп (1822—1892) — генерал-майор северян. Отличился в боях при Миссури и в Кентукки. Однако, когда получил самостоятельное командование над «Виргинской армией», не оправдал надежд и возбудил к себе нелюбовь и недоверие солдат. Оставил после себя труд «Виргинский поход».

Портер Горас (1837—1921) — генерал и дипломат северян, командовал тремя дивизиями в «Семидневном сражении» (против генерала Ли к северу от р. Чикахомини). В 1864 г. был назначен адъютантом генерала Гранта. Когда Грант был избран президентом, Портер стал его секретарем. Впоследствии был долгое время послом США в Париже. Был затем членом американской делегации на Гаагской мирной конференции.

Поттер (1813—1899) — генерал северян, командовавший дивизией во время боев у Питерсбёрга.

Потсдамский Вахтпарад — церемония развода караулов, ставшая классической церемонией милитаризма вообще, а прусско-германского в особенности.

Прайс (1809—1867) — генерал конфедератов, действовавший в Миссури. Известен своими удачными операциями в первой стадии сражения под Лексингтоном. После войны эмигрировал на некоторое время в Мексику.

Пуритане — секта английских и шотландских пресбитерианцев-протестантов, созданная в XVI в. Ноксом, последователем Кальвина. Пресбитерианцы не признавали епископской иерархии англиканской церкви. До английской революции 1640—1660 гг. пуритане подвергались преследованиям сторонников англиканской церкви и королевской власти, в особенности при Стюартах, и массами эмигрировали в Северную Америку. Отсюда — пуританизм коренных американцев и суровые нравы первых колонизаторов США.

Р

Райт — генерал северян, корпусный командир и заместитель кавалерийского генерала Шеридана в октябре 1864 г.

Республиканцы и демократы — партия южан-рабовладельцев называлась «демократической», подчеркивая этим свои федералистические тенденции, в противовес северянам-республиканцам, стремившимся создать более централизованное государство и являвшимся противниками сохранения рабства (аболиционистами). Демократы были большей частью землевладельцами, а идеи республиканцев были больше распространены среди промышленников, горожан и мелких фермеров севера. В то время как в южной федерации участвовала только одна единая партия — демократическая в коалиции северян (союзе) участвовали и демократы (умеренные сторонники рабства) и республиканцы (противники рабства). Первые, понятно, были сторонниками соглашения с югом и прекращения «братоубийственной» войны. Однако, республиканцев, возглавляемых президентом Линкольном, было большинство, и им удалось хоть и не без ожесточенной внутренней борьбы настоять на доведении войны с южанами до победного конца. Правда, борьба двух партий в Конгрессе временами отзывалась на ведении войны и приводила к раздорам в командном составе (в частности с генералом Мак-Клелланом — членом партии демократов). Демократы-южане назывались во время войны «конфедератами», так как образовали конфедерацию, т. е. союз для борьбы с северянами, сторонниками единого союза «Унион», а потому называвшихся также «унионистами». К конфедерации южан примкнули следующие отколовшиеся от единого союза («Унион») штаты: Южная Каролина, Георгия, Алабама, Флорида, Луизиана, Виргиния, Техас, Арканзас и Северная Каролина. Штаты Тенесси и Кентукки не проявляли единодушия в этом вопросе, и ради окончательного привлечения их на свою сторону все время велась ожесточенная борьба между южанами и северянами.

Риккерт — дивизионный генерал конфедератов.

Ричмондское правительство. Ричмонд — город в штате Виргиния, столица Конфедерации южан, местопребы-

вание президента конфедерации Джефферсона Дэвиса.

Розкранс, Вильям Старк (1819—1898) — американский генерал и государственный деятель. Окончил Вест-Пойнтскую военную академию. В 1843—1847 гг. был преподавателем этой академии. Стоял во главе ряда крупных армий республиканцев. Известен главным образом своими неудачными сражениями (в особенности см. поражение под Чикамауга). Депутат Конгресса в 1881—1885 гг.

Росбах — деревня в Саксонии, в сражении под которой король прусский Фридрих II разбил в 1757 г. (во время Семилетней войны) французов.

С

Седжвик Джон (1813—1864) — республиканский генерал, воспитанник Вест-Пойнтской академии. Командовал на Потомаке второй армией, подчиненной Хукеру. Убит в начале сражения при гор. Спотсилвания.

Сизифов труд. Сизиф, сын Эола, Коринфский царь, который, по мифологии, был принужден после смерти за свою жестокость вечно втаскивать тяжелый камень на вершину горы, с которой этот камень беспрестанно сваливался. Синоним бесконечной, тяжелой и неблагодарной работы.

Сикклз Даниель — республиканский генерал, командир одного из корпусов Потомакской армии Хукера. Под Геттисбёргом потерял ногу и служил затем на тыловых должностях.

Скауты — разведчики и даже шпионы. В условиях американской жизни тех времен скауты первоначально были разведчиками-следопытами или дозорными в лесах, выслеживавшими логовища диких зверей и выбиравшими места, пригодные для поселения кочующих колонистов.

Смит Кирби — генерал конфедератов (1824—1893). Командовал крупными соединениями, в частности во время боев за Кемберлендский перевал в Кентукки. Кирби Смит со своим отрядом был последним, положившим оружие в 1865 г. После войны занимал ряд ответственных постов в торговых фирмах, а затем неоднократно назначался ректором высших учебных заведений.

Сольферино — деревня близ Мантуи (Северная Италия). Под Сольферино французы, предводительствуемые лично Наполеоном III, одержали 24 июля 1859 г. победу над австрийцами. После этой победы французов 12 июля 1859 г. был заключен мир, формально положивший начало освобождению Италии от австрийского владычества и ее объединению.

Спенсера карабин, предложенный им в 1860 г. — первый образец магазинного огнестрельного оружия, введенный в войсках. Недостаток этого карабина тот, что из него можно было стрелять только автоматическим огнем, т. е. нельзя было производить одиночных выстрелов.

Средний запад — Midwest. Так американцы называют территории к западу от первоначальных тринадцати штатов, составлявших США, приобретенные после войны с Англией, по договору 1783 г., и у Франции в 1803 г. (эти территории состоят из штатов Миннесота, Айова, Миссури, Арканзас, Луизиана, Мичиган, Охайо, Висконсин, Иллинойс, Индиана, Кентукки, Тенесси, Алабама и Миссисипи).

«The Star Spangled Banner» — «Усеянное звездами знамя», т. е. американский национальный флаг — американский национальный марш. «Hail Columbia» — «Да здравствует Колумбия» — другой американский национальный марш.

Стонмен (1822—1894) — генерал северян, командовавший в апреле 1863 г. кавалерией Потомакской армии под верховным руководством генерала Хукера. Впоследствии был губернатором Калифорнии (1883—1887 гг.).

Стэнтон (1814—1869) — американский государственный деятель — республиканец. С 1862 по 1867 г. — военный министр центрального правительства в Вашингтоне.

Стюарт Джемс (1783—1864) — кавалерийский начальник у конфедератов. Полковник — во время первого сражения у Булль-Рёна, вскоре произведенный в генералы за боевые заслуги. Стюарт был убит у Иеллоу-Инн 10 мая 1864 г. в бою с войсками Шеридана.

Сульт (герцог Далмации) (1769—1851) — генерал французской республиканской армии, а затем маршал Франции, возведенный в это звание Наполеоном I.

Т

Томас (1816—1870) — выдающийся генерал северян. Отличился с самого начала гражданской войны (в 1861—1862 гг.) в боях за Миссури, Кентукки и Тенесси. Герой боя у Чикамауга и был прозван за свою непоколебимость в этом бою «Рокк оф Чикамауга», т. е. «скала Чикамауга». В тех боях, где ему были предоставлены неограниченные права главнокомандующего, —

Спрингс-Милл, Нашвилл, — он одержал блестящие победы. Пользовался большой популярностью среди солдат.

У

Уайтинг — полковник армии конфедератов, участник боя у Дрюрис-Блафф, к северу от Питерсбёрга.

Уилер (1836—1906) — кавалерийский полковник, а затем генерал конфедератов, участник сражения на Стон-Ривер.

Уэльслей, Джозеф Гарнет, виконт — английский фельдмаршал (1833—1914). Отличился в колониальных походах, в частности в Гвинее (Западная Африка), Зулулэнде (Южная Африка) и Египте. Считался в английских военных кругах прошлого столетия крупным военным авторитетом.

Уоллос (1827—1905) — генерал армии северян и писатель. Задержав наступление генерала конфедератов Эрли, он спас тем самым в 1864 г. Вашингтон от захвата его южанами. Был председателем следственной комиссии над генералом Бьюэллом и другими конфедератами, а также над убийцами президента Линкольна. Известный писатель. Его основные труды: «Русоволосый бог», История завоевания Мексики» и «Бен Гур».

Ф

Фаррагут (1801—1870) — адмирал северян. Несмотря на свои семейные связи с конфедератами, Фаррагут остался верен долгу и немедленно после начала войны предоставил себя в распоряжение вашингтонского правительства. Известен тем, что, впервые пользуясь мониторами (броненосными судами), форсировал устье р. Миссисипи и захватил в 1862 г. Нью-Орлеан. Успешно оперировал на р. Миссисипи против Виксбёрга, во время штурма его Грантом с суши. В 1864 г. форсировал вход в последний порт конфедератов Мобил. Первый американский адмирал.

Флойд (1807—1863) — политический деятель и бригадный генерал конфедератов. Известен тем, что вместе с Пиллоу сдал форт Донельсон Гранту.

Фогель фон-Фалькенштейн (1797 — 1885) — германский генерал, начальник штаба прусско-австрийской армии во время датской кампании 1864 г. Командовал прусскими войсками, действовавшими в 1866 г. против западно-германских войск — союзников австрийцев (Майнский поход). Он заставил ганноверцев капитулировать и выиграл баварскую кампанию.

Форрест (1821—1877) — один из наиболее блестящих кавалерийских командиров гражданской войны, наряду со Стюартом и Шериданом. Сражался на стороне конфедератов. Особенно прославился захватом в плен целой бригады северян после пятидневного непрерывного похода.

Франклин Вильям (1823—1903) — один из командующих генералов Потомакской армии (северян). Известен также тем, что генерал Бёрнсайд обвинил его в недисциплинированности во время сражении у Фредериксбёрга и добился его временного отстранения.

Фремонт Джон — американский ученый-путешественник, генерал и политический деятель, командовавший в 1861 г. войсками северян в Миссури. Вследствие интриг был одно время отстранен от командования, затем восстановлен Грантом. Фремонт один из первых обследовал и открыл для колонизации весь запад США (Калифорния и пр.). Он известен главным образом не как генерал, а именно как путешественник, исследователь и географ, освоивший Америку.

Фридрих II, король Прусский (1712—1786). Вступил на престол в 1740 г. Стремясь к территориальному увеличению Пруссии за счет соседей, вовлек ее в Семилетнюю войну, вступив в борьбу против Австрии, Франции и России. Русские, под командованием Салтыкова, разбили его под Куннерсдорфом в 1759 г. Фридрих II присоединил к Пруссии Силезию и часть Польши (после ее первого раздела).

Х

Халлек Генри (1815—1872) — генерал северян и государственный деятель. Сначала был главнокомандующим армией северян в Миссури. Затем был главнокомандующим попеременно на всех основных фронтах. После ряда военных неудач был заменен Грантом и назначен начальником Генерального штаба в Вашингтоне, на каковом посту проявил недюжинные способности. В 1865 г. он выдвигался республиканской партией в кандидаты в президенты. Был опытным военным администратором, но плохим стратегом. Известен также и как военный писатель. Его труд «Elements of military art and Science».

Харден — генерал конфедератов.

Харди Виллиам (1815—1873) — генерал конфедератов. Особенно отличился в бою у Шило. Бывший кадровый военный. Приняв командование над армией Тенесси, после Брагга, он, однако, не удержался на этом посту. За другие заслуги был впоследствии произведен в генерал-лейтенанты конфедератов.

Хилль Амброзиус (1825—1865) — генерал конфедератов. Убит в сражении под Питерсбёргом 2 апреля 1865 г. Пользовался очень высокой репутацией у обеих сторон за свое умение руководить боем. Считался выдающимся тактиком.

Хилль Даниель (1821—1889) — генерал конфедератов и военный писатель. Бывший профессор математики. Считался одним из лучших дивизионных командиров у южан. Был впоследствии ректором университетов в Арканзасе и в Георгии.

Хэнтер — генерал северян. Заменил в бою у Нью-Маркета Зигеля и вел неудачную блокаду Линчбёрга, известен также разграблением Лексингтона.

Хайс Рутерфорд (1822—1893) был избран президентом США в 1875 г., сменив на этом посту генерала Улисса Гранта. Генерал северян и крупный государственный деятель. Известен тем, что сумел умиротворить Юг, еще долгое время после гражданской войны не успокаивавшийся в своей вражде к северу.

Хоуард Оливер (1830—1909) — генерал северян, был дважды ранен, потерял правую руку в сражении у «Севн-Пайнз». Хоуард был впоследствии крупным республиканским общественным деятелем и писателем.

Хуарец Бенито Пабло (1806—1872)— президент Мексики с 1858—1863 и с 1867—1872 гг. Борец за независимость Мексики и вождь мексиканских республиканцев. Во время авантюры Наполеона III борьбу Хуареца против императора Максимилиана I поддерживало правительство США, в Вашингтоне. Один из крупнейших государственных деятелей Мексики.

Худ Джон Белл (1831—1870) — генерал-лейтенант армии конфедератов. Один из выдающихся военачальников гражданской войны. Пользовался репутацией смелого и решительного полководца. После войны ушел в частную жизнь. Написал воспоминания о гражданской войне «Наступление и отступление».

Ц

Юлий Цезарь — римский полководец и государственный деятель (101—44 г. до н. э.). Считается одним из величайших полководцев древности. В 59 г. до н. э. был избран консулом и покорил Галлию. Вошел в состав триумвирата, правившего римским государством (вместе с Помпеем и Крассом). Вскоре, однако, разошелся с Помпеем и разбил его в битве под Фарсалом. После этого правил государством в качестве диктатора и первый принял титул императора. Цезарь был убит на заседании сената в Риме Брутом, в результате заговора против него патрициев, тяготившихся его властью. Имя его сделалось синонимом великого завоевателя и диктатора. Цезарь — автор всемирно известных «Комментариев о Галльской войне» и «Комментариев о гражданской войне».

Цолликофер — генерал конфедератов, убитый в самом начале войны.

Ч

Читэм — дивизионный генерал армии конфедератов, наступавшей под командованием Брагга на Охайо.

Ш

Шеридан Филипп (1831—1888)—один из выдающихся кавалерийских генералов северян. После войны командовал на мексиканской границе и поддерживал мексиканских республиканцев в их борьбе против Максимилиана I и французов. Сопровождал прусскую главную квартиру во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.

Шерман Вильям (1820—1891) — один из крупнейших генералов северян и ближайших помощников генерала Гранта. Считается одним из самых талантливых генералов, выдвинутых в гражданской войне. Особенно известен его Каролинский поход и захват Атланты, во главе стотысячной армии. Долгое время (до 1884 г.) был главнокомандующим американской армии.

Шип — полковник и профессор. Начальник Виргинской Лексингтонской академии (конфедерат).

Шпихерн под Саарбрюкеном — сражение от 6 августа 1870 г. В этом сражении V германская армия под командой генерала фон-Штейнмеца атаковала 2-й французский армейский корпус генерала Фроссара и принудила его к отступлению. Этот тактический успех позволил Мольтке, по его собственному заявлению, установить контакт с главными французскими силами и принять нужные решения.

Шурц Карл — генерал северян. Командовал дивизией в сражении у Чанселлорсвилла. Бывший участник баденского восстания 1849 г. Военный писатель.

Э

Эрли Джубаль Андерсон (1816—1894) родом из Виргинии. Один из наиболее выдающихся генералов армии конфедератов. Эрли написал труд «A memoir

on the last year of the War» (Записка о последнем годе войны). Эрли был решительным противником братоубийственной войны, но счел долгом подчиниться решению правительства своего штата. 11 июля 1864 г. Эрли чуть было не захватил с налета Вашингтон. После гражданской войны эмигрировал в Канаду, вернувшись в США, в политической жизни уже больше не участвовал.

Я

«Янки» — ироническое прозвище, данное первоначально англичанами коренным обитателям США. Позаимствовано от произношения индейцами слова «инглиш», т. е. «англичанин». Прозвищем «янки» южане обозначали северян.

Ю

Юэлл Ричард Стоддарт — генерал-лейтенант в армии конфедератов.

ПЕРЕЧЕНЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ,

встречающихся в тексте VII тома труда Дельбрюка «История военного искусства в рамках политической истории»

А

Адэрсвилл, город в шт. Георгия на жел. дор. Чаттануга — Атланта

Аквиа-Крик-Лендинг, пристань на р. Потомак в шт. Виргиния

Алабама, штат

Алди, городок в шт. Виргиния

Александрия, город на р. Потомак близ гор. Вашингтона

Александрия, гор. на Южной Ред-Ривер в шт. Луизиана

Аллатуна, станция на жел. дор. Клевеленд — Атланта в шт. Георгия

Аллехени, горная цепь, тянущаяся на протяжении 2 000 *км* параллельно Атлантическому океану

Андерсонвилл, близ гор. Мэйкон, город в шт. Георгия

Анна (Риверс), реки Северная и Южная Анна, притоки р. Памэнки в шт. Виргиния

Антитэм, река, протекающая по штатам Пенсильвания и Мэриленд

Аппоматокс, река, приток р. Джеймс в шт. Виргиния

Арканзас, штат

Арлингтон Хэйтс (горы) на р. Потомак, к северу от р. Буль-Рён в шт. Виргиния

Атланта, город в шт. Георгия

Ачворт, город в шт. Георгия на жел. дор. Клевеленд — Атланта

Б

Балтимора, город в шт. Мэриленд

Бардстоун, город в шт. Кентукки, близ Луизвилла на р. Охайо

Бейкер, речка, впадает в Биг-Блек-Ривер (см. ниже)

Бельмонт, город на р. Миссисипи в шт. Миссури

Бенк-Форд, переправа близ Фредериксбёрга в шт. Виргиния

Бентонвилл, город в шт. Арканзас

Бермуда-Хандред, город на р. Джеймс

Бивер-Дэм, ручей, приток р. Чикахомини в шт. Виргиния

Биг-Блек-Ривер, река, впадает в р. Миссисипи

Биг-Шенти, станция на жел. дор. Клевеленд — Атланта в шт. Георгия

Блекбёрн-Ферри, переправа через р. Буль-Рён, близ гор. Манассас, в шт. Виргиния, место авангардного боя 18 июля 1861 г.

Блумфильд, город в шт. Кентукки

Блу-Ридж (Синий кряж), горы в шт. Виргиния

Бойдтон, город в шт. Виргиния

Боулинг-Грин, город в шт. Кентукки

Брайентсвилл, город в шт. Кентукки

Бриджпорт, город на р. Тенесси в шт. Алабама

Бристо, город и станция близ гор. Манассас в шт. Виргиния

Брод-Френч-Ривер, река, приток р. Холстон, на которой расположен гор. Ноксвилл в шт. Тенесси

Броунс-Ферри, переправа через р. Тенесси на запад от гор. Чаттануга в шт. Тенесси

Бруклин, пригород гор. Нью-Йорка

Брюинсбёрг, местечко в шт. Миссисипи

Буль-Рён, река в шт. Виргиния. На этой реке происходили два сражения — в 1861 и 1862 гг.

Буль-Рён, горы в шт. Виргиния

Бунсборо, мост и город в шт. Мэриленд

Бурквил, город на Южно-Виргинской жел. дор.

Бьютифул-Окс, урочище (Красивые дубы), поле сражения от 1 июня 1862 г., близ Ричмонда (см. Фер-Окс)

В

Вашингтон, столица США на р. Потомак
Велдон или Уэлдон, город в шт. Северная Каролина
Версаль, город в шт. Кентукки
Вест-Пойнт, местечко у впадения р. Памэнки в р. Йорк в шт. Виргиния, местопребывание Военной академии
Виксбёрг, город на р. Миссисипи в шт. Миссисипи, место победы Гранта 3 июля 1863 г.
Вилсон, ручей близ Спрингфилда в шт. Миссури
Винчестер, город в шт. Виргиния
Виргиния (Вирджиния), штат
Виргинская центральная железная дорога

Г

Гадсдэн, город на р. Куза в шт. Алабама
Гальвестон, город в шт. Техас
Гаррисон-Лендинг, пристань на р. Джеймс в шт. Виргиния
Гейлсвилл, город в шт. Алабама
Гейнсборо, город в шт. Тенесси
Георгия, штат
Геттисбёрг, город в шт. Пенсильвания
Глазго, город в шт. Кентукки
Голдсборо, город в шт. Северная Каролина
Гордонсвилл, город в шт. Виргиния на жел. дор. из Вашингтона в Линчбёрг
Гранд-Голф, местечко на р. Миссисипи в штате того же наименования
Грейт-Кеноуа, река, на которой стоит гор. Чарлзтон в шт. Западная Виргиния
Гринап, город на р. Охайо
Гринвуд, город в шт. Пенсильвания
Гринсборо, город в шт. Северная Каролина

Д

Дак, река, впадает в р. Тенесси в шт. Тенесси
Далтон, город в шт. Георгия
Декатур, город в шт. Георгия, близ г. Атланта
Декатур, город в шт. Алабама, на р. Тенесси
Делавэр, штат
Джексон, город в шт. Миссисипи
Джеймс, река в шт. Виргиния
Дик-Робинсон-Кэмп, склад к югу от Лексингтона в шт. Кентукки
Дип-Боттом, местечко близ гор. Ричмонд в шт. Виргиния
(Доктор) Гейнс-Милл, местечко близ Ричмонда в шт. Виргиния
Доктор-Крик, речка у Перривилла в шт. Кентукки
Доудэлс-Инн, местечко на р. Раппаханок в шт. Виргиния
Дрюрис-Блаф, урочище близ Ричмонда в шт. Виргиния
Дэнвилл, город в шт. Кентукки

З

Западная Виргиния, штат

И

Иеллоу-Инн, местечко к северу от гор. Ричмонда в шт. Виргиния
Иллинойс, штат
Индейцев территория, округ
Индиана, штат
Йорк, город в шт. Пенсильвания
Йорк, река в шт. Виргиния
Йорк-Таун, город в шт. Виргиния
Ист-Пойнт, станция близ гор. Атланты в штате Георгия

К

Каиро на р. Охайо, город в шт. Миссури
Калпепер, городок в шт. Виргиния
Картерсвилл, город на жел. дор. Клевеленд — Атланта в шт. Георгия
Касвилл, городок в шт. Георгия
Катаринас-Фэрнэс, заводы на р. Раппаханок в шт. Виргиния
Катарпен-Крик, речка близ р. Буль-Рён в шт. Виргиния
Каштаун, город в шт. Пенсильвания
Кемберленд, город в шт. Пенсильвания
Кемберленд, плато в шт. Тенесси
Кемберленд, река, протекает через штаты Кентукки и Тенесси, впадает в р. Тенесси
Кемберлендские горы в шт. Виргиния
Кемберлендский перевал в шт. Виргиния
Кемпбеллтоун, на р. Чатахучи в шт. Георгия
Кеноуа, река, см. р. Грейт-Кеноуа
Кеннесоу, гора близ Атланты в шт. Георгия
Кентукки, река
Кентукки, штат
Кернстоун, город в шт. Виргиния
Кингстон, город и узловая станция на жел. дор. Клевеленд — Атланта в шт. Георгия
Китсвилл, город в шт. Миссури
Кладбищенский холм близ Геттисбёрга
Кладбищенский холм (см. Семтери-Хилл) под Питсбёргом в шт. Виргиния
Клевеленд, город в шт. Тенесси
Клинтон, городок в шт. Миссисипи близ Виксбёрга
Колумбия, на р. Дак, город в шт. Тенесси

Колумбус, город в шт. Георгия
Колумбус, город в шт. Охайо
Колхаун, городок на жел. дор. Кливеленд — Атланта в шт. Георгия
Колд-Харбор, местечко близ Ричмонда в шт. Виргиния
Коринф, город в шт. Миссисипи
Кросс-Роудс, городок в шт. Южная Каролина
Кремпс-Лендинг, порт на р. Тенесси
Куза, река в шт. Георгия
Кэйв-Сити, город в шт. Кентукки

Л

Лафайетт, местечко в шт. Тенесси, близ гор. Чаттануга
Лебанон, город в шт. Кентукки
Лексингтон, город в шт. Виргиния
Лексингтон, город в шт. Кентукки
Лексингтон, город в шт. Миссури
Лик, ручей, впадает в р. Тенесси
Линчберг, город в шт. Виргиния
Лоуренсберг, город в шт. Кентукки
Луиза-Таверн, ст. на Центральной Виргинской жел. дор.
Луизвилл, город в шт. Кентукки
Луизиана, штат
Лукаут-Валлей, долина; Лукаут-Крик, речка; Лукаут-Маунтейн, гора — близ гор. Чаттануга в шт. Тенесси

М

Мак-Коннельсбёрг, город в шт. Пенсильвания
Маленькая Круглая высота (Литль Раунд Топ) близ Геттисбёрга
Манассас, город близ Вашингтона в шт. Виргиния
Манассас, ущелье в шт. Виргиния
Манчестер, город близ Ричмонда в шт. Виргиния
Мартинсбёрг, город в шт. Виргиния
Массапонакс, река, приток р. Раппаханок в шт. Виргиния
Маттапони, река, приток р. Йорк в шт. Виргиния
Маунт-Джексон, город в шт. Виргиния на р. Северная Шенандоа
Мексиканский залив
Мелликенс-Бенд, изгиб на левом берегу р. Миссисипи
Мельничный мост через речку Оуль на р. Тенесси
Мемфис, город в шт. Миссури
Менфордвилл, город в шт. Кентукки
Мерфризборо, город в шт. Тенесси
Мессенутан, горы между рр. Северная и Южная Шенандоа в шт. Виргиния
Мидлтаун, город в шт. Виргиния
Миссионари-Ридж, горы к югу от гор. Чаттануга в шт. Тенесси
Миссисипи, река
Миссисипи, штат
Миссури, река
Миссури, штат
Мобил, порт в шт. Луизиана
Моккасин, полуостров у гор. Чаттануга в шт. Тенесси
Монокаси, река, приток р. Потомака в шт. Виргиния
Монгомери, город в шт. Алабама
Мотт-Брук, ручей, впадающий в р. Рапидан в шт. Виргиния
Мэйкон, город в шт. Георгия
Мэриленские высоты в шт. Мэриленд
Мэриленд, штат
Мэлверн-Хилл, холм и урочище на р. Джеймс близ гор. Ричмонд
Мэрион, город в шт. Виргиния
Мэри-Хилл, холм близ гор. Фредериксбёрга в шт. Виргиния

Н

Натчез, город в шт. Миссисипи
Нашвилл, город на р. Кемберленд в шт. Тенесси
Ноксвилл, город в шт. Тенесси
Норт-Анна-Ривер (см. рр. Анна)
Норфольк, порт в шт. Виргиния
Нью-Йорк, город в шт. Нью-Йорк
Нью-Картейдж, город на р. Миссисипи в шт. Миссисипи
Нью-Мадрид, город на р. Миссисипи в шт. Миссури
Нью-Маркет, местечко близ рр. Буль-Рён и Шенандоа в шт. Виргиния
Нью-Орлеан, главный город шт. Луизиана
Нью-Ривер-Бридж, переправа на р. Джеймс
Нью-Хоп, церковь близ гор. Касвилл в шт. Георгия

О

Огаста, город в шт. Георгия
Олд-Таверн, местечко близ г. Ричмонд в шт. Виргиния
Опекон, ручей в шт. Виргиния
Орандж, город в шт. Виргиния
Орандж-Таверн, ст. на жел. дор. Вашингтон — Линчбёрг в шт. Виргиния
Остров № 10 на р. Миссисипи в шт. Миссури
Оуль, ручей, впадает в р. Тенесси
Охайо, река
Охайо, штат
Ошиола, город на р. Миссисипи в шт. Тенесси

П

Падьюка, город в шт. Кентукки
Памэнки, река, приток р. Йорка в шт. Виргиния
Пайп-Бруж, речка в шт. Мэриленд, впадает в приток р. Потомака реку Монокаси
Палметто, город в шт. Георгия близ гор. Атланты
Паркерсбёрг, город в шт. Кентукки

Пенсильвания, штат
Перривилл, город в шт. Кентукки
Пикет-Милл, ферма мельника Пикета близ Касвилла в шт. Георгия
Питерсбёрг, город в шт. Виргиния близ Ричмонда
Питсбёрг-Лендинг, город и пристань на р. Тенесси в шт. Тенесси
Пич-Три, ручей (Пфирзих баум, или Персиковая речка в шт. Георгия)
По (Ривер), река, приток р. Маттапони в шт. Виргиния
Порт-Гудзон, город на р. Миссисипи в шт. Луизиана
Порт-Роял, город на р. Раппаханок в шт. Виргиния
Порт-Уолталл, город в шт. Виргиния
Потомак, река в шт. Виргиния
Пуласки, город в шт. Тенесси
Пьедмонт, ж.-д. станция в шт. Виргиния

Р

Ракун, горы близ гор. Чаттануга в шт. Тенесси
Рапидан, ручей, приток р. Раппаханок в шт. Виргиния
Рапидан, город в шт. Виргиния
Раппаханок, река в шт. Виргиния
Резака, станция на жел. дор. Клеве-ленд — Атланта в шт. Георгия
Рим, город в шт. Георгия.
Рингольд, городок на жел. дор. Чаттануга — Далтон в шт. Тенесси
Рио-Гранде-дель-Норте, река, впадающая в Мексиканский залив
Ричмонд, столица шт. Виргиния и Конфедерации южан
Ричмонд-Уэлдонская железная дорога (от Ричмонда через Питерсбёрг на Уэлдон)
Ричмонд, город в шт. Кентукки
Роки-Спрингс, городок в шт. Миссисипи на р. Биг-Блек-Ривер
Роки-Фэйс, станция на жел. дор. Чаттануга — Далтон в шт. Георгия
Рокфиш, ущелье в шт. Виргиния
Ролла, город в шт. Миссури

С

Саванна, город близ гор. Коринфа в шт. Тенесси
Саванна, город в шт. Георгия
Саванна, река, отделяющая шт. Георгия от шт. Южная Каролина
Салем, город близ гор. Вашингтона
Салем, станция на жел. дор. Линчберг—Ноксвилл в шт. Виргиния
Салем, церковь, там же
Саут-Маунтейнс (Южные горы) в шт. Мэриленд
Саут-Чикамауга, река, см. р. Западная Чикамауга
Саут-Сайд, железная дорога в шт. Виргиния
Свифт-Крик, река, приток р. Джеймс в шт. Виргиния, близ Ричмонда
Северная Каролина, штат
Севн-Пайнз, урочище («Семь сосен») близ Ричмонда в шт. Виргиния, место ожесточенных боев 31 мая 1862 г.
Седар, ручей, впадает в р. Буль-Рён в шт. Виргиния
Селма, город в шт. Алабама
Семтери-Хилл (см. Кладбищенский холм)
Сент-Луис, город в шт. Миссури на р. Миссисипи
Сентревилл, местечко в шт. Виргиния
Синсиннати, город в шт. Охайо
Сити-Пойнт, город на р. Джеймс в шт. Виргиния
Смит-Крик, речка, приток р. Северная Шенандоа в шт. Виргиния
Смитс-Ферри, станция жел. дор. и переправа через р. Биг-Блек-Ривер в шт. Миссисипи
Снейк, речка или ручей, впадает в р. Тенесси
Снейк-Крик, речка близ Далтона в шт. Георгия
Солтвилл, город в шт. Виргиния
Сперривилл, город в шт. Виргиния
Спотсилвания, городок в шт. Виргиния
Спотсилвания-Таверн, мест. в шт. Виргиния.
Спрингс-Милл, поле сражения в шт. Кентукки
Спрингфилд, город в шт. Миссури
Стаффорд, город в шт. Виргиния
Стаффорд-Хэйтс, высоты в шт. Виргиния
Стенфорд, город в шт. Кентукки
Стивенсон, город в шт. Алабама
Стоноук-Ок (Дубовое болото), урочище близ г. Ричмонд в шт. Виргиния
Стон-Ривер, река в шт. Тенесси
Стоунтон, город в шт. Виргиния
Страсбург, город близ р. Буль-Рён в шт. Виргиния

Т

Таннерс-Ферри, переправа через р. Куза, в шт. Георгия
Татопотоми, река, приток р. Памэнки в шт. Виргиния
Техас, штат
Тенесси, река
Тенесси, штат
Тилтон, городок на жел. дор. Клеве-ленд — Атланта в шт. Георгия
Торофер, ущелье в шт. Виргиния
Тревильян, город на Центральной Виргинской жел. дор.
Тупело, город в шт. Миссисипи
Тускалуза, город в шт. Алабама
Тускамбия, город близ Декатура в шт. Алабама
Тьюллахома, город в шт. Тенесси

Тэйбернакль, церковь близ Чанселлорсвилла на р. Раппаханок в шт. Виргиния
Тэйлорсвилл, город в шт. Кентукки

У

Уайтвилл, свинцовые рудники в шт. Виргиния
Уайт-Ок-Мур (болото) близ р. Чикахомини в шт. Виргиния, место боев 31 мая и 1 июня 1862 г.
Уайт-Хауз, белый дом, селение и переправа на р. Памэнки в шт. Виргиния (не смешивать с резиденцией президента США в Вашингтоне «Белый дом»)
Уилдернесс-Инн близ Чанселлорсвилла, поле двухдневного сражения в 1863 г.
Уилкокс-Лендинг, урочище на берегу р. Джеймс в шт. Виргиния
Уилмингтон, город и порт в шт. Северная Каролина
Уильямспорт, город на р. Потомак, в шт. Виргиния
Уолден-Ридж, цепь холмов в штате Тенесси
Уолтхолл, ж.-д. станция близ гор. Питсбёрг в шт. Виргиния
Уоррентон, городок в окрестностях гор. Манассас в шт. Виргиния.
Уэйнсборо, гор. в шт. Виргиния, близ ущелья Рокфиш

Ф

Файетвилл, городок в шт. Пенсильвания
Фалмут, город на р. Раппаханок в шт. Виргиния
Ферма Генри, Ферма Догана, Ферма Монро — хутора, вокруг которых развернулось второе сражение на р. Буль-Рён 29 августа 1862 г.
Ферма Поссенбергер в Мэриленде
Ферма Робинсона (см. выше, второе сражение на р. Буль-Рён)
Фер-Окс (Красивые дубы), поле сражения от 1 июня 1862 г. на р. Чикахомини (см. Бьютифул-Окс)
Филадельфия, главный город шт. Пенсильвания
Фишер-Хилл у р. Опекон, шт. Виргиния, место сражения 22 сентября 1864 г.
Флоренс, город на р. Тенесси в шт. Алабама
Форт Гаррисон, городок близ Ричмонда в шт. Виргиния
Форт Генри, в шт. Кентукки
Форт Донельсон, в шт. Кентукки
Форт Монро, порт в устье р. Потомак в шт. Виргиния
Форт Пиллоу, на р. Миссисипи, в шт. Тенесси
Форт Стедман, под гор. Питерсбёргом в шт. Виргиния
Франклин, город на р. Харпет в шт. Кентукки
Франкфорт, город в шт. Кентукки
Фредериксбёрг, город в шт. Виргиния на р. Раппаханок
Фронт-Роял, город на р. Шенандоа в шт. Виргиния
Фэрфекс-Инн, городок под Вашингтоном

Х

Хановер-Джанкшен, Хановер-Инн, Хановер-Таун — станции и городок в шт. Виргиния на р. Памэнки
Харперс-Ферри, город и переправа в шт. Виргиния
Харпет, река, впадает в р. Кемберленд в шт. Тенесси
Харродсбёрг, город в шт. Кентукки
Хейдерсбёрг, город в шт. Пенсильвания
Хемптон, город в шт. Виргиния, близ форта Монро
Хемптон-Родс, водный путь между устьем р. Джеймс и заливом Чезапик
Хетчер-Крик, ручей близ Питерсбёрга в шт. Виргиния
Хечерстаун, город в шт. Мэриленд
Холстон, река в шт. Тенесси
Хопуэлл, город и перевал в шт. Виргиния

Ч

Чанселлорсвилл, город в шт. Виргиния
Чарлотсвилл, город в шт. Виргиния
Чарлзтон на р. Кеноуа, город в шт. Западная Виргиния
Чарлзтон на восточном побережье порт и главный город шт. Южная Каролина
Чатахучи, река в шт. Георгия
Чаттануга, город на р. Тенесси, в шт. Тенесси, и река, впадающая в р. Тенесси
Чезапик, залив, куда впадает р. Потомак и остальные реки шт. Виргиния (Джеймс, Йорк)
Чезарпин, речка, приток р. Буль-Рён
Чемберсбёрг, город в шт. Пенсильвания
Чемпион-Хилл, холм близ Виксбёрга
Честер, ущелье в Западной Виргинии
Чикаго, главный город шт. Иллинойс
Чикамауга Западная, а также Южная (реки), притоки р. Тенесси, а также город и ж.-д. станция в шт. Тенесси
Чикасоу, река, приток р. Миссисипи
Чикахомини, река, приток р. Джеймс в шт. Виргиния

Ш

Шарпсбёрг, город в шт. Мэриленд
Шелбвилл, город в шт. Кентукки
Шелбвилл, город в шт. Тенесси, на р. Дак

Шенандоа, река, приток р. Потомака, в шт. Виргиния
Шепердстаун, город в шт. Кентукки
Шило, церковь, поле сражения на р. Теннесси в шт. Тенесси

Э

Эдуардс, станция-склад на жел. дор. Виксбёрг — Джексон
Эдуардс-Ферри, переправа на р. Потомак близ Вашингтона
Эзра, церковь близ города Атланта в шт. Георгия
Элкхорн-Таверн, место, где происходило сражение 7 марта 1862 г., близ Спрингфилда в шт. Миссури

Ю

Южная Каролина, штат
Юнгс-Бранч, приток р. Буль-Рён (см. первое сражение на р. Буль-Рён)

Я

Язу, река, приток р. Миссисипи

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1861—1865 гг.

От издательства 5

Глава I. Развертывание армий на главном театре военных действий в Виргинии 13

Глава II. Бои за обладание штатами Миссури, Кентукки и Тенесси (август 1861 г.—июнь 1862 г.) 32

Глава III. Наступление на Ричмонд с моря летом 1862 г. 56

Глава IV. Бои в Северной Виргинии и Мэриленде 76

Глава V. Наступление конфедератов на Охайо 102

Глава VI. Юкане на вершине своих побед; начало крушения 125

Глава VII. Возвышение Гранта 149

Глава VIII. Наиболее выдающиеся моменты предшествующего хода войны. Окопная война Гранта и Ли к северу от р. Джеймс 172

Глава IX. Блокада Ли в Питерсбёрге и Ричмонде и его диверсия против Вашингтона 199

Глава X. Поражение Конфедерации 217

Указатель имен и названий 249

Перечень географических названий 261

Редактор майор *Подорожный*
Технический редактор *Моисеенко*
Корректор *Серебрякова*
Художник *Иванов*

Сдано в производство 31.7.38
Подписано к печати 11.11.39
Формат бумаги 72×110/16.
Объем 16¾ печ. л. + 1 вкл. ¼ п. л., 22,8 уч.-авт. л.

Уполн. Главлита № Г—3575
Издат. № 419
Зак. № 530

Отпечатано в 1-й типографии
Государственного военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.